

2019
Том 10. № 4
2019. Vol. 10. No. 4
DOI: 10.19181/vis.2019.31.4

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

www.vestnik-isras.ru

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

Тема номера:

**Этничность
в поликультурном мире**

/Социокультурное соперничество
регионов

/Новые границы идентичностей

/Конкуренция – значимое,
но безнравственное и дискомфортное
явление

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 4'2019

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2019. Том 10. № 4

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4

Учредитель: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Издатель: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Главный редактор: **М. К. Горшков**

Заместители главного редактора: **П. М. Козырева, И. А. Халий**

Ответственный секретарь: **К. В. Подъячев**

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2019

© Vestnik instituta sotziologii, 2019

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Irina A. KHALIY, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

Об этом выпуске	8
Тема номера: Этничность в поликультурном мире	16
<i>Макарова Г. И.</i> Значимые события в стратегиях регионального брендинга в Республике Татарстан.....	16
<i>Фадеев П. В.</i> Потенциал библиотек в формировании идентичностей читателей (на примере Уфы).....	36
<i>Мастикова Н. С.</i> Отношение к мигрантам и привносимым ими изменениям: оценки россиян и европейцев.....	55
<i>Эндрюшко А. А.</i> «Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России.....	72
<i>Косевич Е. Ю.</i> Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью.....	92
<i>Найденко В. Н.</i> Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России	111
Социология образования: современные проблемы	126
<i>Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.</i> Доверие в вузе как фактор преодоления образовательной неуспешности студенчества.....	126
<i>Филипова А. Г., Высоцкая А. В.</i> Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора.....	150
Социология молодёжи: ценности и их формирование.....	164
<i>Зубок Ю. А., Чупров В. И.</i> Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи.....	164
<i>Немировский В. Г., Мальцева А. В.</i> Конкуренция как ценность работающей молодёжи Тюменской области.....	187
Мотивы активности граждан	202
<i>Киселев И. Ю., Овчинникова Н. В., Смирнова А. Г.</i> Экономическое поведение жильцов многоквартирных домов	202
<i>Бутуева З. А.</i> Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия	220
<i>Воронкова А. И.</i> Метаописание женских сценариев вовлечения в бизнес	231
Социология труда	249
<i>Попова И. П.</i> Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции	249

Contents

About This Issue	8
Topic of the Issue: “Ethnicity in a Multicultural World”	16
<i>Guzel I. Makarova.</i> Significant Events As the Basis of Regional Branding Strategies in Tatarstan.....	16
<i>Pavel V. Fadeev.</i> Libraries’ Potential for Developing Readers’ Identities (The Example of Ufa).....	36
<i>Natalia S. Mastikova.</i> Attitudes Towards Migrants and the Changes They Introduce As Evaluated by Russians and Europeans	55
<i>Anna A. Endryushko.</i> “Mind in Russia, Soul in Azerbaijan”: Identities of Azerbaijani Immigrants in Russia	72
<i>Ekaterina Yu. Kosevich.</i> Spanish Mass-Media on Latin American Migrants: Between Fear and Pity	92
<i>Vitaly N. Naydenko.</i> Probability of Extremist Threats Within the Ethno-National Realm Manifesting in Russia.....	111
Sociology of Education: Modern Problems	126
<i>Garold E. Zborovsky, Polina A. Ambarova.</i> Trust in Universities As a Factor for Overcoming Educational Inefficiency	126
<i>Aleksandra G. Filipova, Alena V. Vysockaya.</i> Educational Inequality in Russian Schools: The Influence of Territorial Factor	150
Sociology of Youth: Values and Their Formation	164
<i>Yulia A. Zubok, Vladimir I. Chuprov.</i> Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space	164
<i>Valentin G. Nemirovskiy, Anna V. Maltseva.</i> Competition As a Value of Working Youth in the Tyumen Region	187
Motives of Citizens’ Activity	202
<i>Igor Yu. Kiselev, Natalia V. Ovchinnikova, Anna G. Smirnova.</i> The Economic Behavior of People Living in Apartment Buildings	202
<i>Zinaida A. Butueva.</i> Volunteer Activity Among the Elderly: Features and Participation Motives	220
<i>Anastasia I. Voronkova.</i> A Meta-Description of Women’s Scenarios for Engaging in Business	231
Sociology of Labor	249
<i>Irina P. Popova.</i> Autonomy in Work: Glance at Long-Term Trends.....	249

Об этом выпуске

В эпоху глобализации, открывшей границы между государствами для людей, торговли, финансов, принудившей огромные массы превратиться в беженцев и жить в чуждой для них среде, с новой силой проявляются вопросы этничности во всех проявлениях: формирование и реформативное изменение этнической идентичности, миграция и иммиграция, изменения в культурном пространстве народов и стран и многое другое. В этой связи избранная тема номера «Этничность в поликультурном мире» приобретает особую актуальность. Тем более это характерно для России, хотя касается скорее внутренних проблем страны, чем влияния глобальных процессов.

Рубрику открывают статьи, посвящённые национальной политике по формированию идентичностей и её направленности на политические, экономические и социокультурные цели.

В статье [Г. И. Макаровой \(Казань\) «Значимые события в стратегиях регионального брендинга в Республике Татарстан»](#) рассматриваются сюжеты переориентации регионализма в России в русло экономического и социокультурного соперничества территорий, что сделало актуальными стратегии их брендинга. Составной частью этих стратегий стало насыщение регионов разного рода социально-политическими, экономическими, спортивными, культурными событиями. В статье анализируются продвигаемые ими смыслы и значения, репрезентирующие одну из наиболее активных в этом плане республик РФ, лидирующую в реализации мегапроектов, – Республику Татарстан. Анализ проводившихся здесь в 2013–19 гг. международных событий показал, что политические смыслы, связанные с утверждением статуса региона в российском государстве, постепенно отходят на второй план, и акцент в них смещается на интеграцию. В то же время начинают артикулироваться идеи передового, динамично развивающегося региона, центра современных технологий, флагмана новаторских российских проектов. Татарстан претендует также на роль посредника в развитии сотрудничества Российской Федерации со странами тюркского и исламского миров.

Вторая статья рубрики [П. В. Фадеева \(Москва\) «Потенциал библиотек в формировании идентичностей читателей \(на примере Уфы\)»](#) поднимает редкий для современной социологии вопрос о роли и влиянии библиотек на социокультурное пространство общества. Автор показывает, что проводимые библиотеками мероприятия в рамках государственной национальной политики имеют особое значение для республики Башкортостан. Библиотеки постепенно превращаются в центры, где

можно не только читать книги, но и получать дополнительные услуги, с пользой проводить свободное время. Масштабы реализации данной идеи по всей библиотечной сети Башкортостана зависят от финансирования. Статья является попыткой осмысления влияния библиотек на формирование идентичностей читателей. Библиотеки Уфы за исследованный год провели большое количество мероприятий, потенциально направленных на формирование разных идентичностей – практически всех народов, проживающих на территории республики, однако приоритетным направлением является всё же башкирская идентичность.

Рубрику продолжает ряд статей на тему миграции и её влияния как на приезжающих, так и на принимающих, равно как и на социально-культурный контекст в целом. Важно, что комплекс представленных статей позволяют понять не только процессы, происходящие в России, но сравнить их с зарубежными аналогами.

Именно такой является статья [Н. С. Мاستиковой](#) (Москва) [«Отношение к мигрантам и к привносимым ими изменениям в оценках россиян и европейцев»](#), в которой на базе европейского социального исследования за 2016 г. проводится анализ отношения россиян и жителей европейских стран к переезду мигрантов в их страны, а также к изменениям, которые привносят мигранты. Несмотря на то, что Россия входит в число лидеров среди стран по количеству мигрантов, однако находится вне миграционных потоков, породивших европейский миграционный кризис, она входит в тройку стран с наиболее негативным отношением к переезду мигрантов в свою страну, а также по показателю оценки привносимых ими изменений. В отношении к переезду мигрантов наиболее негативные оценки распространены в Венгрии, Чехии и России. Положительные оценки фиксируются в Исландии и Швеции. Относительно оценки привносимых изменений среди всех исследуемых стран также наиболее негативную демонстрируют Венгрия, Россия и Чехия. Наиболее терпимыми в этом отношении являются страны Скандинавии: Исландия, Швеция и Финляндия. Приводятся возможные причины антимигрантских настроений в зарубежных исследованиях. В качестве ведущих выделяются культурные факторы (ценности и убеждения изучаемых стран), экономические (конкуренция на рынке труда, уровень дохода, уровень ВВП, доля мигрантов в населении), социально-демографические (пол, возраст, уровень образования, тип поселения), контекстные факторы (религия, политическая ориентация, воздействие СМИ) и др. В России, помимо упомянутых факторов, отмечается влияние низкого уровня качества жизни и пропагандистское освещение в СМИ европейского миграционного кризиса.

Конкретный пример происходящего с иммигрантами анализируется в статье [А. А. Эндрюшко](#) (Москва) [«Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России»](#). Переехавшие в места нового проживания перестают быть привязанными к какому-либо месту (локальности), нации (государственно-гражданской общности), культуре, что, естественно, имеет

последствия для их самовосприятия и адаптации – создаются новые возможности и новые границы идентичностей. Прежде всего это касается гражданской, этнической и локальной идентичностей ввиду их сложного характера и соотношения в стране выхода и принимающей среде. В статье рассматриваются соотношения российской идентичности, идентичности страны исхода, локальной и этнической идентичностей у азербайджанских иммигрантов в России. Анализируется готовность трансформации их самосознания как важного показателя интеграции в российском обществе. Показано, что российская идентичность у азербайджанцев имеет государственно-гражданское основание, а у людей более старшего возраста базируется и на общем государственном прошлом. Делается вывод о транснациональном направлении идентичности азербайджанских иммигрантов с преобладанием этнической, которое позитивно сочетается с формирующимся чувством связи с Россией как у циркулярных, так и у долгосрочных иммигрантов.

Завершает тему иммиграции статья [Е. Ю. Косевич](#) (Москва) [«Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью»](#). Показано, что иммиграция является социальным феноменом, который строится коллективно. Вместе с тем принимающее общество наделяет приезжающих (других) характеристиками, которые им не принадлежат. Подобные искусственно приписанные качества – результат так называемого «символического сооружения», приписываемого каждому «воображаемому мигранту». Латиноамериканская иммиграция в Испанию является результатом множества факторов на разных уровнях, однако внимательное изучение регионального и глобального аспектов этого процесса происходит крайне редко. В статье раскрывается, какой именно образ латиноамериканских мигрантов сформировался к началу XXI в. в Испании. Автор делает попытку определить скрытую идеологию, поддерживающую в основной своей массе отрицательные образы латиноамериканских мигрантов, транслируемые национальными СМИ.

Завершает тему номера статья [В. Н. Найдено](#) (Москва) [«Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России»](#). Исследование позволило выявить наиболее вероятные экстремистские угрозы, которые в ближайшие 5–7 лет будут оказывать негативное воздействие на этнонациональную обстановку в стране, и определить их потенциал. Наиболее высокую экспертную оценку вероятности получили такие угрозы в этнонациональной сфере, как террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления. Общественное мнение россиян склоняется к оптимистичным оценкам состояния и динамики противодействия терроризму в Российской Федерации. Вместе с тем значительное количество преступлений террористической направленности, их высокая общественная опасность и широкое распространение на территории России требуют напряжённых усилий государства и общества по организации эффективного противодействия террористическим угрозам. Достаточно высокую экспертную оценку вероятности получили конфликты между Центром и регионами и призывы

к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами. Несколько меньшая оценка была дана призывам к свержению существующей власти, а также насильственным действиям в отношении представителей органов власти и правоохранительных органов, российских граждан другой национальности и иностранных граждан. Наименьшую же вероятность осуществления имеют попытки изменения основ конституционного строя.

В нашей традиционной рубрике [«Социология образования: современные проблемы»](#) размещены две статьи.

В первой статье [Г. Е. Зборовского](#) и [П. А. Амбаров](#) (Екатеринбург) [«Доверие в вузе как фактор преодоления образовательной неуспешности студенчества»](#) рассматривается центральная проблема современного высшего образования – образовательная неуспешность значительной части студенчества, которая находится в тесной связи с развитием доверительных отношений в вузе. Дается трактовка основных понятий – вузовского доверия и образовательной неуспешности студенчества. Показывается, что вузовское доверие выступает предиктором формирования устойчивой образовательной мотивации, профессиональных ориентаций студенчества, которые, в конечном счёте, определяют образовательную успешность и качество человеческого капитала. Социологический анализ раскрывает источники формирования образовательной неуспешности студентов и её трансфер через все уровни образования – от дошкольного до университетского. Выявляются риски, связанные с увеличением масштабов образовательной неуспешности студентов и возникновением вузовских имитационных стратегий, направленных на маскировку данного явления. Ставится проблема концентрации образовательной неуспешности студентов в провинциальных вузах. Показывается смысл формирования и укрепления вузовского доверия, обусловленный как экономической, так и социокультурной необходимостью превращения проблемных в академическом плане студентов в профессионально и социально успешных акторов. Доминантой их послевузовской жизни должно стать стремление к достижительности в ключевых сферах деятельности.

Вторая статья [А. Г. Филиповой](#) (Владивосток) и [А. В. Высоцкой](#) (Комсомольск-на-Амуре) [«Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора»](#) посвящена выявлению специфики влияния территориального фактора как особого типа внешней среды на образовательное неравенство детей. В ходе исследования проверялось предположение относительно усиления влияния данного фактора в российских условиях. Респонденты подчёркивали локальную специфику неравенства в образовании, сравнивая город и село, большие и малые города. При этом логика сравнения больших и малых населённых пунктов прослеживается в репликах информантов всех возрастов. Дети больше говорили о неравенстве внутри образовательной системы, приводя в качестве примера разную материально-техническую оснащённость школ, уровень педагогического мастерства учителей, уровень насыщения среды населённого пункта культурно-досуговыми, образователь-

ными и прочими учреждениями. А эксперты также приводили примеры образовательного неравенства на «входах» и «выходах» системы, говорили о социально-культурном и финансовом капиталах семьи как возможных источниках образовательного неравенства, которое с позиции организации образовательного процесса рассматривается участниками исследования на уровнях школа–локация–регион.

Также традиционной темой для журнала является состояние молодёжи. В данном номере это рубрика [«Социология молодёжи: ценности и их формирование»](#).

Авторы [Ю. А. Зубок](#) и [В. И. Чупров](#) (Москва) в статье [«Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи»](#) утверждают, что взросление молодёжи сопровождается её включением в социокультурный контекст общества и одновременно формированием собственных культурных образцов и практик взаимодействия. В результате многоуровневых связей молодых людей с культурой в целом, элементы которой ими одновременно наследуются и изменяются, а также с образцами субкультур, возникающих в пространстве внутригрупповых взаимодействий, т. е. в молодёжных сообществах, формируется культурное пространство молодёжи. В диалектическом процессе наследования, отрицания и конструирования молодёжь обретает собственные социально-групповые характеристики. Соответственно и её культурное пространство характеризуется особенностями, отличающими её жизнедеятельность от других социальных групп. В современном обществе культурное пространство молодёжи во многом является саморегулирующейся сферой, в которой происходит формирование и конструирование наиболее значимых ценностей, становящихся основой смыслов жизнедеятельности.

[В. Г. Немировский](#) (Тюмень) и [Мальцева А. В.](#) (Санкт-Петербург) в статье [«Конкуренция как ценность работающей молодёжи Тюменской области»](#) рассматривают оценку молодёжью понятия «конкуренция» методом семантического дифференциала с помощью специально разработанных десяти антиномичных шкал, а также конкурентоспособность, выявляемую методом самооценки. На вербальном уровне у респондентов доминирует отношение к конкуренции как значимой, но безнравственной, дискомфортной и неприятной. Выявлено противоречие между вербальными оценками понятия «конкуренция» и результатами, полученными с помощью факторного анализа. Установлено, что более значимый фактор характеризует полную интернализацию респондентами конкуренции как одной из важнейших ценностей современной жизни, одобрение её как механизма достижения жизненного успеха. Существенно менее значимый фактор выражает переменную, которая описывает позитивное отношение работающей молодёжи к конкуренции, в первую очередь, как к полезной, необходимой и эффективной. Установлено, что эффективнее участвуют в конкуренции те работающие юноши и девушки, которые не рассматривают её в контексте принципов морали, кого не волнует честность конкурентной борьбы.

В современных условиях проблем с трудоустройством и экономическими трудностями особую роль играет собственная активность граждан в поисках своего места работы (или даже его создания) и выборе собственного (или коллективного) направления экономического поведения. Такой спектр вопросов рассматривается в рубрике [«Мотивы активности граждан»](#).

[И. Ю. Киселев, Н. В. Овчинникова и А. Г. Смирнова](#) (Ярославль) в статье [«Экономическое поведение жильцов многоквартирных домов»](#) поднимают значимую, но недостаточно разработанную социологическую тему. Сегодня граждане вовлечены в создание коллективного блага в виде капитального ремонта жилых домов. В подобной ситуации они могут предпочесть как просоциальные стратегии, основанные на перечислении ежемесячных взносов на капитальный ремонт, так и эгоистические, которые предполагают отказ от обязательных выплат. Анализ экономического поведения жильцов многоквартирных домов в русле теории рационального выбора Дж. Коулмана позволил выделить три группы факторов, определяющих выбор просоциальных и эгоистических стратегий. Первая группа факторов действует на индивидуальном уровне и задаёт соотношение выигрышей и потерь, которые учитывает индивид, принимая решение о перечислении взносов на капитальный ремонт. К их числу принадлежат субъективная оценка технического состояния дома и собственное материальное положение. Вторая группа факторов связана с ожиданиями относительно действий других жильцов по поводу сбора средств на капитальный ремонт. Третья группа факторов находит проявление в условиях взаимодействия собственников квартир с корпоративными акторами, реализующими программу капитального ремонта. Решающее значение приобретает доверие этим акторам. Установлено, что экономическое поведение собственников жилья в многоквартирных домах подчинено следующим стратегиям: просоциальным («кооперативная», «конформная») и эгоистическим («максиминная», «конкурентная», «агрессивная»). Результаты исследования указывают на увеличение сторонников просоциальных стратегий.

В статье [З. А. Бутуевой](#) (Улан-Удэ) [«Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия»](#) представлен анализ добровольческой деятельности людей старших возрастов, особенности и мотивы их участия. Добровольчество обусловлено потенциалом растущего социально активного образа жизни людей старшего возраста, готовых заниматься социальными практиками на благо общества. «Серебряное» волонтерство понимается автором как вид социально активной и нравственной жизнедеятельности старшего поколения, осуществляемой безвозмездно на благо других людей, помогающей ощутить причастность к жизни общества, поделиться жизненным и профессиональным опытом, ставшей одним из условий укрепления чувства собственного достоинства, улучшения социального самочувствия, состояния здоровья и независимости. Проведённое социологическое исследование констатировало, что степень их участия в деятельности волонтерских организаций варьируется в зависимости от пола, возраста, состояния

здоровья, дохода, уровня образования и социально-профессионального статуса. Основными мотивами участия этих людей в добровольческой деятельности выступают: желание почувствовать себя компетентным, несмотря на возраст; поддержка контактов с людьми; использование свободного времени и избавление от чувства одиночества. По результатам исследования был составлен социальный портрет «серебряного» волонтера. Это в основном женщины в возрасте 60–69 лет, имеющие высшее образование, детей, проживающие одиноко, их большая часть относится к среднеобеспеченным слоям населения. Сделан вывод, что развитие добровольческой деятельности людей старшего возраста создаёт новые возможности для выражения творческого потенциала и социальной активности личности на позднем этапе жизни.

А. И. Воронкова (Москва) в статье «Метаописание женских сценариев вовлечения в бизнес» осуществляет метаанализ репрезентации основных моделей рекрутирования женщин в профессиональную бизнес-сферу в европейской англоязычной, дальневосточной и отечественной периодике. Целью работы является систематизация теоретико-концептуальной и практической специфики воспроизведения определённых схем рекрутирования в экономическую элиту, а также ограничений, с которыми женщины сталкиваются при выборе профессиональных траекторий развития. Метаописание карьерного пути женщин, состоявшихся в сфере предпринимательства, позволяет реконструировать женские сценарии выбора и развития бизнес-карьеры, а также построить типологию нарративных стратегий, влияющих на выбор женщинами профессиональных траекторий развития в страновых контекстах. За эмпирическую основу данной работы взяты полнотекстовые статьи периодических и серийных изданий ведущих зарубежных и отечественных академических журналов. Использование критического дискурс-анализа статей и открытых данных позволяет реконструировать значение гендерных аспектов при выборе бизнес-карьеры и проследить влияние контекста развития женского предпринимательства на механизмы рекрутирования в разных странах. Выявлено, что страновые особенности являются одним из факторов, влияющих на формирование специфических для регионов бизнес-траекторий. В Европе преобладает дискурс системы образования как наиболее приемлемого способа закрепления в экономической сфере. В странах Восточной Азии акцент сделан на процессе иммиграции. В России присутствуют гендерно маркированные стратегии на лидерских позициях.

В рубрике «Социология труда» размещена статья И. П. Поповой (Москва) «Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции». В ней рассматриваются тенденции самостоятельности в работе на основе данных мониторинга «Социальные различия в современном российском обществе» на протяжении более полутора десятков лет. Самостоятельность рассматривается в различных аспектах: как показатель профессиональной автономии и профессионального контроля, а также как форма занятости и организации профессиональной дея-

тельности. Сделаны выводы о том, что степень и характер самостоятельности в работе зависят от внешних условий и по-разному проявляются в различные периоды, водоразделом которых является конец 1990-х гг.; показаны устойчивые тенденции в степени проявления различных видов самостоятельности в работе. Характерно зафиксированное противоречие между оценками своей самостоятельности и ограничивающими рамками её проявления: в 1999 г. по сравнению с 2015 г. работники оценивали ситуацию заметно выше, что можно объяснить необходимостью адаптации к меняющимся условиям в сфере труда и занятости. Подтвердилась взаимосвязь самостоятельности в трудовых отношениях с профессионально-должностным статусом: высокий уровень власти, образования, благосостояния. При этом отмечается снижение самостоятельности у руководителей организаций и управленцев низшего звена. В тенденциях самостоятельности важны также условия работы: формы найма, контракта, оплаты труда. Определённую роль играют личные качества, связанные с установками на изменения в своей жизни. Характеристики «возраст» и «гендер» не столь существенны. Отмечены тенденции в ситуации самостоятельной занятости: рост масштабов, профессионально-квалификационного соответствия.

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.602

Значимые события

в стратегиях регионального брендинга

в Республике Татарстан

Ссылка для цитирования: Макарова Г. И. Значимые события в стратегиях регионального брендинга в Республике Татарстан // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 16–35. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.602

For citation: Makarova, G. I. Significant events as the basis of regional branding strategies in Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 16–35. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.602

**Макарова
Гузель Ильясовна**

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

makarova_guzel@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [374292](https://elibrary.ru/authorid.aspx?authorid=374292)

Значимые события в стратегиях регионального брендинга в Республике Татарстан

Аннотация. Переориентация регионализма в России в русло экономического и социокультурного соперничества территорий сделала актуальными стратегии их брендинга. Составной частью этих стратегий стало насыщение регионов разного рода социально-политическими, экономическими, спортивными, культурными событиями. В статье анализируются продвигаемые ими смыслы и значения, репрезентирующие одну из наиболее активных в этом плане республик РФ, лидирующую в реализации мегапроектов, – Республику Татарстан. Анализ проводившихся здесь в 2013–19 гг. международных событий показал, что политические смыслы, связанные с утверждением статуса региона в российском государстве, постепенно отходят на второй план, и акцент в них смещается на интеграцию. В то же время начинают артикулироваться идеи передового, динамично развивающегося региона, центра современных технологий, флагмана новаторских российских проектов. Татарстан претендует также на роль посредника в развитии сотрудничества Российской Федерации со странами тюркского и исламского миров. В свою очередь, спортивные мегасобытия представляют его центральный город в качестве спортивной столицы России, что способствует конструированию позитивного имиджа региона в мире и поддержанию интереса к нему со стороны международного сообщества. Производимые культурными мероприятиями смыслы формируют этноконфессиональный образ республики, который выстраивается прежде всего вокруг идей полиэтнического и поликонфессионального региона с особым вниманием к паритету татарской и русской культур, мусульманства и православия. Сохраняется и значимость выдвинутой в 1990-е гг. формулы центра развития татарской культуры, точки притяжения всех татар, сохранения их этнической идентичности, с одной стороны, и артикуляции этнокультурной отличительности территории как основы развития её культурной экономики – с другой. Анализ обнаружил проводимые элитами «стратегии включения» различных социокультурных групп в культурную жизнь столицы республики, а также региональных и городских активистов – в обсуждение и реализацию планов территориального развития.

Ключевые слова: образ региона; политические, спортивные, культурные события, территориальный брендинг; элиты; Татарстан

В последние годы актуализируются вопросы экономической и социокультурной конкуренции между регионами России, постепенно отесняя на второй план утверждение их социально-политического статуса в российском государстве. Каждая территория теперь стремится найти новые формы репрезентации себя в стране и мире. В этой ситуации местные власти начинают использовать так называемые «событийные» стратегии, предполагающие насыщение их пространства разного рода мероприятиями – политическими, экономическими, спортивными, культурными.

Будучи направленными на привлечение инвесторов и туристов, подобные стратегии способствуют развитию инфраструктуры, культурной экономики, эстетизации облика городов и сельских населённых пунктов, активизации их социокультурной жизни (хотя могут порождать и противоречия, связанные, в частности, с наступлением периодов межпроектных спадов вслед за активизацией деятельности в ходе подготовки мероприятий). Одновременно проводимые события становятся важной составляющей конструирования образа территорий «вовне» и «для себя» – то есть того, что нередко обозначается термином «территориальное брендинг».

Предметом анализа в данной статье является то, как в стратегиях развития «вокруг событий» представляется один из регионов России – Республика Татарстан. Какие образы при этом продвигаются, с какими конкретно символами и смыслами они связываются? Как всё это вписывается в политику регионального брендинга и соотносится с процессами общероссийской интеграции?

Изучение опыта Татарстана является значимым, поскольку республика отличается активностью элит и идёт в авангарде многих процессов, в том числе в подготовке и реализации мегапроектов, выступая ориентиром для многих других субъектов в составе РФ.

«Событийные» стратегии как составляющая брендинга территории

В понимании территориального брендинга можно выделить два основных подхода. Сторонники первого, Ф. Котлер [Маркетинг мест 2005] и его последователи – С. Райнисто и др., связывают его с формированием коммодифицированного (коммерциализированного) образа территории, представленного в логотипах. Приверженцы второго видят в нём любые процессы конструирования его позитивного образа (имиджа). Этот подход ведёт начало от С. Анхольта [Anholt 2007] и находит продолжателей среди ряда зарубежных (М. Каваратзиса и Г. Эшворта, С. М. Холла, Д. Рата и др.) и российских учёных (Д. Н. Замятина и Г. Л. Тульчинского, В. К. Мальковой и В. А. Тишкова, О. А. Богатовой и др.).

В данном случае мы будем опираться на широкую трактовку явления, что даст возможность рассматривать обозначенные стратегии «вокруг события» в качестве составляющей территориального брендинга.

В связи с этим мы также будем использовать авторские наработки по изучению содержательных оснований брендинга Татарстана, задаваемых его культурной и, шире, социокультурной политикой [Макарова 2017]. Будут проведены и некоторые параллели с содержанием официальных брендов, принятых здесь в последние годы. Имеются в виду две программы по формированию регионального бренда и айдентики: «Наследие Татарстана» (2014 г.)¹ и «Visit Tatarstan» (2016 г.)².

Отбор событий

При отборе мероприятий³ для анализа мы руководствовались в первую очередь их масштабностью, т. е. отбирали прежде всего события международного и общероссийского уровней, получившие наибольший общественный резонанс. В то же время анализу был подвергнут ряд известных публичных фестивалей, форумов, праздников (прежде всего повторяющихся) регионального, а также локального значения, проводимых в столице республики.

Основная доля исследуемых ивентов пришлась на последние 6–7 лет (2013–19 гг.). Чтобы осмыслить характерное для настоящего периода общее направление изменений, для сравнения было взято и прошедшее в 2005 г. 1000-летие Казани. Рассмотрение этого мероприятия важно в связи с тем, что именно оно дало «старт» событийной логике регионального развития. Нельзя было не обратиться и к раскрытию смыслов, обозначенных в готовящихся на 2020 г. торжествах, которые будут посвящены 100-летию ТАССР (Татарской Автономной Социалистической Республики), и по-прежнему значимых для РТ.

В ходе анализа мероприятий мы старались обратить внимание на следующие моменты:

– сфера, с которой они связаны – социально-политическая, экономическая, спортивная, культурная;

– уровень – международный (мегасобытия, объединяющие ряд стран саммиты, форумы и т. д.), всероссийский, межрегиональный, региональный, городской/локальный;

¹ О содержании и айдентике бренда см.: Постановление Кабинета министров Республики Татарстан «О Концепции имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан» (Бренд «Наследие Татарстана»)» от 19 декабря 2014 г. (№ 1004) // Техэксперт: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430573999> (Дата посещения: 15.05.2019).

² Visit Tatarstan // Официальный сайт Центра развития туризма Республики Татарстан. URL: <http://tdc-tatar.ru/about-the-center/the-direction-of-operation/projects-and-programs/visit-tatarstan/> (Дата посещения: 16.05.2019).

³ Отбор производился на основе изучения новостной ленты интернет-изданий «Реальное время» (<https://realnoevremya.ru>) и «Бизнес онлайн» (<https://www.business-gazeta.ru/>), информационных порталов ИнКазан (<http://inkazan.ru>) и «ГородЗовет» (<https://gorodzovet.ru/kazan/>) (Дата посещения: 23.05.2019).

- формы проведения – чемпионат, конкурс, форум, фестиваль, выставка, праздник, школа, квест, флэшмоб и др.;
- организаторы – государственные либо частные структуры, региональные/локальные сообщества и активисты;
- презентуемый образ республики/её столицы, проводимые идеи.

Включённость исследователя в региональные контексты, с одной стороны, выдвинула требование нейтральности и самоконтроля во избежание субъективных («заинтересованных») интерпретаций и оценок. С другой стороны, она дала дополнительные возможности для уточнения ряда продвигаемых с помощью событий смыслов за счёт возможности непосредственного наблюдения за большинством из них.

Исторические поводы и продвигаемые смыслы

В 2005 г. состоялось знаковое для Татарстана событие – празднование 1000-летия столицы республики. Анализ его подготовки и проведения обнаружил переходный характер региональной политики данного периода. С одной стороны, оно отражало стремление местных элит закрепить приобретённый в 1990-е гг. социально-политический и социально-экономический статус республики, и, по справедливому замечанию Л. В. Сагитовой, «оттенить отвоёванные позиции в борьбе за суверенитет (легитимацию этничности, экономическую самостоятельность и выход на международную арену)» [Сагитова 2016: 323]. Этому способствовал как сам повод мероприятия, связанный с давней историей и государственностью татар (Волжской Булгарией и Казанским ханством), так и выбор сроков его проведения – 24–30 августа (напомним, что 30 августа – День принятия Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики¹, ныне – День республики и День города).

С другой стороны, проходя уже в условиях изменившегося соотношения сил в стране (усиления позиций федерального центра и начала новой централизации власти), данное событие было призвано продемонстрировать включённость региона в социально-политическое пространство России². Этому способствовало уже то, что в получившем поддержку федеральных властей³ торжестве принял участие Президент Российской Федерации В. В. Путин.

¹ Декларация о Государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики от 30 августа 1990 г. (№ 334-ХII) // Официальный сайт Государственного совета Республики Татарстан. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/deklaracia/> (Дата посещения: 06.06.2019).

² Об этом пишет и названный выше автор [Сагитова 2016: 322].

³ Об утверждении программы подготовки к празднованию 1000-летия основания г. Казани. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 марта 2001 г. (№ 295-р) // Техэксперт: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901782374> (Дата посещения: 06.06.2019).

С обозначенным поводом и контекстами связаны и репрезентировавшиеся событием идеи. Первая из них заключалась в представлении *столицы Татарстана как «места памяти» татар*, с которым связана их древняя история, как *центра сосредоточения татарской культуры и воспроизводства идентичности этнической группы*. О значимости данных смыслов свидетельствовала уже сама символика мероприятия. Его эмблема включала элемент традиционного татарского орнамента – тюльпан, контуры башни Сююмбике и безошибочно «прочитываемый» в завитке растительного орнамента символ ислама – полумесяц. Это подтверждают и проходившие в рамках празднеств встречи представителей Всемирного конгресса татар¹.

Одновременно событием *продвигалась идея мирного сосуществования в республике представителей различных этнических и конфессиональных групп, равенства татарской и русской культур, православия и ислама*. На неё «работало» почти одновременное открытие к юбилею вновь построенной мечети Кул Шариф и отреставрированного Благовещенского Собора в Казанском кремле. Данная идея проводилась и в обращении мэра Казани К. Ш. Исхакова по случаю подготовки торжеств². Вместе с тем артикуляции *выхода республики на международный уровень* способствовал проходивший в Казани в дни праздника саммит глав государств СНГ, хотя он закреплял и *важные интегративные смыслы*, поскольку Татарстан выступал в нём как неотъемлемая часть России.

Размышляя о влиянии события на образ столицы республики, нельзя не упомянуть и начатое им *обновление облика Казани*. В преддверии мероприятия здесь появился ряд новых объектов: ставший достопримечательностью столицы мост «Миллениум» и первый участок Казанского метрополитена, современный международный Ледовый дворец спорта «Татнефть Арена» и конноспортивный комплекс «Казань». Были также реконструированы две центральные улицы города, получившие знаковые названия – Петербургская и Московская, а также Ярморочная площадь – отныне Площадь Тысячелетия.

В настоящий период в республике готовятся отметить ещё одну историческую дату – 100-летие образования ТАССР (2020 г.). О важности этого события для Татарстана говорит уже тот факт, что подготовка торжеств началась ещё в 2015 г., когда Президентом РТ Р. Н. Миннихановым был подписан соответствующий Указ, где подчёркивается «большое историческое и общественно-политическое значение образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики для развития государственности многонационального народа Республики Татарстан»³.

¹ От татарских общин из регионов РФ, стран СНГ и мира собралось 1000 человек.

² 1000-летие Казани // VIP Казань URL: <http://vipkazan.ru/kazan1000/> (Дата посещения: 06.06.2019).

³ О праздновании 100-летия образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Указ Президента РТ от 25 сентября 2015 г. № УП-930 // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан URL: http://pravo.tatarstan.ru/president/ukaz.htm?npa_id=6799 (Дата посещения: 23.05.2019).

При этом в выстраиваемом вокруг события дискурсе *регион трактуется как неотъемлемая часть страны*, а его история и культура – как неразрывно связанные с историей и культурой советского, а затем российского государства. Так, в разделе «К 100-летию образования Татарской АССР» Единого портала «Официальный Татарстан»¹ находим страницы о роли республики в Победе в Великой отечественной войне, в развитии экономики, науки и культуры СССР в послевоенный период, формировании договорных отношений между Россией и Татарстаном в 1990-е гг. и «политических реалий» 2000-х гг.

В свою очередь, о признании значимости даты для страны в целом свидетельствует выход в свет в 2018 г. Указа Президента РФ В. В. Путина «О праздновании 100-летия образования Республики Татарстан»².

Анализ мероприятий³, вошедших в республиканский план подготовки к юбилею, выявил следующие моменты: 1) *стремление закрепить дату как памятную* в сознании татарстанцев и гостей республики (выпуск памятных монет, юбилейной медали, маркируемого конверта, а также документального и игрового фильмов о создании ТАССР в 1920–30-е гг.); 2) намерение утвердить *образ региона как территории межнационального и межконфессионального согласия* (организация фестивалей «Мозаика культур» и «Наш дом – Татарстан», форума «Многообразие культур – фактор гуманитарной безопасности» и т. д.); 3) сохранение за Татарстаном *имиджа центра развития татарской культуры и притяжения всех татар* (проведение в Казани федерального Сабантуя, международного молодёжного образовательного форума «Салэт» и т. д.)⁴; 4) интенции к дальнейшему утверждению официальной символики республики (арт-фестиваль «Марш барсов»⁵) и к ознакомлению её жителей и гостей с опытом политических деятелей РТ (выставка «Первые лица Татарстана» и др.). Все эти символы и смыслы трактуются как *непротиворечащие включённости Татарстана в общероссийские контексты*, что подтверждает организация в рамках торжеств Дней Республики Татарстан в Москве и в Санкт-Петербурге, выставки, посвящённой 100-летию ТАССР на московской ВДНХ и даже передачи Зеленодольским заводом им. А. М. Горького малых ракетных кораблей Балтийскому флоту.

¹ К 100-летию образования Татарской АССР // Единый портал «Официальный Татарстан» URL: <http://100.tatarstan.ru/rus/istoriya.htm> (Дата посещения: 23.05.2019).

² О праздновании 100-летия образования Республики Татарстан. Указ Президента РФ От 25 апреля 2018 г. № 177 // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71831254/> (Дата посещения: 23.05.2019).

³ Об утверждении плана мероприятий по подготовке и празднованию 100-летия образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Постановление Кабинета Министров РТ от 28 декабря 2016 г. № 102 // Единый портал «Официальный Татарстан» URL: http://mtsz.tatarstan.ru/rus/100-letie-obrazovaniya-tatarskoy-avtonomnoy.htm?pub_id=1564609 (Дата посещения: 23.05.2019).

⁴ Идея Татарстана как центра инновационного развития также представлена организацией онлайн-панорамы в Kazan-Euro и спортивными мероприятиями с акцентом на национальную специфику (Республиканский фестиваль национальных и неолимпийских видов спорта).

⁵ Барс – животное, изображённое на гербе Татарстана.

Иными словами, социально-политические вопросы не снимаются сегодня с повестки дня, но акценты в их артикуляции переносятся на единство и интеграцию. При этом в условиях постепенного перевода регионализма в стране в русло экономического и культурного соперничества территорий [Макарычев 2009] на первый план выходят иные, неполитические формы их репрезентации.

Новые тренды: экономические и спортивные мегасобытия

Среди проводимых в регионе в последние годы деловых ивентов выделим прежде всего Международный экономический саммит «Россия – Исламский мир: KazanSummit»¹. С 2009 г. он стал платформой для диалога и налаживания партнёрства Российской Федерации с государствами ОИС (Организации исламского сотрудничества). На нём обсуждаются экономические отношения между странами-участниками, возможности реализации совместных проектов и примеры их успешного осуществления, особенности институтов развития исламской финансовой системы, вопросы национальной кибербезопасности и др. Проходивший в апреле 2019 г. Саммит стал одиннадцатым по счёту и собрал представителей 50 стран мира².

Мероприятия, подобные этому, дают возможность Татарстану транслировать в межрегиональное и мировое пространство *образ передового экономически развитого региона России*. При этом, опираясь на историко-культурные особенности территории, власти республики стремятся использовать их в качестве символического ресурса не только при решении значимых для Татарстана вопросов (привлечения инвестиций, налаживания внешних социально-экономических связей и т. д.), но и найти в них точки соприкосновения и деловые контакты, которые могут быть полезными федеральным властям и российскому обществу в целом. В частности, это касается роли *посредника в деловой коммуникации российского государства с мусульманскими странами*.

То же самое можно сказать и о *включённости республики в тюркский мир*. Связанное с этим укрепление дружбы Татарстана с Турцией, а также с Азербайджаном, Казахстаном и некоторыми другими странами, представляется как плодотворное в свете нового экономического сотрудничества Российской Федерации с государствами Ближнего Востока, интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Наконец, *имидж места притяжения всех татар* применяется в деле налаживания

¹ В 2012 г. в Казани также состоялся форум АТЭС, в ходе которого были проведены деловые совещания накануне международного саммита АТЭС-2012 во Владивостоке // Лучшим конгресс-холлом Казани оказалась... академия тенниса / Лента Казани: история тысячелетия URL: <http://www.1000kzn.ru/article/ru/9956/67/1/> (Дата посещения: 24.05.2019).

² Официальный сайт «Россия – Исламский мир: KazanSummit 2019». URL: <https://kazansummit.ru/> (Дата посещения: 24.05.2019).

экономических связей с регионами их компактного проживания, чему способствует, в частности, проводимый в РТ с 2000-го г. Всемирный форум «Деловые партнёры Татарстана»¹.

Интересным примером репрезентации территории посредством мегасобытия стал и проходивший в августе 2019 г. чемпионат мира по профессиональному мастерству WorldSkills-Kazan. Он, как и саммит «Россия – Исламский мир»-2019, проводился во вновь отстроенном Международном выставочном центре (МВЦ) «Казань-Экспо». Сам этот факт и сформированная в рамках чемпионата программа² обнаруживают интенции руководства Татарстана к продвижению *образа столицы как передового высокоразвитого центра инновационных решений и деловой активности*.

Нужно заметить, что «Казань-Экспо» выступает составной частью возведения делового квартала СМАРТ-сити Казань, который, вместе с выстроенным в пределах Казанской агломерации наукоградом Иннополис, ориентирован на привлечение в регион резидентов со всего мира. Отсюда *акцент в продвижении этих двух объектов делается на транснациональные смыслы*, которые должны быть понятны инвесторам и профессионалам из разных точек планеты (как и использование мирового опыта в строительстве данных городов-спутников). Всё это вписывается в современные тренды репрезентации подобного рода проектов, как и в общие тенденции развития глобальной культурной экономики [Appadurai 1990; Sassen 2001].

И всё же, демонстрируя включённость территории в глобальные потоки, организаторы WorldSkills-Kazan стремятся найти пути *совмещения универсальных смыслов с элементами культурной самобытности места*. К примеру, талисманом события становятся мальчик Алмаз и девочка Алтын (в переводе с татарского языка – «золото»). Эти популярные у татар имена порождают ассоциации с профессиональными навыками участников соревнования. В оформлении промо-материалов использован геометризованный вариант тюльпана (характерного, как уже отмечалось выше, для традиционного татарского орнамента). В свою очередь, лозунг чемпионата «Будущее своими руками» перекликается с одним из ключевых качеств татарстанцев, выделяемых создателями официального бренда «Наследие Татарстана»: это стремление к постоянному оттачиванию мастерства, к доведению его до совершенства, которое трактуется как одно из оснований модернизации регионального социума.

Тем самым обнаруживаются, во-первых, связи между различными составляющими брендинга территории и, во-вторых, его направленность не только на конструирование позитивного образа региона вовне, но и на мобилизацию регионального социума.

¹ Всемирный форум «Деловые партнёры Татарстана»: в Набережных Челнах ждут Рустама Минниханова // Бизнес Online. 30 ноября 2018 г. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/404415> (Дата посещения: 01.06.2019).

² Она включает «WorldSkills Conference 2019: Skills for Change: Building Blocks for Impact», фокусирующуюся на проблемах кадрового обеспечения современной экономики и развития образовательной экосистемы. Деловая программа // Официальный сайт. WorldSkills Kazan 2019. URL: <https://worldskills2019.com/ru/event/worldskills-conference-2019/> (Дата посещения: 01.06.2019).

Наконец, изучая характеристику события на его официальном сайте, обнаруживаем также самопрезентацию региона как *хорошего организатора и надёжного партнёра, основанную* на наличии опыта организации и проведения «масштабных международных мероприятий»¹.

Важной составляющей конструирования бренда Татарстана выступает в последние годы и продвижение его центрального города как *спортивной столицы страны*. Универсиада-2013 открыла череду проводимых здесь соревнований мирового уровня (Чемпионат мира по водным видам спорта–2015, Кубок конфедераций–2017, Чемпионат мира по футболу–2018 и др.). Это стимулировало активное строительство здесь инновационных сооружений, среди которых: многофункциональный комплекс Казань-арена, Дворец водных видов спорта, Дворец единоборств Ак Барс, Казанская академия тенниса и др.

Культурная программа, сопровождающая каждое из этих событий, призвана была донести до мирового потребителя (в данном случае участника соревнований, болельщика и туриста) определённые социокультурные смыслы, которые связывались в первую очередь с показом *Татарстана как места, безопасного и привлекательного для отдыха, способного предоставить комфортное проживание и разнообразие досуговых практик*. Подобная презентация, в частности, нашла своё отражение в репертуарах культурных учреждений Казани, представивших образцы популярной и «высокой» культуры, традиционного народного и профессионального искусства самых разнообразных жанров.

Включённые в программу Культурной универсиады (КУ) специальные мероприятия² выражали *идеи полиэтничности республики* (татарский, русский и крышский традиционные праздники, выступления фольклорных коллективов РТ и т. д.). Одновременно в них *нашла выражение и этнокультурная специфика Татарстана* (на это была направлена как театрализованная площадка «Бибарс-сарай» с попыткой «воссоздания» ремесленной слободы ханской Казани, так и проходившая в дни Универсиады на открытом воздухе премьера «татарской» оперы «Ак буре» и др.).

Завершая анализ презентации Татарстана в качестве ведущего спортивного региона страны нельзя не отметить и особое внимание региональных властей к спортивным мероприятиям (авто- и конный спорт, серии проводимых здесь гонок – автомобильных, авиа, конных скачек и бегов. Примечательно, что и сам Президент РТ неоднократно участвовал и побеждал в соревнованиях по ралли- и автокроссу, а гоночная команда «КАМАЗ-Мастер» является неоднократным победителем международного супремарафона «Дакар»). Всё это призвано «работать» на *имидж региона как динамичного, а татарстанцев – как любящих*

¹ Наш бренд // Официальный сайт. WorldSkills Kazan 2019. URL: https://worldskills2019.com/application/files/9615/3926/3292/WSK2019_BrandBook_RUS_v2.6_lowres.pdf (Дата посещения: 01.06.2019).

² В 2013 г. коллективом исследователей с участием автора была проведена серия включённых наблюдений на фестивалях, праздниках, концертах, выставках КУ. Исследование осуществлялось при поддержке РГНФ (№ 13-03-00411 а), рук. А. В. Яцык.

скорость, тех, кому присущи быстрота реакции и принятия решений. Эти национальные черты были выделены наряду с отмеченным выше стремлением к мастерству при формулировании идеального образа жителей региона в «Наследии Татарстана»¹.

Фестивализация пространства и выстраивание этнокультурных образов

Проявлением событийной логики в управлении культурной сферой выступает фестивализация социокультурного пространства территории. О превращении разного рода конкурсов, фестивалей, праздников в ресурс современной экономики и их роли в развитии городских активностей и креативного потенциала жителей пишут Г. Ричардс и Р. Палмер [Richards, Palmer 2010], И. Йомен, М. Робертсон и их соавторы [Yeoman et al. 2004] и др. Рассмотрим эти события с точки зрения формирования важных для брендинга региона образов и смыслов, прежде всего этнокультурных.

Среди продвигающих идею республики как места диалога многих народов и их культур назовём фестивали «Крутушка»² и «Спасская ярмарка»³. Первый ориентирован на популяризацию нематериального культурного наследия, второй – народных художественных промыслов и ремёсел (и тот, и другой привлекают художников и фольклорные коллективы со всей России). Концепт многообразия проводится также серией поддерживаемых на официальном уровне праздников этнических групп республики, издавна проживающих на данной территории. Это: татарский «Сабантуй», русский «Каравон», чувашский «Уяв», удмуртский «Гырон быдтон» и др. Особое внимание республиканскими властями уделяется при этом «Сабантую» и «Каравону», призванным также отразить продвигаемую на региональном уровне формулу паритета татарской и русской культур.

Подобного рода практики вовлечения традиционных культур в стратегии регионального брендинга несомненно несут с собой ряд позитивных моментов, связанных с продвижением выигрышного образа «толерантной территории», а также с солидаризацией самого этнически многообразного населения. В то же время, как показывает мировой опыт, данные практики могут вести и к упрощению, банализации используемых культурных элементов [Kavaratzis, Ashworth 2015],

¹ Постановление Кабинета министров Республики Татарстан «О Концепции имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан» (Бренд «Наследие Татарстана»)» от 19 декабря 2014 г. (№ 1004) // Техэксперт: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430573999> (Дата посещения: 15.05.2019).

² Этнический фестиваль Крутушка // URL: <http://fest.krutushka.ru/> (Дата посещения: 30.05.2019).

³ Всероссийская Спасская ярмарка // URL: <http://xn----7sbaba0ddowocdca6sb.xn--p1ai/> (Дата посещения: 30.05.2019).

к утере их аутентичности [McClinchey 2008]. Не являются исключением и названные здесь события, что, в частности, подтвердили данные экспертных интервью 2016 г.¹.

В неразрывной связи с идеей равноправия татарской и русской культур выступает в Татарстане *выражение равной значимости православия и ислама*. Оно также проводится через ряд символических проектов, ключевым среди которых стал проект поддержки историко-архитектурных комплексов Свияжска и Болгар².

В каждом из них реализуется своя событийная стратегия. Так в Болгаре, позиционируемом как место «официального принятия ислама волжскими болгарами – предками казанских татар»³, помимо связанных с данной темой научных конференций, проводится ежегодный джиен (сход) «Изге Болгар жыены» (Собрание святого Болгара). На него «стекаются» несколько десятков тысяч мусульман из Татарстана и других регионов России и мира. Тем самым сход начинает представлять *республику как важный центр развития ислама в Поволжье и стране в целом*. Но всё же и здесь, как пишут исследователи, в связи с превращением джиена в официальное мероприятие происходит его постепенная формализация и «десакрализация Болгара как святого места для татар» [Габдрахманова, Уразманова 2017: 70].

Свияжск выступает в качестве оплота православия на территории края. В стратегиях его популяризации можно обнаружить *направленность на «актуализацию» в регионе русской и православной культур*. В частности, в последние годы в данном комплексе проводится множество разнообразных мероприятий: театрализованные постановки, связанные с историей острова и его достопримечательностями, театральные эскизы сказок Пушкина⁴ и др. Однако представители интеллигенции высказывают озабоченность в связи с трансформацией данного геокультурного ландшафта из-за его превращения в туристический комплекс.

Продвижение образа *Татарстана как центра татарской культуры* выражается сегодня в виде двух взаимосвязанных аспектов. Первый касается *сохранения идентичности татар путём закрепления памятных для них дат, воспроизводства значимых традиций и символов, воссоздания исторических сюжетов*. Помимо «Сабантуя», это празднование 130-летнего юбилея Г. Тукая (2016 г.), выставка «Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи» (03.04–06.10.2019), организованная совместно

¹ 30 интервью с экспертами, включёнными в формирование этнокультурной стратегии Татарстана, в разработку его официальных брендов либо осуществляющими свои проекты в этом направлении, были осуществлены при поддержке РГНФ (№ 16-03-00071 а. Рук. Г. И. Макарова).

² Постановление Кабинета министров Республики Татарстан «Об утверждении комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар» на 2010–2015 годы» от 9 декабря 2010 г. (№ 1018) // Техэксперт: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL <http://docs.cntd.ru/document/917041437> (Дата посещения: 12.11.2019).

³ О музее // Официальный сайт Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника. URL: <https://vbolgar.ru/> (Дата посещения: 31.05.2019).

⁴ Свияжск как «театральная Мекка» // Бизнес Online. 3 августа 2015 г. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/137913> (Дата посещения: 01.06.2019).

с Государственным Эрмитажем, и некоторые другие мероприятия. Второй аспект больше связан с *конструированием внешнего привлекательного образа республики путём артикуляции её этнокультурной уникальности*. Здесь на первый план выходят частные проекты, связанные с развитием сферы туризма и гостеприимства, с новыми культурными индустриями, среди которых сеть национального фастфуда «Тюбетей», Музей чак-чака, творческая мастерская «РУКАМИ» и др.

Целый ряд мероприятий, объединяющих эти два направления, проводится в последние годы молодыми татарскими активистами (прежде всего, объединяемыми Всемирным форумом татарской молодёжи). Это школа «Акыл фабрикасы» («Фабрика ума», переросшая в онлайн-проект «Открытый университет»), фестивали «Печән базары (Сенной базар)» и «Jadidfest»; флэшмобы «Мин татарча сөйләшәм! (Я говорю по-татарски!)», связанные с продвижением татарского языка, культуры и «татарских» проектов.

Отметим, что активисты русских национально-культурных обществ при поддержке республиканских и местных властей стремятся насытить культурную жизнь региона связанными с русской культурой мероприятиями. Помимо получившего республиканский статус «Каравона», это также проводимая на различных площадках городов и районов Татарстана «Масленица». В республике, как и по всей стране, проходит ежегодная образовательная акция «Тотальный диктант», День славянской письменности и памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. С православной культурой также связаны фестивали «Духов день в Суконной слободе» и «Троицкие напевы».

Представление Татарстана как *места развития тюркской и исламской культуры* отсылает нас прежде всего к культурной специфике этнической группы, давшей название региону. Среди событий, продвигающих первый из этих смыслов (тюркский), выделим прежде всего театральный фестиваль тюркских народов «Науруз». В связи с объявлением Казани (международной организацией ТЮРКСОЙ) культурной столицей тюркского мира в 2014 г., здесь также был проведён VII Болгарский форум, международный симпозиум скульпторов ТЮРКСОЙ, фестиваль «Кожевенное дело в тюркском мире», музыкальный фестиваль «Тюркский мир» и др.

Среди мероприятий, связанных со вторым из названных смыслов (исламским), выделим (помимо уже отмечавшегося выше празднования годовщины принятия ислама Волжской Булгарией) проводимый на республиканском уровне ифтар и Международный фестиваль мусульманского кино. Нельзя не упомянуть и деятельность Музея исламской культуры, открывшегося в РТ в 2006 г., целью которого становится ознакомление посетителей с особенностями ислама в Поволжье, артикулируемого как «толерантный ислам». В республиканском научном дискурсе речь также ведётся о джадидизме, благодаря которому «мусульманский фактор был инкорпорирован в российскую социокультурную среду»¹.

¹ Вступительное слово председателя оргкомитета конференции «Опыт межконфессионального взаимодействия в пространстве исторической памяти» Р. А. Набиева. Конференция прошла в Казани 29 мая 2015 г. (стенограмма автора книги).

Наконец, по сей день распространённой остаётся *формула региона как места пересечения Востока и Запада, Европы и Азии*. В течение последних десятилетий она продвигалась в культурном, научном, политическом дискурсах, а на церемонии открытия Универсиады-2013 была озвучена Президентом FISU К.-Ф. Гальеном. Своё воплощение данная идея находила в инициированном Татарстаном в начале 2000-х гг. проекте «Великий Волжский путь» (при поддержке мэрии Казани), включавшем серию международных конференций на данную тему¹. Она также воплотилась и в проводимом с 1993 г. по настоящий период международном фестивале новой музыки «Европа–Азия». Сегодня подобное позиционирование территории (в частности, артикуляция того, что расположенные в Поволжье древние города выступали в качестве «транзитного центра»² и одного из торговых узлов Великого Шёлкового пути) трактуется местными элитами как одно из оснований для его включения в международные проекты, в частности, в строительство «Экономического пояса Шёлкового пути». В этом плане с их интенциями перекликается проходившая в Казани в 2018 г. выставка «Вдоль Волги и Каспия: наследие Шёлкового пути» из собрания Российского этнографического музея. Она также напомнила, что расположение территории на пересечении Великого Волжского и Великого Шёлкового путей способствовало формированию социокультурной мобильности населения, активности его межкультурных и межконфессиональных контактов.

Ивенты по вопросам территориального брендинга. Политика вовлечения региональных и городских сообществ

Об особом внимании, уделяемом элитами региона *вопросам территориального брендинга*, говорят *специально посвящённые им деловые ивенты*. Наиболее крупным из них стал цикл лекций в рамках образовательного проекта «Made in Kazan». На его главном мероприятии (26.05–27.05.2016) в качестве экспертов выступили ведущие урбанисты мира, специалисты по территориальному продвижению и туристическому маркетингу, внедрению высоких технологий в городское хозяйство Р. Флорида, В. Вучик, Дж. Хилдрю, М. Псаррос, Д. Си Кион, П. Тау и др.³. В рамках события было организовано групповое фокусированное обсуждение собравшимися (предпринимателями, активистами, студентами) вопросов публичного позиционирования столицы республики.

¹ Проект «Великий Волжский путь» – с благословения ЮНЕСКО // Казанские истории. 30 августа 2005 г. URL: <http://history-kazan.ru/v-kurse-sobytij/fakty-i-kommentarii/7163-1001> (Дата посещения: 05.06.2019).

² Информация о международной конференции «Средневековая Казань: возникновение и развитие» // URL: <http://kazadmin.narod.ru/history/1000years/konf.html> (Дата посещения: 06.06.2019).

³ Made In Kazan: Расширяй горизонты 5. 26–27 мая, Казань // URL: <http://madeinkazan.ru/#results> (Дата посещения: 05.06.2019 г.).

Дискуссии с приглашением различных групп заинтересованных лиц (бизнес-экспертов, архитекторов и дизайнеров, учёных, представителей региональных и городских сообществ), различные лекции и школы на темы сохранения наследия, развития городского пространства и т. д. стали здесь в последние годы частыми: семинар-встреча преподавателей вузов и учёных Казани с Министром по делам молодёжи и спорту РТ В. А. Леоновым и Председателем госкомитета РТ по туризму С. Е. Ивановым (18.03.2016); Круглый стол «Национально-культурный облик Казани» (28.04.2016); «Разработка технического задания к концепции устойчивого развития исторического поселения г. Казани» (07.06.2018), ток-шоу «Жизненные стратегии татарстанской молодёжи: где жить и работать?» (25.10.2018), лекция «Городские политики: вокруг чего и как выстраивать диалог, а главное – зачем?» (08.12.2018), проектный семинар о смыслах и ценностях Казани (26.05.2019), лекторий «Школа горожанина» (25.04–11.07.2019) и др.

Поводом для осуществления подобного рода стратегий стали, по-видимому, протестные акции городских активистов 2010–11 гг., связанные с реновацией исторического центра Казани. Организация пеших экскурсий по Татарской слободе для региональных и городских чиновников имела, по замечанию А. В. Яцык, «неожиданно позитивное воздействие на власть» [Яцык 2012]. Как результат, представители городских сообществ получили возможность выступить перед Президентом РТ и правительством республики по проблемам разрушения памятников, а одна из организаторов акции стала помощницей главного лица Татарстана. Сегодня местные элиты стремятся наладить контакты с общественностью, вовлечь представителей бизнеса и «рядовых» жителей республики и её столицы в региональные и городские проекты. Хотя, как показали наблюдения на проводимых мероприятиях, достичь консенсуса всех сторон бывает непросто.

Казань как пространство сосуществования множества культур и субкультур, «среда, доступная для всех»

В завершение анализа охарактеризуем культурные мероприятия, которые проводятся в столице региона и вместе с обозначенными выше формируют его социокультурный образ.

Как признанный в России центр классического искусства, Казань презентуют Международный оперный фестиваль им. Шаляпина и Нуриевский фестиваль балета, фестиваль им. С. Рахманинова «Белая сирень» и open-air фестиваль оперы «Казанская осень», биеннале печатной графики и др. В качестве «джазового» город представляют: фестиваль на открытом воздухе «Jazz в усадьбе Сандецкого», «Лундстрем-fest-100» (2016 г.), «Джазовая Казань» и проводившаяся здесь, как и в ряде других городов страны, «Усадьба Jazz». Имидж Казани как центра развития

современного искусства продвигается в последнее время летними и зимними книжными фестивалями в «Смене», выставками вновь открывшейся в 2018 г. Галереи современного искусства, театральной лабораторией «Город. Арт-подготовка» и др. В различные годы (начиная с 2012 г.) здесь также проходили международные фестивали уличного искусства (стрит-арт), привлекая многих звёзд, работающих в данном направлении.

Среди событий, *отражающих этнокультурную специфику* города, помимо уже упоминавшихся, назовём организуемые местными властями юбилеи татарских и татарстанских писателей, художников, композиторов, городские конкурсы татарской песни, а также проводимые молодыми татарскими активистами и музыкантами форумы и акции («Рэп баттл тегермэн» и др.). В столице РТ также проходят мероприятия, направленные на продвижение ценностей толерантности и возможностей для межкультурного диалога – этнокультурный фестиваль «Наш дом Татарстан», «Уроки дружбы и согласия», организуемые для школьников Домом дружбы народов РТ, и др.

И так, по совокупности событий *Казань позиционируется сегодня как пространство сосуществования множества культур и субкультур*. Она является поликультурным городом не только в смысле полиэтничности и поликонфессиональности, но и в результате представленности в нём помимо традиционной культуры народов, классического и современного искусства – элитарных и массовых жанров и форм, новых культурных практик, связанных с развитием «альтернативного» искусства, с одной стороны, и креативных индустрий, с другой. Перечисленное призвано презентовать *социокультурную среду Казани как «доступную для всех»*, где представители различных сообществ – будь то профессиональная община или субкультурная группа – могут найти свою нишу и удовлетворить культурные интересы. В свою очередь это перекликается с главным лозунгом второй из названных брендовых программ «Visit Tatarstan», сформулированным как «1001 удовольствие».

В качестве воплощения «стратегии включения» может в некоторой мере трактоваться и День Казани (отмечаемый здесь одновременно с Днём Республики). Будучи изначально связанным с политическими коннотациями, он превратился в масштабный праздник горожан, на котором бывают представлены спортивные состязания, концерты фольклорных и самодеятельных коллективов, оперная и джазовая музыка, театрализованные постановки, выступления приглашённых и местных рок-групп.

Наконец, в проведении мероприятий сегодня активно задействованы парки и скверы Казани. Став площадкой для реализации событийных стратегий, они явились объектами *благоустройства среды, комфортной для жизни*, поэтому о проекте их реновации нельзя не упомянуть в контексте изучаемой проблематики¹. В этом прослеживается связь с концепцией Р. Флориды относительно мест, удобных для работы и отдыха максимально широкого круга лиц, для жизни и творчества специалистов [Флорида 2014].

¹ В ходе его реализации в Казани был реконструирован 31 объект.

Некоторые выводы. Образ Татарстана в пространстве России и мира

Исследование показало включённость осуществляемых Татарстаном стратегий развития «вокруг события» в процессы формирования позитивного образа региона «вовне» и «для себя». При этом постоянное инициирование местными элитами всё новых проектов позволяет избежать рисков, связанных с реализацией такого рода стратегий.

В настоящий период среди смыслов, репрезентируемых властями РТ с помощью мегасобытий, на первый план выходят связанные с экономическими характеристиками – это передовой экономически развитый регион страны, центр современных технологий и туризма, и пр. Продвигается и имидж главного города республики как спортивной столицы России, места комфортного и безопасного для проживания.

Политические идеи, связанные с укреплением особого статуса республики в российском государстве, в том числе и посредством реализуемых «событийных» стратегий, сегодня почти не обозначаются. В то же время элиты Татарстана стремятся закрепить за собой посреднические функции в ряде направлений международной политики страны, демонстрируя, в том числе и с помощью организуемых здесь мероприятий, включённость республики в мусульманский и тюркский миры, а также историческую связь территории с давними торговыми путями, идущими из Восточной Азии. Все эти смыслы опираются прежде всего на связанную с историей и культурой татар этнокультурную специфику региона.

Посредством фестивалей, конкурсов, праздников обнаруживается многообразие этнокультурных образов. Наиболее последовательно проводится идея мирного сосуществования на данной территории представителей различных народов и конфессий, паритета татарской и русской культур, ислама и православия. Мероприятия, связанные с собственно татарской культурой, оказываются направленными, с одной стороны, на сохранение этнической идентичности татар, с другой – на артикуляцию этнокультурного своеобразия региона как основы для развития в нём культурной экономики как средства для привлечения инвесторов и туристов.

Многообразие проводимых в Казани культурных мероприятий складывается в политику «включения» представителей различных социокультурных групп, каждая из которых может найти то, что ей близко и интересно.

В целом «событийные» стратегии Татарстана отражают общие тенденции в брендинге региона с характерной для него множественностью продвигаемых образов. В зависимости от конкретного контекста и поставленных задач, на первый план здесь выдвигаются и артикулируются то одни, то другие из них. Причём все они трактуются в настоящий период как «вписанные» в социально-политическое, экономическое и социокультурное пространство России.

Библиографический список

Габдрахманова Г. Ф., Уразманова Р. К. 2017. Мусульманский культ святых у татар волго-уральского региона: особенности формирования и трансформации // Этнографическое обозрение. № 2. С. 58–75.

Макарова Г. И. 2017. Этнокультурная политика Республики Татарстан: преемственность и новые тренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 2. С. 35–42.

Макарычев А. С. 2009. Власть, политика и федерализм в России: уроки «критической теории» // Неприкосновенный запас. № 3. С. 195–206.

Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 384 с.

Сагитова Л. В. 2016. Этничность в архитектуре регионального развития: опыт постсоветского Татарстана // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. Л. В. Остапенко и И. А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 319–326.

Флорида Р. 2014. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. Е. Лобкова. М.: Strelka Press. 268 с.

Язык А. В. 2012. Перформансы в оспариваемых пространствах: стратегии и тактики (случай постсоветской реновации Казани) // XIII апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ. С. 629–636.

Anholt S. 2007. Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London: Palgrave Macmillan. 160 p.

Appadurai A. 1990. Disjuncture and difference in the global cultural economy 1990 // Theory, Culture & Society. № 7. P. 295–310.

Kavaratzis M., Ashworth G. J. 2015. Hijacking Culture: The disconnection between place culture and place brands // Town Planning Review. № 86(2). P. 155–176. URL: <https://ira.le.ac.uk/bitstream/2381/36553/2/Kavaratzis%20and%20Ashworth%202015%20TPR%20Pre-publication.pdf> (Дата посещения: 13.01.2019).

McClinchey K. A. 2008. Urban ethnic festivals, neighborhoods, and the multiple realities of marketing place // Journal of travel & tourism marketing. № 25. 3/4. P. 251–264. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10548400802508309> (Дата посещения: 21.01.2019).

Richards G., Palmer R. 2010. Eventful cities: cultural management and urban revitalization. Oxford: Butterworth-Heinemann. URL: <https://www.sciencedirect.com/book/9780750669870/eventful-cities> (Дата посещения: 5.02.2019).

Sassen S. 2001. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press. 480 p. // URL: https://books.google.kz/books?id=Mv10t_pB1nwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=one-page&q&f=false (Дата посещения: 3.03.2019).

Yeoman I., Robertson M., Ali-Knight J., Drummond S., McMahon-Beattie U. 2004. *Festival and events management. An international arts and culture perspective*. Burlington, MA: Elsevier Butterworth Heinemann. 418 p. // URL: <https://b-ok.org/book/931552/091bac> (Дата посещения: 23.02.2019).

Статья поступила: 30.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.602

Significant Events As the Basis of Regional Branding Strategies in Tatarstan

Guzel I. Makarova

Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

E-mail: makarova_guzel@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3912-0961

For citation: Makarova, G. I. Significant events as the basis of regional branding strategies in Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 16–35. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.602

Abstract. The reorienting of Russian regionalism towards economic and socio-cultural competition between territories has made it relevant for them to have branding strategies. Saturating regions with various socio-political, economic, sporting and cultural events has become a key component of these strategies. This article analyzes the senses and meanings which they promote, representing one of Russia's most active republics in this regard, the leading region in terms of implementing large-scale projects – the Republic of Tatarstan. Analysis of the international events held in this region from 2013 to 2019 revealed that the political senses which serve to establish the region's status within the Russian nation are gradually fading into the background, with emphasis shifting towards integration. At the same time ideas are starting to emerge of the republic being an advanced, rapidly developing region, a center for modern technology and a Russian leader in terms of implementing innovative projects. Tatarstan also claims to be an intermediary in establishing partnership between the Russian Federation and nations of the Turkic and Islamic worlds. In turn, large-scale sporting events present the republic's central city as Russia's sporting capital, which facilitates the creation of a positive image for this region around the world while sustaining the international community's interest. The senses produced by local cultural events help in building an ethno-confessional image for the republic, which is primarily built around the notion of a poly-ethnic and poly-confessional region which especially emphasizes parity of Tatar and Russian culture, Islam and Orthodoxy. The “center for the development of Tatar culture” formula, put forward in the 1990's, also remains valid, with the region being a point towards which all Tatars gravitate, which allows for preserving their ethnic identity on the one hand, and articulating the region's ethno-cultural distinctiveness – it being the foundation for developing its cultural economy – on the other. Analysis revealed that the elites conduct “strategies of inclusion” of various socio-cultural groups into the republican capital's cultural life, as well as regional and urban activists into discussing and implementing plans for territorial development.

Keywords: image of the region, political, sports, cultural events, territory branding; elites; Tatarstan.

References

Anholt S. *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. London: Palgrave Macmillan, 2007: 160.

Appadurai A. *Disjuncture and difference in the global cultural economy*. *Theory, Culture & Society*, 1990: 7: 295–310.

Florida R. *Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life?* Moscow: Strelka Press, 2014: 268 (in Russ.).

Gabdrahmanova G. F., Urazmanova R. K. The Muslim Cult of Saints among the Tatar of the Volga-Ural Region: Specificities of Formation and Transformation. *Ethnographicheskoe Obozrenie = Ethnographic Review*, 2017; 2: 58–75 (in Russ.).

Kavaratzis M., Ashworth G.J. Hijacking Culture: The disconnection between place culture and place brands. *Town Planning Review*, 2015; 86 (2): 155–176. Available at: <https://lra.le.ac.uk/bitstream/2381/36553/2/Kavaratzis%20and%20Ashworth%202015%20TPR%20Pre-publication.pdf> [accessed: 13.01.2019].

Makarova G. I. Ethno-cultural policy of the Republic of Tatarstan: continuity and new trends. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij = Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2017; 2: 35–42 (in Russ.).

Makarychev A. S. Power, politics and federalism in Russia: lessons of “critical theory”. *Neprikosnovenny zapas = NZ*, 2009; 3: 195–206 (In Russ.).

Marketing Places. Europe: How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. Saint-Petersburg: SSE publ., 2005: 384 (In Russ.).

McClinchey K. A. Urban ethnic festivals, neighborhoods, and the multiple realities of marketing place. *Journal of travel & tourism marketing*, 2008; 25 (3/4): 251–264. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10548400802508309> [accessed: 21.01.2019].

Richards G., Palmer R. *Eventful cities: cultural management and urban revitalization*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2010.

Sagitova L.V. Ethnicity in the architecture of regional development: the experience of post-Soviet Tatarstan. In: *Etnosociologija vchera i segodnja = Ethnic-sociology Yesterday and Today*. Moscow, IEA RAS publ., 2016: 319–326 (In Russ.).

Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press, 2001: 480.

Yatsyk A. V. Performances in contested spaces: strategies and tactics (the case of the post-Soviet renovation of Kazan). In: *XIII April HSE Conference Papers*. Moscow: SU-HSE publ., 2012: 629–636 (In Russ.).

Yeoman I., Robertson M., Ali-Knight J., Drummond S., McMahan-Beattie U. *Festival and events management. An international arts and culture perspective*. Burlington, MA: Elsevier Butterworth Heinemann, 2004: 418. Available at: <https://b-ok.org/book/931552/091bac> [accessed: 23.02.2019].

The article was submitted on: June 30.2019

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.603

**Потенциал библиотек
в формировании идентичностей читателей
(на примере Уфы)**

Ссылка для цитирования: *Фадеев П. В.* Потенциал библиотек в формировании идентичностей читателей (на примере Уфы) // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.603

For citation: *Fadeev, P. V.* Libraries' potential for developing readers' identities (the example of Ufa). *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.603

**Фадеев
Павел Васильевич**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

erving45@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [799093](#)

Потенциал библиотек в формировании идентичностей читателей (на примере Уфы)

Аннотация. Мероприятия, проводимые библиотеками в рамках государственной национальной политики, имеют особое значение для республики Башкортостан. Библиотеки постепенно превращаются в центры, где можно не только читать литературу, но и получать дополнительные услуги, с пользой проводить свободное время. Масштабы реализации данной идеи по всей библиотечной сети Башкортостана зависят от финансирования. Статья является попыткой осмысления влияния библиотек на формирование идентичностей читателей. Объектом нашего исследования стали центральная Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди и районные библиотеки № 23 и № 4. Оформление всех библиотек (и центральной, и районных) в первую очередь работает на республиканскую (башкортостанскую) идентичность, хотя и хранит в себе элементы других (уфимской, российской, советской, башкирской). Общим трендом является неизменно важное место, занятое книгами об одном из символов республики – Салавате Юлаеве. Сравнение показало, что центральная библиотека проводит гораздо больше мероприятий, чем любая районная. Бóльшая часть мероприятий центральной библиотеки нацелена на формирование и поддержание башкирской идентичности. Многие встречи проходят на башкирском языке, а основную аудиторию тематических вечеров составляют башкиры (в меньшей степени посещают данные мероприятия татары и русские). Практически не отражёнными в мероприятиях Национальной библиотеки оказались уфимская, татарская и религиозная идентичности. Районные библиотеки работают по нескольким направлениям одновременно: работа с трудными подростками, нравственное воспитание, краеведение, эстетическое, экологическое направления и т. д. Мероприятия районных библиотек более разнообразны и коррелируют с календарём праздничных дат. Обе районные библиотеки предоставляют книги на разных языках, но основной массив составляют книги на русском. А вот книги на башкирском и татарском языках пользуются меньшим спросом в связи с невостребованностью (их основные читатели – студенты и преподаватели национальных языков, которых немного) и нехваткой популярных книг на национальных языках.

Ключевые слова: библиотека, государственно-гражданская идентичность, республиканская и этническая идентичность, межэтнические отношения

Библиотеки являются общественно значимым институтом, осуществляющим хранение накопленного человечеством знаний. Особое значение для полиэтнического российского общества имеет направленность мероприятий, проводимых библиотекой. Тематика встреч, организуемых библиотечными работниками, определяется актуальной повесткой, включающей государственные и региональные праздники, дни рождения писателей, презентации книг и т. д. Цель нашего исследования заключается в выявлении возможного влияния библиотек на формирование российской, региональной и этнической идентичностей с учётом сравнения работы по организации мероприятий центральной и районных библиотек Уфы. Центральная библиотека представлена Национальной библиотекой им. Ахмет-Заки Валиди, которая «является государственной, центральной, универсальной, научной, общедоступной библиотекой, культурным центром республиканского значения, национальным хранилищем документов, центром научно-исследовательской работы в области библиотечного дела, библиографического и книговедческого». Районные библиотеки представлены библиотеками № 23 и № 4, расположенными в разных частях Уфы. Источниками информации стали сайт Национальной библиотеки¹ и групп «ВКонтакте» районных библиотек², на которых они отчитываются о проведённых мероприятиях. Кроме того, нам любезно согласились дать интервью сотрудники исследуемых библиотек.

Подробнее остановимся на методике изучения информационной базы. В формирующие идентичность заносились те встречи, на которых говорилось о:

- гражданственности и патриотизме, российской идентичности, единстве народов России, принципах толерантного взаимодействия и т. д.;
- культуре и традициях, сложившихся в Башкортостане, природе и людях, проживающих на территории республики;
- столице Башкортостана – Уфе, любви к городу, его памятных местах, улицах, площадях и т. д.;
- этничности (башкирской, татарской, русской, другой), национальных чувствах и культуре народов;
- вопросах религии (православия, ислама и других), встречах, на которых выступали священнослужители.

Понятие идентичности стало широко использоваться в социальных науках для анализа взаимосвязи общественных трансформаций и стратегий поддержания «самотождественности», особенно после выхода работ Дж. Мида, Э. Эриксона. Содержание и функционирование этнического самосознания на групповом уровне рассматри-

¹ Национальная библиотека им. А.-З. Валиди РБ // URL: <http://www.bashnl.ru/>

² Официальные группы библиотек № 23 и № 4 г. Уфы в социальных сетях // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club60416053>, <https://vk.com/club77773516> (Дата посещения: 03.11.2019).

валось в работах Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, М. Н. Губогло, Р. Ш. Джарылгасиновой, Л. М. Дробижевой, А. А. Кожанова, В. И. Козлова, С. В. Рыжовой и других.

Разные аспекты функционирования библиотеки в рамках концепции межкультурной коммуникации рассмотрены в книге Е. Гениевой [Гениева 2008]. Библиотеки как центры формирования межкультурной толерантности рассматривались в работах О. Бармы [Барма 2009: 21], Т. Даниленко [Даниленко 2008: 53], С. Езовой [Езова 2010: 86], А. Журавлевой¹, О. Кильдиной [Кильдина 2008: 6], И. Лазаревой [Лазарева 2011: 39], Э. Якубова [Якубов 2008а: 70; Якубов 2008b: 21].

Библиотеки как центры формирования и сохранения этнической идентичности изучались Н. Дзюбой [Дзюба 2009: 64], Л. Кадыровой [Кадырова 2009: 28], И. Курс [Курс 2010: 57], Р. Наумовой [Наумова 2010: 35], И. Чадновой [Чаднова 2010: 35], Л. Шарганович [Шарангович 2010: 5].

Роль библиотеки в воспитании патриотизма исследовалась в работах Б. Зайналовой [Зайналова 2009: 41], О. Худокормовой [Худокормова 2008: 64] и других исследователей.

Функционированием библиотек в условиях поликультурного общества занимались Т. Батаева [Батаева 2008: 34; Батаева 2009: 15], И. Чаднова [Библиотечная деятельность в условиях... 2009: 20], Т. Голубенко [Голубенко 2009: 20], Е. Качанова [Качанова 2010: 23], Л. Киселева [Киселева 2010: 51], Е. Мокшанова [Мокшанова 2009: 25].

Сравнительный анализ формируемых библиотеками идентичностей

Сравнение целесообразно начать с экстерьеров библиотек. Национальная библиотека располагается в привлекающем внимание, жёлтом здании с советской символикой на крыше. Здание не выглядит устаревшим; заметно, что его не забывают ремонтировать. Районные библиотеки выделяются на этом фоне не в лучшую сторону. При взгляде на библиотеку № 23 вспоминается американский г. Детройт, находящийся в бедственном положении. Квадратное здание, давно не видевшее ремонта, с облупливающейся краской и надписями, с граффити как внутри, так и снаружи. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, какая библиотека является лицом города, а какая финансируется по остаточному принципу.

Внутри Национальной библиотеки глаз радует обилие республиканской и уфимской символики: бело-зелёные флаги, фотография главы республики на видном месте, герб Уфы с изображением куницы и др. Нашлось место и для российского триколора. По словам одной из работниц Национальной библиотеки, здесь *«уделяется внимание главе*

¹ Журавлева А. А. 2009. Приглашение в увлекательное путешествие: проект «Толерантность» // Библиотечное дело. № 15. С. 22–23.

республики, [проводятся] мероприятия, чтобы все знали. Советский компонент до сих пор присутствует – нельзя его исключать». Республиканская символика (хоть и не в таком количестве) присутствовала и в оформлении районных библиотек. Видимо, это является общим трендом, как и неизменно важное место, занятое книгами об одном из символов республики Салавате Юлаеве. Таким образом, оформление всех библиотек (и центральной, и районных) в первую очередь работает на республиканскую башкортостанскую идентичность, хотя и хранит в себе элементы других (уфимской, российской, советской, башкирской).

Центральная библиотека, по словам одного из работников, *«сейчас меняется. То есть не просто книжку взять в библиотеке, а получить какие-то дополнительные услуги. Не совсем библиотека, а библиотечный центр. Мы потихоньку к этому идём, но всё от финансирования зависит»* (интервью с сотрудником Центральной библиотеки). В ходе расширения до библиотечного комплекса было пересмотрено место, предназначенное для отдела башкирской литературы: *«Раньше он был где-то здесь на третьем этаже – в углу, книг никто не видел, а сейчас это большие ряды, ценнейший материал»* (интервью с зав. отделом Центральной библиотеки). И действительно, во время посещения разных библиотек этот отдел оказался одним из самых востребованных.

Основными посетителями как отдела башкирской литературы, так и Национальной библиотеки в целом являются студенты. Мы взяли интервью у заведующей Отделом башкирской литературы, чьи комментарии помогли понять специфику работы. По её словам, библиотеке *«повезло, что [она] в центре в столице республики – Уфе. У нас в основном читатели – студенты башкирской филологии и журналистики БГУ и БГПУ им. Мифтахетдина Акмуллы. Они часто спрашивают ... художественную литературу на башкирском и на татарском языке. Приходят молодёжь и взрослые, писатели, поэты, специалисты и научные работники. Пенсионеры также приходят. Они читают книги про войну, «Герои тыла», «Вернулись с победой», ищут своих родственников в этих книгах»*. В связи с тематикой отдела основными читателями являются башкиры и татары: *«В библиотеке в основном есть книги на русском, татарском, башкирском языках. У нас в отделе в основном краеведческая литература. В других отделах пропорционально художественная литература, историческая, критика, медицина, психология, фольклор. Здесь в Отделе башкирской литературы где-то 67% составляют книги на русском языке, затем на башкирском 19–20%, остальные на татарском языке»* [интервью с зав. отделом].

Национальная библиотека выделяется тем, что она проводит гораздо больше мероприятий, чем любая районная библиотека (даже чем исследуемые нами две районные библиотеки, вместе взятые). Проводимые мероприятия в основном ориентированы на формирование идентичности, нежели имеют нейтральную направленность (121 против 107) (см. рис. 1).

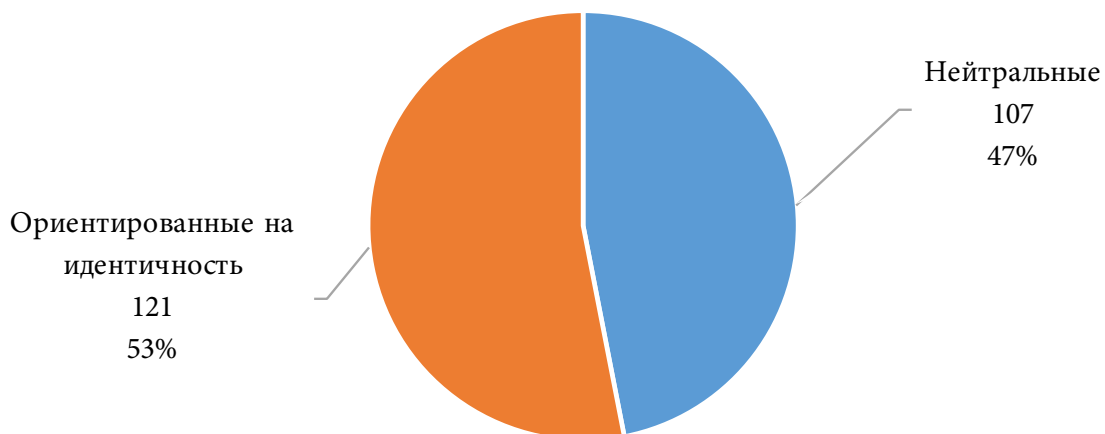

Рис. 1. Распределение мероприятий в Национальной библиотеке за 2017 г.

Источник: <http://www.bashnl.ru/>

Figure 1. Distribution of events held at the National library for the year 2017
(Source: <http://www.bashnl.ru/>)

Из этих 121 мероприятия большинство (59) нацелено на башкирскую идентичность (см. рис. 2). Многие встречи проводятся на башкирском языке, а основную аудиторию тематических вечеров составляют башкиры (в меньшей степени татары и русские). Это не должно вызывать удивления – ведь эта библиотека формировалась как национальное достояние башкирского народа, а отдел республиканской литературы специально занимается сохранением книг на башкирском языке.

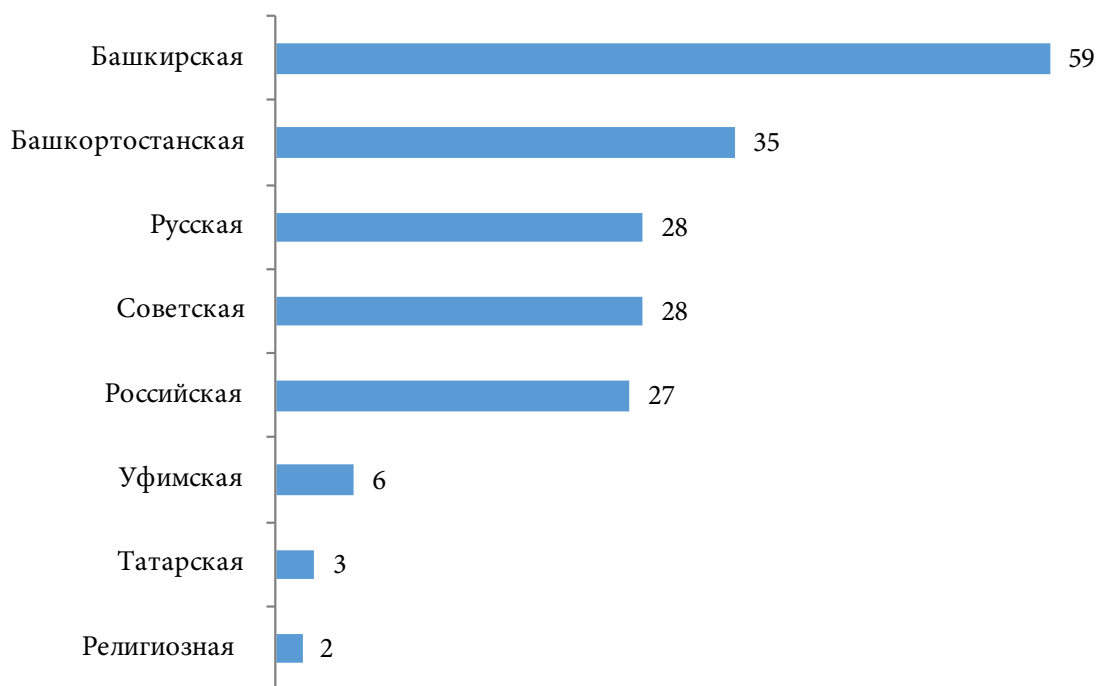

Рис. 2. Представленность разных типов идентичности на мероприятиях Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди.

Источник: <http://www.bashnl.ru/>

Figure 2. Representation of various types of identity at events organized by the Zeki Velidi Togan National Library (Source: <http://www.bashnl.ru/>)

В интервью работники Национальной библиотеки также указывали на обилие мероприятий этнической (чаще всего башкирской) тематики:

1. *Отдел башкирской литературы проводит такие мероприятия. В частности, на них приглашают школьников (интервью с директором Национальной библиотеки).*

2. *На башкирском языке мы обсуждали мифологический эпос «Урал-батыр», это наша история, наш фольклор. Это круглый стол был. Ещё мы рассматривали и другие вопросы, тоже на башкирском языке – башкирский фольклор: традиции, культуру башкирского народа. Потом, когда [проходили встречи] ШОС, БРИКС в 2015-м г., мы проводили книжную выставку здесь в отделе перевода узбекских, киргизских, даже индийских книг на башкирский и татарский языки (интервью с зав. отделом)].*

В качестве примера, иллюстрирующего вклад библиотеки в сохранение башкирской культуры, можно привести состоявшуюся 17 ноября 2017 г. презентацию книги Ядкара Баширова «Башкорт хан»¹. Автор попытался раскрыть действия ханов средневековья в период зарождения Великой Башкирии и описать роль Башкорт хана в объединении тюркоязычных, а также угорских племён и родов в единый башкирский народ. Также писатель знакомит читателя с потомками Башкорт хана. Темы, поднимаемые в книге, интересны в первую очередь башкирам и ориентируют на башкирскую идентичность.

От таких встреч порой сложно отделить ориентирующие на башкортостанскую тематику в целом. Дело в том, что часто они идут в связке, т. к. башкиры неразрывно связаны со своей родиной – Башкортостаном. Также и две идентичности переплетены друг с другом. При этом мы оценили количество мероприятий (35), ориентированных на башкортостанскую идентичность (на втором месте после башкирских). Одним из мероприятий, на котором объединились башкортостанская и башкирская идентичности стало празднование Дня Республики в гимназии № 20 им. Ф. Мустафиной г. Уфы. На праздничное мероприятие были приглашены известные литераторы: народный поэт республики Кадим Аралбай, известный писатель Флюр Галимов, молодые поэты, журналисты Рашит Зайнуллин и Тансулпан Расул, известный кураист Айдар Байтимиров, который открыл вечер башкирской народной песней «Урал». Поэты читали свои стихи, посвящённые родной земле и языку, рассказывали о литературе, делились творческими планами на будущее. Своим выступлением вечер украсили певцы группы «Дан»².

Учитывая специфику Национальной библиотеки, можно было ожидать, что русская идентичность на мероприятиях либо не будет представлена вовсе, либо окажется представленной в усечённом виде.

¹ Презентация книги Я. А. Баширова «Башкорт хан» // Официальная группа Вконтакте. Национальная библиотека им. А.-З. Валиди РБ. URL: https://vk.com/wall-97230044_1428 (Дата посещения: 12.11.2019).

² День моего Башкортостана // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди. URL: <http://bashnl.ru/novosti/9987/> (Дата посещения: 02.11.2019).

В действительности, по данным сайта, она оказалась третьей после башкирской и башкортостанской (28 упоминаний). Мероприятия, связанные с русской культурой, чаще всего были посвящены деятельности русских писателей. Такими эпитетами описывали их вклад в российскую и мировую литературу на встречах, организованных библиотекой:

– Замечательный русский поэт Марина Цветаева однажды сказала: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся – да!»¹.

– Библиотекарь читального зала Дилара Хасанова познакомила читателей-детей с творчеством одного из интереснейших и самобытных писателей русской литературы, человеком, который признан самым русским из всех русских писателей, Николаем Семеновичем Лесковым: «Свою любовь к Родине и русскому человеку он стремился выразить в своих произведениях»².

– Мы попытались расширить знания старшеклассников о Серебряном веке в истории русской культуры, побудив обратиться к творчеству Н. С. Гумилёва и его современников – говорили библиотекари³.

Оказалась не забытой и советская тематика. Некоторые участники мероприятий, проведённых библиотекой в 2017 г., выступали в костюмах советского кроя. Обилие мероприятий, в которых упоминалась прошлая советская идентичность, основанная на особом мировосприятии, была связана в первую очередь со 100-летием Великой октябрьской революции, Великой Отечественной войной и интересом приглашённых историков к данному периоду некогда общей истории. Среди важных событий в жизни библиотеки, связанных с советским периодом, стоит отметить выставку книг «Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа?»⁴, а также выставку о послереволюционном периоде жизни В. И. Ленина⁵. Революция стала главной темой года и для лектория в Национальной библиотеке. В течение года на эту тему говорили, спорили, выдвигали своё видение причин и следствий революционных событий историки, философы, культурологи⁶.

¹ Она звалась Мариной... // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди. URL: <http://bashnl.ru/novosti/10001/> (Дата посещения: 02.11.2019).

² В Центре детского чтения прошел литературный час... // URL: https://vk.com/wall-97230044_875 (Дата посещения: 03.11.2018).

³ О создателе акмеизма // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди. URL: <http://bashnl.ru/novosti/9698/> (Дата посещения: 02.11.2019).

⁴ В Конгресс-Холле прошла выставка книг «Октябрь 1917»... // Национальная библиотека им. А.-З. Валиди РБ. URL: https://vk.com/wall-97230044_1446 (Дата посещения: 03.11.2019).

⁵ Национальная библиотека приняла участие в мероприятии «Кинолениниана»... // Официальная группа Вконтакте. URL: https://vk.com/wall-97230044_1432 (Дата посещения: 03.11.2019).

⁶ В Национальной библиотеке прошел очередной лекторий «Событие и текст: размышления в библиотеке» // Официальная группа Вконтакте. URL: https://vk.com/wall-97230044_1431 (Дата посещения: 12.11.2019).

Российской идентичности за год было посвящено 27 мероприятий. Большая часть из них относится к деятельности упомянутого выше лектория. В интервью сотрудница библиотеки объясняла: *«У нас есть филиал, там часто проводятся круглые столы с приглашением историков. Одной из задач этого филиала является проведение мероприятий исторической направленности. Мы раз в месяц их проводим, приглашаем историков, политических деятелей. Сквозная тема всех мероприятий – 100-летие революции»*. И помимо лектория библиотека проводила много познавательных мероприятий, рассчитанных на развитие гражданских качеств у подрастающего поколения. Одним из них стала встреча библиотекарей и ребят из пришкольного летнего лагеря СОШ №97 во время познавательного часа «Россия – Родина моя». Ведущие рассказали об истории России, об официальных символах нашей Родины (герб, флаг, гимн). Например, что ни одно государство не имеет такой большой территории и такой длинной границы ... Но самое большое богатство страны – это её народ. На территории России живут вместе около 150 млн россиян более ста национальностей¹.

Практически неотражёнными в мероприятиях Национальной библиотеки оказались уфимская (6 мероприятий), татарская (3) и религиозная идентичности. По словам сотрудницы библиотеки, небольшое число мероприятий, посвящённых Уфе и её истории, объясняется спецификой библиотеки. Такие мероприятия у них *«практически не проводятся, потому что есть республиканская система, а есть центральная библиотечная система города Уфы, они как раз работают на Уфу»*. Несмотря на это, на сайте нам удалось обнаружить городскую, уфимскую тематику в мероприятиях. Чаще всего она была фоном, упоминалась вскользь вместе с башкортостанской, российской или другой. Но проводились и специализированные мероприятия. Например, в зале башкирской литературы и краеведения Центра детского чтения Национальной библиотеки прошло виртуальное путешествие «Огни родного города», приуроченное ко Дню города. Представленная литература о родном городе также привлекла внимание детей².

Татарская идентичность оказалась малопредставленной. Отдел башкирской литературы приглашает татарских писателей и читателей-татар для презентации книг заметно реже по сравнению с башкирскими. Тем не менее как пример можно привести две встречи, на которых был отмечен вклад татарских писателей:

1. Презентация книги Анвара Сулейманова «Йондозар балкышы», где он рассказывает об известных личностях, родившихся в Башкортостане, а сегодня живущих и работающих в Татарстане, а также о тех, кто родом из Татарстана, но трудятся на благо Башкортостана³.

¹ Россия – родина моя // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди URL: <http://bashnl.ru/novosti/9898/> (Дата посещения: 12.11.2019).

² По улицам столицы // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди. URL: <http://bashnl.ru/novosti/9902/> (Дата посещения: 12.11.2019).

³ О звёздах Башкортостана и Татарстана // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди. URL: <http://bashnl.ru/novosti/10030/> (Дата посещения: 03.11.2019).

2. Краеведческая гостиная была организована накануне двух общенародных праздников – 1 Мая и Дня Великой Победы – и посвящена 130-летию со дня рождения татарского писателя, языковеда, видного общественного деятеля, одного из зачинателей современной татарской литературы Ибрагимова Галимджана Гирфановича¹.

Мнения сотрудников разных отделов Национальной библиотеки по поводу места религии в библиотеке разделились – это важно для формирования религиозной идентичности. Одна из сотрудниц вспомнила конференцию по объединению каталогов православных библиотек, упомянув при этом: *«нельзя сказать, что мы сотрудничаем с церковью или религией. Сотрудница отдела башкирской литературы отметила, что «на религиозную тематику были какие-то мероприятия. Презентация книги Иры Якшебаевой в феврале или марте. Она написала книгу про хазрат».* Отдел башкирской литературы приглашал исламских религиозных деятелей в сентябре 2016 г.: *«Мы проводили круглый стол для первокурсников – поучительные мероприятия. Там был башкирский деятель Айнура Аслан. Там были и «религиозники». Они сказали напутственные слова первокурсникам. С православными деятелями отдел башкирской литературы никаких контактов не поддерживает»* (интервью с сотрудницей Центральной библиотеки]. Исходя из комментариев библиотекарей и данных сайта напрашивается вывод, что на встречи изредка приглашаются религиозные деятели, но нельзя сказать, что их участие является регулярной практикой.

Районные библиотеки во многом отличаются от центральной, способной удовлетворить специфические запросы студентов филологических факультетов за счёт большего объёма хранилища, специализированного отдела башкирской литературы. Основной целью районных библиотек является удовлетворение спроса на литературу рядовых читателей, живущих по соседству.

План работы районной библиотеки выстраивается в соответствии с праздничными датами. Библиотеки работают по нескольким направлениям одновременно: нравственное воспитание, работа с трудными подростками, краеведение, эстетическое, экологическое направления и др. Система библиотек делится на взрослую и детскую (более 20 филиалов). В День России районные библиотеки проводят мероприятия, посвящённые этому дню, в День города – соответствующее мероприятие и т. д. За год районная библиотека должна провести мероприятия по всем направлениям. Обе библиотеки № 23 и № 4 относятся к центральной городской системе, филиалы которой расположены по всему городу. У каждой есть своё специальное направление. У библиотеки № 4 – краеведение. Библиотека № 23 раньше была ориентирована на профориентацию, но затем поменяла направление на литературно-музыкальное.

Обе районные библиотеки предоставляют книги на разных языках, но основной массив составляют книги на русском языке. Директор библиотеки № 23 в интервью так оценила объём хранилища: *«Если у нас*

¹ Светлой памяти борцов за народное счастье // Национальная библиотека РБ им. А.-З. Валиди URL: <http://bashnl.ru/novosti/9853/> (Дата посещения: 03.11.2019).

фонд общий 33000 экземпляров книг, то 2000–3000 составляет башкирская литература. Около 1000 книг на башкирском языке плюс примерно 2000 на русском. На татарском языке книги также представлены, но значительно меньше, чем на башкирском. На других языках у нас есть только учебники. Основной массив на русском языке». Они пользуются наибольшим спросом у читателей разных национальностей (в том числе башкир и татар). Литературой на родных языках в основном интересуются студенты башкирского факультета, специально изучающие литературу или религию на своём национальном языке. У рядовых читателей книги на башкирском и татарском языках пользуются меньшим спросом, чему сотрудники библиотек находят разные объяснения:

– не востребованность: *«Пользуются спросом не часто. У нас есть один стеллажик литературы на языке, ... это процентов 10, не больше. В основном спрашивают преподаватели башкирского языка. Читатели для себя очень мало берут»* (интервью с сотрудницей читального зала).

– нехватка книг на национальных языках: *«Конечно, их берут, читают. Студенты берут, люди старшего возраста. В основном интересуют книги на русском языке, потому что их больше, чем литературы на национальных. Но её тоже берут постоянно, не залёживается»* (интервью с зав. отделом районной библиотеки)].

Районная библиотека является общедоступной для разных групп: детей, школьников, студентов, людей среднего возраста, пенсионеров. На вопрос о национальности посетителей сотрудники библиотек недовольно отмахивались. Такого явления, как преимущественное посещение районной библиотеки людьми определённой национальности, похоже не существует.

Посетителями мероприятий районных библиотек чаще являются школьники, а Центральной – студенты: *«В основном старшеклассники: восьмой, девятый, десятый классы. Соответственно, разных национальностей. Старшее поколение очень сложно завлечь в библиотеку. В День пожилого человека они могут к нам прийти, если мы вывешиваем объявление, зовём их. Есть наши непосредственные читатели, которых мы знаем, которые постоянно ходят. Костяк есть»* (интервью с сотрудником районной библиотеки).

Однако, несмотря на то, что две рассматриваемые библиотеки являются районными и подчиняются Центральной городской библиотеке, в проводимых мероприятиях существуют различия. Анализируя группы «Вконтакте», мы пришли к выводу, что библиотека № 23 проводит больше мероприятий, чем библиотека № 4, зато в последней выше доля мероприятий, ориентированных на идентичность (см. рис. 3).

Различия в количестве мероприятий не представляются нам столь уж значимыми, как это было в случае с сетью библиотек в целом и Национальной библиотекой. Например, разница в одно мероприятие между встречами уфимской (5), башкирской (4) и российской (3) направленности не представляется значимой.

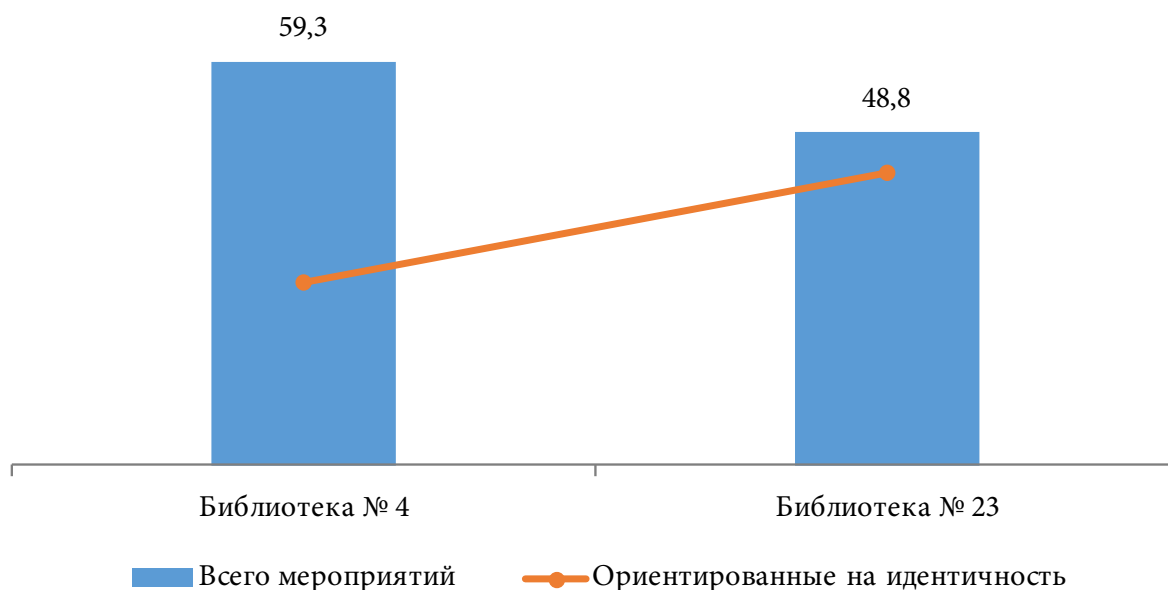
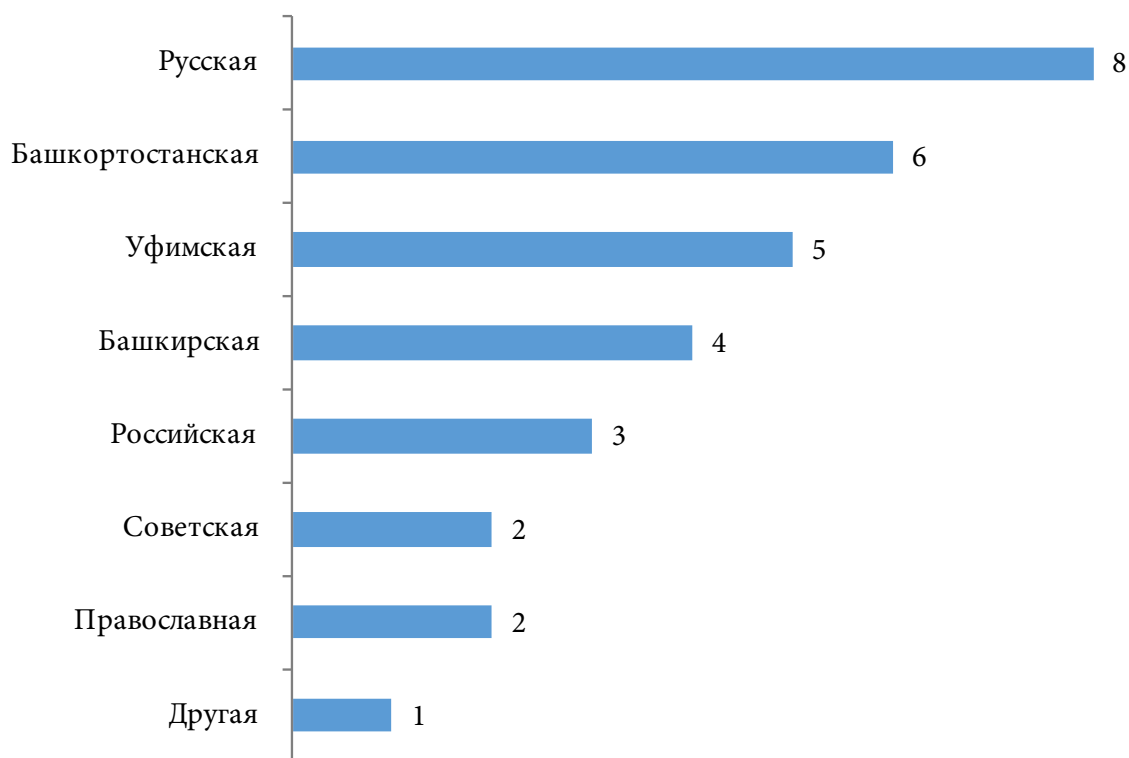

Рис. 3. Распределение ориентированных на идентичность и нейтральных мероприятий в районных библиотеках (по данным групп «ВКонтакте»)

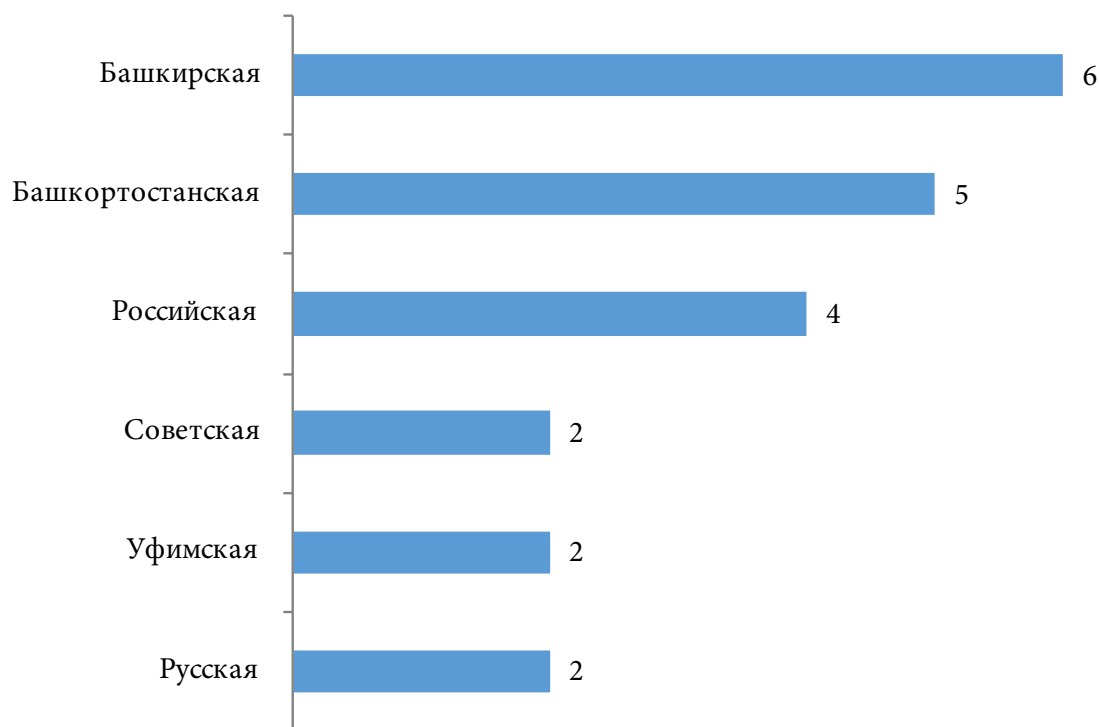
Figure 3. Distribution of identity-oriented and neutral events at district libraries (based on data from VK.com public pages)

Интересными представляются скорее разные типы идентичностей, выходящие на первое место в мероприятиях разных библиотек. Этническая тематика оказалась наиболее значимой в деятельности обеих районных библиотек. Однако, если в библиотеке № 4 это башкирская, то в библиотеке № 23 – русская (см. рис. 4). Пообщавшись с сотрудниками, мы склонны связывать это с национальностью директоров библиотек, в какой-то степени влияющих на связи библиотек и тематику встреч. Однако национальность директора ни в коем случае не означает, что библиотека будет взаимодействовать только с людьми той же национальности (или вероисповедания). Так в библиотеке № 23 директор (русская по национальности) приглашает на мероприятия башкирских поэтов и писателей. По её словам, мероприятия этнической тематики (русской и башкирской) пользуются популярностью. Она выделила мероприятия, посвящённые родословной семьи: «У нас это называется генеалогическое древо, а у башкир шежере. На такое мероприятие мы приглашали человека, который рассказывал о своей семье. Он изучал свою родословную до какого-то колена. Иногда приглашаем детских башкирских писателей. Например, у нас была башкирская писательница Рашида Бик, но она пишет на русском языке. Приглашали редакцию газеты «Истоки», пишущую о культурной жизни столицы. Они приводили с собой поэтов башкирских, но это всё проводилось на русском языке. В юбилейные даты русских, башкирских, татарских писателей, мы проводим встречи. А иногда и по английской литературе. Если есть несколько юбилейных дат. Льюис Кэрролл и др.». Однако обращает на себя внимание практически полное игнорирование татарской тематики обеими районными библиотеками («0» мероприятий отмечено в группах «ВКонтакте»). В разговорах с библиотекарями обеих библиотек была упо-

мянута встреча, на которой читали поэму татарского писателя Габдуллы Тукая «Шурале». Мероприятия обычно проводятся в связи с памятными татарскими датами, но, видимо, таких дат не так много в календаре.

Типы идентичностей на мероприятиях районной библиотеки № 23.

Типы идентичностей на мероприятиях районной библиотеки № 4.

Рис. 4. Распределение типов идентичности, выраженных на мероприятиях районных библиотек № 23 и № 4 г. Уфы (по данным групп «ВКонтакте»)
Figure 4. Distribution of identity types expressed at events held by district libraries № 23 and 4 in the city of Ufa (based on data from VK.com public pages)

Общей чертой двух районных библиотек является внимание к республиканской тематике, выраженное как в оформлении (видное место занимают флаги, гербы, книги, посвящённые Башкортостану), так и в тематике мероприятий. В библиотеке № 4 нам рассказали, что *«основным направлением работы является литературное краеведение. А также действует информационно-консультационные бюро»*. А в библиотеке № 23 даже *«есть папочка, посвящённая краеведению»*. По словам директора, *«естественно краеведению мы посвящаем больше времени, потому что всё-таки в Башкирии живём»*.

По сравнению с башкортостанской, российская тематика оказалась менее представлена. В связи со спецификой деятельности районных библиотек, работники не могут посвящать больше мероприятий гражданской направленности, чем положено по календарю: *«То есть мы не можем одному Дню России, Дню города, краеведению всё посвятить. Гражданская направленность (23 Февраля) это тоже. День государственного флага, День родного языка, День России мы проводим. В основном по таким датам»* (интервью с сотрудником районной библиотеки).

Религиозная идентичность не была отражена в социальных сетях, но проявилась в разговорах с библиотекарями. Выяснилось, что встречи, на которые приглашались священнослужители, проводились в обеих библиотеках. Сотрудник библиотеки № 4 рассказал: *«У нас проводятся мероприятия, в которых принимают участие в том числе религиозные деятели. Такое тоже бывает. У нас одно мероприятие было комплексное: были священник и из мечети имам. Центр общественной безопасности проводил семинар для помощи лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Из центра занятости люди присутствовали»*. Однако, как оказалось, приглашение религиозных деятелей может осложнять жизнь сотрудников библиотеки. Директор библиотеки № 23 рассказала о сотрудничестве с представителями Русской православной церкви: *«В этом году церковные служители сами предложили, чтобы они провели ко Дню православной книги какое-то мероприятие. Они сами вышли на нас. 6 мая к нам приходил иерей отец Анатолий из православной церкви, рассказывал о православной книге. Когда мы приглашали религиозного деятеля, мы столкнулись с проблемой – школа боится приводить детей на такое мероприятие. Мы очень долго переговоры вели, попросили отца Анатолия составить план, о чём он будет говорить. Я в школе это показала. Они говорили, что не известно, как родители отреагируют. Если это мусульманская семья, родители могут возмутиться. То есть школы сейчас боятся со всем этим сталкиваться. Когда пришёл отец Анатолий, дети сами его провоцировали на религиозную беседу, хотя он говорил о православной книге: когда она возникла, когда началось книгопечатание. Ничего «такого» он не говорил. Дети стали его провоцировать, спрашивать: «а как вы считаете, дьявол есть?». Он ответил: «мы пришли говорить не об этом». Позже в разговоре он отметил: «Я не знаю, почему школы боятся, хотя мы в Курултаях встречаемся, везде общаемся и с таджудином. Вы можете пригласить сюда все религии сразу: мусульманскую, русскую, еврейскую»*.

Выводы

Вопрос востребованности библиотек в российском обществе стоит остро. Мы посещали библиотеки Уфы в разные дни недели и практически каждое посещение они встречали пустотой и немногочисленностью. В разговорах с молодыми людьми библиотеки практически не упоминались как места проведения досуга, а посещение библиотеки чаще всего связывали с необходимостью, возникающей в ходе учёбы. Тем не менее библиотеки стараются идти в ногу со временем и заниматься воспитанием подрастающего поколения. Мероприятия, проводимые библиотеками в контексте государственной национальной политики, имеют значение как для российского общества в целом, так и для республики Башкортостан. Библиотеки Уфы за год провели большое количество мероприятий, потенциально направленных на формирование разных идентичностей. Сравнение Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди и районных библиотек показало, что гораздо больше мероприятий проводится центральной библиотекой. Большая часть мероприятий Национальной библиотеки нацелена на формирование и поддержание башкирской идентичности. Многие встречи проходят на башкирском языке, а основную аудиторию тематических вечеров составляют башкиры (в меньшей степени татары и русские). Центральная библиотека способна удовлетворить специфические запросы в том числе студентов филологических факультетов и преподавателей башкирского языка за счёт большего объёма хранилища и специализированного отдела башкирской литературы. Основной же задачей районных библиотек является удовлетворение спроса на литературу рядовых читателей, живущих по соседству. План работы районной библиотеки выстраивается в соответствии с календарём праздничных дат. Районные библиотеки работают по нескольким направлениям одновременно: работа с трудными подростками, нравственное воспитание, краеведение, эстетическое, экологическое направления и др. В знаменательные дни районные библиотеки проводят мероприятия, посвящённые соответствующей дате (День России, День города и т. д.). При этом у каждой библиотеки есть ещё и своё направление деятельности, по которому она должна отчитываться. В тематике мероприятий районных библиотек в большей степени оказались выражены этническая и республиканская идентичности.

Библиографический список

Барма О. 2009. Формирование поликультурной личности пользователя: [роль библиотеки в воспитании поликультурной личности] // Библиотека. № 12. С. 21–22.

Батаева Т. 2009. Интеграция или ассимиляция?: библиотечное обслуживание многонационального населения Финляндии // Библиотечное дело. № 17. С. 15–16.

Батаева Т. 2008. Многоголосие по-венгерски: библиотечное обслуживание мультикультурного населения Венгрии // Библиотечное дело. № 8. С. 34–35.

Библиотечная деятельность в условиях культурного и языкового разнообразия (Из опыта работы библиотек Содружества Независимых Государств): сб. ст. / Сост. И. В. Чаднова. М.: Пашков дом, 2009. 167 с.

Гениева Е. Ю. 2008. Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 208 с.

Голубенко Т. Ю. 2009. Региональная библиотечная политика: (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Библиотековедение. № 2. С. 20–25.

Даниленко Т. Т. 2008. Библиотека – объект межкультурных взаимодействий // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии (БАЕ). № 1. С. 53–56.

Дзюба Н. 2009. Язык моих предков исчезнуть не должен: сельские библиотеки Ставрополя в формировании культуры межнационального общения // Библиополе. № 11. С. 64–66.

Езова С. А. 2010. К толерантному мышлению через этикет // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2 (47). С. 86–88.

Зайналова Б. Г. 2009. Воспитание патриотизма, толерантности, нетерпимости к проявлениям экстремизма у детей через книгу и библиотеку // Шк. б-ка. № 4–5. С. 41–43.

Кадырова Л. З. 2009. Возвращение в отчий край: крымско-татарская библиотека – центр национального возрождения: [о Республиканской крымско-татарской библиотеке им. И. Гаспринского] // Библ. дело. № 14. С. 28–31.

Качанова Е. Ю. 2010. Библиотека в мультикультурном пространстве региона // Вестн. ДВНГБ. № 2. С. 23–30.

Кильдина О. К. 2008. Толерантность: дорога к будущему (о программе по воспитанию толерантного самосознания «Единство разных») // Библиотечная орбита: сб. науч.-метод. материалов. Хабаровск. Вып. 16. С. 6–8.

Киселева Л. Б. 2010. Библиотеки Хабаровского края в формировании культуры межнационального общения // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2 (47). С. 51–58.

Курс И. 2010. Образы настоящего, профили будущего: [Национальная библиотека Удмуртии как один из основных этнокультурных институтов республики] // Библиотека. № 5. С. 57–60.

Лазарева И. В. 2011. По законам добрососедства: формирование межкультурной толерантности // Библиотечное дело. № 2. С. 39–40.

Мокшанова Е. В. 2009. Культурная среда библиотеки как ресурс поликультурного общества // Библиосфера. № 3. С. 25–28.

Наумова Р. В. 2010. Дальневосточная государственная научная библиотека – центр сохранения и развития национальных культурных традиций народов Хабаровского края: концепция развития // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2 (47). С. 35–37.

Худокормова О. 2008. Патриотизм – значит... миролюбие: [международный библиотечный форум «Книга как средство формирования толерантности в системе патриотического воспитания подрастающего поколения», организованный Курской областной библиотекой для детей и юношества] // Библиотека. № 11. С. 64–69.

Чаднова И. В. 2010. Система знаний коренных народов в библиотечном обслуживании (Круглый стол «Библиотечное обслуживание мультикультурного населения») // Информационный бюллетень РБА. № 54. Ч. 2. С. 57–60.

Шарангович Л. А. 2010. Вернуться к своим истокам и вспомнить, кто мы (о Днях национальной культуры в ЦГБ им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре // Библиотечная орбита. Вып. 19. С. 5–11.

Якубов Э. Н. 2008. Диалоговое чтение: от этнической идентификации к межэтнической толерантности // Школьная библиотека. № 4. С. 70–72.

Якубов Э. Н. 2008. Толерантность общими усилиями: Сотрудничество библиотек и региональных структур гражданского общества // Вестник библиотек Москвы. № 1. С. 21–25.

Статья поступила: 07.09.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.603

Libraries' Potential for Developing Readers' Identities (The Example of Ufa)

Pavel V. Fadeev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: erving45@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5767-0329

For citation: Fadeev, P. V. Libraries' potential for developing readers' identities (the example of Ufa). *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.603

Abstract. Events held by libraries under the guise of state national policy bear special meaning for the republic of Bashkortostan. Libraries are gradually transforming into centers where one can not only read literature, but also receive complementary services and spend their free time productively. The extent to which this idea is implemented in all of Bashkortostan's libraries depends on funding. This article attempts to understand the influence of libraries on forming the identities of readers. The central Zeki Velidi Togan National Library, as well as district libraries numbers 23 and 4 served as the object for our research. The design of each of these libraries primarily serves national (Bashkortostani) identity, while possessing certain foreign elements (Ufa, Russian, Soviet, Bashkir). A common trend appears to be the stable abundance of books about Salavat Yulaev – one of the symbols of the republic. Compared to the others, the central library holds considerably more events than any district library. Most events held by the central library are aimed at developing and sustaining Bashkir identity. Bashkir language is used during many gatherings, while the primary audience of thematic evenings is comprised of Bashkirs (there tend to be less Tatars

and Russians present at these events). Ufa, Tatar and religious identities are almost completely absent from the events conducted by the National library. District libraries work in several directions simultaneously: working with troubled youth, moral education, local history, fields such as aesthetics, ecology etc. Events held by district libraries are more diverse and correlate with the holiday calendar. Both district libraries evaluated provide books in several languages, however, the bulk of those books are written in Russian. Meanwhile books in Bashkir and Tatar are in somewhat less demand, due to their irrelevance (they are mostly read by national language students and teachers, of which there are not too many), and a lack of popular literature written in national languages.

Keywords: library, state-civil identity, republican and ethnic identity, interethnic relations.

References

Barma O. Formation of a multicultural personality of a user: the role of a library in the education of a multicultural personality. *Biblioteka = Library*, 2009; 12: 21–22 (In Russ.).

Bataeva T. Integration or assimilation? library services of the multinational population of Finland. *Bibliotechnoe delo = Library science*, 2009; 17: 15–16 (in Russ.).

Bataeva T. Polyphony in Hungarian: library services of the multicultural population of Hungary. *Bibliotechnoe delo = Library science*, 2008; 8: 34–35 (In Russ.).

Library activities in the context of cultural and linguistic diversity (From the experience of the libraries of the Commonwealth of Independent States). Moscow: Pashkov Dom, 2009: 167 (in Russ.).

Genieva E.Y. The library as a center of intercultural communication. Moscow: ROSSPEN, 2008: 208 (In Russ.).

Golubenko T.Y. Regional library policy (on the example of the Yamalo-Nenetsky Autonomous District). *Bibliotekovedenie = Library and Information Science (Russia)*, 2009; 2: 20–25 (In Russ.).

Danilenko T.T. Library as an object of intercultural interactions. *Vestnik Bibliotechnoy Assamblei Evrazii = Bulletin of the Library Association of Eurasia*, 2008; 1: 53–56 (In Russ.).

Dziuba N. The language of my ancestors should not disappear: rural libraries of Stavropol in the formation of a culture of interethnic communication. *Bibliopole*, 2009; 11: 64–66 (In Russ.).

Ezova S.A. To tolerant thinking through etiquette. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki = Bulletin of the Far East State Scientific Library*, 2010; 2 (47): 86–88 (In Russ.).

Zaynalova B.G. Education of patriotism, tolerance, intolerance to manifestations of extremism in children through a book and library. *Shkolnaya biblioteka = School Library*, 2009; 4–5: 41–43 (In Russ.).

Kadyrova L.Z. Return to the Fatherland: Crimean Tatar Library – Center for National Renaissance: about the Republican Crimean Tatar Library named after I.-bei Gasprinsky. *Bibliotechnoe delo = Library science*, 2009; 14: 28–31 (In Russ.).

Kachanova E.Y. Library in the multicultural space of the region. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki = Bulletin of the Far East State Scientific Library*, 2010; 2: 23–30 (In Russ.).

Kildina O.K. Tolerance: the road to the future (about the program for the development of tolerant self-awareness “Unity of different”). *Bibliotechnaja orbita = Orbit of Libraries*. Habarovsk, 2008; 16: 6–8 (In Russ.).

Kiseleva L.B. Libraries of the Khabarovsk Territory in the Formation of a Culture of Interethnic Communication. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki = Bulletin of the Far East State Scientific Library*, 2010; 2 (47): 51–58 (In Russ.).

Kurs I. Images of the present, profiles of the future: National Library of Udmurtia as one of the main ethnocultural institutions of the republic. *Biblioteka = Library*, 2010; 5: 57–60 (In Russ.).

Lazareva I.V. According to the laws of good neighborliness: the formation of intercultural tolerance. *Bibliotechnoe delo = Library science*, 2011; 2: 39–40 (In Russ.).

Mokshanova E.V. The cultural environment of the library as a resource of a multicultural society. *Bibliosfera*, 2009; 3: 25–28 (In Russ.).

Naumova R.V. The Far Eastern State Scientific Library – the center for the preservation and development of national cultural traditions of the peoples of the Khabarovsk Territory: the concept of development. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki = Bulletin of the Far East State Scientific Library*, 2010; 2 (47): 35–7 (In Russ.).

Hudokormova O. Patriotism – means... peacefulness: [international library forum “Book as a tool for promoting tolerance in the system of patriotic education of the younger generation”, organized by the Kursk Regional Library for Children and Youth. Biblioteka= Library, 2008; 11: 64–69 (In Russ.).

Chadnova I.V. The system of indigenous knowledge in library services (Round table “Library services for multicultural populations). Informatzionny biulleten` RBA = Informational Bulletin – RBA, 2010; 54; 2: 57–60 (In Russ.).

Sharangovich L. A. Return to our origins and remember who we are (about the Days of National Culture at the N. Ostrovsky Central City Hospital in Komsomolsk-on-Amur). Bibliotechnaja orbita = Orbit of Libraries, 2010; 19: 5–11 (in Russ.).

Jakubov E. N. Dialogue reading: from ethnic identification to interethnic tolerance. Shkolnaya biblioteka = School Library, 2008; 4: 70–72 (In Russ.).

Jakubov E. N. Together Tolerance: Collaboration of Libraries and Regional Civil Society Structures. Vestnik bibliotek Moskvy = Moscow Libraries Bulletin, 2008; 1: 21–25 (In Russ.).

The article was submitted on: September 07.2019

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.604

**Отношение к мигрантам
и привносимым ими изменениям:
оценки россиян и европейцев**

Ссылка для цитирования: *Мастикова Н. С.* Отношение к мигрантам и привносимым ими изменениям: оценки россиян и европейцев // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 55–71. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.604

For citation: Mastikova, N. S. Attitudes towards migrants and the changes they bring, in assessments of Russians and Europeans. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 55–71. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.604

**Мастикова
Наталья Сергеевна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

navor@bk.ru

AuthorID РИНЦ: [725230](https://elibrary.ru/725230)

Отношение к мигрантам и привносимым ими изменениям: оценки россиян и европейцев

Аннотация. В статье на базе европейского социального исследования за 2016 г. проводится анализ отношения россиян и жителей европейских стран к переезду мигрантов в их страну, а также к изменениям, которые привносят мигранты. Несмотря на то, что Россия входит в число лидеров среди стран по количеству мигрантов, она находится вне миграционных потоков, породивших европейский миграционный кризис, она входит в тройку стран с наиболее негативным отношением к переезду мигрантов в свою страну, а также по показателю оценки привносимых ими изменений. В отношении к переезду мигрантов наиболее негативные оценки распространены в Венгрии, Чехии и России. Положительные оценки фиксируются в Исландии и Швеции. Относительно оценки привносимых изменений среди всех исследуемых стран также наиболее негативную демонстрируют Венгрия, Россия и Чехия. Наиболее терпимыми в этом отношении являются страны Скандинавии: Исландия, Швеция и Финляндия. Негативные оценки Венгрии и Чехии могут объясняться тем, что это страны-транзитёры мигрантов в наиболее обеспеченные государства Европы. Им не хватает собственных ресурсов, чтобы справиться с проблемой размещения и содержания транзитных мигрантов, а также с обеспечением безопасности собственного принимающего населения. Приводится обсуждение возможных причин антимигрантских настроений в зарубежных исследованиях. В качестве ведущих причин выделяются культурные факторы (ценности и убеждения изучаемых стран), экономические (конкуренция на рынке труда, уровень дохода, уровень ВВП, доля мигрантов в населении), социально-демографические (пол, возраст, уровень образования, тип поселения), контекстные факторы (религия, политическая ориентация, воздействие СМИ) и др. В России, помимо упомянутых факторов, отмечается влияние низкого уровня качества жизни и пропагандистское освещение в СМИ европейского миграционного кризиса.

Ключевые слова: Европейское социальное исследование, мигранты, отношение к мигрантам, миграционный кризис, антимигрантские настроения

Миграционные процессы во всём мире имеют тенденцию к усилению и, по прогнозу учёных, будут только нарастать. Поэтому тематика, связанная с отношением принимающего населения к мигрантам, сегодня актуальна. Однако она не может рассматриваться в одной отдельно взятой стране в отрыве от общемировых миграционных процессов. Особенно значимо рассмотрение отношения к мигрантам в России в европейском контексте, так как процессы, происходящие в России и Европе, взаимосвязаны в силу тесных торговых и культурных отношений.

Миграционный кризис в Европе, начавшийся в 2015 г. и продолжающийся по сей день, обусловлен потоками неконтролируемой миграции из стран Африки, Ближнего Востока и других регионов, а также неготовностью к этому процессу принимающих государств. Сопровождающее его столкновение культур, несхожесть обычаев, принятых обществом норм поведения мигрантов и принимающего населения, приводят к всплеску преступности, межэтническому и социальному напряжению и другим нежелательным последствиям.

В России в период до 2017 г. отмечалось увеличение миграционных потоков в связи с событиями на Украине, ростом трудовой миграции из стран СНГ [Ежемесячный мониторинг... 2017: 33]. Как отмечает В. И. Мукомель, в 2014–16 гг. ведущие социологические центры отмечали спад антимигрантских настроений в российском обществе [Мукомель 2016: 49]. При этом, анализируя данные RLMS за 2008 и 2015 гг., автор фиксируется ухудшение отношения россиян к мигрантам (в 2008 г. против любой миграции выступали 37,5% респондентов, в 2015 – 49,3%). Автор связывает эту тенденцию «с ухудшением экономической ситуации, снижением доходов значительных масс населения, ростом тревог, связанных с мигрантами на рынке труда и опасениями обострения социальной ситуации» [Мукомель 2016: 65].

Рост негативного отношения к мигрантам в период 2015–16 гг. отмечается и в исследовании Левада-Центра: «В марте 2016 г. желание россиян ограничить поток мигрантов достигало максимума (80%)» [Пипия 2016]. По данным исследования ВЦИОМ за 2016 г., более половины российских граждан (78%) выступали за ограничение притока мигрантов в Россию [Мигранты в России... 2016].

Согласно данным Европейского социального исследования предыдущих лет, в России отношение к мигрантам не самое доброжелательное. Так, по данным за 2012 г., на вопрос о том, стала ли страна с притоком мигрантов лучше или хуже для жизни, оценка россиян в среднем составляет 3,3 балла из 10, где 0 – «Россия стала худшим местом для жизни», а 10 – «Россия стала лучшим местом для жизни». В 2012 г. Россия вместе с Кипром занимала первые места в рейтинге антимигрантских настроений в выборке из 29 европейских государств [Bessudnov 2015: 11].

Изменилась ли современная позиция России в этом рейтинге по данным 2016 г? С чем может быть связано такое негативное отношение россиян к мигрантам? На эти вопросы мы попытаемся ответить в настоящей статье.

Миграционные потоки в России и европейских странах

В начале миграционного кризиса 2015 г. границы Европы пересекали более миллиона человек. Наибольшее количество мигрантов прибывает из Сирии, где продолжаются военные действия, Афганистана и Ирака, в которых население страдает от последствий вооруженного конфликта. Бедность в Косово, странах Африки и Юго-Восточной Азии

провоцирует жителей на переезд в другие страны. Разрушенная в ходе затяжного военного конфликта экономика и политическая нестабильность способствуют эмиграции из Украины для поиска лучшей доли за рубежом.

Большая часть нелегальных мигрантов подают прошения на статус беженца. В таблице 1 представлены данные по количеству мигрантов, подавших такое прошение в 2015–16 гг., и стран, откуда преимущественно приехали эти мигранты [ОЕСД... 2017: 29, 56, 226].

Таблица 1 (Table 1)

Данные по количеству мигрантов, подавших прошение о статусе беженцев в 2015–16 гг.

Records on the amount of migrants who applied for refugee status in 2015–2016

Принимающая страна	2015	2016	Топ-три страны происхождения мигрантов
Германия	686 000	892 500	Сирия, Афганистан, Ирак
Великобритания	548 000	514 000	Иран, Пакистан, Ирак
Россия	245 000	262 000	Украина, Казахстан, Узбекистан
Франция	235 800	245 600	Судан, Афганистан, Гаити
Нидерланды	174 600	199 000	Сирия, Эритрея, Албания
Швейцария	112 300	109 600	Эритрея, Афганистан, Сирия
Швеция	113 900	143 000	Сирия, Афганистан, Ирак
Австрия	103 000	105 600	Афганистан, Сирия, Ирак
Бельгия	90 500	96 600	Сирия, Афганистан, Ирак
Норвегия	61 900	65 700	Эритрея, Сирия, Афганистан
Ирландия	57 200	58 200	Пакистан, Албания, Зимбабве
Чехия	31 500	35 100	Украина, Ирак, Китай
Израиль	31 000	26 900	Эритрея, Судан, Нигерия
Финляндия	17 800	19 100	Ирак, Афганистан, Сирия
Эстония	7 400	7 700	Сирия, Газа, Судан
Исландия	5000	7 900	Македония, Албания, Ирак
Словения	Нет данных		Афганистан, Сирия, Ирак
Польша	Нет данных		Россия, Таджикистан, Украина

Судя по приведённым данным, лидером является Германия, проводящая политику «открытых дверей». Можно заметить, какие страны являются привлекательными для большинства мигрантов, а какие – транзитными. Мигранты из Африки, Ближнего Востока, Южной Азии стремятся в страны с высоким уровнем жизни, такие как Германия, Великобритания, Франция, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Австрия, Бельгия, Норвегия, Ирландия.

Как видим, миграционный кризис сильнее всего затрагивает страны Западной Европы, а Россия находится в зоне иных миграционных потоков. Но по количеству прибывших мигрантов, она входит в число лидирующих стран. Рассмотрение эмпирических данных позволяет проследить, есть ли увеличение негативных оценок в странах Европы.

Эмпирическая база

Эмпирическую базу составляет Европейское социальное исследование (ESS), которое проводится среди европейских стран с 2002 г. В России его осуществляет Институт сравнительных социальных исследований. Преимущество базы – высокая надёжность данных, а также их общедоступность. Россия принимает участие в исследовании с 2006 г. На текущий момент представлена информация по восьми волнам исследования, по 2016 г. включительно. В базе данных восьмого раунда (2016 г.) представлены данные по 23 европейским странам, среди которых: Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

Общая выборка – 44387 респондентов, в России – 2430). Выборки случайные или случайные стратифицированные. Данные были взвешены на комбинированный популяционный и дизайн-вес¹.

Для анализа отношения к мигрантам и привносимым ими изменениям используются два блока вопросов, которые в базе ESS касаются этой тематики.

Первый блок характеризуется отношением респондентов к переезду в их страну людей как своей, так и иной национальности, а также мигрантов из более бедных стран. Данные переменные были измерены по 4-х балльной шкале. Варианты ответа: разрешать многим приезжать и жить здесь; разрешать немногим; разрешать некоторым; никому не разрешать.

Второй блок отражает отношение респондентов из России к изменениям, которые привносят мигранты. Сюда входят три вопроса их базы данных: Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом хорошо или плохо сказывается на экономике России? Как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России? Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?

Все три переменные были измерены по 10-ти балльной шкале, где 0 означает отрицательную оценку, а 10 – положительную.

Вопросы из первого блока переменных были суммированы и составили общую интегральную переменную «Отношение к переезду мигрантов в страну респондента», затем по ней были вычислены средние значения по всем странам, участвующим в исследовании ESS в 2016 г. Такая же процедура была выполнена для второго блока вопросов, полученная переменная называется «Оценка изменений, которые привносят мигранты».

Средние значения интегральной переменной были рассчитаны для всех стран, присутствующих в опросе, данные статистически значимы во всех случаях (ANOVA, критерий Тамхена, $p > 0,005$, ошибки средних во всех случаях не превышают 0,2).

¹ Подробнее о взвешивании см.: Weighting European Social Survey Data // European Social Survey. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (Дата посещения: 10.10.2019).

Отношение россиян и европейцев к мигрантам и к изменениям, которые они привносят: результаты статистического анализа

Как видно на рис. 1, в наибольшей степени негативные оценки распространены в Венгрии (3,12), Чехии (2,96) и России (2,73). Наиболее положительная оценка фиксируется в Исландии (1,70) и Швеции (1,74).

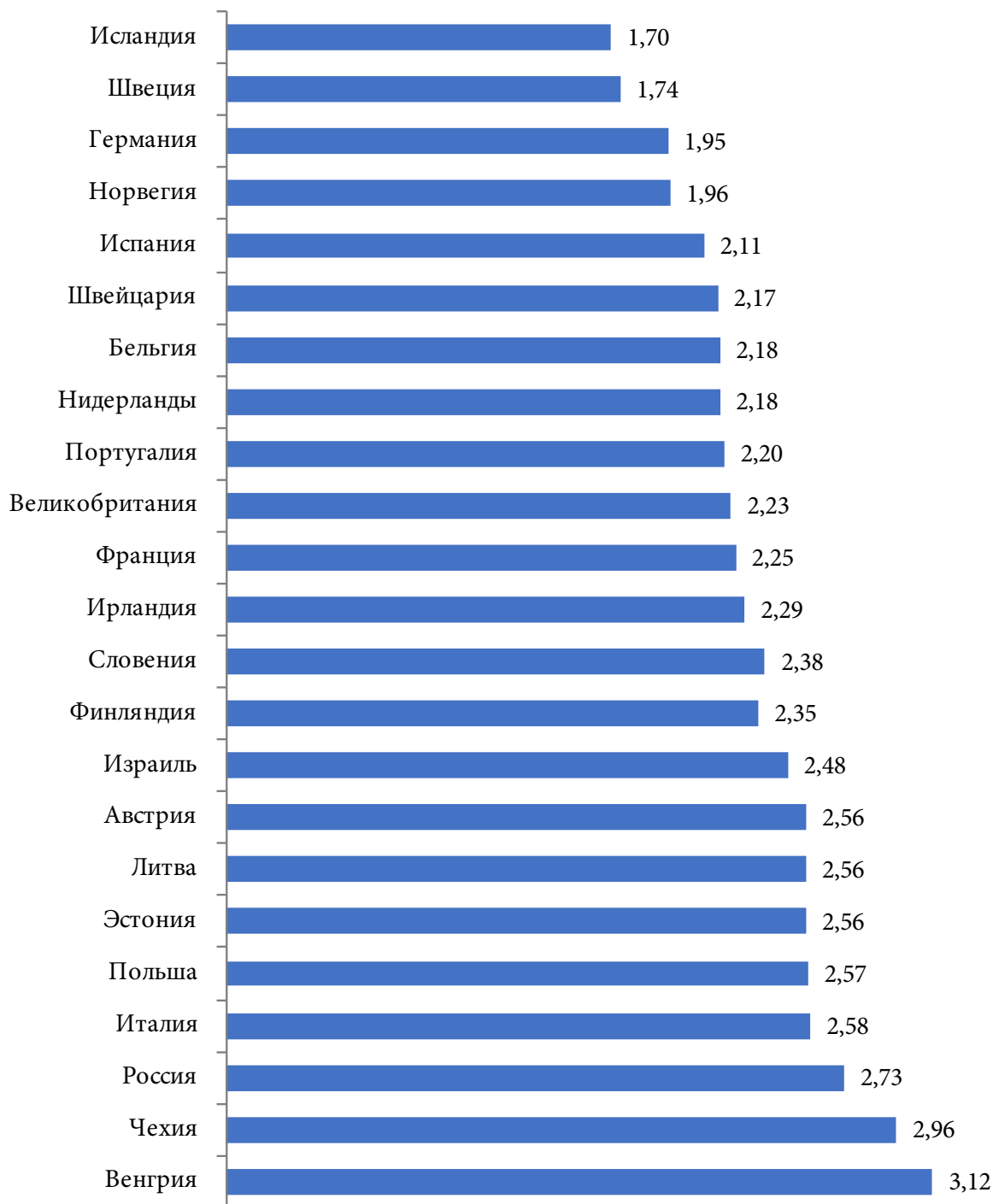

Рис.1. Отношение к переезду мигрантов в страну респондента, 2016 г.

Figure 1. Attitudes towards migrants moving to respondents' native country, 2016

Лидирующее положение Венгрии в негативной оценке жителей по отношению к переезду мигрантов можно объяснить историческими причинами и с позиции анализа современной ситуации. В этой стране

проживают многочисленные цыганские общины, к которым местное население относится настороженно, считая, что цыгане имеют склонность к противозаконной деятельности. Кроме того, Венгрия является страной-транзитёром для дальнейшего движения мигрантов в более богатые европейские страны. Недавний приток мигрантов в значительной степени затронул именно Венгрию, сформировав у значительной части её населения негативное отношение к любым «чужакам». По данным, приведённым В. И. Мукомелем, ненависть к мигрантам (особенно к китайцам и арабам) демонстрируют 41% посещающих веб-сайт сторонников венгерской ультра-националистической партии [Мигранты, мигрантофобии... 2014: 202–203].

Данные о позиции Чехии по этому вопросу среди всех европейских стран¹ перекликаются с данными исследования Eurobarometer² за 2016 г. Миграцию считают главной проблемой Евросоюза 63% чехов (для сравнения в 2013 г. так полагало 13% опрошенных). Возможно, это связано с государственной миграционной политикой, которую проводит Президент Чехии Милош Земан. В июне 2017 г., в процессе миграционного кризиса, Чехия закрыла границы и отказалась принимать мигрантов по квоте Евросоюза, объяснив, что такое решение принято из соображений безопасности³. При этом в правительстве понимают, что как минимум две проблемы, с которыми сталкиваются практически все европейские страны, можно решить с помощью мигрантов: демографическую (старение и убыль населения) и проблему недостатка рабочих кадров (в Чехии отмечается дефицит 120–150 тыс. работников⁴. М. Земан призывает принимать мигрантов, оценивая качество человеческих ресурсов. Он отметил, что не имеет ничего против миграции в Чехию выходцев из Украины, России, Белоруссии, Сербии, имеющих сходный культурный код, и трудолюбивых вьетнамцев. Наплыв выходцев из Африки и стран Ближнего Востока, которые не стремятся работать и интегрироваться в принимающее общество, не поможет решить эти проблемы, а, наоборот, их усугубит. Следует отметить, что соотношение умерших и родившихся в Чехии в 2017 г. не в пользу последних, а зафиксированный прирост населения отмечается за счёт мигрантов из Словакии и Украины.

Показательно, что на противоположном полюсе положительного отношения к мигрантам оказалась Исландия, в которой количество мигрантов составляло 2% от всего населения в период до 2017 г. Жёсткая политика в отношении мигрантов проявлялась, например, в выступлении премьер-министра Исландии, который подверг критике политику открытых дверей в Европе и призвал ограничить въезд беженцев⁵. Нужно отме-

¹ Васинкевич О. 2017. У Чехии самое негативное отношение к мигрантам из всего ЕС // Czech Radio. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/u-chexii-samoe-negativnoe-otnoshenie-k-migrantam-iz-vsego-es> (Дата посещения: 23.09.2019).

² Standard Eurobarometer 85. Spring 2016. Report «European citizenship» // European Commission. Public Opinion. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2130> (Дата посещения: 20.09.2019).

³ Чехия наотрез отказалась принимать мигрантов. 2018 // Rosbalt. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2018/03/01/1685993.html> (Дата посещения: 23.09.2018).

⁴ Рынку труда Чехии в этом году предрекают глубокий кризис. 2017 // 420on.cz Информационный портал о Чехии. URL: <http://420on.cz/news/economics/53136-rynku-truda-chehii-v-etom-godu-predrekayut-glubokiy-krizis> (Дата посещения: 23.09.2019).

⁵ Премьер Исландии подверг критике политику открытых границ. 2016 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20160205/1370066212.html> (Дата посещения: 23.09.2019).

тить, что в 2017 г. ситуация несколько изменилась, и в Исландии был зафиксирован самый высокий показатель притока мигрантов с начала 1801 г., составивший 11% [Immigration of foreign... 2017].

Можно предположить, что сдвиг в сторону более положительного отношения к мигрантам обусловлен тем высоким уровнем жизни, который обеспечен в Исландии, где занятость населения составляет 90% среди дипломированных специалистов и 80% среди всего населения [How Life... 2017], причём все занятые имеют достойный доход.

Второе место примерно с тем же значением переменной занимает благополучная Швеция, которая вела политику открытости потокам беженцев в начале кризиса, заявляя, что примет всех без каких-либо ограничений. Но в 2016 г. ситуация начала меняться, так как страна столкнулась с проблемой размещения мигрантов, которые стремились в большие города, где вскоре стал ощущаться острый дефицит жилья, и активно сопротивлялись их перемещению в малые города и поселения. Кроме того, беженцев приходилось содержать за счёт налогоплательщиков: удовлетворение базовых потребностей мигрантов в последние годы стоило государству около 1% ВВП. Наиболее болезненно встала проблема неприемлемого поведения молодых мигрантов, которые во время ежегодного фестиваля «We're Stockholm» и празднования Нового года в городе Кальмар, совершили ряд нападений на шведок. Резко возросла преступность, особенно в общежитиях для беженцев, что потребовало значительно увеличить штат полиции и расходы на её содержание. Проведённый осенью 2017 г. опрос показал, что 41% местных граждан считают, что королевство принимает слишком много беженцев (в середине 2016 г. так считали всего 29%)¹.

Данные опроса 2016 г. показывают, что Германия занимает третью позицию в ряду стран, позитивно настроенных по отношению к мигрантам. Эксперты отмечают, что эти настроения начали меняться после нападений мигрантов на женщин в Кёльне в день Нового 2016 г., полиция Кёльна получила 553 заявления о нападениях, из которых 45% совершены на сексуальной почве мигрантами или лицами, имеющими иммигрантское прошлое. Согласно опросу социологической службы INSA, результаты которого приводит интернет-издание «Эксперт online», «отношение 61% опрошенных жителей ФРГ к мигрантам после событий в Кёльне изменилось. Не изменилось оно лишь у каждого четвёртого респондента. 63% участников опроса считают, что Германия приняла слишком много беженцев. В сентябре эта цифра была значительно меньше – 45%»². К слову сказать, за 2017 г. Германия приняла 1,1 млн только зарегистрированных беженцев. По данным опроса Билефельдского университета, проведённого в том же году, респонденты отметили, что разделяют мигрантов на беженцев и тех, кто приезжает в страну учиться и работать. И если последних приветствуют в своей стране 70% опрошенных, то беженцам рады только 59%. «Несмотря на то, что приток мигрантов в 2017 г. по сравнению с 2015 г. снизился более чем на 50%, эксперты указывают, что у страны нет больше соответствующих ресурсов, чтобы принимать беженцев, не нанося тот или

¹ Мельникова К. 2018. В тени кебабов // lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/03/29/sweden/> (Дата посещения: 23.09.2019).

² Мануков С. 2018. Кельн изменил все // Эксперт online. URL: <http://expert.ru/2016/01/14/keln-izmenil-vse/> (Дата посещения: 23.09.2019).

иной моральный ущерб своим жителям»¹. Скорее всего, эта тенденция будет усиливаться. Как отмечает В. И. Мукомель, единственный долгосрочный фактор снижения антимигрантских настроений, отмечаемый принимающим населением, – «привыкание к представителям «видимых меньшинств» в ходе контактов с ними и адаптация последних к локальному социуму» [Мукомель 2016: 50]. А для этого должно пройти время.

Рассмотрим результаты по второй интегральной переменной «оценка изменений, которые привносят мигранты» (см. рис. 2).

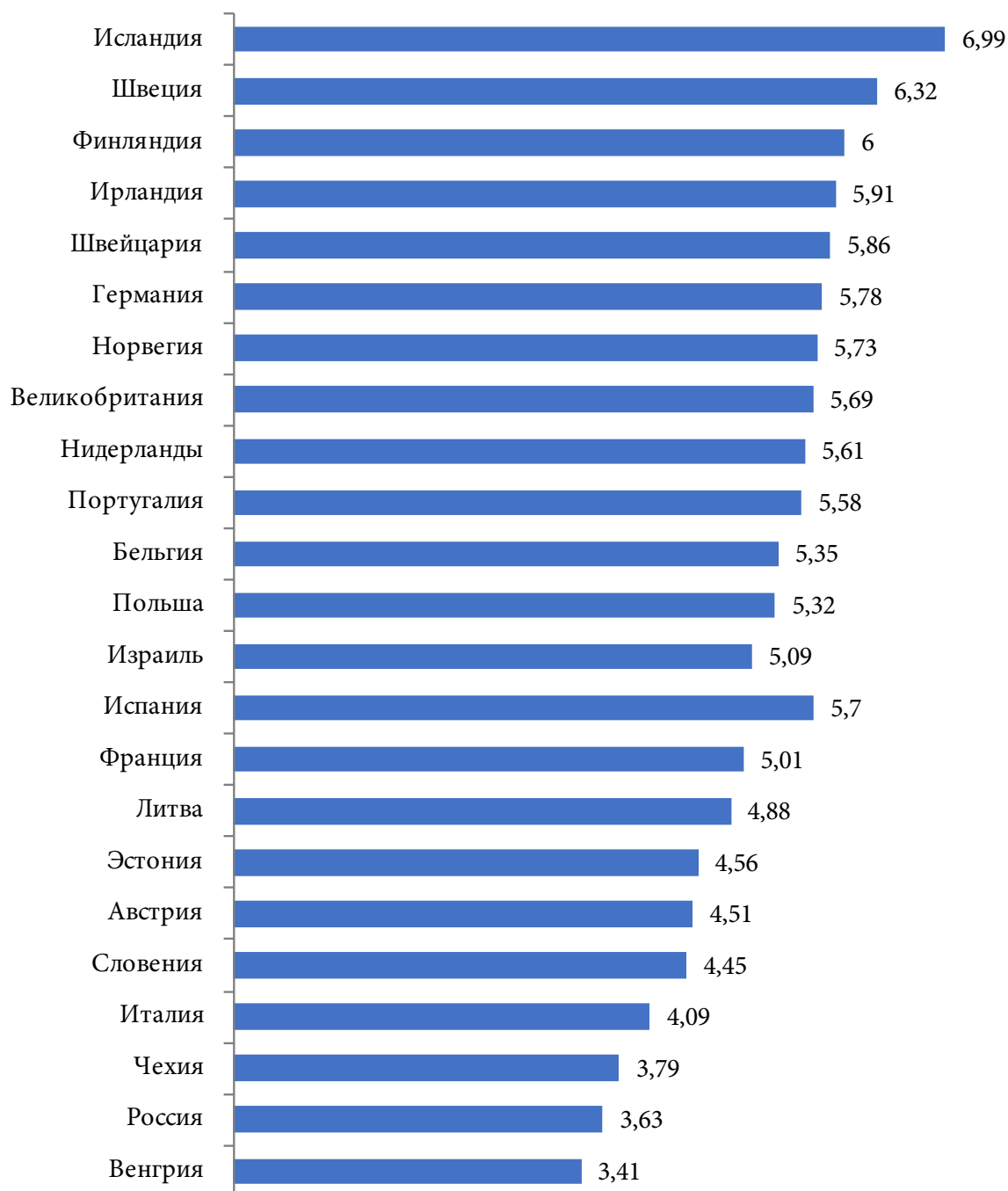

Рис. 2. Оценка изменений, которые привносят мигранты, 2016 г.

Figure 2. Evaluation of changes introduced by migrants, 2016

¹ Как жители Германии относятся к беженцам? 2017 // ИП REGNUM/ URL: <https://regnum.ru/news/2260127.html> (Дата посещения: 23.09.2019).

Как видим, наиболее негативную оценку изменений, привносимых мигрантами, среди всех исследуемых стран имеют Венгрия (3,41), Россия (3,63), Чехия (3,79) и Италия (4,09). Наиболее терпимыми в отношении этих изменений, как и в нашем исследовании, проведённом на базе данных 2012 г. [Мастикова 2016], оказались страны Скандинавии: Исландия (6,99), Швеция (6,32) и Финляндия (6,00). Наиболее позитивное отношение к миграции и к привносимым ими изменениям – в экономически развитых странах с высоким уровнем удовлетворённости жизнью, с хорошо функционирующими социальными институтами и развитым социальным обеспечением.

В ряду стран, где преобладают негативные оценки изменений, объяснимо появление Словении и Австрии, которые расположены на балканском пути выходцев из Северной Африки и стран Ближнего Востока и являются «перевалочными пунктами» для транзита мигрантов. В марте 2016 г. Словения объявила, что не намерена создавать «безопасный коридор» для проезда мигрантов через территорию своей страны в государства Западной Европы, и через границу будет пускать только тех, кто планируют обратиться к властям Словении с просьбой о предоставлении убежища и имеют документы, разрешающие путешествовать по европейским странам (Шенгенское соглашение)¹.

Для наглядности приводим карту (см. рис. 3), на которой обозначены страны, стоящие на пути мигрантов, и те заградительные меры, к которым они прибегали в разгар кризиса (2015 г.) для ограничения потока мигрантов.

К ограничительным мерам поэтапно прибегли Австрия, Венгрия, Сербия, Словения, Хорватия, которые достаточно скоро исчерпали свои ресурсы по обеспечению безопасного пребывания мигрантов в стране и перехода их транзита через свои территории, поэтому были вынуждены закрыть границы.

Что касается Эстонии, то ещё в 2015 г. эта страна обязалась принять и разместить у себя 550 беженцев. Всего за истекшее время сюда прибыли 161 чел. и 85 из них уже уехали, в основном в Германию².

Таким образом, можно отметить, что наиболее негативные оценки изменений, привносимых мигрантами, демонстрируют страны, по которым осуществляется транзит мигрантов в наиболее обеспеченные страны Европы и которым не хватает собственных ресурсов, чтобы справиться с проблемой размещения и содержания того количества транзитных мигрантов, которые прибывают в эти страны, а также с задачей обеспечения безопасности собственного принимающего населения.

¹ Словения готова дать убежище пяти тысячам мигрантов и беженцев. 2015 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20150917/1258525132.html> (Дата посещения: 23.09.2019).

² В Эстонии констатировали провал программы интеграции беженцев. 2017 // EuroAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/24/v-estonii-konstatirovali-proval-programmy-integracii-bezhencev> (Дата посещения: 23.09.2019).

Рис. 3. «Балканский путь» перемещения мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока¹
 Figure 3. The “Balkan path” for migrants moving in from North Africa and the Middle East

Заключение

Результаты анализа показывают, что в наибольшей степени негативные оценки переезда мигрантов в их страну, а также привносимых ими изменений дают респонденты в Венгрии, Чехии и России.

В отношении Венгрии и Чехии такие оценки могут объясняться тем, что это европейские страны, осуществляющие транзит мигрантов в наиболее обеспеченные страны Европы. Этим странам не хватает собственных ресурсов, чтобы справиться с проблемой размещения и содержания потока транзитных мигрантов, а также с задачей обеспечения безопасности собственного населения.

Почему Россия находится в ряду европейских стран, занимающих лидирующие места по антимигранским настроениям, при этом не находясь в эпицентре европейского кризиса, не испытывая наплыва мигрантов из стран Ближнего Востока? Можно предположить, что основной причиной подобного отношения в России может быть невысокий уровень качества жизни россиян (по данным 2016 г., Россия по этому показателю находится на 105 месте [Рейтинг качества жизни... 2016]) и, распространённое среди

¹ Источник: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/migranti-pitayutsya-prorvatjsya-v-sloveniyyu> (Дата посещения: 10.10.2019).

россиян представление о мигрантах как о людях, имеющих слабый человеческий потенциал, включая низкий уровень образования, незнание русского языка и глубинные культурные различия. Так, согласно опросу Левада-Центра за 2017 г., 32% россиян считают, что мигранты как правило «малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд»¹.

Возможно, на негативные настроения по отношению к мигрантам в России влияет пропагандистское освещение европейского миграционного кризиса. Миграционные процессы освещаются в СМИ односторонне, показывая примеры насилия и другие негативные последствия. Практически не освещается позитивная роль миграции, не показываются положительные примеры интеграции мигрантов в принимающее общество. Такое освещение миграционной проблемы может приводить к возрастанию негативного отношения к мигрантам. К сожалению, мы не нашли эмпирической базы, которая давала бы возможность проверить воздействие этого фактора.

При обсуждении возможных причин антимигранских настроений используются различные доводы. Одни учёные утверждают, что главной причиной являются экономические факторы, такие как конкуренция на рынке труда, уровень дохода, уровень ВВП, доля мигрантов в населении [Muller, Tai 2010; Card, Dustmann, Preston 2005; Mayda 2006; Facchini, Mayda 2008; Turner 2010; Meuleman, Davidov, Billiet 2009; Markaki, Longhi 2013; Constant, Kahanec, Zimmermann 2009].

Другие исследователи [Muller, Tai 2010; Turner 2010; Ponizovskiy 2016; Hainmueller, Hiscox 2007; Constant, Kahanec, Zimmermann 2009; Davidov, Meuleman 2012] считают, что главную причину антимигранских настроений нужно искать в сфере культуры: ценности и убеждения изучаемых стран.

Помимо этого, исследователи рассматривают социально-демографический фактор: связь негативного отношения к мигрантам с уровнем образования, гендером, возрастом, типом поселения и т. д. [Heath, Richards 2016; Card, Dustmann, Preston 2005; Gang, Rivera-Batiz, Yun 2002].

Среди влияющих на отношение к мигрантам и оценкам привносимых ими изменений рассматриваются так называемые «контекстные» факторы. Среди них: религиозный фактор [Bohman 2014; Scheepers, Gijssberts, Coenders 2002; Card, Dustmann, Preston 2005], политическая ориентация [Semyonov, Raijman, Gorodzeisky 2006; Bohman 2014; Gorinas, Pytlikova 2017], использование политическими представителями национальной риторики [Bohman 2014; Slotte 2015], последствия воздействия средств массовой информации [Kosho 2016].

Многие из представленных выше исследователей делали проверку влияния всех перечисленных факторов на отношение к мигрантам в Европе в целом, и большинством рассмотренных работ установлено, что самым сильным является экономический.

¹ Отношение к мигрантам в России ухудшается – «Левада-Центр». 2017 // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya> (Дата обращения: 20.09.2019).

По нашему мнению, такой подход поиска влияния факторов в целом на всю Европу лишает нас возможности учесть специфику каждой отдельной страны, её исторических особенностей, отличий в интенсивности миграционных потоков, отличий этнической иерархии прибывающих мигрантов и т. д.

Эмпирическая проверка причин антимигрантских настроений внутри отдельных стран является задачей наших следующих исследований.

Библиографический список

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 – август 2017 гг. / Под ред. Т. М. Малевой. М.: РАНХиГС, 2017. 35 с.

Мастикова Н. С. 2016. Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) // Социологический журнал. № 1. С. 95–113.

Мигранты в России: эффекты присутствия. 2016 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115969> (Дата посещения: 23.09.2019).

Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В. И. Мукомель. М.: НП «Центральный Дом адвоката», 2014. 245 с.

Мукомель В. И. 2016. Отношение россиян к мигрантам и миграции // Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряжённости в регионах Российской Федерации: результаты исследования. / Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН. 103 с.

Пипия К. Д. 2016. Ксенофобия второй свежести // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2016/10/11/ksenofobiya-vtoroj-svezhesti/> (Дата посещения: 23.09.2019).

Рейтинг качества жизни стран мира. 2016 // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/quality-of-life-index/info> (Дата посещения: 23.09.2019).

Bessudnov A. 2015. Ethic Hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia // European Sociological Review. № 32 (5). P. 567–580.

Bohman A. 2014. Anti-Immigrant Attitudes in Context: The Role of Rhetoric, Religion and Political Representation. Akademisk avhandling, Umea: Department of Sociology, Umea universitet. P. 1–43.

Card D., Dustmann C., Preston I. 2005. Understanding Attitudes to Immigration: The Migration and Minority Module of the First European Social Survey // Centre for Research and Analysis of Migration. URL: <http://davidcard.berkeley.edu/papers/euroimmig.pdf> (Дата посещения: 23.09.2019).

Constant A. F., Kahanec M., Zimmermann K. F. 2009. Attitudes Towards Immigrants, other Integration Barriers and their Veracity. *International Journal of Manpower*. № 30 (1/2), P. 5–14.

Davidov E., Meuleman B. 2012. Explaining Attitudes Towards Immigration Policies in European Countries: The Role of Human Values. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. № 38 (5). P. 757–775.

Facchini G., Mayda A. 2008. From individual attitudes towards migrants to migration policy outcomes: theory and evidence. *Economic Policy*. 23. P. 651–713.

Gang I. N., Rivera-Batiz F. L., Yun M. 2002. Economic Strain, Ethnic Concentration and Attitudes Towards Foreigners in the European Union, IZA Discussion paper series. № 578, Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn. P. 1–40.

Gorinas C., Pytlikova M. 2017. The Influence of Attitudes toward Immigrants on International Migration // *International Migration Review*. Vol. 51. Issue 2. P. 416–451.

Hainmueller J., Hiscox M. J. 2007. Educated Preferences: Explaining Individual Attitudes Toward Immigration in Europe // *International Organization*. Vol. 61 (2). P. 339–442.

Heath A., Richards L. 2016. How do Europeans differ in their attitudes to immigration? // *European Social Survey*. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/about/conference/HEATH_FORD_how-do-Europeans-differ.pdf (Дата посещения: 23.09.2019).

How Life in Iceland? 2017 // OECD. URL: <http://www.oecd.org/statistics/Better-Life-Initiative-country-note-Iceland.pdf> (Дата посещения: 23.09.2019).

Immigration of foreign citizens. 2017. / *Statistics Iceland*. URL: <https://www.statice.is/> (Дата посещения: 23.09.2019).

Kosho J. 2016. Media Influence on Public Opinion Attitudes Toward the Migration Crisis. *International Journal of scientific & Technology Research*. Volume 5. Issue 05. May. P. 86–91.

Markaki Y., Longhi S. 2013. What Determines Attitudes to Immigration in European Countries? An Analysis at the Regional Level // *Migration Studies*. № 1 (3). P. 311–337.

Mayda A. M. 2006. Who is against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 88. № 3, P. 510–530.

Meuleman B., Davidov E., Billiet J. 2009. Changing Attitudes Toward Immigration in Europe, 2002–2007. A Dynamic Group Conflict Theory Approach // *Social Science Research*. № 38 (2). P. 352–365.

Muller T., Tai S. 2010. Individual Attitudes toward Migration: A Re-examination of the Evidence. University of Genova: Mimeo // WTO. URL: https://www.wto.org/english-res_e/reser_e/gtdw_e/wkshop10_e/tai_e.pdf (Дата посещения: 23.09.2019).

OECD publishing. 2016. International Migration Outlook. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017/trends-in-migration-flows-2016_migr_outlook-2017-table24-en#page1 (Дата посещения: 23.09.2019).

Ponizovskiy V. A. 2016. Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 13. № 2. С. 256–272.

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. 2006. The Rise of Anti-Foreigner Sentiment in European Societies, 1988–2000 // American Sociological Review. Vol. 71. No. 3. P. 426–449.

Slotte N. 2015. Political Influence and Anti-Immigrant Attitudes // Gupea. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/41187/1/gupea_2077_41187_1.pdf (Дата посещения: 23.09.2019).

Turner T. 2010. Why are Irish Attitudes to Immigrants among the Most Liberal in Europe? // European Societies. № 12 (1). P. 25–44.

Статья поступила: 03.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.604

Attitudes Towards Migrants and the Changes They Introduce As Evaluated by Russians and Europeans

Natalia S. Mastikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: navor@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-8859-6803

For citation: Mastikova, N. S. Attitudes towards migrants and the changes they bring, in assessments of Russians and Europeans. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 55–71. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.604

Abstract. This article, based on a European social survey for the year 2016, analyzes the attitudes of Russian and European citizens towards the influx of migrants into their respective countries, as well as towards the changes that said migrants bring with them. Despite the fact that Russia is among the leading countries in terms of migrant count, while remaining separated from those migration flows which bred the current European migrant crisis, it is among the top three nations with the most negative attitudes towards people migrating to their country, as well as in terms of evaluating the changes attributed to said migrants. In regards to migration inflow, the utmost negative assessments are prevalent in Hungary, the Czech Republic and Russia. Positive assessments were recorded in Iceland and Sweden. When it comes to changes introduced by migrants, the most negative assessments among all of the countries surveyed were again recorded in Hungary, Russia and the Czech Republic. The most tolerant countries in this regard turned out to be Scandinavian nations: Iceland, Sweden and Finland. Negative assessments in Hungary and the Czech Republic can be attributed to the fact that these nations act as migration transit points of sorts on the path towards the wealthiest of European states. They do not possess the resources necessary to handle accommodating and supporting transit migrants, as well as providing security for their own host populations. This article also cites the discussion on potential reasons for anti-migrant attitudes in foreign research. Among the main reasons highlighted are cultural factors (values and beliefs in the countries studied), economic (competition in the labor market, income level, GDP, the proportion of migrants among the general population), social-demographic (gender, age, education level, type of settlement), contextual factors (religion, political orientation, mass-media influence) etc. In Russia, aside from the aforementioned factors, the effect of low living standards and propagandistic coverage of the European migrant crisis in mass-media is also a consideration.

Keywords: European social survey, migrants, attitudes towards migrants, migration crisis, anti-migrant sentiments.

References

Bessudnov A. Ethic Hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia. *European Sociological Review*, 2015; 32; 5: 567–580.

Bohman A. *Anti-Immigrant Attitudes in Context: The Role of Rhetoric, Religion and Political Representation*. Akademisk avhandling, Umea: Department of Sociology, Umea universitet, 2014: 1–43.

Card D., Dustmann C., Preston I. *Understanding Attitudes to Immigration: The Migration and Minority Module of the First European Social Survey*. 2005. Center for Research and Analysis of Migration. Available at: <http://davidcard.berkeley.edu/papers/euroimmig.pdf> [accessed: 23.09.2018].

Constant A.F., Kahanec M., Zimmermann K. F. Attitudes Towards Immigrants, other Integration Barriers and their Veracity. *International Journal of Manpower*, 2009; 30; 1: 5–14.

Czech labor market predicts deep crisis this year. 420on.cz (the website), 2017. Available at: <http://420on.cz/news/economics/53136-rynku-truda-chehii-v-etom-godu-predrekayut-glubokiy-krizis> [accessed: 23.09.2018].

Czech Republic refused to accept migrants. Rosbalt Website, 2018. Available at: <http://www.rosbalt.ru/world/2018/03/01/1685993.html> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

Davidov E., Meuleman B. Explaining Attitudes Towards Immigration Policies in European Countries: The Role of Human Values. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012; 38; 5: 757–775.

Facchini G., Mayda A. From individual attitudes towards migrants to migration policy outcomes: theory and evidence. *Economic Policy*, 2008; 23: 651–713.

Gang I.N., Rivera-Batiz F.L., Yun M. *Economic Strain, Ethnic Concentration and Attitudes Towards Foreigners in the European Union*. IZA Discussion paper series. Bonn: IZA, 2002; 578: 1–40.

Gorinas C., Pytlikova M. The Influence of Attitudes toward Immigrants on International Migration. *International Migration Review*, 2017; 51; 2: 416–451.

Hainmueller J., Hiscox M.J. *Educated Preferences: Explaining Individual Attitudes Toward Immigration in Europe*. International Organization, 2007; 61; 2: 339–442.

Heath A., Richards L. How do Europeans differ in their attitudes to immigration? *European Social Survey*, 2016. Available at: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/about/conference/HEATH_FORD_how-do-Europeans-differ.pdf [accessed: 23.09.2018].

How do Germans feel about refugees? REGNUM Web portal, 2017. Available at: <https://regnum.ru/news/2260127.html> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

How Life in Iceland? OECD Official Web portal, 2017. Available at: <http://www.oecd.org/statistics/Better-Life-Initiative-country-note-Iceland.pdf> [accessed: 23.09.2018].

Iceland's prime minister criticized open border policy. Ria Novosti Web portal, 2016. Available at: <https://ria.ru/20160205/1370066212.html> [accessed: 23.09.2018].

Immigration of foreign citizens. Statistics Iceland Official website, 2017. Available at: <https://www.statice.is/> [accessed: 23.06.2018].

Kosho J. Media Influence on Public Opinion Attitudes Toward the Migration Crisis. *International Journal of scientific & Technology Research*, 2016; 5; 5: 86–91.

Life quality rating of the countries of the world. 2016. Gumanitarnye tekhnologii = Humanity Technologies (the website). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/quality-of-life-index/info> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

Manukov S. *Koln changed everything*. Expert online, 2016; release 14.01. AVAILABLE AT: <http://expert.ru/2016/01/14/keln-izmenil-vse/> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

Markaki Y., Longhi S. What Determines Attitudes to Immigration in European Countries? An Analysis at the Regional Level. *Migration Studies*, 2013; 1; 3: 311–337.

Mastikova N. S. Inter-ethnic tensions in Russia and Europe (according to ESS data for 2012). *Sociologichesky zhurnal = Sociological Journal*, 2016; 1: 95–113 (In Russ.).

Mayda A.M. Who is against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants. *Review of Economics and Statistics*, 2006; 88; 3: 510–530.

Mel'nikova K. In the shade of kebabs. Lenta.ru Web portal, 2018. Available at: <https://lenta.ru/articles/2018/03/29/sweden/> [accessed: 23.09.2018].

Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing Attitudes Toward Immigration in Europe, 2002–2007. A Dynamic Group Conflict Theory Approach. *Social Science Research*, 2009; 38; 2: 352–365.

Migrants in Russia: effects of presence. WCIOM Official website, 2016. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115969> [accessed: 23.09.2018] (in Russ.).

Migrants, migrant-phobia and migration policies. Ed. by V.I. Mukomel. Moscow: Central'ny Dom advokata, 2014: 245 (In Russ.).

Monthly monitoring of the socio-economic status and well-being of the population: 2015 – August 2017. Ed. by T.M. Maleva. Moscow: RANEPА publ., 2017: 35.

Muller T., Tai S. Individual Attitudes toward Migration: A Re-examination of the Evidence. University of Genova: Mimeo, 2010. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/gtdw_e/wkshop10_e/tai_e.pdf [accessed: 23.09.2018].

OECD publishing. International Migration Outlook. OECD Library Web portal. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017-trends-in-migration-flows-2016_migr_outlook-2017-table24-en#page1 [accessed: 23.09.2018].

Pipiya K.D. Xenophobia second freshness. Levada-center Official website, 2016. Available at: <https://www.levada.ru/2016/10/11/ksenofobiya-vtoroj-svezhesti/> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

Ponizovskiy V.A. Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries. *Psihologiya = Psychology*, 2016; 13; 2: 256–272 (In Russ.).

Semionov M., Rajzman R., Gorodzeisky A. The Rise of Anti-Foreigner Sentiment in European Societies, 1988–2000. *American Sociological Review*; 2006; 71; 3: 426–449.

Slotte N. Political Influence and Anti-Immigrant Attitudes. Gupea website, 2015. Available at: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/41187/1/gupea_2077_41187_1.pdf [accessed: 23.09.2018].

Slovenia is ready to give asylum to five thousand migrants and refugees. RIA Novosti Web portal, 2015. Available at: <https://ria.ru/world/20150917/1258525132.html> [accessed: 23.09.2018].

Social factors of interethnic tension in Russia. Ed. by Y.B. Epihina, M.F. Chernysh, Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 336 (In Russ.).

Socio-cultural and socio-structural factors of inter-ethnic tensions in the regions of the Russian Federation: research results. Ed. by M. F. Chernysh. Moscow, IS RAS publ., 2016: 103 (In Russ.).

There is a failure of the refugee integration program in Estonia. EuroAsia Daily Web portal, 2017. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/24/v-estonii-konstatirovali-proval-programmy-integracii-bezhencev> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

Turner T. Why are Irish Attitudes to Immigrants among the Most Liberal in Europe? *European Societies*, 2010; 12; 1: 25–44.

Vasinkevich O.U The Czech Republic has the most negative attitude towards migrants from the whole EU. Czech Radio Official website, 2017. Available at: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/u-chexii-samoe-negativnoe-otnoshenie-k-migrantam-iz-vsego-es> [accessed: 23.09.2018] (In Russ.).

The article was submitted on: June 03.2019

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.605

**«Разум в России, душа в Азербайджане»:
идентичности азербайджанских иммигрантов
в России**

Ссылка для цитирования: Эндрюшко А. А. «Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 72–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.605>

For citation: Endryushko, A. A. «Mind in Russia, the soul in Azerbaijan»: identities of Azerbaijani immigrants in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 72–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.605>

**Эндрюшко
Анна Александровна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

anna.endryushko@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [906278](https://elibrary.ru/author_id.asp?id=906278)

«Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России

Аннотация. Проблемы адаптации иммигрантов¹ не перестают быть актуальными в последние десятилетия как в мире, так и в России. Переехавшие в места нового проживания перестают быть привязанными к каким-либо месту (локальности), нации (государственно-гражданской общности), культуре, что, естественно, имеет последствия для их самовосприятия и адаптации – создаются новые возможности и новые границы идентичностей. Прежде всего это касается гражданской, этнической и локальной идентичностей ввиду их сложного характера и соотношения в стране выхода и принимающей среде. Важность изучения идентичностей иммигрантов осознаётся как зарубежными, так и российскими исследователями и рассматривается как одна из частей их интеграционного ресурса. В статье рассматриваются соотношения российской идентичности, идентичности страны исхода, локальной и этнической идентичностей у азербайджанских иммигрантов в России. Анализируется готовность трансформации их самосознания как важного показателя интеграции в российском обществе. Эмпирическую базу исследования составили данные общероссийского опроса трудовых иммигрантов, проведённого НИУ ВШЭ и ЦЭПРИ в 19 субъектах Российской Федерации в 2017 г., а также данные полуструктурированных интервью с азербайджанскими иммигрантами в Москве, которые помогли раскрыть ситуативные факторы иерархии идентичностей, понять основы, на которых базируется их самосознание. Проанализировано влияние возраста, места проживания иммигрантов, уровня их образования, характера иммиграции и длительности проживания в России на структуру идентичностей. На основе глубинных интервью показано, что российская идентичность у азербайджанцев имеет государственно-гражданское основание, а у людей более старшего возраста базируется и на общем государственном прошлом. Делается вывод о транснациональном направлении идентичности азербайджанских иммигрантов с преобладанием этнической, которое позитивно сочетается с формирующимся чувством связи с Россией как у циркулярных, так и у долгосрочных иммигрантов. В сравнении с сопоставимыми исследованиями 2011 г. проанализированы улучшающиеся оценки азербайджанскими иммигрантами принимающей российской среды, что, на наш взгляд, создаёт благоприятную основу формирования у них позитивной российской идентичности.

Ключевые слова: азербайджанские иммигранты; российская, страновая, этническая, локальная идентичности; интеграция иммигрантов

¹ В данной работе понятие «иммигранты» используется в соответствии с определением, имеющимся в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утверждённой Указом Президента РФ 6 декабря 2018 г., где употреблён термин «иностранные граждане», т. е. иммигранты.

В последние десятилетия во всём мире актуализировались проблемы адаптации иммигрантов в местах нового проживания¹. Не случайно внимание привлекли выступления европейских политических лидеров – А. Меркель, Н. Саркози, Дж. Камерона. Проблема актуальна и в России. В Стратегии государственной национальной политики России до 2025 г.² она выделена в одно из основных направлений деятельности госорганов.

Страновая и культурная диспозиции, с которыми сталкиваются иммигранты при переезде, имеют масштабные последствия для их самовосприятия и адаптации, так как переехавшие перестают быть привязанными к каким-либо месту (локальности), нации (государственно-гражданской общности), культуре.

Подходы к адаптации иммигрантов в принимающем обществе получали новые интерпретации со времён социологов Чикагской школы (Р. Парк, У. Томас, Ф. Знанецкий) и понимания её как прямолинейного, однонаправленного процесса до современного в рамках концепции транснационализма [Glick Schiller et al. 1995; Foner 2000; Ваубцк 2003], теории гибкой аккультурации [Pieterse 2007], при которых человек может иметь две и более культурных, национальных идентичности и быть вовлечённым сразу в несколько социальных контекстов, а «гибкая аккультурация» предлагает множественные схемы идентификации и интеграции [Эндрюшко 2017: 63].

Европейские исследователи считают трансформацию идентичностей одной из важных составляющих процесса адаптации и интеграции иммигрантов. Так, Х. Эссер [Esser 2000] и Ф. Хекман [Hekmann 2015] в теории интеграции иммигрантов выделяют четыре аспекта, один из которых – идентификационный (наряду с культурным, структурным, социальным). Он «отражает эмоциональную связь между иммигрантами и принимающим обществом», а инструментами политики идентичности выступают связи между символами, людьми и вещами [Варшавер, Рочева 2016].

Р. Пеннинк предлагает три аналитических измерения интеграции – политико-правовой, социально-экономический, культурно-религиозный. Последний относится к «области восприятия иммигрантов и принимающего общества» и включает идентичности иммигрантов (главным образом, этническую) [Penninx 2019].

Процесс миграции служит катализатором рефлексивного мышления об идентичности, поскольку вместе с новыми географическими местами возникают и новые смыслы, формы занятости, практики и окру-

¹ По данным департамента по экономическим вопросам ООН число мигрантов мире составило в 2017 г. 258 млн чел. См.: The International Migration Report 2017. United Nations Department of economic and social affairs // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (Дата посещения: 20.04.2019).

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/#review> (Дата посещения: 14.08.2019).

жение – создаются новые возможности и новые границы для идентичностей. Возникают вопросы о том, как сохраняются старые и создаются новые идентичности, каково их сочетание и иерархия. В первую очередь, это касается гражданской, этнической и локальной идентичностей ввиду их сложного характера и соотношения в стране выхода и принимающей среде.

Понятие идентичности получило широкое распространение в социальных науках благодаря психологическим теориям (Э. Эриксон, Дж. Марсиа и др.), которые дают понимание идентичности как ощущения «себя», самоотождествления, формирующегося на протяжении всей жизни человека и являющегося динамическим процессом [Erikson 1995: 685]. Согласно работам Эриксона, идентичность строится на самоотождествлении и социально-культурной основе, а её изменение и уточнение происходит через разного рода кризисы, возникающие вследствие потери актуальности ранее сформированной идентичности [Эриксон 1996]. К таким кризисам относится и процесс миграции.

Согласно Дж. Миду и концепции символического интеракционизма, идентичность формируется через социальное окружение. Введённое им понятие Я-концепции, где «I» – то, как человек видит себя сам, а «Me» – то, как его видят другие, «обобщённый другой в человеке», говорит о личности как о «продукте» социального взаимодействия [Mead 1992]. Представления о собственной идентичности закрепляются через определённые символы, которые впоследствии выступают инструментами идентичности (например, язык). Интегрированность человека в различные социальные общности (как в ситуации миграции) может приводить к проблематизации идентичностей.

Наиболее полное развитие понятие идентичности получило в работах социальных психологов Г. Тэджфела и Дж. Тернера [Tajfel, Turner 1986] в рамках изучения процессов межгрупповых отношений, где идентичность выступает в качестве регулятора поведения людей в определённых условиях с учётом групповых и индивидуальных характеристик. К этому же направлению относятся работы известного антрополога Ф. Барта [Барт 2006], показавшего роль групп по закреплению и поддержанию культурных различий.

В отечественных исследованиях накоплено уже значительное число работ по социальной идентичности, в том числе её изменению в трансформирующемся обществе [Данилова, Игитханян и др. 1994; Данилова, Ядов 2004], становлению солидаризирующей российской гражданской идентичности [Дробижева 2008; Семененко 2008; Тишков 2003], заложены основы теоретико-методологических подходов к исследованию политических наций на постсоветском пространстве [Национализм в мировой... 2007; Семененко 2016; Паин 1995].

Несмотря на большой пласт работ по вопросам социальной, в том числе этнической, российской гражданской идентичности в российских исследованиях уделяется недостаточно внимания вопросам идентичности в связи с иммиграционными процессами. Здесь можно выделить

работы социологов Института социологии ФНИСЦ РАН [Мукомель 2018; Кузнецов 2007; Пешкова 2018], молодых исследователей из РАНХиГС, изучающих разные аспекты интеграции иммигрантов в России, включая идентификационную интеграцию [Варшавер, Рочева 2016], петербургских исследователей, занимающихся вопросами транснациональной миграции [Абашин 2017; Кивисто 2016; Резаев и др. 2013].

Важность изучения идентичности обуславливается восприятием самих иммигрантов принимающей страной либо как экономического ресурса, либо как постоянно проживающих граждан с ориентацией на интеграцию. Во втором случае идентификация иммигранта и ценностные стандарты, на которые он ориентируется, рассматриваются как одна из частей его интеграционного ресурса [Кузнецов 2007: 145].

В России, по оценкам специалистов, постоянно находится от 9,2 до 11,8 млн иностранных граждан [Мукомель: 2018]. Особенность российской ситуации в том, что основной поток иммигрантов складывается из выходцев стран СНГ, которые в недавнем прошлом составляли с ней единое государственное пространство, и единое историческое прошлое закладывает основы для общих идентичностей, чувства близости, сопричастности. В настоящее время с большинством этих стран Россия сотрудничает в разных сферах экономики и политики, создавая экономические союзы.

Непосредственное внимание мы уделяем иммигрантам из Азербайджана, имеющим длительную историю миграции с Россией и обладающим тесными родственными и дружескими связями в нашей стране. Потоки из Азербайджана остаются стабильными¹: в 2011–2017 гг. в РФ прибывало 20–25 тыс. человек ежегодно, а на её территории находится около 520 тыс. граждан Азербайджана².

Целью данной статьи является рассмотрение соотношения российской гражданской, страновой, локальной³ и этнической идентичностей азербайджанских иммигрантов, а также их готовность к трансформации самосознания как важного показателя интеграции в российском обществе.

Эмпирической базой работы были:

1. Данные всероссийского исследования трудовых иммигрантов НИУ ВШЭ, полученные на основе опроса (рук. В. И. Мукомель), проведённого весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ). Обследование проводилось в 19 субъектах РФ, опрашивались граждане стран СНГ и Грузии независимо от их правового статуса. Общий объём выборочной совокупности – 8577 респондентов. Азербайджанцев в выборке – 388 чел.

¹ По сравнению, например, с миграцией из Средней Азии, где цифры прибывших менялись с гораздо большей интенсивностью.

² Федеральная служба государственной статистики (2017). Миграция // Международная миграция. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (Дата посещения: 20.07.2019).

³ Рассматривается локальная идентичность как страны исхода, так и страны прибытия.

2. Данные полуструктурированных интервью с азербайджанскими иммигрантами в Москве, проведённые автором в январе–апреле 2019 г. (всего 15 интервью из числа респондентов количественного исследования). А также интервью с азербайджанцами, давно живущими в России и формально не относящимися к категории иммигранты (имеют российское гражданство), но имеющими миграционный опыт – таких людей в зарубежных исследованиях называют «лица с миграционным прошлым/фоном» (15 интервью).

Глубинные интервью в сочетании с количественными данными помогли раскрыть ситуативные факторы иерархии идентичностей азербайджанцев в России, понять основы, на которых базируется их самосознание, проанализировать возможности трансформации самосознания азербайджанцев в принимающем российском обществе.

В Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. с изменениями, внесёнными Указом Президента РФ в декабре 2018 г. «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹. Но приезжающие в нашу страну на постоянное или временное жительство иммигранты, конечно, понимают её как соотношение себя со страной в целом, с россиянами, поэтому в статье мы будем называть эту идентичность просто российской. А идентичность страны исхода (осознание себя гражданами Азербайджана) – страновой.

Структура и основания идентичностей азербайджанских иммигрантов в России

Иммигранты, особенно трудовые, нередко сталкиваются с трудностями, которые, естественно, вызывают напряжённость в отношениях с принимающим обществом – большинство из них чаще всего заняты низкоквалифицированным трудом, предполагающим нестандартные условия (долгий рабочий день, отсутствие социальных гарантий, зачастую неподобающие условия труда). Всё это может представлять угрозу для их позитивного самопонимания [McDowell 2009: 20].

В ходе опроса изучались идентичности иммигрантов из Азербайджана. Индикатором были ответы на вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Как часто Вы

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/#review> (Дата посещения: 14.08.2019).

можете сказать: «Это – мы» о людях, из перечисленных ниже групп? Как часто Вы чувствуете с ними единство, близость?». Предлагались варианты ответа: «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь ответить»¹.

Изучение структуры идентичностей иммигрантов из Азербайджана очевидно показывает важность помимо страновой и этнической – экономической идентичности как основного мотива иммиграции в Россию. Реже они чувствуют связь профессиональную, поколенческую, религиозную (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура идентичностей иммигрантов из Азербайджана (доля ответивших, что «часто» ощущают близость с ...), %
Figure 1. Structure of identities among Azerbaijani immigrants (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to...), %

На рисунке 1 представлены данные о респондентах, которые ощущают близость «часто». Эти данные меньше, чем о тех, кто ощущают такое единство в сумме «часто» и «иногда», но мы здесь и далее используем эти данные об идентичности, поскольку они означают более тесную связь с названными общностями в ситуации жизни в другой стране.

Структура и иерархия идентичностей иммигрантов зависит от уровня образования, территории выхода (город/село), возраста, мотивации иммиграции, длительности пребывания и других факторов.

Приехавшие из столицы и крупных городов чаще ощущают близость с гражданами России, чем выходцы из малых городов и сельской местности – 39–41% против 27–28% соответственно (см. рис. 2).

¹ Вопрос впервые был сформулирован Е. Н. Даниловой и В. А. Ядовым и в дальнейшем использовался в исследованиях Института социологии РАН.

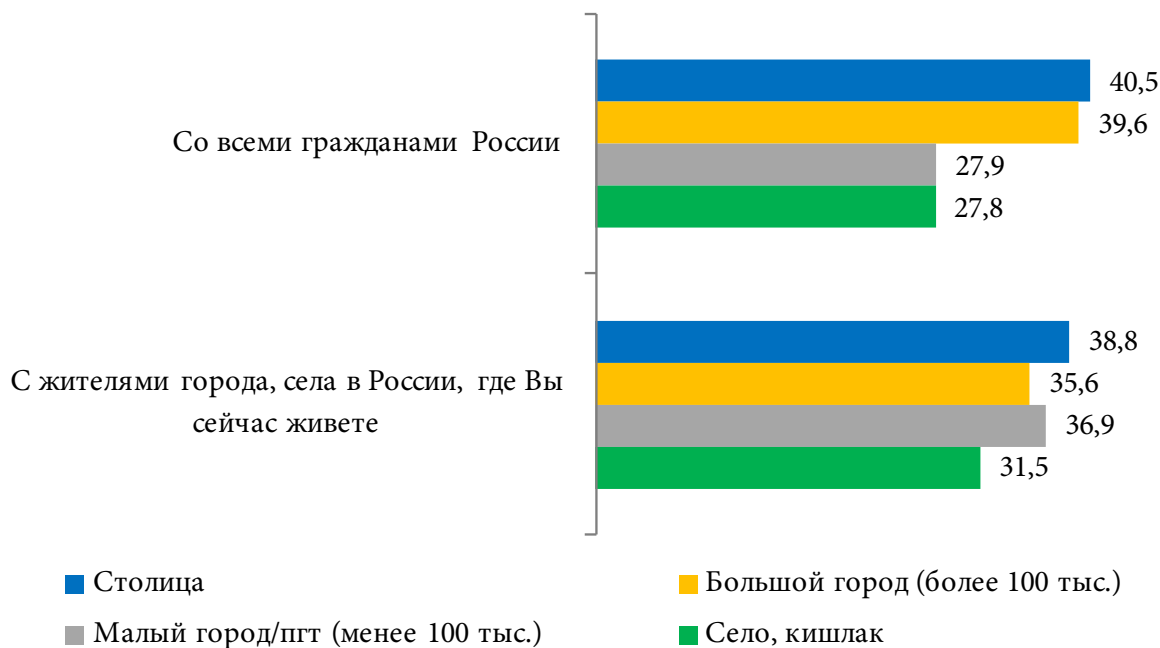

Рис. 2. Российская и локальная идентичность азербайджанских иммигрантов в зависимости от территории выхода

(доля ответивших, что «часто» ощущают близость с), %

Figure 2. Russian and local identity of Azerbaijani immigrants depending on country of departure (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to...), %

Иммигранты из Азербайджана с неполным высшим и высшим образованием в большей мере чувствуют близость как со всеми гражданами России, так и с жителями города, села, где они проживают. Но и они же чувствуют более сильную связь с жителями большой и малой родины, людьми своей национальности (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Страновая азербайджанская, российская, локальная и этническая идентичности иммигрантов из Азербайджана в зависимости от уровня образования

(доля ответивших, что «часто» ощущают близость с...), %

Country Azerbaijani, Russian, local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants depending on education level (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to...), %

Образование	С гражданами Азербайджана	С жителями города, села в Азербайджане	Со всеми гражданами России	С жителями города, села в России, где Вы сейчас живете	С людьми вашей национальности
Высшее	67,2	68,8	45,3	45,3	68,8
Неполное высшее	57,1	57,1	42,9	57,1	42,9
Начальное и среднее профессиональное	55,3	50,5	31,7	28,8	46,9
Среднее общее	60,7	57,1	30,8	33	66,5
Начальное, неполное среднее	54,2	54,2	37,5	50	70,8

Более высокий уровень образования иммигрантов из Азербайджана в большей мере обуславливает их российское и локальное самовосприятие. Учитывая, что уровень их образования достаточно высок в сравнении с некоторыми иммигрантами из других стран [Эндрюшко 2018: 220], это может давать основу для позитивного развития чувства принадлежности в принимающей стране при благоприятных для этого условиях (таких, как хорошее отношение принимающего населения, лояльное миграционное законодательство и т. д.).

По результатам опроса не видно значимых различий в самосознании азербайджанцев разного возраста, но молодёжь (18–29 лет) чаще ассоциирует себя с малой родиной (63,6%), а люди более старшего возраста (старше 50 лет) – с большой, т. е. гражданами Азербайджана (см. таблицу 2). Этническая идентичность имеет практически одинаково важное значение для всех возрастов, чуть ниже она только у людей среднего возраста (40–49 лет).

Таблица 2 (Table 2)

Российская, страновая, локальная и этническая идентичности иммигрантов из Азербайджана разного возраста

(доля ответивших, что «часто» ощущают единство, близость с...), %

Russian, country, local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants of various ages (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to, unity with...), %

Возраст, лет	С гражданами Азербайджана	С жителями Вашего города, села в Азербайджане	Со всеми жителями России	С жителями города, села в России, где Вы живёте	С людьми Вашей национальности
18–29	61,8	63,6	39,1	38,2	66,4
30–39	60,4	57,5	34,9	34,0	63,2
40–49	53,3	53,3	27,2	31,5	58,7
Старше 50	64,8	54,9	35,2	39,4	64,9

В ходе интервью ощущение связи с Россией у людей старшего возраста было более заметно выражено, потому как они, во-первых, (по словам самих информантов) «дети одной страны»; во-вторых, практически все из тех, с кем мы беседовали, всю сознательную жизнь провели в иммиграции в России, бывая в Азербайджане лишь короткими перерывами: «...Я родился в Советском Союзе, учился в Советском Союзе, я тут и работал на заводе... Поэтому Россия мне родная страна, мои самые счастливые годы прошли здесь, в России» (мужчина, 54 года, более 20 лет циркулярный иммигрант).

Значительную роль играет характер иммиграции – долгосрочный, циркулярный или краткосрочный, или же это впервые прибывшие иммигранты (см. таблицу 3).

Впервые прибывшие, естественно, чаще ощущают близость с гражданами страны выхода, чем долгосрочные и циркулярные иммигранты – 71,4 против 56,7% у долгосрочных и 62,4% у циркулярных. Схожие тенденции для этнической и локальной идентичностей страны исхода.

Российская идентичность здесь имеет не такие явные различия – часто ощущают близость с гражданами России 36,4% опрошенных азербайджанских иммигрантов, отнесённых к долгосрочным, 33,5% – к циркулярным, 32,1% – к впервые прибывшим. Между тем, среди россиян это 29–30%, в отдельных регионах страны до 50%.

Таблица 3 (Table 3)

Российская, страновая, локальная и этническая идентичности азербайджанских иммигрантов в зависимости от характера миграции, %
Russian, country, local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants depending on type of migration, %

Чувствуете близость с ...? (ответы «часто»)	Долгосрочные	Циркулярные и краткосрочные	Впервые прибывшие
Гражданами той страны, из которой Вы приехали	56,7	62,4	71,4
Жителями города, села той страны, из которой Вы приехали	52,4	62,4	64,3
С всеми гражданами России	36,4	33,5	32,1
Жителями города, села в России, где Вы сейчас живёте	38,5	34,7	32,1
Людьми Вашей национальности	59,4	67,6	71,4

Интервью с иммигрантами разной длительности пребывания и людьми с миграционным прошлым в целом позволили сделать вывод, что такие тенденции связаны и с тем, что молодые (они же чаще всего впервые прибывшие и живущие в России менее короткий срок) чаще тяготеют к стране исхода, так как в целом ещё допускают возможность уехать обратно в Азербайджан и менее уверены в будущем. Это проходило даже в интервью с иммигрантами «полуторного» поколения (теми, кого привезли в Россию родители). «...Я бы хотел, конечно, если бы в Азербайджане была б такая возможность, конечно, лучше было б там...» (мужчина, 25 лет, долгосрочный иммигрант около 10 лет); «Пока не могу сказать, вернусь ли в Азербайджан, пока работаю, а что будет дальше – посмотрим...» (мужчина, 28 лет, долгосрочный иммигрант около 10 лет).

Между тем, иммигранты старшего возраста, прожившие в России много лет, в воспоминаниях о годах начала иммиграции часто говорили, что изначально поездки планировались на «год-другой», но в итоге стали длительными (как циркулярными, так и с постоянным проживанием в России): «Я, когда ехал, думал на пару месяцев, потом думал на пару лет, в итоге 18 лет уже прошло, а я все ещё тут...» (мужчина, 44 года, циркулярный иммигрант более 18 лет); «В 96 приехал в Россию... Тогда думали временно всё это, другие времена были...» (мужчина, 49 лет, долгосрочный иммигрант более 20 лет).

Сейчас уже эти люди в большинстве своём не рассматривают для себя постоянной жизни на родине ввиду разных обстоятельств (экономических, социальных, культурных – привычки, менталитет и т. п.). Многие (в т. ч. молодые, которые изначально приехали в Россию с роди-

телями) рассказывали о неудачных попытках возвращения для жизни на родине. *«...Я уже привык здесь, я туда еду – чужой там, чувствую уже чужим, не понимаю людей, не то, что не понимаю, политику их, мнения, вообще, образ жизни их, что самое важное для них, то есть всё по-другому, то есть здесь я более как бы адаптирован. Голова свежая здесь больше, чем там. Забита тем, что надо...»* (мужчина, 33 года, долгосрочный иммигрант более 15 лет). *«Я честно вам скажу, я переехал туда в 2004 г., продал тут всё своё, бизнес, надо было поехать там жить. Но я не мог там жить, жил полтора года, как бы знаете... я привык же здесь, не мог уже привыкнуть там, даже по климату не мог привыкнуть. Плюс по работе не то было, не по душе было, немножко здесь как бы своё уже чувствую я тут, чем там»* (мужчина, 35 лет, долгосрочный иммигрант более 15 лет).

Азербайджан как страна для проживания рассматривается иммигрантами (как долгосрочными, так и циркулярными) в ряде случаев «только если на пенсии», а азербайджанцами с миграционными прошлым, имеющими российское гражданство – практически не рассматривается.

Подтверждая количественные данные, по глубинным интервью у азербайджанцев виден приоритет этнической идентичности над всеми другими идентичностями вне зависимости от возраста, пола и времени проживания в России. Даже те, кто живут в России более 30 лет, говорят: *«Я в первую очередь азербайджанец»*, *«мы все азербайджанцы, об этом нужно помнить, где бы ты ни находился»*.

Одним из важных маркеров этнической идентичности является язык общения. С одной стороны, для азербайджанцев характерно хорошее знание русского языка – 15,7% в количественном опросе сказали, что считают русский язык родным (в Азербайджане были и остаются русские школы), 60% считают, что им не нужно учить русский язык. Вероятно, потому, что, по мнению самих респондентов, они и так им владеют (интервьюерами оценено знание русского языка в 95% случаев от 3 до 5 по 5-балльной шкале).

С другой стороны, языком межнационального общения выступает как русский, так и азербайджанский. На работе на русском говорят 59,8% опрошенных, 33,2% – на русском и азербайджанском в равной степени. Правда, с друзьями и дома на русском говорят лишь по 20%, чаще иммигранты отвечают, что общение с друзьями происходит «на русском и азербайджанском в равной степени» (59%), дома – чаще на родном языке (41%) (см. рис. 3).

Интересно было наблюдать это в ходе проведения глубинных интервью, когда информантам приходилось отвечать на телефонные звонки или здороваться и разговаривать с проходившими мимо знакомыми в местах проведения интервью – каждая такая беседа происходила в большинстве своём на азербайджанском языке даже у тех, кто перед этим в ходе беседы утверждал, что на азербайджанском языке в России практически не говорит.

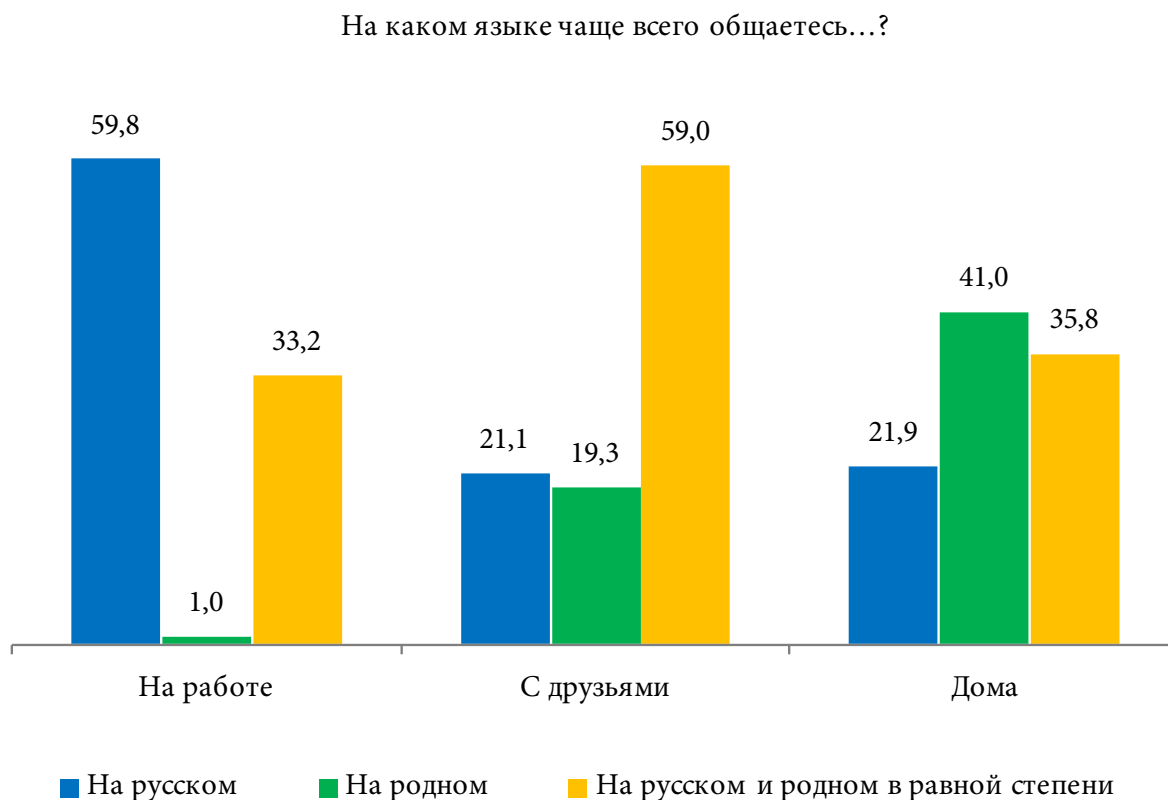

Рис. 3. Язык межнационального общения азербайджанских иммигрантов в России в разных сферах, 2017 г., %

Figure 3. Interethnic language of Azerbaijani immigrants in Russia in various fields, 2017, %

С течением жизни в России азербайджанским иммигрантам вне зависимости от возраста становится близка российская идентичность, но не в культурном, а скорее в государственно-гражданском её понимании – большинство информантов отмечали, что в России лучше соблюдается законность и порядок, чем в Азербайджане, гораздо ниже уровень коррупции (она есть, но не сравнима по масштабам со страной исхода), больше возможностей для ведения бизнеса и получения образования: «То, что я могу здесь сделать, там уже невозможно сделать, там не дадут возможности... В России тоже экономическая ситуация сложная, но...какая бы ни была сложная, намного лучше, чем у нас...» (мужчина, 26 лет, долгосрочный иммигрант более 10 лет); «...Там у нас права голоса нету, прав человека нету, если что-нибудь пикнешь – забирают. А тут [в России] свободно ходишь. Законы и правила мне здесь больше нравятся...» (женщина, 41 год, циркулярный иммигрант около 20 лет).

Иммигранты, не имеющие российского гражданства, но проживающие основную часть жизни здесь, в России, говорят, что чувствуют себя её гражданами, называя «второй родиной». Из них, по результатам опроса, 47,9% имеют в планах получение российского гражданства. Среди них 55,4% – долгосрочные иммигранты, 38,2% – циркулярные и краткосрочные, 6,5% – впервые прибывшие.

В зависимости от возраста (чем старше) планы на получение гражданства уменьшаются, но, как показали интервью, это связано не столько с каким-либо причинным отсутствием таких планов, а ско-

рее с пониманием «упущенного времени», а также представлением о сложности и высокой стоимости получения российского гражданства: *«Гражданство... у братьев всех есть, раньше получили, а сейчас...откуда у меня; во-первых, деньги, чтобы получить гражданство, столько денег много надо, у меня нету столько...»* (женщина, 41 год, циркулярный иммигрант около 20 лет); *«Я очень сожалею, что в своё время не стал гражданином, хоть у меня и паспорт; ... всё время стояла печать с пропиской российской; ... но я упустил время, как-то в своё время не подумал об этом...»* (мужчина, 54 года, более 20 лет циркулярный иммигрант).

В целом понятие «россиянин» в ходе глубинных интервью оказалось более близким, чем москвич(ка) (поскольку интервью проводились в Москве, то анализировалась локальная идентичность на примере московской). Москвичами азербайджанцы себя чувствуют реже, считая, что «москвич – это тот, кто родился в Москве» или по крайней мере тот, у кого есть в этом городе свое жильё, а к последним относились в основном не иммигранты, а азербайджанцы с миграционным прошлым, у которых как раз и имелась наиболее выраженная локальная (московская) идентичность: *«Москвич – это москвич, который родился здесь, вырос здесь. А я – проходящий уходящий...»* (мужчина 33 года, долгосрочный иммигрант более 15 лет); *«...Москвичом, чтобы почувствовать себя, нужно иметь жилплощадь за собою. Я не очень-то чувствую себя москвичом, но я чувствую себя россиянином...»* (мужчина, 42 года, более 10 лет циркулярный иммигрант). На наш взгляд, это связано ещё и с тем, что понятие «москвич» даже для самих россиян остаётся дискуссионным.

Транснациональные связи с родиной у проживающих в России азербайджанских иммигрантов относятся чаще к родителям, братьям, сёстрам и другим членам семьи, потому, как только 23,7% сказали, что оставили там жену/мужа, 28% – детей. 32,3% респондентов общаются с родственниками, проживающими в Азербайджане, каждый день или почти каждый день, 35% – 1–3 раза в неделю, а 49,5% опрошенных посылают на родину деньги (47% этого не делают).

В ходе интервью мы также спрашивали информантов, следят ли они за новостными событиями в Азербайджане и практически всегда получали положительный ответ, так же, как и за российскими событиями, с разницей в том, что за первыми следят в интернете и от знакомых, а за вторыми – в интернете и по телевизору.

Обобщая анализ данных количественного опроса и результаты глубинных интервью, можем сделать вывод о транснациональности и многосоставности идентичности азербайджанских иммигрантов в России¹.

Формирование у них российской идентичности происходит на основании двух факторов – историческом прошлом и государственно-гражданском состоянии в настоящем. Последнему в большой степени должны способствовать соответствующие условия в принимающем российском обществе – в первую очередь, благоприятное отношение принимающего населения и то, как принимающую среду оценивают сами азербайджанские мигранты.

¹ К таким же выводам приходили и другие уже упомянутые нами исследователи миграции (Абашин С. Н., Резаев А. В. и др.).

Оценка азербайджанскими иммигрантами принимающей российской среды

Формирование позитивной российской идентичности иммигрантами зависит и от их оценок принимающей среды, отношения к ним принимающего населения и межнациональных отношений в местах проживания.

Здесь мы для сравнения приводим данные исследования, проведенного в 2011 г.¹ по анкете, аналогичной исследованию 2017 г., данные которого используются в настоящей статье (исключение составляют вопросы, касающиеся идентичности, заданные в 2017 г. впервые), чтобы показать положительные тенденции, происходящие в оценке иммигрантами российской среды.

Большинство иммигрантов из Азербайджана (86,4%) оценивают межнациональные отношения в городе проживания как «доброжелательные и спокойные», напряжёнными и внутренне напряжёнными их видят не более 10% опрошенных (2017 г.).

Несмотря на то, что 53,9% согласны с мнением о том, что местные жители никогда не будут считать азербайджанцев своими, большинство опрошенных полагают, что местные жители хорошо относятся к мигрантам (80,2%), и этот показатель значительно вырос с 2011 г. – тогда так считали только 30,6%.

Это, по всей видимости, имеет связь с тем, что доля иммигрантов из Азербайджана, лично столкнувшихся с неприязненным отношением, существенно снизилась (а во многих ситуациях фактически сошла на нет) в 2017 по сравнению с 2011 гг. (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Доля азербайджанских иммигрантов, которые лично за последний год сталкивались с неприязненным отношением, 2011 и 2017 гг., %
Proportion of Azerbaijani immigrants who personally encountered hostility within the last year, 2011 and 2017, %

В этом году Вы лично (или члены Вашей семьи) сталкивались с неприязненным отношением при...	2011	2017
Поиске работы, обсуждении зарплаты и условий работы	27,2	4,4
Получении медицинской помощи	14,9	3,9
Контактах с полицией	35,1	13,4
В общении с людьми (на улице, с коллегами по работе, с соседями)	20,9	7,5
В школах, вузах, колледжах и других образовательных учреждениях	3,7	1,0
Поиске жилья	25,0	3,9
Оформлении документов в государственных органах	20,5	5,7
В др. ситуациях	1,1	0,8

¹ Всероссийское социологическое исследование трудовых мигрантов НИУ ВШЭ, проведенное в конце 2011 г. Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) (рук. В. И. Мукомель). Общий объем выборочной совокупности – 8499 мигрантов в 8 регионах России. Азербайджанцев в выборке – 270.

Основные жизненные ситуации, в которых сохранился уровень негативизма местного населения в 2017 г. – это контакты с полицией 13% (в 2011 г. – 35%); при общении с людьми 7,5% (2011 – 20,9%); 5,7% при оформлении документов в государственных учреждениях (2011 – 20,5%).

Сходные тенденции отмечались и информантами в ходе глубинных интервью. Они зачастую говорили об улучшении отношений между приезжими и местным населением, о снижении уровня неприязни, точнее, о снижении его проявлений, редким из которых называли обобщённо: *«Ну бывает говорят что-то плохое, очень редко»; «В глубине души у всех есть неприязнь, а на деле сейчас уже никто не скажет. Если даже скажет – ну это глупый человек, это невоспитанный человек только будет, его даже свои-то не поддержат... «Ты не русский» ... Ну и что из того, что я не русский?»* (мужчина, 26 лет, долгосрочный иммигрант более 10 лет); *«Ситуация, конечно, давно совсем другая... Когда маленький был, когда ещё не жили в Москве, я помню, приезжали и все знали – в метро азербайджанцам опасно, возле метро опасно..., мы приезжали и быстро ехали в аэропорт... Теперь живём в Москве, люди все спокойно ходят, никто ни о каком страхе даже не знает...»* (мужчина, 24 года, азербайджанец с миграционным прошлым).

Выводы

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы в отношении идентичностей мигрантов из Азербайджана в России.

Структура и иерархия идентичностей азербайджанских иммигрантов в большей мере зависит от территории выхода (город/село), уровня их образования, характера миграции и длительности проживания в нашей стране, в меньшей – от возраста.

Глубинные интервью показывают, что азербайджанцам близка российская идентичность скорее в её государственно-гражданском смысле. Но для людей старшего возраста она базируется и на памяти об общем историческом прошлом.

В целом наблюдается доминирование транснациональной идентичности. Преобладает этническая идентичность, которая сочетается с формирующимся чувством связи с Россией как у циркулярных, так и у долгосрочных иммигрантов. Справедливо это и для азербайджанцев с миграционным прошлым, уже имеющих российское гражданство; для них, конечно, в большей мере характерно российское самосознание, формирующееся в процессе длительного проживания в нашей стране.

Транснациональные связи поддерживаются через ежедневное и еженедельное (более 60%) общение с членами семьи и родственниками, проживающими в Азербайджане, а также через постоянное наблюдение за новостными событиями на родине (в основном, через интернет и рассказы родных, знакомых).

В сравнении с сопоставимыми исследованиями 2011 г. наблюдается значительное улучшение в оценках азербайджанскими иммигрантами межнациональных отношений в России, отношения к ним принимающего населения, а также уменьшением доли иммигрантов, лично сталкивающихся с неприязненным отношением. Всё это создаёт благоприятную основу формирования позитивной российской идентичности у азербайджанских иммигрантов.

Библиографический список

Абашин С. Н. 2017. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII. М.–СПб.: Нестор-История. С. 203–220.

Барт Ф. (ред.) 2006. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во. 198 с.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. 2016. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. № 14 (3). С. 315–330.

Данилова Е. Н., Игитханян Е. Д. и др. 1994. Социальная идентификация личности. Книга 1. М.: Институт социологии РАН. 154 с.

Данилова Е. Н., Ядов В. А. 2004. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. № 10. С. 20–30.

Дробижева Л. М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214–228.

Кивисто П. 2016. Теперь мы все действительно мультикультуралисты // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX. № 2. С. 19–45.

Кузнецов И. М. 2007. Вариативность идентификации мигрантов в российских локальных социумах // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. К.: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН. С. 143–159.

Мукомель В. И. 2018. Молдавские мигранты в России: отношение к диаспорным институциям в контексте структуры идентичностей // Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения. Материалы международной научной конференции. Кишинэу, 21 декабря 2017 года. С. 269–277.

Национализм в мировой истории / Под ред. Тишкова В. А. и др. М.: Наука, 2007. 601 с.

Паин Э. А. 1995. Становление государственной независимости и национальной консолидации России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России: Социология, этнология. Т. 4. № 1. С. 58–90.

Пешкова В. М. 2018. Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. № 9. С. 167–172.

Резаев А. В., Саначин А. А., Лисицын П. П. 2013. Повседневные практики транснациональных трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге и Афинах // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Вып. 3. С. 150–161.

Семененко И. С. 2008. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. № 3. С. 80–96.

Семененко И. С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–28.

Тишков В. А. 2003. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 544 с.

Эндрюшко А. А. 2017. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. № 23. С. 45–70. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2017_23/Endryushko.pdf (Дата посещения: 05.08.2019).

Эндрюшко А. А. 2018. Социально-экономический потенциал азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в 2014–2017 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 216–233.

Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М.: Прогресс. 344 с.

Baubцck R. 2003. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism. *International Migration Review*. № 37 (3). P. 700–723.

Erikson, E. 1995. *A Way of Looking at Things. Selected Papers* / ed. by S. Schlein. N.Y: Norton&Company. 757 p.

Esser H. 2000. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft*. Frankfurt-New York: Campus. 511 p.

Foner N. 2000. *From Ellis Island to JFK: New York's Two Great Waves of Immigration*. New Haven: Yale University Press. 334 p.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. 1995. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. № 68 (1). P. 48–63.

Heckmann F. 2015. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Heidelberg: Springer VS. 309 p.

McDowell L. 2009. Old and new European economic migrants: Whiteness and managed migration policies // *Journal of Ethic and Migration Studies*. № 35 (1). P. 19–36.

Mead G. H. 1992. *Mind Self and Society: from the Standpoint of a social behaviorist* / Ed. and introduction by C. W. Morris. Chicago; London: The University of Chicago Press. 401 p.

Penninx R. 2019. Problems of and solutions for the study of immigrant integration // *Comparative Migration Studies*. Vol. 7 (1). P. 7–23.

Pieterse J. N. 2007. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalizations. March. Vol. 4. № 1. P. 65–79.

Tajfel H., Turner J. 1986. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Worchel S., Austin W. G., eds., Psychology of Intergroup Relation. Hall Publishers, Chicago. P. 7–24.

Статья поступила: 06.09.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.605

“Mind in Russia, Soul in Azerbaijan”: Identities of Azerbaijani Immigrants in Russia

Anna A. Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: anna.endryushko@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1358-1145

For citation: Endryushko, A. A. «Mind in Russia, the soul in Azerbaijan»: identities of Azerbaijani immigrants in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 72–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.605>

Abstract. Over the last few decades, immigrant adaptation issues have continued to bear relevance both in Russia and around the world. Those who relocated to new places of residence no longer attach themselves to one place (locale), nation (state-civil community), or culture, which, of course, takes a toll on their self-perception and adaptation – this creates new opportunity and new dimensions in terms of identity. This mostly applies to civil, ethnic and local identities, due to their complex nature and their proportion between the country of origin and host environment. Both foreign and Russian researchers recognize the importance of studying immigrant identities, which is regarded as one of the components of their capacity for integration. This article considers the proportion of Russian identity, identity of country of origin, as well as local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants living in Russia. Their readiness to transform their self-consciousness, with it being a key indicator of their integration into Russian society, is analyzed. This study’s empirical basis consists of data from an all-Russian survey among labor immigrants, conducted by the HSE and CEPRS in 19 Russian regions in 2017, as well as data from semi-structured interviews with Azerbaijani immigrants living in Moscow, which helped identify situational factors in their hierarchy of identities and understand the foundations on which their self-consciousness is based. Analyzed is how immigrants’ identity structure is influenced by age and place of residence, education level, type of immigration and duration of stay in Russia. It was revealed, based on in-depth interviews, that Russian identity among Azerbaijanis is based around a state-civil foundation, while in the case of elder generations it is based around their having been a common nation in the past. A conclusion is drawn indicating a transnational direction in Azerbaijani immigrants’ identity, with ethnic identity prevailing, which fits in favorably with a developing sense of connection to Russia both among circular and long-term migrants. In relation to comparable studies conducted in 2011, analyzed are the increasingly more positive assessments of the host Russian environment by Azerbaijani immigrants, which, in our estimation, creates a favorable foundation for developing a positive Russian identity among them.

Keywords: Azerbaijani immigrants, Russian identity, country identity, ethnic identity, local identity, integration of migrants.

References

Abashin S.N. Integration vs. transnationalism: migration strategies of Central Asians. In: Puti Rossii. Voyna i mir = Ways of Russia. War and Peace. Vol. XXII. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017: 203–220 (In Russ.).

Ethnic Groups and Social Borders: The Social Organization of Cultural Differences. Ed. by F. Bart. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006: 198 (In Russ.).

Baubцck R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism. *International Migration Review*, 2003; 37(3): 700–723.

Danilova E. N., Igithanian E. D., Chernysh M. F., Klimova S. G., Kozyreva M., Kozyrev Y.N., Kozlova T.Z. Social identity. Book 1. Moscow: IS RAS publ., 1994: 154 (In Russ.).

Danilova E.N., Yadov V.A. Unstable social identity as a norm in modern societies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004; 10: 20–30 (In Russ.).

Drobizheva L.M. National-civic and ethnic identity: problems of positive compatibility. In: *Rossija reformirujushhajasja = Reforming Russia*. Release 7. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: IS RAS publ., 2008: 214–228 (In Russ.).

Endryushko A.A. Theoretical approaches towards examining the adaptation of migrants to the host society: foreign practices. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017; 23: 45–70 (In Russ.).

Endryushko A.A. Social and economic potential of Azerbaijani migrants who entered Russia in 2014–2017. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social change*, 2018; 6: 216–233 (In Russ.).

Ericsson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress, 1996: 344 (In Russ.).

Ericsson E. *A Way of Looking at Things. Selected Papers*. New York: Norton&Company, 1995: 757.

Esser H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft*. Frankfurt-New York: Campus, 2000: 511 (In German).

Foner N. *From Ellis Island to JFK: New York's Two Great Waves of Immigration*. New Haven: Yale University Press, 2000: 334.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*, 1995; 68(1): 48–63.

Heckmann F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Heidelberg: Springer VS, 2015: 309 (In German).

Kivisto: Now we are all truly multiculturalists. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2016; XIX; 2: 19–45 (In Russ.).

Kuznetsov I.M. Variability of identification of migrants in Russian local societies. In: *Nacional'no-grazhdanskije identichnosti i tolerantnost'. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformacii = National-civic identities and tolerance. Experience of Russia and Ukraine during the transformation period*. Ed. by L. Drobizheva, E. Golovaha. Moscow, Kiev: IS NAN Ukraine, IS RAS, 2007: 145 (In Russ.).

McDowell L. Old and new European economic migrants: Whiteness and managed migration policies. *Journal of Ethic and Migration Studies*, 2009; 35 (1): 19–36.

Mead G.H. *Mind Self and Society: from the Standpoint of a social behaviorist*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992: 401.

Mukomel V. I. Moldovan migrants in Russia: attitude to diaspora institutions in the context of the structure of identities. In: *Diasporas in the modern world: regional context and potential for sustainable development of the country of origin. Materials of the international scientific conference*. Kishinau, 2018: 269–277 (In Russ.).

Nationalism in World History. Ed. by V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman Moscow: Nauka, 2007: 601 (In Russ.).

On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025 (As amended by the Decree of the President of the Russian Federation of December 6, 2018, no 703). Garant.ru Web portal. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/#review> [accessed: 14.08.2019].

Pain E. A. The formation of state independence and national consolidation of Russia: problems, trends, alternatives. *Mir Rossii: Sociologija, etnologija = Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, 1995; 4; 1: 58–90 (in Russ.).

Penninx R. Problems of and solutions for the study of immigrant integration. *Comparative Migration Studies*, 2019; vol.7 (1): 7–23.

Peshkova V.M. The material world of migrants in the context of transnational migration in Russia. *Vlast = Power*, 2018; 9: 167–172 (In Russ.).

Pieterse J.N. *Global Multiculture, Flexible Acculturation*. *Globalizations*, 2007; 4, 1: 65–79.

Rezaev A.V., Sanachin A.A., Lisicyn P.P. Daily practices of transnational labor migrants in St. Petersburg and Athens. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 12, 2013; 3: 150–161 (In Russ.).

Semenenko I.S. Metamorphoses of European Identity. Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political Studies, 2008; 3: 80–96 (In Russ.).

Semenenko I.S. Politics of identity and identity in politics: ethno-national perspectives, the European context. Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political Studies, 2016; 4: 8–28 (In Russ.).

Taifel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Psychology of Intergroup Relation. Ed. by S. Worchel W.G. Austin. Chicago: Hall Publishers, 1986: 7–24.

Tishkov V.A. Requiem for Ethnicity: Research on Socio-Cultural Anthropology. Moscow: Nauka, 2003: 544 (In Russ.).

Varshaver E.A. Rocheva A.L. Migrant integration: what is it and what role does the state play in its implementation. Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki = Journal of Social Policy Studies, 2016; 14 (3): 315–330 (In Russ.).

The article was submitted on: September 06.2019

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

Испанские СМИ

о латиноамериканских мигрантах:

между страхом и жалостью

Ссылка для цитирования: *Косевич Е. Ю.* Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 92–110. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

For citation: Kosevich, E. Yu. Spanish mass-media on Latin American migrants: between fear and pity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 92–110. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

**Косевич
Екатерина Юрьевна**

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ekaterina.kosevich@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [940271](https://elibrary.ru/940271)

Испанские СМИ о латиноамериканских мигрантах: между страхом и жалостью

Аннотация. Дискурс средств массовой информации является «зеркалом», отражающим общие взгляды и позволяющим понять образ мыслей общества в отношении проблемы миграции. Статья посвящена анализу образов, построенных испанскими СМИ, относительно проживающих в Испании латиноамериканских мигрантов. Такое видение привело в итоге к формированию стойкого восприятия их испанским обществом только с двух главных позиций – страха и жалости. Прототипами всех незаконно въехавших в Испанию латиноамериканцев стали колумбийцы и эквадорцы. Автор раскрывает причины «раскола» в восприятии испанскими СМИ Колумбии и колумбийцев, которые стали синонимом опасности, а также Эквадора и выходцев из этой страны, ассоциирующихся преимущественно с состраданием и жалостью. В статье рассматриваются основные этапы иммиграции латиноамериканцев в Испанию в конце XX и начале XXI вв., в которых поочередно преобладали выходцы из Колумбии, Эквадора, Аргентины, Венесуэлы и Кубы. Автор даёт характеристику самым многочисленным латиноамериканским диаспорам в Испании. Показано, что иммиграция является социальным феноменом, который строится коллективно. Вместе с тем принимающее общество наделяет приезжающих (*других*) характеристиками, которые им не принадлежат. Подобные искусственно приписанные качества – результат так называемого «символического сооружения», приписываемого каждому «воображаемому мигранту». Латиноамериканская иммиграция в Испанию является результатом множества факторов на разных уровнях, однако внимательное изучение регионального и глобального аспектов этого процесса крайне редко происходит в жанре новостей. В статье раскрывается, какой именно образ латиноамериканских мигрантов сформировался к началу XXI в. в Испании. Автор делает попытку определить скрытую идеологию, поддерживающую в основной своей массе отрицательные образы латиноамериканских мигрантов, транслируемые национальными СМИ.

Ключевые слова: латиноамериканская миграция, Испания, СМИ, общественное восприятие, пресса

Информационная среда неизменно транслирует всю этноцентрическую информацию, а также так называемые *межкультурные недоразумения*, которые влияют на формирование взглядов у местного населения в отношении представителей других культур. В свою очередь СМИ выстраивают образы, ассоциирующиеся с другими культурами, апеллируя к упрощённым и примитивным стереотипам и тем самым стремясь навесить недвусмысленные ярлыки: *он другой*, а потому он заведомо *несовершенен*. Популяризация подобного неполноценного межкультурного общения, то есть «контакт» с другими культурами посредством СМИ, имеет основополагающее значение для понимания того, каким образом формируется «климат мнений» о латиноамериканских иммигрантах в Испании [Giménez, Malgesini, 2000: 253–254].

Мигранты глазами СМИ: «мы» и «другие»

В обществе могут быть разные источники, по-своему преподносящие текущие общественные проблемы, но именно СМИ обычно придерживаются гегемонистской интерпретации, легко становящейся единодушно разделяемой трактовкой. Массмедиа устанавливают познавательный и эмоциональный кругозор, посредством которого создаются чёткие границы, делящие всех на «мы» и «они». По сути СМИ сами руководят процессами создания идентичности, которая уже сама влияет не только на коллективное мнение испанского общества, но и выступает критерием признания иммигрантов.

Без преувеличения можно сказать, что большая часть наших представлений о ключевых социально-политических событиях, а также наших знаний о мире в целом черпаются из десятков различных информационных источников, которые мы ежедневно читаем, смотрим или слышим. В современном обществе уже не существует иной дискурсивной практики, кроме ежедневных социальных бесед, которая использовалась бы столь же часто и таким же количеством людей, как отслеживание новостей в прессе и на телевидении. В контексте этого латиноамериканские иммигранты, проживающие в Испании, становятся «заметными» для общественности лишь благодаря постоянному упоминанию о них в местных средствах массовой информации. Испанцам становится известна лишь та информация, которая появляется в ведущих газетах, журналах, интернет-ресурсах и на телевидении, где присутствие иностранцев в Испании большей частью проблематизируется.

Иммиграция – это социальный феномен, который строится коллективно и наделяется характеристиками, которые ему не принадлежат [Bonete 1999: 279]. Подобные искусственно приписанные качества являются результатом так называемого «символического сооружения», якобы возводимого каждым *воображаемым мигрантом*.

Все *воображаемые мигранты* характеризуются как люди, у которых *нет документов*, они *проживают в удручающих условиях*, не имеют *должного образования и работы*, либо *были вынуждены иммигрировать*

потому, что на своей земле они умирали от голода, а ввиду своего культурного различия неспособны интегрироваться в общество, в котором они оказались. Такой безликий иммигрант априори является мифическим и *нереальным*, потому что эти характеристики приписываются всей массе потенциальных переселенцев, которые ещё могут прибыть в страну.

В столь символической конструкции реальности дискурс СМИ выступает в качестве *двигателя* социально-когнитивного механизма управления общественным мнением. При этом именно *пресса* является единственным полноценно сформировавшимся дискурсом ввиду того, что в самой системе СМИ именно она – самый постоянный по своей природе элемент. Ведущие национальные газеты по-своему выполняют роль «маркеров идентичности». Вместе с тем выделяется следующая особенность новостей, преподносящихся печатными СМИ: текст всегда находится между различными социальными дискурсами, отождествляясь с определённой точкой зрения и преподносясь в ожидаемой от него упрощённой форме. При этом он полностью игнорирует все иные точки зрения касательно рассматриваемого им события. Подобное очевидно перекликается с концепциями М. М. Бахтина о диалогической природе текста, позволяющей понять природу социальных конфликтов с учётом того, что текст, опираясь на кругозор его предполагаемых адресатов, призван играть роль катализатора их собственных мыслей [Корниенко 2010].

Современное общество привыкло приписывать материалам информационных жанров, распространяемых СМИ, лишь функцию *осведомления*. Вместе с тем в подобных материалах присутствует скрещивание нескольких функций. Наряду с *осведомить* выделяются и другие задачи, такие как *развлечь* и, что более важно, *дать почувствовать*. Что касается освещения вопросов миграции, то СМИ традиционно преподносят их двумя способами. В-первых, апеллируя к *страху*. В таких материалах мигранты показываются как «опасность», «захватчики территорий» и как «угроза» в целом. А во-вторых, обращаясь к *жалости*, подчёркивается вся драматичность положения иммигрантов, на первый план выдвигаются все грани их плачевной ситуации: бедность, трудности и подчинённое положение. Информация, преподносимая под таким углом, неизменно вызывает реакцию сострадания и милосердия со стороны её получателя [Aznar 2005: 210].

В начале XXI в. получили широкое распространение именно идеи культурного расизма, приводящие к чрезмерному заикливанию на различиях, и в итоге к забвению всего того общего, что есть между носителями разных культур. Закрепившееся «противостояние» между *нами* и *всеми остальными, хорошими и плохими*, доказывает, что в современном обществе нам необходимо отрицать всех *других* для того, чтобы узнать, кем являемся *мы сами*. Состояние безопасности рождается из отрицания: мы – не другие, мы – не плохие. В этом контексте «другой» – это всякий, кто не принадлежит к определённой социальной группе, члены которой рассматриваются как «образцы». В результате, столкнувшись с «правильными» социальными единицами, «другой» всегда воспринимается как враг и дестабилизирующий фактор [Lario 2006: 18].

Подобное деление всех на «нас» и «других» особенно заметно в информационных материалах, преподносимых СМИ. Нидерландский учёный Т. Ван Дейк охарактеризовал такую транслируемую через массмедиа информацию *идеологическим квадратом*, преследующим четыре главные цели: нарастить положительное представление о «нас самих», усилить негативную информацию о «них», сократить положительную информацию о «них» и при этом смягчить негативную информацию о «нас самих» [Van Dijk 1996: 110–134].

Латиноамериканская иммиграция в Испанию

В миграционных процессах Испании можно выделить три основных периода, в каждом из которых преобладали разные иностранные группы. Первый период – с 1980-х и вплоть до начала 1990-х гг., когда преимущественное большинство всех иммигрантов в Испанию составляли переселенцы из Европы. В десятилетие 1990-х гг. рост миграционных потоков пришёлся на уроженцев Африки, особенно Марокко.

В начале XXI в. стала выделяться уже новая фаза: рост миграции из стран Латинской Америки и Карибского бассейна. В этом контексте ввиду практически непрекращающегося роста оттока населения из этого региона латиноамериканским переселенцам даже был присвоен ярлык «фаворитов XXI в.». Между тем менялся и национальный состав латиноамериканских иммигрантов, переезжавших в Испанию. В течение 1980-х и до начала 1990-х гг. большинство мигрантов составляли жители Аргентины, которые были представителями среднего класса, а также высококвалифицированными специалистами. Примерно в середине десятилетия 1990-х гг. большая часть переселенцев из Латинской Америки стала приходиться на перуанцев и жительниц Доминиканкой Республики. Любопытно, что доминиканки называли главной причиной своего переезда в Испанию преследование по политическим мотивам и формирование новых взглядов на роль и место женщины в обществе.

Первые годы XXI века ознаменовались ещё одним временным ростом иммиграции аргентинцев. Ввиду аргентинского экономического кризиса, произошедшего в экономике страны в период 1998–2002 гг., число аргентинцев, уехавших в Испанию, в течение первых двух лет нового века резко увеличилось. Немаловажную роль в этом процессе также сыграла и преференциальная на тот момент политика страны-реципиента. Однако уже начиная с 2003 г. эту эстафету перехватили беженцы из Эквадора и Колумбии, удерживавшие её до конца 2015 г. И вплоть до сегодняшнего дня именно общины эквадорцев и колумбийцев продолжают оставаться самыми многочисленными из всех латиноамериканцев, проживающих в Испании.

В конце XX в. традиционным местом назначения для латиноамериканских иммигрантов были именно Соединенные Штаты Америки. Однако произошедшая трансформация Испании в государство, готовое

принять у себя мигрантов-неграждан Европейского союза (ЕС), заметно переориентировала миграционные потоки из Латинской Америки. При этом в США «прототипом» всех незаконно въехавших в страну латиноамериканцев стали именно мексиканцы, а в Испании этот титул разделили между собой колумбийцы и эквадорцы [Косевич 2019].

Колумбийские иммигранты

Что касается Колумбии, то объяснение стремительного роста масштабов миграционных потоков кроится в конце 1980-х гг., известных в истории этой страны как «потерянное десятилетие». Резкий отток колумбийцев из своей страны был вызван неолиберальными структурными реформами наряду с падением мировых цен на кофе, следствием чего стал стремительный рост безработицы и образование валютного дефицита. Всё это привело к стремительному упадку политической и социальной стабильности в стране. Насилием пропитались все сферы общественной жизни: от бытовых преступлений и криминальных синдикатов до политической элиты. Обстановка полнейшего отсутствия безопасности в обществе подталкивала всё большее количество колумбийцев к поиску лучшего будущего за пределами своей родины. А происходящее расширение международного рынка наркотиков привело к росту спроса на рабочую силу для их распространения за рубежом, в частности в Европе.

«Перевес» именно колумбийцев в общем количестве всех латиноамериканцев, переезжавших в Испанию, стал наблюдаться ещё со второй половины 1980-х гг. Но уже с 1991 г. он начал всё более заметно увеличиваться с каждым годом. В начале XXI в. число колумбийских мигрантов, прибывающих в Испанию, ежегодно удваивалось¹. Большинство переехавших оставались жить в столице, далее следовали Каталония, Валенсия, Андалусия и Канарские острова. Примечательно, что почти 65% всех колумбийских иммигрантов составляли мужчины. В основном это были молодые люди трудоспособного возраста, половина из которых на момент переезда были одинокие [Aparicio, Giménez 2003: 116].

Иммиграция из Колумбии в Испанию традиционно носила в основном экономический характер: более половины респондентов-колумбийцев, обосновавшихся в крупных испанских городах, называли наличие экономических и трудовых перспектив в качестве ключевых при выборе ими именно Испании в качестве пункта назначения.

Большинство этой категории мигрантов составили представители образованного городского населения, не относящиеся к числу наиболее бедных². Что касается их трудоустройства, то подавляющая часть колумбийцев оказались задействованными в сфере услуг в самых разных

¹ В 2001 г. – 48 710 чел., в 2003 – 107 459, а в 2004 – уже 271 239 чел. [Informe Encuesta... 137].

² Образовательный уровень колумбийских иммигрантов, проживающих в Испании, средний. Почти половина из них закончили среднюю школу, и лишь 20% из всех переезжавших имеют высшее образование.

профессиях¹. Примерно треть из всех работали в частных домах (домашняя прислуга), 18% – в гостиничном бизнесе (горничные и уборщики), 15 – в строительстве, 16 – в розничной торговле, 10% – на низкоквалифицированных работах в промышленности и сельском хозяйстве.

Уроженцы Эквадора

Другими «главными героями» латиноамериканского иммиграционного потока в Испанию, происходившего в последнее десятилетие XX в., стали **эквадорцы**. Основной причиной резкого оттока из своей страны стал длительный период застоя национальной экономики, продолжившийся с 1980 по 1998 гг.

Провал «эквадорского чуда» и аргентинского «корралито»² создали очень схожие условия для резкого оттока населения из этих латиноамериканских стран. В 1999 г. произошло резкое падение ВВП, что привело к самому сильному кризису за всю новейшую историю Эквадора. В период 1980–98 гг. эквадорская экономика ежегодно росла лишь на 0,3%. А в период 1998–99 гг. ВВП обрушился с 23255 млн долл. до 16674. Последствиями этого стало массовое банкротство компаний, рост безработицы, падение покупательской способности и замораживание депозитов. Инфляция выросла на 98,8%, а национальная валюта к 2000 г. обесценилась на 161%.

Правительство Эквадора в одностороннем порядке объявило мораторий на платежи по внешнему долгу. Однако из-за проводимых мероприятий по сокращению государственных расходов в соответствии с руководящими принципами Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ) кризис ещё больше обострился. В социальной сфере это привело к политической нестабильности, обнищанию населения, а также повышению уровня преступности. Основным итогом «кризиса эквадорской мечты» стало самое быстрое обнищание населения за последнюю четверть XX в. среди всех стран Латинской Америки. В итоге с 1999 г. отток эквадорцев приобрёл уже общенациональный характер.

Резкий рост эквадорской общины в Испании не был замечен вплоть до конца 1990-х гг. Заметное увеличение миграционного потока произошло во второй половине последнего десятилетия XX в. И уже к 2001 г. общее число эквадорских мигрантов, обосновавшихся в Испании, увеличилось на 174% (53 821 чел.) по сравнению с данными на конец XX в. Спрос на низкооплачиваемую рабочую силу, а также «взросление» представителей первой волны эквадорских мигрантов, приехавших в Испанию в течение 1980–90-х гг., дополнили и так благопри-

¹ В первые декады XXI в. 95% всего количества разрешений на проживание по всей Испании были предоставлены работникам сферы услуг.

² Корралито (в букв. переводе «загончик», «манеж»; исп. El corralito) – название ряда мер по ограничению свободного передвижения капитала, наличных средств и банковских сбережений, на которые правительство Аргентины было вынуждено пойти на пике финансово-экономического кризиса в стране в 2001–2002 годах.

ятствующую на тот момент атмосферу для привлечения в страну всё больше новых переселенцев. В итоге, с обоюдного согласия испанских и европейских властей, эквадорцы получили доступ к работе в Испании. Примечательно, что подавляющее большинство эквадорских мигрантов составляли именно женщины (почти 70%), которые так же, как и колумбийцы, оставались жить в Мадриде и прилегающих пригородах, а также в Каталонии, Андалусии и Валенсии.

Самые первые латиноамериканские мигранты, приехавшие в Испанию в последние десятилетия XX в. благополучно примкнули к социальному слою «белых воротничков». Аргентинцы, перуанцы, колумбийцы и эквадорцы работали техническими сотрудниками, менеджерами среднего звена и даже квалифицированными специалистами. Административно-правовое регулирование в сфере миграции, прошедшее в Испании в 2000 г., привело к тому, что иностранцы, которые на тот момент работали без соответствующего разрешения, были вынуждены перейти на менее квалифицированные профессии, соглашаясь на работу в сферах бытового обслуживания, ухода за пожилыми и немощными людьми, в строительстве, сельском хозяйстве и гостиничном бизнесе.

Испания и латиноамериканские мигранты: взаимный интерес

К началу XXI в. Испания превратилась в одну из основных стран назначения для иммигрантов из латиноамериканского региона, войдя в состав так называемых стран категории «опоздавших» (англ. *latecomer*). В течение первого десятилетия XXI в. сформировался уже стабильный миграционный поток латиноамериканцев, покидающих свои родные края, чтобы постоянно закрепиться в Испании. В основном это были молодые люди трудоспособного возраста, а также определённая группа женщин, вслед за которыми вскоре прибывали их супруги и дети. Большинство латиноамериканцев традиционно обосновывались в крупных городах, Мадриде или Барселоне, по причине наличия постоянного спроса на работников сферы обслуживания. Однако в последние годы их выбор всё чаще стал останавливаться на автономных областях с развитым сельскохозяйственным производством, таких как Андалусия, Мурсия и Валенсия.

В начале нового тысячелетия параллельно с ростом миграционного потока из Эквадора и Колумбии в самой Испании происходило увеличение спроса на трудовых мигрантов, чем смогли воспользоваться различные группы латиноамериканцев. Отсутствие визового режима между ЕС и Эквадором (продлившееся вплоть до последнего квартала 2003 г.), а также между ЕС и Колумбией (сохранявшееся до начала 2002 г.) заметно способствовали ещё большему увеличению притока латиноамериканцев, уже прекративших свои попытки въезда в Соединенные

Штаты. С другой стороны, развитие экспортного сельского хозяйства после присоединения Испании к ЕС (1 января 1986 г.) создало целый пласт новых низкоквалифицированных рабочих мест, на которые соглашались эквадорцы, в дополнение к уже работающим там марокканцам.

Кроме того, рост активности женщин на рынке труда наряду со старением населения оказал к концу 1990-х гг. более чем заметный эффект на открытие ряда рабочих «ниш», которые мигранты-неграждане ЕС, особенно эквадорки, смогли занять (уход за престарелыми людьми и детьми). Подобный список дополнился и другими факторами, такими как увеличение спроса на работников для секторов услуг, возникший вследствие активной модернизации испанской экономики (строительство и туризм). По-своему поспособствовало латиноамериканским иммигрантам и наличие особых межкультурных связей, общий язык и религия [Pérez 2005: 87]. Однако латиноамериканский вариант испанского языка, от которого крайне сложно избавиться, традиционно вызывает недовольство испанцев, являющихся носителями классического варианта языка.

Аргентинская община

Что касается **Аргентины**, то именно в Испании находится самая большая её диаспора за рубежом. Первая волна аргентинцев, иммигрировавших в Испанию, пришлась на 1970-е гг. В основном это были люди, спасающиеся от военной диктатуры. Вторая заметная волна миграции началась одновременно с аргентинским кризисом 1989 г. Начиная с 1990-х гг. переселение аргентинцев приобрело уже стабильный характер, что привело к тому, что ежегодно всё больше аргентинцев выбирали именно испанские города в качестве пунктов своего назначения.

По данным переписи на 2001 г. в Испании проживало 6 647 аргентинцев. Но благодаря результатам ставших печально известными во всём мире мер «корралито», полностью подкосивших экономику страны в 1999–2002 гг., за период 2002–2008 гг. число аргентинцев с Испании увеличилось до 150 000 чел. Во времена этого кризиса обычным явлением стали огромные многокилометровые очереди из аргентинцев, стоявших перед посольством Испании в Буэнос-Айресе и отчаянно желавших уехать из своей страны, «упавшей в пропасть» финансовых проблем. Согласно данным национального опроса иммигрантов, 89,2% их всех аргентинцев, переехавших в этот период в Испанию, сделали это семейными группами, 61,2% из которых составляли семьи с детьми в возрасте до пятнадцати лет.

Тем не менее со временем количество аргентинцев, проживающих в Испании, начало постепенно уменьшаться. Это стало результатом ряда причин; в частности, уехавшие из Аргентины во времена кризиса учёные постепенно смогли вернуться к себе на родину в течение 2000-х гг. в рамках условий так называемого «Плана корней» (исп. «Plan

Raíces»), активно продвигаемого аргентинскими правительствами, чтобы способствовать возвращению исследователей и учёных-эмигрантов. В рамках данной инициативы 32% из всех аргентинских репатриантов, вернувшихся из Европы, прибыли именно из Испании.

Таким образом, со временем к 2015 г. аргентинская община состояла уже из 75 000 чел. Стоит отметить, что отсутствие положительных результатов политики нового президента Аргентины Маурисио Макри (2015–н. в.), которая была направлена на оздоровление экономики страны, вновь оказавшейся в серьёзном кризисе, привели к тому, что с 2017 г. аргентинцы снова временно возглавили рейтинг внешней миграции в Испанию.

Мексиканская диаспора

Что касается выходцев из Мексики, то, согласно данным Реестра физических лиц на январь 2018 г., в Испании проживает достаточно скромное количество мексиканцев (55 000 человек), половина из которых также имеют и испанское гражданство [Población mexicana... 11]. Испания традиционно является лишь третьим пунктом назначения мексиканских мигрантов, значительно уступая США (почти 11,7 млн чел.) и Канаде (118 249 чел.)¹. Подавляющее большинство членов сравнительно небольшой мексиканской общины в Испании принадлежат к среднему классу или являются сотрудниками мексиканских компаний, инвестирующих в Испанию.

Выходцы с Острова Свободы

Отдельно стоит упомянуть и про кубинскую диаспору в Испании, являющуюся одной из самых многочисленных общин выходцев с Острова Свободы в Европе. Именно Испания стала вторым главным пунктом назначения кубинцев, где по данным на 2018 г. проживают 132 378 кубинцев, 60% из которых также имеют испанское гражданство, после США, где обосновались около 1,3 млн выходцев из Кубы. Одной из причин столь масштабного переезда кубинцев именно в Испанию стало так называемое «Правило внуков», будучи одним из положений Закона об исторической памяти (Ley 52/2007 de Memoria Histórica), принятом испанским парламентом в 2007 г.².

По-своему особый уровень испано-кубинских отношений проявился в 2010 г., когда кубинское правительство Рауля Кастро при посредничестве кубинской католической церкви и правительства

¹ Приведённые цифры отражают число граждан Мексики, зарегистрированных в консульских учреждениях в стране их постоянного проживания.

² Согласно Закону об исторической памяти, гражданство Испании могли получить дети и внуки испанцев, которые покинули Испанию в годы Гражданской войны и режима Франко. В общей сложности уже более 250 тыс. чел. получили испанское гражданство. Кроме того, новопривывшим гарантировалось временное денежное пособие.

Х. Л. Родригеса Сапатеро (2004–11) выпустило в Испанию 75 кубинских диссидентов, арестованных на Кубе в 2003 г. и приговорённых к тюремному заключению сроком на 28 лет. Вынесенные им обвинительные приговоры, в свою очередь, привели к санкциям за нарушение прав человека, введённых ЕС против Фиделя и Рауля Кастро. Это событие стало одним из самым знаковых освобождений политзаключённых на Кубе с 1979 г., когда в Соединенные Штаты были отпущены 3600 кубинских диссидентов. В рамках, достигнутых между Кубой и Испанией договорённостей в 2010–11 гг. в Испанию переехали 115 политзаключённых и 650 членов их семей, что стало стратегически важным политическим шагом: с одной стороны, были отменены санкции в отношении руководителей Кубы, а с другой – в выигрышном положении оказалась и сама Испания, наладившая таким образом диалог с открывающейся Кубой, представляющей собой перспективный рынок для испанских предпринимателей. Однако несмотря на большие надежды от этой многообещающей акции Испании, подавляющее число переехавших кубинцев так и не смогли успешно интегрироваться в принявшей их европейской стране. Испанские власти не оказали достойного содействия и поддержки приехавшим кубинцам, вскоре оказавшимся без всякого внимания нового правительства Испании, которое к тому времени уже возглавил Мариано Рахой (2011–18).

Венесуэльские мигранты

Начиная с 2017 г. список латиноамериканских стран, отдающих наибольшее число мигрантов Испании, возглавила Венесуэла. Неспособность администрации Николаса Мадуро (2013–н. в.) справиться с жесточайшим кризисом, который переживала Венесуэла в течение нескольких лет, привела к тому, что с 2016 г. из этой страны в Испанию начали приезжать в среднем по 26 000 чел. ежегодно. Примечательно, что почти треть всех прибывших уже имели испанское гражданство, так как это были ранее эмигрировавшие в Венесуэлу во время кризиса 2008–9 гг. испанцы. Кроме того, из Венесуэлы в Испанию начали активно переезжать и представители военного командования, вовлечённые на своей родине в наркотрафик¹. Это привело к тому, что к началу 2019 г. общее количество венесуэльцев в Испании составило 95 633 чел., удвоившись по сравнению с данными за 2015 г. (48 421 чел.).

Латиноамериканская община в Испании

Несмотря на это, «особого» образа мигрантов из Венесуэлы, Мексики и Кубы ни в испанских СМИ, ни в испанском обществе создано не было. Это объясняется тем, что традиционно общее число выходцев их этих

¹ Речь идёт о тех военных, которые были причастны к конфискации наркотиков на границе с Колумбией, впоследствии успешно ими же перепроданные.

стран, проживавших в Испании, всё же значительно уступало количеству мигрантов, приезжавших из Колумбии и Эквадора. И к 2019 г. самыми большими общинами латиноамериканских стран в Испании стали общины Эквадора, Колумбии, Венесуэлы и Аргентины (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Самые многочисленные группы иностранного населения, проживающие в Испании, по данным на 2018 г., по странам
The most numerous groups of foreign population living in Spain, statistics 2018, by countries

Общее количество иностранных граждан	4 562 962
Марокко	673 592
Румыния	667 189
Великобритания	284 987
Италия	221 368
Китай	183 491
Колумбия	159 563
Германия	138 777
Эквадор	139 441
Болгария	125 005
Франция	106 226
Португалия	100 079
Украина	98 992
Венесуэла	91 131
Аргентина	74 294
Россия	73 635

Источник: Instituto Nacional de Estadística // URL: https://www.ine.es/prensa/cp_j2018_p.pdf (Дата посещения: 15.10.2019).

Наряду с вышеописанными процессами, проходившими в первом десятилетии XXI в., всё более заметна становилась уже назревшая к тому времени необходимость ужесточения миграционной политики. Постепенно это привело к тому, что в социальном дискурсе Испании прочно закрепились обсуждения феномена неевропейской миграции в эту страну.

Латиноамериканские «другие» в СМИ Испании

Между тем медийные образы отдельных латиноамериканских стран, выстраиваемые испанскими СМИ, заметно различались. В новостях, касающихся Колумбии, в центре внимания находилась информация, связанная с вооружёнными конфликтами, обороной и несчастными случаями. «Риск колумбианизации» часто присутствовал в заголов-

ках всех крупных газет, неизменно означая хаос, неуправляемость, чрезмерное насилие и наркоторговлю. Фигурирующий в испанских массмедиа термин «аргентинизация» стал синонимом безнадежности и внушающего опасение процесса, извещающего об ухудшении экономической ситуации, политической коррупции и параличе финансовой системы. Похожие материалы распространялись и в отношении Венесуэлы, в значительной степени будучи связанными с её непримиримой позицией в мировой политике, а также стихийными бедствиями. На фоне этого выгодно выделялись новости относительно Мексики, намеренно освещающие большей частью позитивные и «нейтральные» темы. Это объяснялось тем, что Испания из всех латиноамериканских стран именно с Мексикой традиционно поддерживает особый уровень взаимоотношений [Косевич 2018].

Анализируя все новости, опубликованные в испанской прессе за период 2001–2010 гг. в контексте информации о противоправных действиях и увеличении в стране уровня социальной напряжённости в целом, резко выделяется возросшее число упоминаний о колумбийцах. Такая «привязка» между миграцией и преступностью превратилась в одну из главных рычагов разрастающейся политической конфронтации.

Колумбия – значит угроза

Именно в течение первого десятилетия XXI в. произошла трансформация образа колумбийских иммигрантов, представляемого испанскими СМИ и объединившего в себе все «наработки» более ранних периодов. В частности, в новостях, где фигурировали Латинская Америка и латиноамериканцы, опубликованных в ведущих испанских газетах (*El País*, *El Mundo*, *ABC*, *La Vanguardia*, *Expansión*, *El Confidencial*), уже в конце XX в. начали применяться *дискурсивные стратегии*, порождающие эффект иллюзорной корреляции. Проведя анализ всех новостей по этой теме, можно сделать вывод, что данный регион умышленно связывался преимущественно с негативными событиями, а как следствие – с опасностью [Igartúa 2002: 98]. Это привело к тому, что испанская общественность стала ассоциировать образ Латинской Америки преимущественно с событиями негативного характера.

Постепенно Колумбия стала синонимом *опасности*. И подобный негативный образ колумбийских мигрантов прочно закрепился не только в Испании, но и на международном уровне. Ведь слава основного производителя наркотиков, которая закрепилась за этой страной ещё с конца 1990-х гг., в новом веке продолжила порождать предубеждения по поводу колумбийцев в контексте расхожей фразы «сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя».

Важным фактором в запущенном процессе по активному распространению испанскими СМИ негативного образа Колумбии и колумбийцев выступило и то, что последние неизменно фигурировали в «горячих» новостях, представляющих ежедневный интерес для широкой аудитории.

Это объясняло постоянный информационный спрос на сообщения, где присутствовало упоминание о колумбийцах. В частности, для испанских СМИ наибольший журналистский интерес вызывает именно информация об убийствах, столкновениях между вооружёнными преступниками и бандами. Второе место по востребованности занимают новости, освещающие проблему оборота наркотиков. Среди них особым спросом пользуются новости о полицейских операциях, арестах наркоторговцев, судебных процессах и вынесенных приговорах. Третье место среди самых желанных для СМИ тем занимают сообщения о грабежах, фальсификациях и мошенничестве, совершаемых преступниками-колумбийцами.

Эквадор – значит сочувствие

Эквадор же стал ассоциироваться с *жалостью* и *состраданием*. Вместе с тем это сочувствие было тесно связано с проблемой трудовой эксплуатации, интерес к которой периодически вспыхивает в Испании. Несмотря на то, что большинство эквадорских эмигрантов были выходцами из среднего класса, оказавшегося раздавленным экономическим кризисом, при этом имели достойное образование, многие из них ввиду своего бедственного положения продолжали допускать в отношении себя злоупотребления со стороны работодателей-испанцев.

Как уже отмечалось, именно женщины составили большинство эквадорских иммигрантов в Испанию. Отсюда можно выделить два момента, которые также повлияли на формирование восприятия эквадорцев. Первый заключается в том, что их интеграция в испанский рынок труда оказалась возможна лишь в сфере бытовых услуг без учёта их образовательного уровня. Это неизменно приводило к тому, что сами эквадорцы чувствовали себя униженными и дискредитированными, а также то, что их труд никогда не оценивался по достоинству. Вторым моментом стало то, что наряду с образом эквадорки-прислуги в Испании прочно закрепился ещё и образ эквадорки-проститутки. Национальные СМИ периодически умышленно делали акцент на информацию, освещающую вовлечённость эквадорок в проституцию в Испании, несмотря на то, что подобные случаи в действительности немногочисленны [Medios... 2006: 115].

Эквадорские иммигранты в испанских СМИ чаще всего упоминаются в привязке к следующим темам: изменения миграционного законодательства Испании; происшествия на производстве, жертвами которых, как правило, становятся работающие там мигранты; плачевные условия жизни трудовых мигрантов в Испании, описанные со страдальческим подтекстом.

Примечательно, что на формирование мнения испанского общества в отношении эквадорских иммигрантов, которого оно продолжает придерживаться и до сих пор, оказало широкое освещение в СМИ так называемой «аварии Лорки». Ещё в 2001 г. около города Лорка (провин-

ция Мурсия) ехавший на полной скорости поезд столкнулся с маленьким фургоном, в котором находились 12 эквадорских мигрантов, перевозимых испанскими «хозяевами» для работы в сельском хозяйстве. В сообщениях СМИ, посвящённых этой трагедии, погибшие жители Эквадора выступили жертвами несправедливой судьбы, а испанское общество в лице их работодателей, транспортировавших людей в таких нечеловеческих условиях, смотрелось как бесчувственный эксплуататор.

Даже на примере материалов, освещавших эту трагедию, отчётливо выделялись все «границы» вышеупомянутого *идеологического квадрата*: усиливалось положительное представление об испанском «мы», разделяющих сострадание по погибшим и осуждающих неприемлемые условия труда мигрантов; наращивалась негативная информация о «них», т. к. мигранты из Эквадора сами решились на нелегальный переезд в Испанию, в итоге оказавшись в таком маргинальном положении; сокращалась положительная информация о «них», поскольку эквадорцы подверглись трудовой эксплуатации с их собственного согласия; а также смягчалась негативная информация о «нас», определив работодателя как единственного ответственного и требуя вмешательства инспекции по труду.

Дискурс страха и дискурс сострадания

Таким образом, через коллективное восприятие колумбийских и эквадорских иммигрантов испанским обществом в контексте медийного дискурса можно выделить два основных образа, характеризующих общее представление о латиноамериканцах, сложившееся в современной Испании.

Колумбийцы непосредственно связываются с так называемым *дискурсом страха*, основанном на намеренном акцентировании их причастности к преступной деятельности. В рамках таких рассуждений подчёркивается, что пребывание колумбийцев в Испании непременно приводит к разрушению привычных условий сосуществования в принимающем обществе.

Сами колумбийцы, проживающие в Испании, признают, что в общении с испанцами они сталкиваются с уже укрепившимися негативными представлениями о них, которые крайне сложно побороть. Также они подчёркивают, что именно их национальное происхождение, то есть тот факт, что они являются выходцами из Колумбии, имеет приоритетное значение в восприятии их испанцами. В то время как их статус мигранта и репутация хороших работников остаются далеко на заднем плане. И ещё гораздо реже их воспринимают как просто иностранцев или латиноамериканцев.

Как и любое другое принимающее общество, испанское общество чётко подразделяет все национальности трудовых мигрантов на «хороших» работников и «так себе». С точки зрения трудовой деятельности в Испании именно работников-колумбийцев ценят гораздо выше уроженцев других стран Латинской Америки, признавая за ними лучшую

квалификацию и в среднем более высокий уровень образования. Однако при всём этом в контексте вышеупомянутого *дискурса страха* испанские наниматели доверяют им гораздо меньше других работников. Что касается молодёжи, то в отношении неё возникает эффект *разрушения идентичности*, проявляющийся в том, что клеймо их незыблемой причастности к насилию и наркобизнесу, широко распространяемому СМИ, становится для молодых колумбийцев практически непреодолимым.

Сами колумбийцы обвиняют непосредственно СМИ в создании подобных негативных стереотипов, поскольку именно из-за них такого рода образы прочно закрепились в общественном мнении Испании: «если колумбиец, значит плохой, убийца или наркоторговец». В своей повседневной жизни в Испании колумбийцы ежедневно ощущают на себе отголоски подобного образа «плохих», что проявляется, в частности, в ограничении возможностей для общения и реализации себя в этой стране.

В противовес этому, как уже было сказано, выходцы из Эквадора связываются с *дискурсом сострадания*. За ними прочно закрепился образ «несчастных», включающий в себя ряд негативных характеристик реалий их жизни в Европе, трудовая эксплуатация, которой они подвергаются, а также их безработность и смирение с подобным положением.

Вместе с тем любопытные выводы делает специалист по СМИ и миграции перуанского происхождения Дж. Ретис. Она характеризует испанское общество как традиционалистское и националистическое, отмечая, что испанцы боятся, что иммигранты принесут им бедность подобно той, в которой они сами вынуждены были жить после Гражданской войны (1936–39 гг.) [Retis 2011: 11]. В этом контексте стоит отметить наличие особого *двойного отношения* испанских иммигрантов, бежавших в послевоенный период из своей страны в поисках политического убежища, и неевропейских мигрантов, недавно переехавших в Испанию. И в таких *двойных отношениях* испанцы стараются апеллировать к забвению, намеренно игнорируя всё то, что испытали они сами, когда вынуждены были иммигрировать. И этот *страх* испанского общества в первую очередь связан с возникновением конкуренции на рынке труда, а не с отсутствием безопасности граждан, как это происходит в других странах, например, в Соединённых Штатах. То есть в отношении мигрантов испанское общество испытывает прежде всего боязнь новой волны бедняков, которые могут и будут бороться за социальные выгоды в ущерб национальному населению. И в подобном *социальном отторжении* испанцами всех *других* немаловажную роль играют СМИ, которые озвучивают всё то, что думает большая часть испанского общества.

Заключение

В современном мире СМИ уже играют роль главного субъекта формирования общественно-политической и духовной реальности. Человек оценивает и истолковывает реальность сквозь комбинацию сконструи-

рованных образов, являющихся лишь интерпретациями явлений, умело «подобранных» главными толкователями событий – средствами массовой информации. Политика идёт рука об руку с медиа, найдя для себя «гарантированное подспорье» в одном из ключевых законов коммуникативного процесса: любые эпизоды после упоминания в прессе начинают «жить» в сознании общества, с каждым днём всё более укрепляясь и в итоге трансформируясь в укоренившиеся стереотипы.

Деятельность современных медиа, превратившихся в орудие властных структур, всё чаще способствует ещё большему разжиганию социально-политических конфликтов, а не поиску компромиссов и совместных решений. Среди прочего это проявляется в непрекращающемся «подсвечивании» горячих сюжетов для удержания аудитории. А с учётом того, что СМИ вынуждены поддерживать ежедневный интерес к преподносимой ими информации, миграционный вопрос является для них нескончаемым источником желанных сюжетов, открывающих простор для манипуляций общественным мнением.

Анализ массмедийного дискурса о неевропейской миграции в Испании позволил нам выявить основные тенденции, доминирующие в публичном пространстве этой страны в отношении миграционной проблемы: это устойчиво первенствующий *дискурс страха* и стабильно остающийся на втором плане *дискурс сострадания*.

Вместе с тем из подобных медийных дискурсов сами иммигранты собирают составные элементы своей коллективной идентичности, постепенно выстраивая собственные стратегии межкультурных отношений. Трактовку отношений между принимающим испанским обществом и мигрантами-латиноамериканцами в СМИ можно назвать «зеркалом наоборот», так как отражающиеся в нём искажённые образы не позволяют разглядеть реальность. Такое намеренное акцентирование именно «различий», напрямую связанных с социальными конфликтами, будет и дальше порождать в принимающем обществе отрицание и недоверчивость к новоприбывшим *другим*.

Библиографический список:

Корниенко Е. Р. 2010. Текст сквозь призму философии М. М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 128–133.

Косевич Е. Ю. 2018. Современные мексикано-испанские отношения: новый фазис развития // Politbook. № 1. С. 168–182.

Косевич Е. Ю. 2019. Восприятие Мексики в США: роль СМИ // США и Канада: экономика, политика, культура. № 4 С. 46–61. DOI: 10.31857/S032120680004357-6

Aparicio R., Giménez C. 2003. Migración colombiana en España. Bruselas: International Organization for Migrations. 267 p.

Aznar H. 2005. Ética de la comunicación y nuevos retos sociales. Códigos y recomendaciones para los medios. Barcelona: Paidós. 319 p.

Bonete Perales E. 1999. *Ética de la comunicación audiovisual*. Madrid: Tecnos. 279 p.

Giménez C., Malgesini G. 2000. *Guía de conceptos sobre migraciones, racismo e interculturalidad*. Madrid: Catarata. 278 p.

Igartúa J. J. y otros. 2002. *Análisis of Newsworthy Frames in the Reports on Latin America by the Spanish Press*. Paper for 23 Conference and General Assembly of the International Association for Media and Communication Research, Barcelona. P 229.

Informe Encuesta Nacional de Inmigrantes (ENI – 2007). Documentos de trabajo. Madrid, abril de 2008. P. 153.

Lario Bastida M. y otros. 2006. *Medios de comunicación e inmigración*. Encuentro CAM. Obra Social. CAM: Santo Ángel – Murcia. 323 p.

Medios de comunicación e inmigración. 2006. Coord. Lario Bastida M., Programa CAM Encuentro. CAM – Obra Social. 323 p.

Pérez Fuentes J. C. 2005. *Ética periodística. Principios, códigos deontológicos y normas complementarias*. Servicio Editorial. Universidad del País Vasco. 293 p.

Retis J. 2011. *Estudio exploratorio sobre el consumo cultural de los inmigrantes latinoamericanos en España: el contexto transnacional de las prácticas culturales*. Documento de Trabajo 09. P.116.

Población mexicana en el mundo. Estadística de la Población Mexicana en el Mundo 2018. Instituto de los Mexicanos en el Exterior, Secretaría de Relaciones Exteriores, México D.F., Julio 2018. P. 87.

Van Dijk T. 1996. *Opiniones e ideologías en la prensa* // Madrid: Voces y culturas. Núm. 10–11. P. 224.

Статья поступила: 09.07.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

Spanish Mass-Media on Latin American Migrants: Between Fear and Pity

Ekaterina Yu. Kosevich

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

E-mail: ekaterina.kosevich@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8056-8426

For citation: Kosevich, E. Yu. Spanish mass-media on Latin American migrants: between fear and pity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 92–110. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.606

Abstract. Mass-media discourse is a “mirror” of sorts, which reflects general opinions and allows for understanding society’s mindset concerning migration issues. This article is devoted to analyzing the images created by Spanish mass-media regarding Latin American immigrants residing in Spain. Such a vision ultimately led to the emergence of an enduring perception of said immigrants by Spanish society from two main points of view – fear and pity. Columbians and Ecuadorians served as the prototypes for all Latin Americans who illegally entered Spain. The author reveals the reasons for the “divide” in Spanish mass-media’s perception of Columbia and Columbians, who became synonymous with danger, as well as Ecuador and Ecuadorian immigrants, who are primarily associated with

compassion and pity. This article examines the main stages of Latin American migration to Spain at the end of the 20th century and at the beginning of the 21st century, which were primarily comprised in succession by immigrants from Columbia, Argentina, Venezuela and Cuba. The author characterizes the most numerous of Spain's Latin American Diasporas. It is revealed that immigration is a collectively constructed social phenomenon. In turn the host society attributes certain characteristics to visitors ("others") which they in fact do not possess. Such artificially assigned qualities are the result of a so-called "symbolic structure", attributed to each "imaginary migrant". Latin American migration to Spain is a result of a multitude of factors lying on various levels. However, it is very uncommon for the news to carefully examine the regional and global aspects of this process. This article reveals the specific image of Latin American migrants which developed in Spain towards the beginning of the 21st century. The author attempts to define the hidden ideology supporting the vast majority of those negative Latin American migrant stereotypes broadcast by national mass-media.

Keywords: Latin American migration, Spain, Colombia, Ecuador, Argentina, Cuba, Mexico, Venezuela, media, public opinion, press.

References

- Aparicio R., Giménez C. Migración colombiana en España. Bruselas: International Organization for Migrations, 2003: 267 (In Spanish).
- Aznar H. Ética de la comunicación y nuevos retos sociales. Códigos y recomendaciones para los medios. Barcelona: Paidós, 2005: 319 (In Spanish).
- Bonete Perales E. Ética de la comunicación audiovisual. Madrid: Tecnos, 1999: 279 (In Spanish).
- Giménez C., Malgesini G. Guía de conceptos sobre migraciones, racismo e interculturalidad. Madrid: Catarata, 2000: 253–254 (In Spanish).
- Igartúa J. J. y otros. Análisis of Newsworthy Frames in the Re-ports on Latin America by the Spanish Press. Paper for 23 Conference and General Assembly of the International Association for Media and Communication Research, Barcelona, 2002: 229 (In Spanish).
- Informe Encuesta Nacional de Inmigrantes (ENI – 2007). Documentos de trabajo. Madrid, abril de 2008: 153 (In Spanish).
- Kornienko E.R. Text through the prism of the philosophy of M. M. Bakhtin. Knowledge. Understanding. Skill, 2010; 1: 128–133 (In Russ.).
- Kosevich E. Y. Modern Mexican-Spanish relations: a new phase of development. Politbook, 2018; 1: 168–182 (In Russ.).
- Kosevich E.Y. The perception of Mexico in the United States: the role of the media. SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: Economy, Politics, Culture, 2019; 4: 46–61. DOI: 10.31857/S032120680004357-6 (In Russ.).
- Lario Bastida M. y otros. Medios de comunicación e inmigración. Encuentro CAM. Obra Social. CAM: Santo Ángel – Murcia, 2006: 323 (In Spanish).
- Medios de comunicación e inmigración. Coord. Lario Bastida M., Programa CAM Encuentro. CAM – Obra Social, 2006. 323 (In Spanish).
- Pérez Fuentes J.C. Ética periodística. Principios, códigos deontológicos y normas complementarias. Servicio Editorial. Universidad del País Vasco, 2005: 293 (In Spanish).
- Población mexicana en el mundo. Estadística de la Población Mexicana en el Mundo. Instituto de los Mexicanos en el Exterior, Secretaría de Relaciones Exteriores, México D.F., 2018: 87 (In Spanish).
- Retis J. Estudio exploratorio sobre el consumo cultural de los inmigrantes latinoamericanos en España: el contexto transnacional de las prácticas culturales. Documento de Trabajo 09. 2011: 116 (In Spanish).
- Van Dijk T. Opiniones e ideologías en la prensa. Madrid: Voces y culturas, Núm. 10–11. 1996: 224 (In Spanish).

The article was submitted on: July 09.2019

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607

Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России

Ссылка для цитирования: *Найденко В. Н.* Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 111–125. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607

For citation: Naydenko, V. N. Probability of extremist threats within the ethno-national realm manifesting in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 111–125. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607

**Найденко
Виталий Николаевич**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

vnaydenko@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [722172](#)

Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы проявления экстремистских угроз в этнонациональной сфере Российской Федерации. Проведённый опрос (с применением методов анкетирования и глубинного интервью) 20-ти экспертов, являющихся квалифицированными специалистами в сфере противодействия этноэкстремизму, анализ результатов массовых социологических исследований, научных работ и публикаций СМИ по теме исследования позволили выявить наиболее вероятные экстремистские угрозы, которые в ближайшие 5–7 лет будут оказывать негативное воздействие на этнонациональную обстановку в стране, и определить их потенциал. Наиболее высокую экспертную оценку вероятности получили (средняя величина 5) такие угрозы в этнонациональной сфере, как террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления. Результаты массовых социологических опросов позволяют сделать вывод о том, что общественное мнение россиян, равно как и выводы опрошенных экспертов, склоняются к оптимистичным оценкам состояния и динамики противодействия терроризму в Российской Федерации. Вместе с тем значительное количество преступлений террористической направленности, их высокая общественная опасность и широкое распространение на территории России требуют напряжённых усилий государства и общества по организации эффективного противодействия террористическим угрозам. Достаточно высокую экспертную оценку вероятности на ближайшие 5–7 лет (средняя величина 4) получили конфликты между Центром и регионами и призывы к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами. Несколько меньшую экспертную оценку вероятности проявления угроз в этнонациональной сфере (средняя величина 3) получили призывы к свержению существующей власти, а также насильственные действия в отношении представителей органов власти и правоохранительных органов, российских граждан другой национальности и иностранных граждан. Наименьшую же вероятность осуществления (средняя величина 2), по мнению экспертов, имеют попытки изменения основ конституционного строя, а также создание и деятельность незаконных вооружённых формирований. Экспертные оценки этнонациональных угроз представляются достаточно обоснованными, поскольку подтверждаются выводами массовых социологических исследований и результатами анализа публикаций СМИ, касающихся исследуемых угроз. Приведённые в статье результаты научных исследований свидетельствуют о важности дальнейшего изучения этнонациональных угроз, и прежде всего таких наиболее опасных, как террористические акты, этнические конфликты и массовые антиобщественные проявления на этнонациональной или этнорелигиозной основе.

Ключевые слова: угрозы в этнонациональной сфере, террористические акты, этнонациональные конфликты, социальная напряжённость, протестные выступления, массовые антиобщественные проявления

Опыт постсоциалистического развития ряда стран со всей очевидностью показал, что в условиях кардинальных социально-политических изменений идеи коллективизма и солидарности, принципы патриотизма, равенства и единства народов очень быстро замещаются процессами поляризации и политизации этнических общностей, ростом эгоизма и национализма, которые в значительной степени способствуют взрывному росту конфликтогенного, радикально-националистического и этноэкстремистского потенциалов.

Вследствие острой политизации этнонациональных отношений и дискредитации базовых основ советской национальной политики в 1980–2000-е гг. «в каждой из национальных республик на поверхность вышло множество дремавших в советский период противоречий и конфликтов, в основе которых лежал прежде всего этно-территориальный фактор» [Гаджиев 2018: 133].

Россия является одной из стран, где эти проблемы проявляются, к сожалению, особенно остро. В российском социуме активизировались процессы распространения многочисленных страхов, недоброжелательного отношения к «чужим», агрессивности как способа самоутверждения и противостояния реальным или мнимым угрозам соответствующих этнических групп, различных идеологических течений радикальной националистической направленности.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации отмечается, что в сфере межнациональных отношений «сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма»¹.

Эти негативные явления существенно тормозят развитие страны, препятствуют социально-политической консолидации российского общества, подрывают межнациональное согласие², вызывают обоснованную обеспокоенность российского социума.

Результаты социологической диагностики этнонациональных отношений показывают, что значительная часть российского общества считает их достаточно напряжёнными; 14% наших сограждан оценивают эти отношения как напряжённые, на грани возможных столкновений; 40% – как внешне спокойные, но внутренне напряжённые; 45% – как доброжелательные и спокойные [Горшков 2017: 8].

Цель проведённого исследования заключалась в выявлении наиболее опасных угроз в этнонациональной сфере и анализе вероятности их проявления в ближайшие пять–семь лет.

Общая гипотеза исследования состояла в том, что наиболее опасными угрозами для этнонациональной сферы Российской Федерации являются террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). 2012 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (Дата посещения: 20.06.2019).

² О концепции межнационального (межэтнического) согласия более подробно см.: [Дробижева 2015; Гантамиров 2016; Межнациональное согласие как... 2016; Дробижева 2017; Межнациональное согласие... 2018].

Эмпирическую базу исследования составили материалы массовых социологических опросов, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–18 гг.¹, результаты опроса экспертов, рейтинга «Национального индекса тревожностей» Компании развития общественных связей² и анализа публикаций в СМИ, характеризующих современные этноконфликтные факторы в Российской Федерации. В настоящей статье представлены подтверждения гипотезы исследования и актуальные обоснования его результатов.

Для достижения поставленной цели в октябре 2018 – марте 2019 г. был проведён двухэтапный опрос 20-ти экспертов, включавший анкетирование и глубинное интервью. После заполнения экспертами заранее подготовленной по теме исследования анкеты было проведено их интервьюирование в соответствии с разработанным гайдом глубинного интервью³.

Опрошенные эксперты являются квалифицированными специалистами в сфере деятельности международных структур, органов государственной и муниципальной власти, правоохранительных органов, юриспруденции, науки, образования, культуры и искусства⁴.

Эксперты имеют практический, аналитический, научный и педагогический опыт (от 12 до 35 лет) в области обеспечения безопасности Российской Федерации в этнонациональной сфере. 15 экспертов (75%) имеют учёные степени (из них 6 докторов и 9 кандидатов наук) по отраслям философских, политических, юридических, экономических и исто-

¹ Массовые опросы проводились ФНИСЦ РАН в 2014–18 гг. в рамках масштабного социологического проекта Российского научного фонда № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». В соответствии с программой выполнения проекта каждые шесть месяцев проводились общенациональные социологические исследования, направленные на изучение трансформационных процессов, происходящих в современной России в контексте реально складывающихся общественных ситуаций. Объём выборочной совокупности каждого исследования составлял 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в разбивке по полу, возрастным когортам, уровню образования и типу поселения.

² Компания развития общественных связей (КРОС) – российская компания по связям с общественностью. Штаб-квартира компании расположена в Москве. В глобальном рейтинге коммуникационных компаний «Top 250 Global Rankings 2011» (подготовлен бюллетенем The Holmes Report – одним из самых авторитетных независимых отраслевых источников о пиар-индустрии в мире) КРОС находится на 55 месте среди PR-агентств мира и на 1 месте среди российских PR-компаний. Кроме того, по мнению The Holmes Report, КРОС вошла в топ-10 самых быстрорастущих PR-агентств мира (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

³ В каждом случае гайд адаптировался в зависимости от хода интервью, а также с учётом потенциала и интересов конкретного эксперта.

⁴ Эксперты имеют опыт работы в Экспертно-аналитическом управлении Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Антитеррористическом центре СНГ, Евразийском информационно-аналитическом консорциуме, Совете Безопасности Российской Федерации, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, аппарате Национального антитеррористического комитета, Министерстве юстиции Российской Федерации, Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, Главном управлении региональной безопасности Московской области, Московском государственном университете, Московском государственном институте международных отношений МИД России, профессиональном сообществе аналитиков «Русская аналитическая школа».

рических наук. Некоторые из них имеют опыт проведения научных исследований и преподавательской работы в области этнонациональных и этнорелигиозных отношений и конфликтов.

В ходе экспертного опроса анализировалась вероятность различных угроз в области этнонациональных отношений на ближайшие пять–семь лет. Угрозы оценивались респондентами по шкале от 1 до 5, где 1 – наименьшее негативное воздействие, а 5 – наибольшее. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 (Table1)

Оценка вероятности угроз в этнонациональной сфере на ближайшие пять–семь лет
(один ответ по каждой угрозе, N=20)

*Evaluating the probability of threats in the ethno-national realm
for the next five to seven years (Single answer for each threat, N=20)*

Угрозы	Оценка вероятности (средние величины по выборке)
Террористические акты	5
Этнонациональные конфликты	5
Массовые антиобщественные проявления	5
Конфликты между Центром и регионами	4
Призывы к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами	4
Призывы к свержению существующей власти	3
Насильственные действия в отношении представителей органов власти и правоохранительных органов	3
Насильственные действия в отношении российских граждан другой национальности	3
Насильственные действия в отношении иностранных граждан	3
Изменение основ конституционного строя	2
Создание и деятельность незаконных вооружённых формирований	2

Наиболее высокую оценку вероятности (средняя величина 5) получили такие угрозы в этнонациональной сфере, как террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления.

Один из экспертов дал следующую оценку террористических угроз в этнонациональной сфере: «Одной из наиболее опасных угроз для нашей страны в настоящих условиях является терроризм, а точнее его разновидность – этнорелигиозный терроризм, который получил в России, к сожалению, достаточно широкое распространение. Эта разновидность терроризма имеет ярко выраженную политическую направленность, содержит огромный разрушительный потенциал и представляет серьёзную опасность для нашего государства и общества, ставит под угрозу жизнь и здоровье российских граждан».

Подчёркивая опасность террористических угроз, Президент Российской Федерации В. В. Путин 5 марта 2018 г. на расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности отметил, что «в 2017 году было предотвращено 68 преступлений террористической направленности, в том числе 25 террористических актов»¹.

Одним из наиболее опасных российских регионов с точки зрения террористической активности является Северный Кавказ.

Директор ФСБ России А. Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета 9 октября 2018 г. сообщил, что в 2018 г. правоохранительные органы и власти реализовали комплекс силовых и профилактических мер, позволивших более чем в два раза снизить количество преступлений террористической направленности на территории СКФО².

В ходе массового социологического опроса, проведённого ФНИСЦ РАН осенью 2018 г., выяснялось мнение граждан о положении дел в сфере борьбы с терроризмом в России за последние пять лет: 41,3% респондентов считают, что это положение улучшилось, 47,6% – не изменилось, 11% – ухудшилось.

В результате можно сделать вывод о том, что общественное мнение россиян, равно как и выводы опрошенных экспертов, склоняются к оптимистичным оценкам состояния и динамики противодействия терроризму в Российской Федерации.

Вместе с тем проведённое исследование показало, что террористические угрозы продолжают оставаться наиболее опасными для этнонациональной сферы Российской Федерации. Так, по информации начальника Главного управления по противодействию экстремизму МВД России О. Ильиных, в 2018 г. сотрудниками ФСБ и МВД России выявлено 1679, а в первом полугодии 2019 г. – 972 преступления террористического характера, организаторами которых являлись эмиссары международных террористических и экстремистских структур, а также выпускники зарубежных теологических центров, проповедующих радикальные течения в исламе. Конечными целями этнорелигиозных террористов являются ликвидация светского общества и создание всемирного исламского государства – халифата, а также замена существующей правовой системы законами шариата³.

Только в 2019 г. сотрудниками ФСБ и МВД России в ходе совместных мероприятий пресечена деятельность законспирированных ячеек ИГ⁴ в 17-ти российских регионах: Краснодарском, Ставропольском и Красноярском краях; Москве; Астраханской, Владимирской, Москов-

¹ Заседание коллегии Федеральной службы безопасности. 2018 // URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/7/events/56977> (Дата посещения: 18.02.2019).

² Успокаивать Северный Кавказ будут в Дагестане. 2018 // URL: <https://chernovik.net/content/lenta-novostey/uspokaiivat-severnnyy-kavkaz-budut-v-dagestane> (Дата посещения: 12.06.2019).

³ Ильиных О. 2019. Не допустить ненависти и вражды // Полиция России. № 9 // URL: <http://ormvd.ru/pubs/101/to-prevent-hatred-and-enmity/> (Дата посещения: 25.09.2019).

⁴ «Исламское государство» – исламистская террористическая организация, действующая на территории Ирака и Сирии (сокращенно ИГ или ИГИЛ, в арабских СМИ – ДАИШ). ИГ признано террористической организацией в США, Канаде, Великобритании, Австралии, Таджикистане, Турции, Египте, ОАЭ, Индии, Индонезии, а также России (с 29 декабря 2014 г.). Деятельность ИГ на территории этих стран запрещена.

ской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Тюменской областях; республиках Дагестан, Адыгея, Кабардино-Балкария, Чечня; Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах¹.

Высокая опасность терроризма, главным образом этнорелигиозного, негативно отражается на социальном самочувствии россиян. В представленном Компанией развития общественных связей (КРОС) ежеквартальном рейтинге «Национальный индекс тревожностей»² к наиболее волнующим россиян фобиям исследователи отнесли страх взрыва бытового газа в домах³, резкий рост цен на товары и услуги, боязнь терактов и изоляция рунета. При этом относительно доминирования «боязни терактов» в российском социуме в исследовании КРОС отмечается: «Можно констатировать, что угроза терроризма не оставляет граждан, и любая информация по теме только подпитывает эту фобию»⁴.

Угрозу этнонациональных конфликтов опрошенные эксперты также оценили как наиболее вероятную на ближайшие 5–7 лет (средняя оценка 5). Один из экспертов так объяснил своё видение причин наиболее острых этноконфликтов в Российской Федерации: *«Наибольшую опасность для нашей страны в современных условиях представляют этноконфликты в национальных образованиях Российской Федерации. Основными причинами таких конфликтов являются: во-первых, борьба между этническими группами за власть, которая характерна практически для всех субъектов - национальных республик Российской Федерации; во-вторых, борьба за доступ к федеральным деньгам, поскольку почти все национальные регионы являются дотационными. Причём борьба за власть носит вторичный, подчинённый характер, а главным мотивом является получение доступа к федеральным деньгам»*.

Результаты массовых социологических исследований отмечают улучшение положения дел в сфере межнациональных отношений, но вместе с тем подтверждают выводы экспертов о высокой актуальности этой проблемы для современной России. Так, осенью 2017 г. случаи межнациональных конфликтов в городе и селе отмечали 46% респондентов. Причём оценка частоты таких конфликтов среди русских и нерусских респондентов совпадает, заметных возрастных различий в оценках не наблюдалось [Двадцать пять лет... 2018].

¹ Ильиных О. 2019. Не допустить ненависти и вражды // Полиция России. № 9 // URL: <http://ormvd.ru/pubs/101/to-prevent-hatred-and-enmity/> (Дата посещения: 25.09.2019).

² Суммарный индекс тревожностей граждан составлен КРОС в результате анализа СМИ и соцсетей, а также оценки степени «приживаемости» страха – «то, как информационная повестка страха в масс-медиа соотносится с её обсуждением пользователями в социальных сетях и блогах». Исследователи указывают, что если «приживаемость» страха представляет малую величину, это говорит о том, что «мы имеем дело с псевдострахом»: «СМИ об этой теме говорят, но люди этого не обсуждают и не боятся» (см. сноску [Миллер 2019]).

³ Причиной актуализации этой фобии стало освещение в СМИ взрыва бытового газа в жилом доме в Магнитогорске 31 декабря 2018 г. Этот взрыв связывался российскими гражданами с угрозой терроризма, поскольку одна из версий расследования предполагала возможный террористический акт.

⁴ Миллер Л. 2019. Убоюсь я роста цен // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3945655> (Дата посещения: 12.06.2019).

Ярким примером межнационального конфликта являются события в ауле Кенделен Кабардино-Балкарской Республики 18 сентября 2018 г. Поводом для конфликта стало проведение кабардинскими организациями конного похода в честь 310-летия Канжальской битвы (1708 г): они считают, что тогда черкесы победили войска крымских татар. Итоги этого сражения до сих пор болезненно воспринимаются тюркскими (в т. ч. балкарскими) активистами, поэтому жители балкарского села Кенделен запретили конникам проходить по их территории.

За вниманием кабардинцев к историческому событию балкарцы видят также претензии на земли, которые считают своими¹. На помощь кабардинцам в село прибыли многочисленные участники черкесских молодёжных организаций. Вспыхнувший конфликт попытались остановить силы Росгвардии, которым в итоге пришлось использовать дубинки и даже стрелять в воздух. Село было заблокировано правоохранительными органами, власти республики провели переговоры с участниками столкновений².

Пресс-служба Следственного управления СКР по КБР заявила: «Неустановленные лица, отказавшись выполнять законные требования сотрудников правоохранительных органов, применили физическое насилие в отношении представителей власти, а также пытались спровоцировать столкновение сторон, в том числе размещая в социальных сетях недостоверную информацию о происходящем, а также призывая к возбуждению ненависти и вражды по признаку национальности»³.

Как показало проведённое исследование, избирательное использование концепции «исторической памяти» используется конфликтующими этносами в первую очередь как орудие борьбы за ресурсы. По мнению ряда специалистов, главный вопрос длительного конфликта состоит «не в ассоциации кабардинцев и балкарцев с той или иной стороной давнего сражения, а в интерпретации исторического события для решения современных проблем, прежде всего статуса горных земель отгонно-пастбищного животноводства»⁴.

К числу наиболее вероятных угроз в области этнонациональных отношений на ближайшие 5–7 лет опрошенные эксперты отнесли также массовые антиобщественные проявления (со средней оценкой 5).

По мнению экспертов, *«повышенная опасность массовых антиобщественных проявлений в этнонациональной сфере обусловлена достаточно высоким уровнем социальной напряжённости в российском обще-*

¹ Конфликт кабардинцев и балкарцев в селе Кенделен стал поводом для доследственной проверки. 2018 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/629866> (Дата посещения: 12.06.2019).

² Кабардино-Балкарский конфликт в Кенделене: хроника противостояния. 2018 // URL: https://news-r.ru/news/kabardino_balkar_republic/249303/ (Дата посещения: 12.06.2019).

³ Следственным управлением инициировано проведение доследственной проверки по событиям в селении Кенделен. 2018 // URL: <http://kbr.sledcom.ru/news/item/1256940> (Дата посещения: 12.06.2019).

⁴ Историки назвали земельный спор первопричиной конфликта в Кенделене. 2018 // Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325632/> (Дата посещения: 12.06.2019).

стве, ростом вероятности протестных выступлений и нерешённостью проблем, накопившихся в области этнонациональных отношений. Рост социальной напряжённости и вероятность протестов вызваны прежде всего снижением социально-экономического уровня жизни основной массы россиян, недостаточно эффективными действиями Правительства Российской Федерации по развитию страны и улучшению жизни граждан, непопулярными реформами в сферах здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения».

Сравнительный анализ экспертных оценок и результатов массовых социологических опросов показал, что выводы экспертов в отношении протестных выступлений гораздо более пессимистичны, чем оценки опрошенных респондентов.

Так, массовые опросы показали, что доля россиян, признающих возможность протестных выступлений, в 2007–18 гг. не превышала 29%. При этом с мая 2017 г. по апрель 2018 г. доля допускающих вероятность протестов снизилась с 29 до 20%, а доля считающих их маловероятными или невозможными возросла с 71 до 80% [Российское общество... 2018: 30].

Протестные выступления при определённых условиях приобретают этнополитическую окраску и перерастают в массовые антиобщественные проявления с использованием различных форм информационно-пропагандистского воздействия и применением открытого силового политического давления на органы власти и их представителей.

Массовые антиобщественные проявления зачастую сопровождаются выражением протестов против региональной или общегосударственной политики; выдвижением ультимативных требований властям; насильственным воспрепятствованием деятельности конституционных органов и поддерживающих правительство общественных организаций; созданием помех деятельности тех или иных государственных и общественных объектов. При этом могут распространяться публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждающие ненависть либо вражду к представителям других этносов, а также угрозы совершения насильственных акций в отношении определённых учреждений, групп граждан, конкретных государственных, политических и общественных деятелей, сотрудников правоохранительных органов и т. д.

Примером массовых протестных выступлений, возникших из-за недостаточно продуманных действий региональных властей и повлёкших политические последствия, явились события в Республике Ингушетия в сентябре 2018–июне 2019 г.

4 октября 2018 г. в столице Ингушетии Магасе начался массовый митинг протеста против принятия соглашения об административной границе с Чеченской Республикой. Участники митинга объявили его бессрочным и заявили о намерении добиваться отставки главы республики Юнус-Бека Евкурова и премьера Зелимхана Евлоева. Митингующие обвинили руководителей Республики Ингушетия «в фальсификации результатов голосования в парламенте». За утверждение документа, согласно официальной информации, проголосовали 17 из присутствовав-

ших 25 депутатов¹. Митингующие обвинили депутатов, поддержавших соглашение, в предательстве национальных интересов и потребовали от Евкурова уйти в отставку, а вопрос о границе с Чечнёй вынести на всенародный референдум. Попытки властей «поговорить с народом» протестующих не успокоили².

Митингующих поддержал Конституционный суд Ингушетии³. В регионе как минимум дважды в течение недели прошли крупные волнения. 26 сентября местным властям даже пришлось отключить интернет в столице республики, чтобы пресечь распространение призывов выходить на улицу⁴. 27–28 октября 2018 г. в Ингушетии состоялся Чрезвычайный Съезд представителей тейпов ингушского народа, решение о созыве которого было принято оргкомитетом митинга. Съезд собрал около тысячи человек: 830 делегатов, представляющих 283 ингушских фамилии; ещё около 200 человек стали гостями съезда. В результате работы съезда соглашение глав Ингушетии Юнус-Бека Евкурова и Чечни Рамзана Кадырова об установлении границы было признано «антинародным». Участники съезда выступили с требованием о его отмене, выразили недоверие главе Республики, а также потребовали возврата в Ингушетию прямых выборов главы, поскольку именно действия Евкурова привели к протестным выступлениям в Магасе⁵.

Недовольство граждан было вызвано не только тем, что ингушские власти приняли решение о передаче земель без учёта мнения местных жителей и предварительного обсуждения этого вопроса с общественностью. На обострение конфликта существенное влияние оказали проблемы безработицы, коррупции, клановости, сложных взаимоотношений между этносами (в данном случае – ингушами и чеченцами), а также недостатки в системе государственного управления, которые особенно актуальны на Северном Кавказе.

Острый конфликт был в какой-то степени локализован в результате признания Конституционным судом (КС) Российской Федерации правомерности соглашения о границе Чечни и Ингушетии. КС РФ аннулировал решение КС Ингушетии, который отменил в сентябре 2018 г. соглашение о ратификации границы между Ингушетией и Чечнёй. КС РФ признал, что КС Ингушетии был не правомочен проверять всту-

¹ Подробнее см.: Ингуши грозят выйти из своих границ. 2018 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3760075>; Чечня и Ингушетия отошли к своим границам. 2018 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3753042>; Кадыров и Евкуров обменялись землями Чечни и Ингушетии. 2018 // URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/09/26/kadyrov-i-evkurov-razgranichili-chechnyu-i-ingushetiyu.html> (Дата посещения: 12.06.2019).

² Митингующие в Магасе призвали Евкурова отозвать подпись под соглашением о границе. 2018 // URL: <https://ria.ru/politics/20181010/1530378983.html> (Дата посещения: 12.06.2019).

³ Конституционный суд Ингушетии не ушел с границы. 2018 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3785993> (Дата посещения: 12.06.2019).

⁴ Чечено-ингушский конфликт из-за земель разожгли на слухах. 2018 // URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/09/26/chechenoingushskiy-konflikt-iz-za-zemel-razozhgli-na-slukhakh.html>; Власти Ингушетии призвали жителей не поддаваться на провокации в соцсетях. 2018 // URL: <https://ria.ru/society/20181010/1530336192.html> (Дата посещения: 12.06.2019).

⁵ Съезд тейпов ингушского народа выразил недоверие Евкурову. 2018 // URL: http://club-rf.ru/06/news/51925?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Дата посещения: 12.06.2019).

павший в силу договор между регионами. По мнению КС РФ, вопрос о границах между регионами к исключительному ведению региональных властей не относится¹.

Однако ингушские власти не учли полученный осенью 2018 г. негативный опыт противостояния с оппозицией и вновь реанимировали конфликтную ситуацию. В марте 2019 г. в Республике Ингушетия опять возникли протестные настроения. Причиной нового выступления ингушской оппозиции стало принятие в первом чтении региональным парламентом поправок к республиканскому закону о референдуме. Законопроект предусматривал упразднение нормы об обязательности вынесения на референдум вопроса об изменении статуса, наименования республики, её разделения или объединения с другими субъектами РФ, изменения её территории или границ. Один из лидеров ингушской оппозиции, сопредседатель совета тейпов Батыр Богатырёв заявил: «Власти, по сути, пытаются узаконить свои антинародные действия, разрешив себе без учёта мнения народа принимать любые решения, касающиеся границ и статуса республики, но им не удастся это сделать»². Под угрозой протестных акций власти Ингушетии отозвали из парламента свой законопроект о референдуме, который к тому времени уже прошёл первое чтение³.

Вследствие острого конфликта с оппозицией (в т. ч. с ингушским муфтиятом) и углубляющегося раскола в обществе глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров 25 июня 2019 г. объявил о своём намерении досрочно покинуть пост⁴. Решение об отставке он объяснил отсутствием единства в ингушском народе: «Все мы – власть, которую я представляю, общественные, религиозные и другие организации – ответственны за то, что мы сегодня разобщены»⁵. 26 июня 2019 г. Президент РФ В. В. Путин принял отставку главы Ингушетии Ю.-Б. Евкурова.

В ряде случаев массовые антиобщественные проявления могут перерасти в массовые беспорядки, сопровождающиеся разжиганием в толпе агрессивных настроений, насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооружённого сопротивления представителям власти⁶.

¹ Конституционный суд признал соглашение о границе Чечни и Ингушетии. 2018 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3821343> (Дата посещения: 12.06.2019).

² Ингушская оппозиция вернулась к границам. 2019 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3916825> (Дата посещения: 12.06.2019).

³ Ингушские власти пошли навстречу оппозиции. 2019 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3917399> (Дата посещения: 12.06.2019).

⁴ Бочарова С., Мухаметшина Е., Корня А. 2019. Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров решил уйти в отставку // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/24/804938-yunus-bek-otstavku> (Дата посещения: 20.09.2019).

⁵ Мурадов М., Сергеев Н., Тяжлов И. 2018. У главы Ингушетии разладилось с обществом // URL: https://www.kommersant.ru/doc/4011510?from=doc_vrez (Дата посещения: 20.09.2019).

⁶ Подробнее см.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 212. Массовые беспорядки. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/cdfbaa9aeaf8b47695af18e41433e4e3f5f4be5f/

Достаточно высоко эксперты оценили вероятность (средняя величина 4) конфликтов между Центром и регионами, а также призывов к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами.

Один из опрошенных экспертов дал следующую оценку публичных призывов к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами: *«Опасность публичных призывов к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами состоит в том, что в короткий период времени экстремистские взгляды и установки могут быть вновь сформированы или усилены у довольно большого числа людей. Публичность облегчает процесс идеологической и психологической обработки граждан и втягивания их в практическую этноэкстремистскую, в т. ч. и террористическую деятельность. С развитием интернета и социальных сетей публичные призывы к совершению этноэкстремистских действий получают всё большее распространение и создают дополнительные сложности по выявлению общественно опасных последствий такого рода действий. Правоохранительным органам и спецслужбам очень непросто получать своевременную информацию на лиц, на которых такие призывы оказывают радикальное и провоцирующее воздействие».*

Эта оценка общественной опасности рассматриваемых публичных призывов подтверждается опытом деятельности российских правоохранительных органов. Начальник Главного управления по противодействию экстремизму МВД России О. Ильиных заявил, что в 2018 г. около 80% от всех преступлений экстремистского характера были связаны с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности, а также возбуждению ненависти либо вражды и совершались с использованием сети интернет¹.

Среднюю оценку вероятности угроз в исследуемой сфере (средняя величина 3) получила со стороны экспертов следующая группа угроз: насильственные действия в отношении представителей органов власти и правоохранительных органов, российских граждан другой национальности и иностранных граждан; призывы к свержению существующей власти (см. таблицу 1).

Наименьшую вероятность осуществления (средняя величина 2), по мнению экспертов, имеют попытки изменения основ конституционного строя, а также создание и деятельность незаконных вооружённых формирований. Обусловлено это достаточно высоким уровнем поддержки президента России В. В. Путина, а также отсутствием в стране причин и условий для вооружённого противостояния легитимным органам власти.

Таким образом, проведённое исследование показало, что наиболее высокую экспертную оценку вероятности на ближайшие 5–7 лет получили (средняя величина 5) такие угрозы в этнонациональной сфере, как террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления.

Об опасности террористических актов для нашей страны и важности мер по снижению уровня террористических угроз свидетельствуют данные, которые привёл В. В. Путин 25 октября 2018 г. на встрече с офицерами и прокурорами по случаю их назначения на высшестоящие должности и присвоения им высших воинских (специальных) званий

¹ Ильиных О. 2019. Не допустить ненависти и вражды // Полиция России. № 9 // URL: <http://ormvd.ru/pubs/101/to-prevent-hatred-and-enmity/> (Дата посещения: 25.09.2019).

и классных чинов: «Стабильное уверенное развитие России, безопасность наших граждан прямо зависит от результативности, качества работы специальных служб и правоохранительных органов. Отмечу, что за девять месяцев этого года сотрудниками ФСБ предотвращено 26 преступлений террористической направленности. Из них – 15 терактов. За этими показателями – спасённые жизни наших людей»¹.

Заключение

Результаты массовых социологических опросов, проведённых ФНИСЦ РАН, позволяют сделать вывод о том, что общественное мнение россиян, равно как и выводы опрошенных экспертов, склоняются к оптимистичным оценкам состояния и динамики противодействия терроризму в Российской Федерации.

Вместе с тем значительное количество преступлений террористической направленности, их высокая общественная опасность и широкое распространение на территории России требуют напряжённых усилий государства и общества по организации эффективного противодействия террористическим угрозам.

Достаточно высокую экспертную оценку вероятности на ближайшие 5–7 лет (средняя величина 4) получили конфликты между Центром и регионами, а также призывы к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами.

Несколько меньшую экспертную оценку вероятности проявления угроз в этнонациональной сфере (средняя величина 3) получили призывы к свержению существующей власти, а также насильственные действия в отношении представителей органов власти и правоохранительных органов, российских граждан другой национальности и иностранных граждан.

Наименьшую же вероятность осуществления (средняя величина 2), по мнению экспертов, будут иметь попытки изменения основ конституционного строя, а также создание и деятельность незаконных вооружённых формирований.

Экспертные оценки этнонациональных угроз представляются достаточно обоснованными, поскольку подтверждаются выводами массовых социологических исследований и результатами анализа публикаций СМИ, касающихся исследуемых угроз.

Некоторое исключение составляет, пожалуй, только оценка протестных выступлений. В отличие от экспертов, оценивших их вероятность в ближайшие 5–7 лет по максимальной шкале (средняя величина 5), подавляющее большинство российских граждан (от 71 до 80%) в ходе массовых социологических опросов посчитали такие выступления маловероятными или невозможными.

Полученные результаты настоящего исследования свидетельствуют о важности дальнейшего изучения этнонациональных угроз и прежде всего таких наиболее опасных, как террористические акты,

¹ Путин призвал «серьезно усилить контроль» за оборотом оружия. 2018 // URL: <https://rg.ru/2018/10/25/putin-prizval-serezno-usilit-kontrol-za-oborotom-oruzhiia.html> (Дата посещения: 15.02.2019).

этнические конфликты и массовые антиобщественные проявления на этнорелигиозной основе. Такие исследования должны носить комплексный характер и проводиться с привлечением широкого круга специалистов, в первую очередь социологов, политологов, юристов и психологов.

Библиографический список

Гаджиев К. С. 2018. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 130–146.

Гантамиров Т. Т. 2016. Межэтнический диалог как фактор цивилизационного развития современной России // Наука. Искусство. Культура. Вып. 2 (10). С. 84–93.

Горшков М. К. 2017. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социологические исследования. № 1. С. 5–13.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

Дробижева Л. М. 2017. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. № 1. С. 25–36.

Дробижева Л. М. 2015. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. № 11. С. 80–90.

Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты. Монография / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. Монография / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с. ISBN 978-5-89697-276-1

Российское общество после президентских выборов–2018: запрос на перемены: Информационно-аналитический доклад. 2018. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 55 с.

Статья поступила: 02.10.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607

Probability of Extremist Threats Within the Ethno-National Realm Manifesting in Russia

Vitaly N. Naydenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vnaydenko@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0878-4204

For citation: Naydenko, V. N. Probability of extremist threats within the ethno-national realm manifesting in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 111–125. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607

Abstract. This article examines such an issue as the manifestation of extremist threats within the ethno-national realm in Russia. A survey (carried out using questionnaire survey and in-depth interview methods) conducted among 20 experts, who are qualified specialists in the field of counteracting ethnic extremism, analysis of the results of extensive sociological research, as well as scientific work and mass-media publications on the topic allowed to identify the most probable extremist threats, which within the next 5–7 years will start negatively affecting the ethno-national situation in the country, and evaluate their potency. Ethno-national threats with the highest probability, based on expert opinion (with 5 being the average value), include terrorist acts, ethno-national conflicts and mass anti-social displays. The results of extensive sociological surveys suggest that public opinion in Russia, together with the conclusions drawn by the interviewed experts, lean towards a positive evaluation of the state and dynamic of terrorism countermeasures in Russia. However, a considerable amount of terrorism-related crimes, them presenting a serious threat to the public and their prevalence in Russia demands decisive efforts on behalf of the government and society to implement effective countermeasures against potential threats of terrorism. A fairly high degree of probability (with 4 being the average value) was attributed by experts to conflicts occurring within the next 5–7 years between the central government and Russian regions, accompanied by calls to violent action under the guise of nationalism. Somewhat lower probability, according to experts (with 3 being the average value), was attributed to such manifestations of ethno-national threats as calls to overthrow the current government, as well as violent acts targeting government officials and law enforcement, Russian citizens of another nationality or foreign citizens. The least likely threats to manifest (with 2 being the average value) experts considered possible attempts to alter the foundation of the country's constitutional order, as well as the creation and functioning of illegal armed formations. Expert evaluation of ethno-national threats seem to be reasonably valid, with them being confirmed by conclusions drawn while carrying out extensive sociological research, and by the results of analysis of mass-media publications on the topic of the threats in question. The results of scientific research cited in this article indicate the importance of the further study of ethno-national threats, especially such hazardous ones as terrorist acts, ethnic conflicts and mass ethno-national or ethno-religious based anti-social displays.

Keywords: threats in the ethno-national sphere, terrorist acts, ethno-ethnic conflicts, social tension, protests, mass anti-social manifestations.

References

Drobizheva L.M. All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017; 1: 25–36 (In Russ.).

Drobizheva L.M. The potential of interethnic consent. Comprehension of the concept and social practice in Moscow. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015; 11: 80–90 (In Russ.).

Gadzhiev K.S. Russian Federation: national state or the state of nations? *Polis. Politicheskie issledovaniya = Political Studies*, 2018; 3: 130–146 (In Russ.).

Gantamirov T.T. Inter-ethnic dialogue as a factor of civilization development of modern Russia. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Art. Culture*, 2016; 2 (10): 84–93 (In Russ.).

Gorshkov M. K. Russian socium in the conditions of crisis development: a contextual approach. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017; 1: 5–13 (In Russ.).

Twenty-five years of social transformation in Russians' assessments and judgements: experience of sociological analysis. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir, 2018: 384 (In Russ.).

Inter-ethnic harmony in the all-Russian and regional dimension. Sociocultural and religious contexts. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow, FCTAS RAS publ., 2018: 552 (In Russ.).

Inter-Ethnic Harmony as a Resource for Consolidation of Russian Society. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow, IS RAS publ., 2016: 400 (In Russ.).

Russian Society After the 2018 Presidential Election: A Request for Change 2018. Moscow: FCTAS RAS publ., 2018: 55 (In Russ.).

The article was submitted on: October 02.2019

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620

Доверие в вузе как фактор преодоления образовательной неэффективности студенчества

Ссылка для цитирования: Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Доверие в вузе как фактор преодоления образовательной неэффективности студенчества // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 126–149. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620

For citation: Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. Trust in universities as a factor for overcoming educational inefficiency. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 126–149. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620

Зборовский Гарольд Ефимович

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

garoldzborovsky@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [137655](#)

Амбарова Полина Анатольевна

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

borges75@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [259120](#)

Доверие в вузе как фактор преодоления образовательной неуспешности студенчества

Аннотация. Центральная проблема современного высшего образования – образовательная неуспешность значительной части студенчества – рассматривается в тесной связи с развитием доверительных отношений в вузе. Цель статьи состоит в раскрытии проблемы образовательной неуспешности студентов российских вузов и показе внутривузовского доверия как ресурса, необходимого для решения этой проблемы. В статье даётся трактовка основных понятий – вузовского доверия и образовательной неуспешности студенчества. Показывается, что вузовское доверие выступает предиктором формирования устойчивой образовательной мотивации, профессиональных ориентаций студенчества, которые, в конечном счёте, определяют образовательную успешность и качество человеческого капитала. Социологический анализ раскрывает источники формирования образовательной неуспешности студентов и её трансфер через все уровни образования – от дошкольного до университетского. Выявляются риски, связанные с увеличением масштабов образовательной неуспешности студентов и возникновением вузовских имитационных стратегий, направленных на маскировку данного явления. Ставится проблема концентрации образовательной неуспешности студентов в провинциальных вузах. Авторы утверждают, что фактором преодоления этой неуспешности в вузах может стать «двойное» доверие – как в отношении студентов к другим образовательным общностям, прежде всего к научно-педагогическому сообществу и управленческому персоналу, так и в отношении к студентам со стороны этих вузовских общностей. В статье раскрываются основные характеристики этого взаимного доверия, способные выступить ресурсом преодоления неуспешности студентов. Показывается смысл формирования и укрепления вузовского доверия, обусловленный как экономической, так и социокультурной необходимостью превращения проблемных в академическом плане студентов в профессионально и социально успешных акторов. Доминантой их послевузовской жизни должно стать стремление к достижительности в ключевых сферах деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, доверие в вузе, образовательная неуспешность/успешность, образовательные общности, человеческий капитал, образовательная мотивация, профессиональная ориентация, самоопределение

В современном научном и публичном дискурсе о высшем образовании есть несколько табуированных тем. Одна из них – проблема образовательной неуспешности студентов российских вузов. Открыто говорить о ней не принято и даже в определённом смысле опасно, так как само озвучивание проблемы, не говоря уже о показе её масштабов, подрывает доверие общества к образовательной политике государства и проводимым реформам высшей школы. Однако умалчивание проблемы не является эффективным способом её решения. К счастью, в публицистике, средствах массовой информации¹, а в последние годы и в науке об этой проблеме стали говорить откровеннее, показывая расхождение лукавых официальных данных об успехах российского образования и реального положения дел с качеством студентов [Двенадцать решений... 2018; Денисова-Шмидт, Леонтьева 2015; Зборовский, Амбарова 2019; Ключарёв 2013; Смык и др. 2019].

Высшая школа оказалась заложником тех противоречий, которые сегодня пронизывают всю систему довузовского образования, начиная с дошкольных учреждений. Несмотря на декларации об улучшении качества, усилении антропоцентричности и личностно-ориентированного характера образования, проведении его технологической, в том числе цифровой модернизации, результатом функционирования отечественной системы образования по-прежнему является производство «неудачного» человеческого капитала. Речь идёт о большой группе учащихся школ, колледжей и вузов, которые отнесены по тем или иным критериям формальной оценки к неуспевающим, или, точнее, неуспешным.

Вузы и колледжи, находясь в ловушке подушевого финансирования, школы, связанные обязательствами всеобщего образования, а все они вместе взятые, скованные страхом аккредитации и мониторинга эффективности, маскируют разными способами это явление, порождённое фундаментальными деструкциями отечественной системы образования. Школа старается дотянуть неуспевающих до 9 класса и избавиться от этого «балласта» в пользу колледжей или рынка безработных [(Не)обычные школы 2019: 9]. До этого момента, если критическая масса неуспевающих сильно «портит» показатели школы, используются различные приёмы временного «повышения» успеваемости.

Не менее сложная ситуация сложилась и в вузах, которые «наследуют» неуспешных в образовательном плане выпускников школ. При поступлении в вуз они превращаются в неуспешных студентов, а после окончания вуза – зачастую в неуспешных работников на рынке труда. Масштабы образовательной неуспешности студентов постоянно растут. Об этом прямо или косвенно свидетельствуют результаты социологических исследований отечественного высшего образования.

¹ Глава РАН констатировал деградацию университетского образования // Известия. 17 мая 2019. URL: <https://iz.ru/879304/2019-05-17/glava-ran-konstatiroval-degradatciiu-universitetskogo-obrazovaniia> (Дата посещения: 29.10.2019); Всякая селекция и ставка на одарённых растлевают систему школьного образования. Интервью с Еленой Ленской // URL: <https://msses.ru/about/news/4268/> (Дата посещения: 23.05.2019).

На фоне негативных демографических тенденций, приводящих к общему снижению количества абитуриентов, вузы испытывают очень острый дефицит молодёжи, обладающей высококачественным человеческим капиталом. Как следствие, в высшей школе возникают образовательные и управленческие практики, направленные на сохранение контингента студентов и поиск талантливой, способной молодёжи. Речь идёт о таких явлениях, как политика студентосбережения и активно развивающиеся формы межвузовской конкуренции за «умы». Не всегда результаты реализации таких практик можно оценить однозначно: позитивные эффекты проявляются в отдельных вузах – локально, ситуативно, неустойчиво, а негативные бьют тотально по всей системе образования.

Проблема современного отечественного образования заключается в том, что в повестке её развития даже не ставится вопрос о выработке общей, национальной стратегии «выращивания» высококачественных учащихся. Напротив, реализуется политика избирательного поиска способной молодёжи, усиленной поддержки самых лучших, концентрации их в узких сегментах образовательного пространства (в элитных школах, ведущих вузах, столичных регионах). Такой подход соответствует ориентирам неолиберальной политики и ситуации жёсткой экономии на государственных инвестициях в образование [Осипов 2017]. Однако он в корне подрывает основы образования как института социального государства, главная функция которого – воспроизводство и обогащение человеческого капитала, преодоление социального неравенства и расслоения, создание реального равенства в доступе к качественному образованию.

Проблема, рассматриваемая в нашей статье, не является исключительно российской, она глобальна по своему характеру. С ней уже давно столкнулись вузы в разных странах. Зарубежные социологи раньше, чем российские, заявили о ней, а западные университеты раньше начали искать подходы к её решению. Их важным преимуществом на этом пути явилось отсутствие запрета на артикуляцию данной проблемы, риска репрессивных мер в ответ на «неэффективность» вуза, а значит, и возможности глубокого всестороннего анализа феномена образовательной неуспешности студентов.

В российских условиях становится остро необходимым поиск ресурсов для решения проблемы образовательной неуспешности студентов. В числе прочих мы особо выделяем доверие в высшем образовании. Этот ресурс имеет латентное действие, его использование зачастую приводит к неочевидным, на первый взгляд, но многообещающим последствиям. Попытка представить связь доверительных отношений в университетах и возможностей преодоления образовательной неуспешности студентов составляет цель нашей статьи.

Задачи исследования состояли в том, чтобы: 1) раскрыть суть феномена образовательной неуспешности студентов; 2) охарактеризовать причины и риски его возникновения; 3) обосновать возможности доверительных отношений в вузе как ресурса преодоления образовательной неуспешности студентов.

Методология, методы и эмпирическая база исследования

Методология исследования доверия в вузе как фактора преодоления образовательной неуспешности студентов была разработана с учётом концептуальных подходов, сложившихся в зарубежных и отечественных исследованиях по близкой проблематике. Большое значение для нас имели теории вовлечённости студентов в образовательную и научную деятельность [Kuh et al. 2011] и доверия в высшем образовании [Зборовский, Амбарова 2018].

Ранее рядом авторов был установлен факт положительного влияния доверия на различные стороны академической и внеакадемической жизни университетских сообществ. К. Вердер и Э. Скогсберг описали развитие культуры диалога в университете, установив, как эта культура может обеспечить вовлечение студентов в научные исследования и процессы повышения качества высшего образования [Werder, Skogsberg 2013]. Т. Хеффернан, С. Уилкинс и М. М. Батт показали взаимосвязь доверительных отношений со студентами с репутацией университетов. Эта связь устанавливается через процесс усиления удовлетворённости студентов их образованием и их идентификации с университетом [Heffernan et al. 2018]. Другие исследователи обратили внимание на опосредующую роль доверия в процессах управления и обмена знаниями в исследовательских университетах [Yasir et al. 2017].

При создании исследовательской программы мы ориентировались на результаты и других исследований. Они показали сложные связи академической и социальной успешности студентов с их образовательной мотивацией [Ennen et al. 2015], удовлетворенностью различными сторонами академической жизни, отношениями с преподавателями [Шуклина, Певная 2017; Cavanagh et al. 2018].

Исследование образовательной неуспешности студентов базируется на методологических принципах теорий человеческого капитала, социальной общности, ресурсного подхода. Причины и риски анализируемого феномена позволяют раскрыть социологические концепции неравенства в образовании, трансформации высшей школы, образовательных и профессиональных траекторий образовательных общностей. Достижения современной отечественной социологии образования подвели к необходимости системного анализа социальных аспектов образовательной неуспешности студентов вузов. Большое значение для нас имели теоретические и эмпирические результаты зарубежных исследований проблемы успешности/неуспешности студенчества в контексте глобального кризиса высшего образования [Altbach 2016; Collini 2012].

Эмпирическую базу статьи составили данные следующих исследований:

1. Опрос студентов вузов УрФО (n=1860, 2017). Использовалась квотная выборка, построенная на данных образовательной статистики по 53 вузам 5 регионов округа. Квотирование осуществлялось по направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественно-научному, гуманитарному, социально-экономическому).

2. 5 фокус-групп со студентами университетов г. Екатеринбурга (2018). Проведённое исследование позволило выявить характер и основные проблемы внутриинституционального и общностного взаимодействия в вузах; факторы, влияющие на культуру доверия в университетах.

3. Опрос студентов и преподавателей 7 университетов г. Екатеринбурга (2019). Была реализована квотная выборка, сформированная на основе статистических данных о студентах города. Квотирование осуществлялось по направлениям подготовки (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое), уровням подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура), типам вузов («нишевые вузы», «вузы неопределённой позиции», «маркет-лидеры», «вузы на хорошем счету»¹). Объём выборочной совокупности студентов составил 368 чел., преподавателей – 392 чел.

Понятие образовательной неуспешности

В социологии понятие образовательной неуспешности студентов не разработано в той мере, которая позволила бы исследовать этот феномен адекватно проблемному контексту современного высшего образования и рассмотреть его в координатах социальных, культурных, социально-экономических реалий актуального общества. Чаще всего в литературе встречаются понятия учебной неуспеваемости, учебной неуспешности, трудных или проблемных студентов. Эти понятия нельзя рассматривать как синонимы образовательной неуспешности хотя бы потому, что их содержание раскрывает прежде всего педагогические и психологические, но не социальные аспекты образовательной деятельности студенчества.

Попытка дать дефиницию образовательной неуспешности по принципу *definitio per negatio* (определение через отрицание), т. е. рассмотреть её как антипод успешности, нам представляется не в полной мере удачной. Конечно, образовательная неуспешность выступает состоянием, противоположным образовательной успешности. Тем не менее, сущность изучаемого феномена нельзя определить простой подстановкой отрицательной частицы к основным характеристикам успешности. Именно поэтому и возникает потребность в развёрнутой понятийной трактовке образовательной неуспешности студентов.

В самом общем виде под ней можно понимать качественную характеристику образовательной деятельности студентов, отражающую меру расхождения между личными достижениями учащихся вузов и общественно значимыми результатами их деятельности в сфере высшего образования. При этом образовательная неуспешность интегрирует в себе проявления учебной, профессионально-ориентационной и личностной несостоятельности в сфере образования. Они могут характеризовать

¹ Использовался подход, изложенный в статье: Абанкина И. В., Алескеров Ф. Т., Белоусова В. Ю., Гохберг Л. М., Зиньковский К. В., Кисельгоф С. Г., Швыдун С. В. 2013. Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов // Форсайт. Т. 7. № 3. С. 60–62.

деятельность любой образовательной общности. Но поскольку в центре нашего внимания оказывается студенчество, то следует остановиться на основных признаках его образовательной неуспешности.

Говоря об учебной несостоятельности, недостаточно определить её просто как оценивание академических достижений студентов в диапазоне удовлетворительных или неудовлетворительных баллов. Необходимо связать это состояние с мотивационными характеристиками образовательной деятельности студентов. Учебную несостоятельность следует рассматривать как результат недостаточно сформированной мотивации на *реальную* образовательную деятельность. Это означает отсутствие у студентов представлений об учебной деятельности в вузе как разновидности труда, требующего интеллектуального напряжения, усердной работы над собой, систематического целеполагания и планирования.

Признаком сформированности мотивации на реальную образовательную деятельность является включённость студентов в практики самообразования. Недостаточно констатировать факт, что в современном вузе учебная работа студента основана прежде всего на самостоятельном выполнении многих видов учебных заданий, поскольку в учебных планах удельный вес самостоятельной работы очень высок. Современная модель образования, частью которого выступает высшая школа, предполагает, что самообразование и выступает как само образование. Только оно может сегодня завершить процесс формирования у студентов актуальных профессиональных компетенций. Учебная неуспеваемость значительной части студентов во многом определяется отсутствием у них практик самообразования, непониманием их важности и необходимости, неготовностью и нежеланием в них включаться.

Сошлемся здесь на результаты экспертного опроса, проведённого С. Д. Резником¹. По данным названного исследования, только 31% студентов высшей школы отличается высоким уровнем учебной мотивации, а у 24% мотивация к обучению низкая или вообще отсутствует. Учатся старательно, но пропускают занятия 25% студентов, увлекаются научным поиском, участвуют в исследованиях 10%. Многие трудности связаны с самой учёбой (37%), адаптацией (32%), проблемами общения с преподавателями (18%) и со сверстниками (13%). По мнению С. Д. Резника, приведённые цифры говорят о том, что по большому счёту значительная часть молодых людей, поступивших и поступающих в университеты, к роли настоящего студента не готова [Резник 2019].

Проявлением образовательной неуспешности студентов выступает их неготовность учиться в вузе. Это состояние означает, что абитуриенты и студенты первых курсов не имеют достаточных базовых знаний и навыков, необходимых для освоения вузовских дисциплин. Кроме того, это означает отсутствие у них более или менее развитых навыков работы с учебной и научной литературой (пересказа, реферирования и конспектирования), активного слушания, ведения дискуссии, подготовки докладов и устных выступлений, творческих работ (сочинений,

¹ В качестве экспертов выступили проректоры, деканы, завкафедрами, профессора и доценты вузов Москвы, Воронежа, Иваново, Казани, Пензы, Ростова, Саранска.

эссе, исследовательских проектов) и др. Иными словами, налицо недостаток культуры интеллектуальной деятельности. Когда же все названные умения и навыки в совокупности присутствуют в образовательной работе студента, можно говорить о наличии у него образовательного и культурного капитала. Именно он является основой образовательной, профессиональной, социальной, личностной успешности.

Образовательная неуспешность оказывается тесно сопряжённой с недостатком названных видов капитала у современной учащейся молодёжи. Социологи, педагоги и психологи уже много лет бьют тревогу по поводу «поколения ЕГЭ», представители которого оказались «без вины виноватыми», т. е. заложниками одного из самых неудачных образовательных экспериментов в нашей стране. Порочность ЕГЭ связывают с практиками натаскивания школьников 10–11 классов на выполнение тестов, которые не предполагают глубокого овладения программами школьных курсов, формирования навыков самообразования, поиска и критического освоения знания. Поэтому не случайно во многих вузах наблюдается парадокс: даже высокие баллы ЕГЭ не обеспечивают порой студенту успешной учёбы на 1 курсе. Нередко организация обучения в первый год вузовской жизни сводится к повторению того материала, которым абитуриенты должны были по определению владеть при поступлении.

Ещё одним проявлением образовательной неуспешности студентов становятся различные виды академических девиаций – имитационное образовательное поведение, академическое мошенничество, отказ от активности в научной сфере. По сути, академические девиации становятся способом адаптации неуспешных в образовательном плане студентов к требованиям высшей школы, когда для достижения желаемых целей (хороших оценок, диплома) у них отсутствуют в достаточном количестве одобряемые ресурсы (знания, умения, навыки, мотивация).

Учебная несостоятельность студентов усугубляется несформированностью у них профессиональной ориентации и низким уровнем профессионального самоопределения. Исследователи связывают эту ситуацию с несколькими социальными факторами: с активной трансформацией современного мира профессий, быстрым исчезновением одних и таким же быстрым появлением других. Кроме того, они отмечают отсутствие в современной школе эффективных систем профориентации. Обычно учебные заведения ограничиваются очень общими сведениями о профессиях и механизмах их выбора. Они не ориентируют учеников на связь знаний с практиками повседневной жизни.

Как правило, слабо успевающие выпускники школ делают свой профессиональный выбор не вследствие глубокой заинтересованности в конкретной профессии, а на иной основе: они смотрят, в какой вуз легче поступить, где ниже проходной балл, легче учиться, меньше платить и т. д. Таким образом, у выпускников школ представления о мире профессий оказываются размытыми, выбор вуза и программы подготовки – не сознательным, а вынужденным. Конечно, на такой основе не может возникнуть интерес к будущей профессии, а, значит, к вузу

и высшему образованию, которые ведут в мир этой профессии. Студенты оказываются личностно дистанцированными от профессии и профессионального образования.

Так появляется ещё одна ипостась образовательной неуспешности – её личностное проявление. На фоне вышеописанных симптомов образовательной неуспешности к студентам приходит осознание собственной ущербности, личностной несостоятельности. У них формируется психология посредственности и троечника, которая детерминирует возникновение соответствующей системы ценностных ориентаций. Таким образом, один из основных внутриличностных механизмов (мотивационный), включающий в себя потребности, интересы, ценностные ориентации, цель, мотивацию для её достижения, «закольцовывается» образовательным симулякром – стремлением получить диплом вместо готовности к получению реального высшего образования.

Если обобщить результаты анализа проявлений образовательной неуспешности, характеризующей значительную часть студенчества, особенно младших курсов, то можно назвать три её главных признака: низкий уровень мотивации на реальную образовательную деятельность, отсутствие готовности к ней (с точки зрения наличия необходимых знаний, навыков, умений, компетенций для серьёзного обучения и самообразования), несформированность профессиональной ориентации. Образовательная неуспешность, представленная как единство учебной, профессионально-ориентационной, личностной несостоятельности, – феномен не индивидуально-личностный. Его масштабы характеризуют студентов как проблемную образовательную общность, которая имеет все предпосылки для превращения после окончания вуза в неуспешную социальную общность.

Особенностью социологического подхода к исследованию образовательной неуспешности студентов вузов является рассмотрение её в широком социальном контексте. Понятием, обеспечивающим возможности такого видения, выступает трансфер образовательной неуспешности. Рассматриваемый феномен не рождается из воздуха, из ничего. Высшая школа «наследует» его у семьи и школы – социальных институтов, прежде всего ответственных за формирование и когнитивной, и мотивационной, и ценностно-ориентационной готовности студентов к обучению в вузе. Проблема же высшей школы заключается в том, что она не просто «наследует», но в силу собственной дисфункциональности закрепляет образовательную неуспешность студентов и далее «организует» её трансфер на рынок труда.

Причины образовательной неуспешности студентов

Меры, которые используются сегодня в вузах для преодоления образовательной неуспешности, к сожалению, малоэффективны, поскольку направлены на борьбу только лишь с «вершками» проблемы. Между тем бесполезно бороться с последствиями этой системной «болезни» высшего образования, не «распутав» её корни и предпосылки.

Социальные причины образовательной неуспешности студентов можно разделить на несколько групп. Первая связана с субъективными, личностными характеристиками проблемных студентов. Среди них – несформированность в их сознании ценностных ориентаций на образование (в том числе высшее), низкий уровень знаний и образовательной культуры, нереалистичные ожидания от обучения в вузе и от будущей профессии, размытость профессиональных ориентаций и неготовность к осуществлению профессионального выбора, склонность к отложенному профессиональному самоопределению.

Для части проблемных студентов образование не выступает ни терминальной, ни инструментальной ценностью, превращаясь в ценностный симулякр. Высшее образование не рассматривается ими ни как сфера личностной самореализации, ни как путь к профессии и определённому социальному статусу. Получение диплома становится главной и единственной целью, достижение которой обеспечивает формальный допуск в мир труда и социального продвижения. Отчасти этот ценностный симулякр поддерживается мифическими представлениями о «хорошем образовании», бытующими в сознании студенчества. Согласно им, достаточно найти где-то «хороший» вуз, в котором можно *получить* хорошее образование, не прилагая никаких особых усилий, учась легко и приятно. Для названной группы проблемных студентов не характерно отношение к образованию как серьёзному интеллектуальному труду, осуществляемому совместными усилиями учащихся и преподавателей, требующему от студентов работы над собой, формирования у них культуры интеллектуальной деятельности.

Названные субъективные характеристики проблемных студентов формируются под влиянием объективных факторов, которые мы можем отнести ко второй группе причин образовательной неуспешности. Прежде всего это влияние семьи как первичного института, отвечающего за формирование человеческого капитала. Образовательная неуспешность во многом связана с кризисом детско-родительских отношений, неудачной социализацией, экономической и социальной депривацией семьи.

Отчасти проблема определяется неготовностью семьи к её новой роли в образовании. Родительское сообщество сегодня оказалось в непростой ситуации, когда школа переложила на него достаточно большую часть своих функций ответственного субъекта образования. Поведенческие стратегии родителей в сфере образования складываются спонтанно, конфликтно, противоречиво, что свидетельствует о неготовности большей части российского родительства выступать активным актором, определяющим вектор образовательного развития детей [Гошин, Мерцалова 2018; Шаброва 2018: 11]. К сожалению, во многих случаях основой конфликта школы и родительского сообщества становится именно образовательная неуспешность детей и неготовность этих двух субъектов образования конструктивно взаимодействовать между собой и разделить на паритетных началах ответственность за решение проблемы.

Большое влияние на формирование образовательной неуспешности имеет некачественное довузовское образование, как школьное, так и дошкольное, и дополнительное. Кризис школы стал предметом постоянного тревожного внимания большого числа педагогов, общественных деятелей и исследователей, создав основу для алармистских прогнозов в отношении качества человеческого капитала молодого поколения россиян [Двенадцать решений... 2018]¹.

Конечно, все без исключения противоречия современного школьного образования так или иначе создают предпосылки усиления образовательной неуспешности. За какую бы проблемную нить мы не потянули, она в конечном счёте приведёт к тому или иному аспекту изучаемой проблемы. Однако ключевыми можно считать следующие «болевы́е точки»: отсутствие развивающей, доброжелательной к детям школьной среды и культуры отношений; «токсичные» условия профессиональной деятельности учителей (сверхзанятость, забюрократизированность их работы, отсутствие полноценных условий для профессионального развития); ориентация всей работы школы на количественные показатели и формализованные системы оценивания учебных достижений, к тому же весьма несовершенные и травмирующие; отсутствие школьных практик по формированию навыков самообразования и готовности к обучению в вузе; неэффективность профориентационной работы со школьниками.

Несмотря на декларируемое стремление государства обратить внимание на российское школьное образование, большое количество национальных проектов и целевых программ, посвящённых его развитию, на самом деле никто, кроме учителей и исследователей, так и не захотел вникнуть и по-настоящему понять его истинные беды. С каждым годом их тугой узел становится ещё более запутанным и напряжённым. Школа – ближайший к высшему образованию институт «производства» человеческого капитала. Вузы работают с теми человеческими ресурсами, которые готовит школа. В этом смысле образовательная неуспешность студентов является стадией развития образовательной неуспешности школьников. Соответственно, до тех пор, пока ситуация со школьным образованием не изменится в корне, не будут решены и проблемы вузовского студенчества.

К третьей группе причин образовательной неуспешности студентов мы относим комплекс институциональных и системных деструкций, которые характеризуют современное состояние российского образования в целом и высшей школы в частности.

Прежде всего нужно говорить о негативном влиянии неолиберальной политики в сфере образования, одним из главных принципов которой является выбраковка неэффективных субъектов образования – учащихся, преподавателей, вузов, программ [Смолин 2015]. На этом фоне образовательная неуспешность студентов легко конструируется вследствие текучести целей, стандартов, критериев качества высшего образования.

¹ Эксперт: школу нужно оценивать по качеству человеческого капитала // КВ. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Frossaprimavera.ru%2Fnews%2F4c1ba18b> (Дата посещения: 05.11.2019); Черненко Ю. Место в рейтинге или удовольствие от учебы? // Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/306018363.html> (Дата посещения: 05.11.2019).

Другой стороной этого процесса является выработка образовательными общностями имитационных стратегий, маскирующих реальную образовательную неуспешность и тем самым её усиливающих и консервирующих. В условиях репрессивно-карательной политики избегание ярлыка «неэффективного» закономерно. Эта стратегия заставляет всех субъектов высшей школы – студентов, преподавателей, администраторов, вузы – быть если не успешными, то по крайней мере казаться таковыми, без оглядки на последствия подобных имитаций.

Значимым негативным следствием неолиберальной политики в высшем образовании (здесь оговоримся – во всей системе российского образования) является «селекция талантов», т. е. поиск, отбор и концентрация талантливой и способной учащейся молодёжи. Система поддержки талантливых российских школьников и студентов, конечно, является позитивной и необходимой мерой для сохранения человеческого капитала. Однако у неё есть своя «тёмная» сторона – ограничение ресурсной поддержки учащихся средних способностей и практически полное её отсутствие для неуспешных. В условиях ограниченных инвестиций приоритет отдаётся селективной модели формирования человеческого капитала молодёжи в ущерб эгалитарной модели его «выращивания».

«Селекция талантов» поддерживается селекцией эффективных образовательных организаций, получающих благодаря своей силе и успехам больше ресурсов, чем неэффективные проблемные школы, колледжи, вузы. Сильные образовательные организации становятся ещё сильнее в силу имеющихся у них возможностей привлекать и удерживать успешных в образовательном плане учащихся. Таким образом возникает замкнутый круг и становится очевидной бесперспективность локальных мер по преодолению образовательной неуспешности.

Усугубляет ситуацию образовательной неуспешности как школьников, так и студентов практически полное отсутствие системы образовательного сопровождения проблемных учащихся. Ни у школы, ни у вуза нет никаких ресурсов на этот важный вид образовательных практик. Школа в последние годы сталкивается с процессом увеличения неуспешных детей, требующих по тем или иным причинам индивидуального подхода. Для этого нужны в большом количестве психологи, специалисты по коррекционной педагогике, социальные работники, логопеды, педагоги дополнительного образования. Однако в условиях «оптимизации» образования ставки для них сокращаются.

В вузах та же самая финансовая и структурная оптимизация привела к сверхзанятости преподавателей, ликвидации служб социально-психологической помощи студентам. Массовое внедрение онлайн образования разрушает и без того слабую связь живого, полноценного взаимодействия преподавателей и студентов.

Описанная проблемная ситуация была бы ещё более катастрофичной, если бы в системе российского образования перестали действовать традиции гуманизма, были бы напрочь разрушены основы профессиональной педагогической культуры, которые пока ещё держатся на

отдельных личностях, но не укоренены глубоко и не носят всеобщего характера. К сожалению, только отдельные педагоги выступают «спасателями» неуспевающих, которым последние доверяют и при этом говорят: «Мне просто повезло, что попался такой заинтересованный человек на моём пути».

Другой актор, выступающий в роли «спасателя», это – заинтересованные родители, обладающие пониманием проблемной ситуации и личными ресурсами для её разрешения. Стратегии родителей школьников, к примеру, включают в себя активную помощь своим детям, перевод их на домашнее индивидуальное обучение, в другие школы, классы, обращение к репетиторам. Но, к сожалению, в ситуации с неуспешными студентами родительская помощь перестаёт быть актуальной. Заинтересованные преподаватели и родители не могут кардинально исправить системных ошибок в современном отечественном образовании. Они лишь частично компенсируют «за свой счёт» её тотальную дисфункциональность.

Названные группы причин не охватывают всего многообразия объективных и субъективных факторов, способствующих возникновению и закреплению образовательной неуспешности студентов вузов. Но даже краткий экскурс показывает всю сложность борьбы с этим феноменом, настолько глубоко проросли корни проблемы в различные структуры и практики образования, затронули ценностное сознание его субъектов и нашли институциональное закрепление в образовательной политике. Поэтому не менее сложной будет и картина рисков, которые возникают и будут возникать в случае, если проблема образовательной неуспешности окажется на периферии внимания общественности, педагогического и научного сообществ.

Риски образовательной неуспешности

По мере того, как возрастает острота проблемы образовательной неуспешности студентов, увеличиваются риски, связанные с этим феноменом. Можно выделить по меньшей мере три группы рисков. Во-первых, риски для самих студентов, во-вторых, – для вузов и в целом высшего образования, в-третьих, – для экономики и социокультурной сферы общества.

Риски для студенчества связаны прежде всего с ограничением возможностей роста его человеческого капитала. В ситуации образовательной неуспешности у студентов не происходит качественного развития знаний, умений, навыков (как общекультурных, так и профессиональных), не формируются компетенции, актуальные для общества, профессиональной группы, рынка труда. Невысокий уровень базовых дисциплинарных и общекультурных знаний, с которыми проблемные абитуриенты приходят в вуз, отсутствие у них представлений о практическом значении получаемого образования, возможностях его применения в повседневных практиках, в будущей профессиональной деятельности – все эти

обстоятельства тормозят личное, культурное, профессиональное развитие студентов. За несколько лет пребывания в вузе прирост интеллектуального, социального, культурного капитала у неуспешных студентов минимальный либо вовсе отсутствует, что равнозначно процессам деградации человеческого капитала.

Образовательная неуспешность студентов резко снижает возможности их последующей самореализации в сфере труда и профессии. Она усиливает процесс прекаризации занятости студенчества и молодых выпускников вузов. Основные признаки этого процесса характеризуют многие группы российского студенчества, но особенно выражены они у неуспешных. Им труднее найти работу, особенно по профессии, постоянную занятость. Они склонны к быстрому снижению своих притязаний и готовы занять должности, не требующие высокой квалификации [Голиусова 2019]. Таким образом, риск образовательной неуспешности для студента выражается в высокой вероятности её превращения в профессиональную и социальную неуспешность выпускника вуза после его окончания.

Чем грозит образовательная неуспешность студентов вузам и высшему образованию? Здесь есть риски как очевидные, так и пока не столь заметные. К первым отнесём, конечно же, снижение качества высшего образования. Чем больше неуспешных студентов, тем ниже качество образования, которое в целом обеспечивает высшая школа, и наоборот. Отсюда и резкий рост недоверия к российскому высшему образованию, выраженный в вопросе со стороны работодателей и родителей: а могут ли российские вузы дать хорошее, качественное образование, которое обеспечит сейчас и потом безопасность авиаперелётов, медицинской помощи, энергетической системы и пр.?

Говоря об этой второй группе рисков, затронем ставший ритуальным сюжет парадоксов ЕГЭ. Фактически успехи российского образования стали измеряться почти исключительно баллами ЕГЭ выпускников школ и средним проходным баллом абитуриентов вузов. При этом официальная образовательная статистика показывает постоянный рост и первого, и второго показателей, увеличение количества эффективных вузов «зелёной» и «белой» группы¹. Считается, что от этих показателей зависит качество образования и уровень образовательной успешности или неуспешности абитуриентов и студентов. Для нас очевидно: в эпоху цифровизации магия цифр становится настолько самодовлеющей, что затмевает представления о реальном качестве образования. Цифры же действительно растут. Растут успехи школ и учащихся при сдаче ЕГЭ, их баллы становятся год от года выше.

¹ «Зелёную» группу составляют вузы, в которых доля отличников (т. е. набравших на ЕГЭ в среднем более 70 баллов в пересчёте на один экзамен) превышает 50 %. «Белую» группу образуют вузы, набирающие в основном хорошистов (с баллами от 56 до 70). В «красную» группу входят вузы, принимающие на первый курс больше половины троечников (со средним баллом ЕГЭ меньше 56). Вузы «красной» группы, по результатам исследований НИУ ВШЭ, имеют признаки неэффективности. См.: Мониторинг качества приема в вузы. URL: <https://ege.hse.ru/> (Дата посещения: 05.11.2019).

Однако на самом деле за официальными успехами стоят две образовательные практики: школьное «натаскивание» на итоговое тестирование и вузовская политика усиления качества приёма через повышение проходного балла ЕГЭ. Но, во-первых, повышение качества приёма в одних вузах (ведущих, столичных) происходит за счёт концентрации образовательной неуспешности в других (неэффективных, провинциальных). Во-вторых, вузовские реалии показывают, что баллы ЕГЭ не всегда равнозначны *реальному* уровню подготовки абитуриентов к вузу и не гарантируют им высокого уровня образовательной успешности.

В чём же здесь риск для системы высшего образования? Прежде всего, в процессе легитимизации образовательной неуспешности и имитации образовательной эффективности, когда нормой становится ситуация, при которой «одни делают вид, что учатся, другие делают вид, что учат». От себя добавим: третьи (университетские менеджеры) делают вид, что всё в порядке, и вуз развивается нормально. Эта ситуация противоречит стратегии повышения конкурентоспособности российского высшего образования в глобальном мире.

Один из самых актуальных рисков разрастания образовательной неуспешности студентов – укоренение порочной политики и практики «студентосбережения». Они предполагают сохранение во что бы то ни стало любых студентов – успешных и неуспешных, мотивированных и немотивированных, честных и склонных к академическому мошенничеству. Вузы и преподаватели оказываются перед выбором: либо выполнение нормы соотношения студентов и преподавателей и гарантированные ставки для последних, либо принципиальный отказ от образовательной симуляции и сокращение штатов. Применительно к проблеме образовательной неуспешности студентов принцип студентосбережения в том извращённом виде, в каком он реализуется сегодня в вузе, означает резкое ослабление возможностей и ресурсов для повышения качества человеческого капитала студенческой молодёжи. Этот принцип чреват также демотивацией и разворотом той части студентов, которые пока не относятся к проблемным.

Рост образовательной неуспешности студентов порождает такой вид образовательных симулякров, как академическое мошенничество. Исследователи бьют тревогу, показывая масштабы списываний, плагиата, заказных работ, попыток подделки и покупки оценок, не говоря уже о массовых пропусках занятий. Всё это и многое другое представляет собой типичные проявления образовательной неуспешности, прикрываемой «фиговым листком» академической активности.

Конечно, риски образовательной неуспешности различаются в столичных и провинциальных вузах, т. е. в университетах, относящихся к зонам «ядра» и «периферии». В провинциальных вузах наблюдается более высокая концентрация проблемных в образовательном отношении студентов. Проходной балл ЕГЭ в них намного ниже, а учебные и научные достижения студентов менее заметны, чем в ведущих столичных вузах. В конечном счёте для провинциальных вузов усиление обра-

звательной неуспешности студентов грозит получением ярлыка неэффективных с вытекающими отсюда последствиями. В целом же формируются предпосылки для усиления образовательного неравенства, социального напряжения от несправедливости и ущемлённости в сфере высшего образования.

Что касается ведущих вузов страны, то для многих из них в описываемой проблеме образовательной неуспешности кроются свои риски. В их стенах собираются самые лучшие студенты. Из них часть к концу обучения уже в бакалавриате имеет сформированные установки на образовательную и трудовую эмиграцию. Утечка студенческих «мозгов» за границу превращается для ведущих вузов в проблему поиска и удержания успешных магистрантов и аспирантов.

Третья группа рисков образовательной неуспешности студентов связана с российской экономикой и рынком труда. Образовательная неуспешность влечёт за собой низкое качество трудовых ресурсов, вызывает неудовлетворённость работодателей качеством высшего образования и профессиональной деятельностью выпускников вузов, снижает доверие стейкхолдеров к высшей школе, её преподавателям и студентам. Не случайно в последние годы в стране возникают корпоративные университеты, которые страхуют крупных работодателей от некачественных трудовых ресурсов. При этом периодически звучит идея институционализации практик дополнительной экспертизы профессиональных квалификаций выпускников университетов.

Образовательная неуспешность несёт в себе множество макроэкономических рисков. Исследования демонстрируют масштабы потерь для экономики страны от плохо обученных, немотивированных, безответственных работников, даже имеющих диплом о высшем образовании. Исследования НИУ ВШЭ показывают, что, если не преодолеть образовательную неуспешность, это приведёт к неуклонному снижению ВВП. И наоборот, сокращение этого явления в два раза за 10 лет увеличит ВВП на 2%, за 20 лет – на 5–6%, за 30 лет – более чем на 10% [Двенадцать решений... 2018: 20].

Другой риск образовательной неуспешности студентов для экономики, на который редко обращают внимание в литературе и исследованиях, связан с трансформацией академического мошенничества в модель недобропорядочного трудового поведения определённой части выпускников вузов. Срабатывает усвоенный во время учёбы принцип имитационного образовательного поведения и академического обмана: если это было возможно в вузе, почему бы не продолжить его в сфере профессиональной деятельности? Многие работодатели хорошо осведомлены о «маленьких хитростях» молодых специалистов.

И, наконец, кратко назовём риски для социальной и культурной сфер общественной жизни. Они, по большому счёту, привязаны к рискам сокращения количества людей с высшим образованием для общества, пытающегося вступить на путь постиндустриального развития. С высокой вероятностью плохо обученные студенты не станут хорошими,

ответственными гражданами. Скорее всего, они не войдут даже в периферию авангардных общностей, тем более – никогда не смогут составить их ядро.

В полной мере согласимся с алармистским прогнозом, данным ещё в 2015 г. О. Н. Смолиным [Смолин 2015]. Согласно ему, сокращение количества студентов приведёт к тому, что малообразованные люди пополнят социальные группы часто болеющих людей, подверженных инвалидизации, меньше живущих, более склонных к суицидам. Что касается усиления образовательной неуспешности, то, по нашему мнению, оно не приведёт к количественному сокращению вузовской молодёжи, однако, по своей сути, это тот же процесс «расстуденчивания» страны.

Доверие – ресурс преодоления образовательной неуспешности студентов

Из всего спектра факторов, влияющих на феномен образовательной неуспешности студентов, особо стоит отметить значение вузовской образовательной среды. Формирующиеся доверительные отношения являются важнейшим структурным элементом данной среды, определяющим её качество. На доверии строятся многие отношения и взаимодействия в вузе. Результаты наших исследований говорят о том, что доверие вполне реально может выступать одним из ресурсов, позволяющих преодолевать образовательную неуспешность студентов в вузе как на индивидуальном, так и общностном уровне.

Подавляющее большинство студентов (94%) и преподавателей (87%) рассматривают доверие в качестве важной характеристики человеческих отношений. Доверие к сокурсникам и преподавателям является необходимым условием комфортного пребывания студентов в университете. Одновременно оно выступает индикатором социальных дистанций, характеризующих структуру внутривузовских отношений (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Субъекты образования, с которыми студенты строят доверительные отношения, %
Educational subjects with whom students build relationships of trust, %

Стремитесь ли Вы устанавливать доверительные, партнёрские отношения...?	Да	Нет	Итого
С преподавателями	89,3	10,7	100
Со студентами	87,1	12,9	100
С работниками кафедры	66,8	33,2	100
С работниками деканата	59,3	40,7	100
С представителями администрации деканата/института	43,4	56,6	100
С работниками административных отделов вуза	41,3	58,7	100
С представителями администрации вуза (ректором)	40,2	59,8	100

О ресурсном потенциале доверительных отношений студентов с преподавателями свидетельствует мотивация выбора «доверительных» стратегий поведения. По мнению почти половины опрошенных студентов (49,5%), такие отношения формируют важные и полезные социальные связи. 39,4% респондентов считают, что они позволяют снижать затраты времени на решение каких-либо проблем.

Однако, помимо прагматической заинтересованности в доверии, существуют и другие мотивы, служащие личностными предпосылками образовательной успешности: 42,1% опрошенных студентов полагают, что такие отношения повышают их мотивацию на образование и профессиональное самосовершенствование, а 31,3% уверены, что они составляют основу культуры вузовского сообщества. Об этом же свидетельствуют материалы фокус-групп. Они показали, что у студентов повышается и уровень образовательной мотивации, и лояльность преподавателю, если между ними устанавливаются доверительные отношения. В качестве аргумента приведём фрагмент фокус-группы: *«Доверие к преподавателям дифференцировано: кому-то доверяем, а кому-то нет. Если преподаватель формально подходит к процессу обучения (ставит баллы «с потолка», не пытается заинтересовать студентов своим предметом), то у нас и не возникает потребности доверять ему, т. е. он формально относится к образованию и мы – формально... В этом случае нам не нужно доверие. Если преподаватель нетребовательный, то и доверие от него не требуется. А если видим и ответственность преподавателя, его заинтересованность в предмете, и одновременно требования к нам, то и готовиться к занятиям такого преподавателя не просто хочется, чувствуем, что просто обязаны».*

Между тем, российские вузы сегодня испытывают кризис доверия. На фоне его снижения к различным институтам государства у студентов проявляется недоверие к образовательной политике (реализуемой как на федеральном, так и вузовском уровне), представителям университетского менеджмента и студенческим профсоюзным организациям [Шуклина, Певная 2017: 127]. Образовательные стратегии студентов во многом формируются под влиянием их оценки вузовской политики в отношении студенчества.

Проникает недоверие и в границы студенческой общности. Эмпирические данные показывают, что уровень доверительных отношений между студентами средний. По медиане доля тех, кому студенты доверяют, составляет всего 40% от числа сокурсников. Между тем большинство студентов (70% опрошенных) считают, что им самим однокурсники доверяют. Доля студентов, высоко ценящих доверие однокурсников, достигает 60%. Но немало тех, кто нейтрально относится к ценности доверительных отношений между ними (см. таблицу 2).

Как сказывается ситуация недоверия к однокурсникам на учебной и научной активности студентов, служащих индикатором их образовательной успешности? Поскольку научная активность студентов проявляется индивидуально, то их взаимное доверие практически на неё не влияет. Между тем невысокий уровень взаимного доверия у студентов

отрицательно сказывается на их образовательной активности, осуществляемой в командных формах обучения, например, по технологии проектного обучения.

Таблица 2 (Table 2)

Мнение студентов о ценности доверительных отношений между ними
Students' opinions on the value of relationships of trust between them

Насколько вы цените доверие ваших однокурсников?	%
Очень высоко	18,1
Высоко	42,5
Нейтрально	35,8
Низко	1,4
Очень низко	2,2
Итого	100

Такая форма интеллектуальной активности требует коллективной работы, основанной на доверительных отношениях в учебной команде. Но большинство студентов (75%) выразили сомнение в продуктивности проектного обучения именно из-за неуверенности в партнёрах по команде. По их мнению, риск того, что студенты-партнёры не выполнят свою часть учебных и исследовательских задач, заставляет выбирать самые несложные проектные задания. Они оцениваются меньшим количеством баллов, но выполнить их легче в случае безответственного поведения партнёра по учебной команде.

В ходе исследования нами была выявлена корреляция между доверием студентов к преподавателям университета и формированием у них мотивации к образовательной и исследовательской активности. По медиане доля преподавателей, которым студенты доверяют, составляет 60%. При этом опыт личного общения с преподавателем в процессе обучения является определяющим. Вторым фактором по значимости для формирования доверия оказались отзывы сокурсников и репутация преподавателя в университете (см. таблицу 3).

Таблица 3 (Table 3)

Факторы формирования доверия к преподавателям
Factors which aid in developing trust towards teachers

Что влияет на формирование доверия к преподавателю?	%
Опыт личного общения с ним в процессе преподавания	42,4
Репутация преподавателя в университете, его известность	18,0
Отзывы сокурсников	17,7
Должностной статус преподавателя	11,6
Его заслуги (степени, звания)	8,5
Ничего из перечисленного	1,2
Затрудняюсь ответить	0,6
Итого	100

Исследование показало достаточно тесную связь между доверием студентов вузу и их удовлетворенностью учёбой (коэффициент Крамера 0,480). Менее заметная связь проявляется между доверием и самооценкой студентов их успешности в обучении (коэффициент Крамера 0,263). Мы можем говорить о том, что доверие через удовлетворённость учёбой может формировать образовательную мотивацию студентов. Даже есть студенты, которые оценивают себя как не совсем успешных, но доверяют вузу и преподавателям, и эти факторы не снижают, а, наоборот, укрепляют их интерес к образованию.

В отличие от учебной работы, вовлечение студентов в научную активность происходит в ситуации их индивидуального взаимодействия с преподавателем. Следовательно, доверие к преподавателю становится опосредующим фактором интереса студента к интеллектуальной активности. Данные таблицы 4 показывают, какие качества преподавателя вызывают у студентов доверие к нему как научному руководителю.

Таблица 4 (Table 4)

Качества преподавателей, вызывающие у студентов доверие к ним
Traits of teachers which help them earn students' trust

Какие качества Ваших преподавателей вызывают у Вас доверие к ним?	%*
Профессиональные коммуникативные навыки	64,7
Нравственные качества, носителями которых они являются (честь, долг, справедливость, идеалы добра)	61,4
Открытость, искренность, готовность помогать другим	61,1
Высокий уровень профессиональной культуры	60,3
Методический профессионализм преподавателя (способность научить)	56,0
Ответственность, добросовестность	53,8
Терпимость, неконфликтность	49,7
Высокий уровень общегуманитарной культуры	35,9
Соблюдение норм профессиональной этики	35,3
Активность, оптимизм	30,7
Готовность к деловым партнёрским отношениям	27,4
Верность своим убеждениям, принципиальность	25,5
Профессиональная требовательность	23,6
Независимость	10,6
Итого	565,3

*Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Как видно, доверительные отношения базируются прежде всего на коммуникативных и нравственных качествах преподавателя. Это – умение правильно, профессионально выстроить общение со студентом, открытость и искренность, высокий уровень профессиональной и методической культуры. Такое сочетание личных качеств преподавателя выступает предиктором доверия к нему со стороны студента и, как следствие, заинтересованности студента в совместной научной работе.

Таким образом, с одной стороны, студенты расценивают доверительные отношения с преподавателем как основу их интеллектуальной активности и академических успехов. С другой стороны, они рассматривают формы интеллектуальной активности как сферу взаимодействия, в которой складываются доверительные отношения между преподавателями и студентами. В свою очередь эти отношения служат ресурсом личностного и социального развития студентов.

Заключение

В завершение нашего анализа отметим, что мы стремились привлечь внимание к двум важным и острым проблемам высшей школы в целом и конкретно студенчества – его образовательной неуспешности и доверия как ресурса её преодоления. Гипотетично предполагалось, что эти феномены университетского образования никак не связаны (или плохо связаны) между собой. Однако более глубокий социологический анализ показал наличие реальной связи между ними, которая зачастую может проявляться в латентной форме. В ходе исследования были выявлены академические и социальные причины и риски образовательной неуспешности студенчества, а также способы решения обнаруженных проблем, связанных с её преодолением. Проведённый анализ позволил обосновать значимость использования доверительных отношений в вузе с активным вовлечением в них студентов как важного фактора и ресурса преодоления их образовательной неуспешности.

Библиографический список

Голиусова Ю. В. 2019. Прекарная занятость молодежи (по результатам социологических исследований) // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. ст. Международного форума. Уфа: Мир Печати. С. 186–187.

Гошин М. Е., Мерцалова Т. А. 2018. Типы родительского участия в образовании, социально-экономический статус семьи и результаты обучения // Вопросы образования. № 3. С. 68–90. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-68-90

Двенадцать решений для нового образования // Центр стратегических разработок и Высшей школы экономики. Доклад. Москва, апрель 2018 г. URL: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (Дата посещения: 29.07.2019).

Денисова-Шмидт Е. В., Леонтьева Э. О. 2015. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. № 9. С. 86–93.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. 2018. Доверие в высшем образовании как социологическая проблема // Социологический журнал. Т. 24. № 4. С. 93–112. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6099>

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. 2019. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. Т. 28. № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124

Ключарёв Г. А. 2013. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. № 6. С. 234–251.

(Не)обычные школы: разнообразие и неравенство. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019. 231 с.

Осипов А. М. 2017. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. № 8. С. 136–146. DOI: 10.7868/S0132162517080153

Резник С. Д. 2019. Введение в университет. Как из школьника сделать студента // Поиск. 6 сентября. С. 10–11.

Смолин О. Н. 2015. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социологические исследования. № 6. С. 91–101.

Смык А. Ф., Прусова В. И., Зиманов Л. Л., Солнцев А. А. 2019. Анализ масштаба и причин отсева студентов в техническом университете // Высшее образование в России. Т. 28. № 6. С. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-6-52-62>

Шаброва Н. В. 2018. Концепция родительства как субъекта развития гражданского общества // Вестник СурГПУ. № 2. С. 7–16.

Шуклина Е. А., Певная М. В. 2017. Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. Т. 21. № 5. С. 120–131. DOI 10.15826/umpra.2017.05.068

Altbach Ph. 2016. Global Perspectives on Higher Education. Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland. 332 p.

Cavanagh A. J., Chen X. N., Bathgate M., Frederick J., Hanauer D. I., Graham M. J. 2018. Trust, Growth Mindset, and Student Commitment to Active Learning in a College Science Course // CBE-Life Sciences Education. Vol. 17. № 1. URL: <https://doi.org/10.1187/cbe.17-06-0107>. DOI: 10.1187/cbe.17-06-0107

Collini S. 2012. What Are Universities For? Penguin Books Ltd, London. 240 p.

Ennen N. L., Stark E., Lassiter A. 2015. The Importance of trust for satisfaction, motivation, and academic performance in student learning groups // Social Psychology of Education. Vol. 18. № 3. P. 615–633. DOI: 10.1007/s11218-015-9306-x

Heffernan T., Wilkins S., Butt M. M. 2018. Transnational higher education. The importance of institutional reputation, trust and student-university identification in international partnerships // International Journal of Educational Management. Vol. 32. № 2. P. 227–240. DOI: 10.1108/IJEM-05-2017-0122

Kuh G.D., Kinzie J., Buckley J.A., Bridges B. K., Hayek J. C. 2011. Piecing together the student success puzzle: research, propositions, and recommendations: ASHE Higher Education Report, vol. 116. USA: John Wiley & Sons. 200 p.

Werder C., Skogsberg E. 2013. Trusting Dialogue for Engaging students // Student engagement handbook: practice in higher education / Ed. by E. Dunne, D. Owen. London: Emerald. P. 133–144.

Yasir M., Majid A., Yasir M. 2017. Nexus of knowledge-management enablers, trust and knowledge-sharing in research universities // Journal of Applied Research in Higher Education. Vol. 9. № 3. P. 424–438. DOI: 10.1108/JARHE-10-2016-0068

Статья поступила: 06.11.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620

Trust in Universities As a Factor for Overcoming Educational Inefficiency

Garold E. Zborovsky

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8153-0561

Polina A. Ambarova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: borges75@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3613-4003

For citation: Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. Trust in universities as a factor for overcoming educational inefficiency. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 126–149. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620

Abstract. Modern higher education's central issue – educational inefficiency among a considerable portion of students – is examined in close conjunction with developing relationships of trust within universities. The main goal of this article is to reveal the issue of educational inefficiency among Russian college students and to present trust within universities as a vital resource for solving the issue. The article interprets the basic concepts of trust within universities and students' educational inefficiency. Trust within universities is shown to be a predictor for developing stable motivation in education, as well as students' professional inclinations, which ultimately define success in education and human capital quality. Sociological analysis revealed the source of students' educational inefficiency, as well as how it transfers through all levels of education – from preschool to university. Determined are the risks associated with an increase in the magnitude of students' educational inefficiency and with an emergence of imitational strategies in universities, which serve to conceal this phenomenon. Brought forth is the issue of educational inefficiency being concentrated among students attending provincial universities. The authors maintain that “two-way” trust could become a factor in overcoming such inefficiency in universities – both on behalf of students towards other educational collectives, primarily the scientific-pedagogical community and administrative personnel, and coming from these university collectives towards students. This article reveals the main characteristics of such mutual trust, which can act as a resource for overcoming students' inefficiency. Illustrated is the purpose for developing and fortifying trust within universities, based on the economic and socio-cultural necessity to transform those students who are experiencing trouble in the academic field into professionally and socially successful actors. The dominant idea in their life after university should be pursuing an aptitude for achievement in vital fields of activity.

Keywords: higher education, trust in the University, educational failure / success of students, educational communities, human capital of students, educational motivation, professional orientation, professional self-determination of students.

References

- (Non)mainstream schools: diversity and inequality. Moscow, NRU HSE publ., 2019: 231 (In Russ.).
- Altbach Ph. Global Perspectives on Higher Education. Johns Hopkins University Press, Baltimore (Maryland), 2016: 332.
- Cavanagh A. J., Chen X. N. and oth. Trust, Growth Mindset, and Student Commitment to Active Learning in a College Science Course. *CBE-Life Sciences Education* 2018; 17; 1. DOI: 10.1187/cbe.17-06-0107
- Collini S. What Are Universities For? Penguin Books Ltd, London, 2012: 240.
- Denisova-Schmidt E. V., Leontieva E. O. Category of «uneducated» students as a social phenomenon of universities (on the example of far Eastern universities). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015; 9: 86–93 (In Russ.).
- Ennen N. L., Stark E., Lassiter A. The Importance of trust for satisfaction, motivation, and academic performance in student learning groups. *Social Psychology of Education*, 2015; 18; 3: 615–633. DOI: 10.1007/s11218-015-9306-x
- Goliusova J.V. Precariat employment of youth (on the results of sociological research). In: *Budushchee sfery truda: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie = The future of the labor sphere: global challenges and regional development*. Ufa: The World of Printing, 2019: 186–187 (In Russ.).
- Goshin M.E., Mertsalova T.A. Types of parental participation in education, socio-economic status of the family and learning outcomes. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2018; 3: 68–90. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-68-90 (In Russ.).
- Heffernan T., Wilkins S., Butt M. M. Transnational higher education. The importance of institutional reputation, trust and student-university identification in international partnerships. *International Journal of Educational Management*, 2018: vol. 32, 2: 227–240. DOI: 10.1108/IJEM-05-2017-0122
- Kliucharev G.A. «The problem of small fry», educational inequalities and the effectiveness of universities as socio-economic indicators. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2013; 6: 234–251 (In Russ.).
- Kuh G.D., Kinzie J., Buckley J.A., Bridges B. K., Hayek J. C. Piecing together the student success puzzle: research, propositions, and recommendations. *ASHE Higher Education Report*. Vol. 116. USA: John Wiley & Sons, 2011: 200.
- Osipov A. M. «Trojan horses» of neoliberalism in education. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017; 8: 136–146. DOI: 10.7868/S0132162517080153 (In Russ.).
- Reznik S. D. Introduction to the University. How to make a student out of a schoolboy. *Poisk = Search*, 2019; 6th September: 10–11 (In Russ.).
- Shabrova N. V. The concept of parenthood as a subject of civil society development. *Vestnik SurGPU = Bulletin of SurSPU*, 2018; 2: 7–16 (In Russ.).
- Shuklina E. A., Pevnaya M. V. Trust as an institutional problem of higher education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*, 2017; 21 (5): 120 – 131. DOI 10.15826/umpa.2017.05.068 (In Russ.).
- Smolin O. N. Higher education: the struggle for the quality or the assassination of human potential? *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015; 6: 91–101 (In Russ.).
- Smyk A. F., Prusova V. I., Zimanov L. L., Solncev A. A. Analysis of the scale and causes of student dropout at a technical University. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2019; 28 (6): 52–62. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-6-52-62> (In Russ.).
- Twelve solutions for new education. Report of the center for strategic research and Higher school of Economics (Moscow, April 2018). NRU HSE Official website. Available at: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf [accessed 29.07.2019].
- Werder C., Skogsberg E. Trusting Dialogue for Engaging students. In: *Student engagement handbook: practice in higher education*. Ed. by E. Dunne, D. Owen. London: Emerald, 2013: 133–144.
- Yasir M., Majid A., Yasir M. Nexus of knowledge-management enablers, trust and knowledge-sharing in research universities. *Journal of Applied Research in Higher Education*, 2017; vol. 9, 3: 424–438. DOI: 10.1108/JARHE-10-2016-0068
- Zborovsky G. E., Ambarova P. A. The dream of a good education: contradictions in the development of educational communities in Russian universities. *Mir Rossii = Universe of Russia*, 2019; 28 (2): 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124 (in Russ.).
- Zborovsky G.E., Ambarova P.A. The trust in higher education as a sociological problem. *Sociologichesky zhurnal = Sociological Journal*, 2018; 24 (4): 93–112. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6099> (in Russ.).

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610

Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора

Ссылка для цитирования: Филипова А. Г., Высоцкая А. В. Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 150–163. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610

For citation: Filipova, A. G., Visotskaya, A. V. . Educational inequality in Russian schools: the influence of territorial factor. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 150–163. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610

Филипова Александра Геннадьевна

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, Владивосток, Россия

alexgen77@list.ru

AuthorID ПИНЦ: [570041](#)

Высоцкая Алёна Валерьевна

Комсомольский-на-Амуре
государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия

al-w-buaa@rambler.ru

AuthorID ПИНЦ: [787061](#)

Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора

Аннотация. Образовательное неравенство постоянно находится в фокусе внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей, однако существуют различия в его интерпретациях. Если говорить об образовании как о системе, то можно констатировать неравенство стартовых образовательных возможностей (на входе в систему); неравенство образовательного процесса (внутри системы) и неравенство образовательных результатов (при переходе с одной ступени на другую или выходе из системы). Целью настоящего исследования¹ стало выявление специфики влияния территориального фактора как особого типа внешней среды на образовательное неравенство детей. В ходе исследования проверялось предположение относительно усиления влияния данного фактора в российских условиях. Методами сбора эмпирических данных стали фокус-группа и экспертное интервью. Участникам исследования – взрослым и детям – задавались вопросы, касающиеся интерпретации образовательного неравенства (форм его проявления в школьной практике); выявления факторов, влияющих на воспроизводство образовательного неравенства, в т. ч. наличия территориальной специфики в его проявлениях. Участники исследования подчёркивали локальную специфику неравенства в образовании, сравнивая город и село, большие и малые города. При этом логика сравнения больших и малых населённых пунктов прослеживается в репликах информантов всех возрастов. Дети больше говорили о неравенстве внутри образовательной системы, приводя в качестве примера разную материально-техническую оснащённость школ, уровень педагогического мастерства учителей, уровень насыщения среды населённого пункта культурно-досуговыми, образовательными и прочими учреждениями. А эксперты также приводили примеры образовательного неравенства на «входах» и «выходах» системы, говорили о социально-культурном и финансовом капиталах семьи как возможных источниках образовательного неравенства, которое с позиции организации образовательного процесса рассматривается участниками исследования на уровнях школа–локация–регион. Высказанное предположение об усилении в современных условиях влияния территориального фактора на воспроизводство образовательного неравенства нуждается в дополнительных исследованиях с привлечением данных региональной статистики.

Ключевые слова: регион, образовательное неравенство, школа, образовательные возможности, семья

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

Проблема образовательного неравенства не является исключительно порождением современной российской действительности. В советской образовательной системе дети – выходцы из различных социальных слоёв сталкивались с проблемой неравного доступа к образовательным ресурсам. Д. Л. Константиновский отмечает, что в числе абитуриентов советских высших учебных заведений доминировали дети, чьи родители были задействованы в сфере интеллектуального труда (в том числе на руководящих должностях), имели высокую заработную плату и проживали в городах [Константиновский 1999]. Однако постепенно разрыв в доступности высшего образования для представителей разных социальных слоёв сокращался. Так, согласно данным переписей населения коэффициент участия в высшем образовании для рабочих возрос с 0,71 (1970 г.) до 0,74 (1979 г.), для колхозников – с 0,36 до 0,46, а для служащих-специалистов снизился с 2,19 до 2,10 [Юдин, Руткевич и др. 2002].

В российских теории и практике образовательное неравенство рассматривается в основном в плоскости исследования доступности и качества образовательных услуг [Горшков, Шереги 2008; Филипова 2012; Доступность высшего... 2016; Оценка качества... 2018; Константиновский и др. 2016].

После введения ЕГЭ в 2009 г. российские учёные стали рассматривать его как инструмент оценки качества образования, а также пытались установить связь между баллами ЕГЭ и качеством образовательной подготовки в российских школах, выявить региональные особенности и обосновать региональные отличия результатов ЕГЭ [Косякова и др. 2016; Кулич и др. 2016]. В качестве инструментов анализа региональных факторов исследователи используют методы кластеризации, установления корреляций [Липай 2004; Петренко и др. 2007]. И. А. Прахов выявил зависимости между средним баллом ЕГЭ в вузе и индивидуальными (личный результат ЕГЭ), семейными (образование отца, доход семьи, семейная библиотека), школьными ресурсами (наличие специализации класса; особый тип учебного заведения – лицей, гимназия, школа с углублённым изучением предметов), а также денежными инвестициями в дополнительную образовательную подготовку [Прахов 2015].

Исследованием образования как фактора дифференциации и интеграции в современной России, воспроизводства неравенства в сфере образования занимается исследовательская группа под руководством Д. Л. Константиновского в Центре социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН [Доступность высшего... 2016; Константиновский 2008].

В Центре социологии образования Института управления образованием РАО В. С. Собкин с коллегами с 1992 г. изучают проблемы модернизации российской образовательной системы. Основные научные направления их деятельности: социальные проблемы неравенства доступа к получению качественного образования, социокультурная типология региональных образовательных систем современной России [Собкин 1998, 2005, 2009а, 2009б].

Международная лаборатория анализа образовательной политики, созданная в Институте образования НИУ ВШЭ, начиная с 2017 г. публикует исследования с результатами международных тестирований TIMSS¹ и PISA². Основная цель TIMSS – сравнить между собой качество математического и естественнонаучного образования в начальной и средней школе. PISA исследует математическую, естественнонаучную и читательскую грамотность школьников. Результаты тестирования сравниваются с социально-экономическими характеристиками семей учащихся, их культурным капиталом [Хавенсон, Керша 2017].

Согласно данным международных исследований, проведённых в 2003–15 гг., разрыв в результатах TIMSS у российских учащихся из семей с высоким и низким уровнями культурного капитала не уменьшился. Изменение баллов в этих группах происходило синхронно. В PISA, наоборот, наблюдается сокращение разрыва в результатах между этими группами учащихся (исключение составляет читательская грамотность).

Территориальное неравенство, по данным TIMSS, постепенно стирается: разница в показателях между учащимися, живущими в крупных городах и в небольших населённых пунктах, крайне мала. Можно предположить, что учебная программа реализуется примерно одинаково, независимо от места проживания ученика. В PISA-исследовании, тестирующем навыки применения полученных знаний, результаты иные: здесь неравенство окончательно оформилось в значимое различие между большими городами и остальными населёнными пунктами [Образовательные результаты... 2017].

Влияние семейного и территориального факторов на успешность школьного обучения в России представлено в других работах [Константиновский 2010; Carnoy, Khavenson, Ivanova 2015; Amini, Nivorozhkin 2015].

Ларина Г. С., исследуя образовательное неравенство, выделяет такой фактор, как предрасположенность ребёнка к той или иной предметной области (математической/гуманитарной) и демонстрирует хорошую объяснительную способность данного фактора (около 70% результатов) [Larina et al. 2017].

Целью настоящего исследования выступает выявление специфики влияния регионального фактора как особого типа внешней среды на образовательное неравенство детей в условиях российского федерализма.

Методология исследования

Системный подход к образовательному неравенству помогает увидеть российскую школу как систему, имеющую «входы» и «выходы», погружённую во внешнюю среду определённого населённого пункта/

¹ Trends in International Mathematics and Science Study – Международное мониторинговое исследование качества школьного математического и естественнонаучного образования.

² Programme for International Student Assessment – Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся.

региона/страны. Ранее для исследования региональных систем среднего общего образования нами применялся метод «серого ящика», когда в качестве «входов» были взяты показатели численности детского населения, в т. ч. по уровням образовательной системы (начальное общее образование; основное общее образование; среднее общее образование), а в качестве «выхода» – средний балл ЕГЭ [Филипова, Высоцкая 2018: 160]. В ходе исследования социального потенциала детства в российских регионах были выделены два типа региональной среды «А» и «В», представляющих крайние варианты насыщения/ненасыщения региона культурными объектами, учреждениями среднего профессионального и высшего образования, спортивными сооружениями с высокой пропускной способностью, инновационно активными организациями, по-разному сказывающиеся на показателях детского образования и детского здоровья [Высоцкая 2018; Филипова, Высоцкая 2017].

Рабочей гипотезой нашего исследования в условиях российского федерализма является предположение об усилении влияния на образовательное неравенство детей территориального фактора как специфической среды, в большей или меньшей степени насыщенной культурно-образовательными учреждениями, престижными организациями высшего профессионального образования, инновационными научно-исследовательскими организациями и пр.

Методами сбора эмпирических данных стали фокус-группа и экспертное интервью. Первая фокус-группа была проведена со студентами Дальневосточного федерального университета в мае 2017 г., N=7; вторая – в июне 2017 г. со школьниками (13–15 лет), отдыхающими во Всероссийском детском центре «Океан», N=13. В качестве экспертов в исследовании выступили представители административного и преподавательского состава школ городов и посёлков российских регионов (Иркутская и Амурская области; Приморский, Хабаровский и Забайкальский края), N=48.

Взрослым и детям задавались вопросы, касающиеся интерпретации образовательного неравенства (форм его проявления в школьной практике: неравного отношения учителей к ученикам, неравной обеспеченности разных школ образовательными ресурсами), выявления факторов, влияющих на воспроизводство образовательного неравенства, в т. ч. наличия территориальной специфики в его проявлениях. Категориями анализа выбраны неравенство в образовании, факторы неравенства в образовании, территория и неравенство в образовании.

Локальная специфика неравенства в образовании

Участники исследования подчёркивали локальную специфику неравенства в образовании, сравнивая город и село, большие и малые города.

При этом учителя больше говорили про образовательное неравенство как неравенство процесса, приводя в качестве примера нехватку педагогических кадров (старение педагогического коллектива, «вымы-

вание» молодых учителей), необходимость совмещения преподавания разных предметов, плохой интернет, не дающий возможности запускать в учебном процессе мультимедийные продукты, и др.

Рассуждая о влиянии территориального фактора на образовательные возможности детей, разные информанты-учителя выделяют сложности с обучением детей-инвалидов, разную нагрузку учителей, разный уровень информатизации образовательного процесса (по причинам удалённости школ), слабую финансовую обеспеченность и климатические особенности региона проживания.

Студенты ДВФУ также говорят об образовательном неравенстве в логике противопоставления город–село: *Я выигрывала школьные, районные олимпиады. Чтобы ехать дальше, нужны были деньги; их, естественно, не было...* (Настя, 23 г., п. Кавалерово, Приморский край). *У нас в лицее были нестандартные уроки: корейский язык, хореография, ВБС [Выбери своё будущее], ТПК [Твоя профессиональная карьера]* (Маша, 22 г., Южно-Сахалинск, Сахалинская область).

Эксперты-учителя отмечают разное количество дополнительных мероприятий, проводимых с учащимися (посещение музеев, творческие мастерские, выездные уроки), наличие в больших городах значительных возможностей для организации и участия детей в олимпиадах, спортивных и творческих конкурсах.

Развивая данную линию анализа, мы изучаем ресурсы для дополнительного образования и саморазвития, находящиеся за пределами школы, во внешней среде, но обнаруживаем её обеднённость. По причине малочисленности населения, проживающего в небольших сельских населённых пунктах, многие культурно-досуговые и образовательно-развивающие учреждения для детей в них отсутствуют: *У нас не было музыкальной школы в пределах 100 км, поэтому приходилось довольствоваться хором* (Юля, 20 л., п. Реттиховка, Приморский край).

Действительно, в небольших поселениях школы становятся центрами социальной и культурной жизни, куда стекаются не только дети, но и взрослые. Часто закрытие школы приводит к постепенному умиранию посёлка.

Если же говорить о неравенстве результатов процесса обучения, то здесь прослеживается всё та же оппозиция: большой город – малый город/село.

В первую очередь сказывается более насыщенная образовательная среда во всех областях: среднего общего, среднего профессионального и высшего профессионального образования. Поэтому информанты-учителя отмечают, что в больших городах *«больше возможностей для поступления в институты даже с низкими оценками»* (учитель физики, г. Черемхово, Иркутская область), *«насыщенное образовательное пространство ребёнка. Чем больше образовательных ресурсов ему доступно, тем успешнее будет обучение в школе»* (учитель физкультуры, г. Чита, Забайкальский край).

Школьникам – участникам фокус-группы – было предложено с помощью графических символов закодировать образовательные ресурсы своего населённого пункта. Ребята иногда очень удачно отображали

факторы образовательного неравенства. Приведём в качестве примера два рисунка. Один автор – житель г. Лесозаводска (Приморский край), другой – житель г. Нижний Тагил (Свердловская область). И в том, и в другом случае образовательные ресурсы места проживания ограничены возможностями конкретных школ, учреждений дополнительного образования. В случае с Лесозаводском (население 35 506 чел.) дополнительные ресурсы представлены индустриальным колледжем и репетиторством (см. рис. 1).

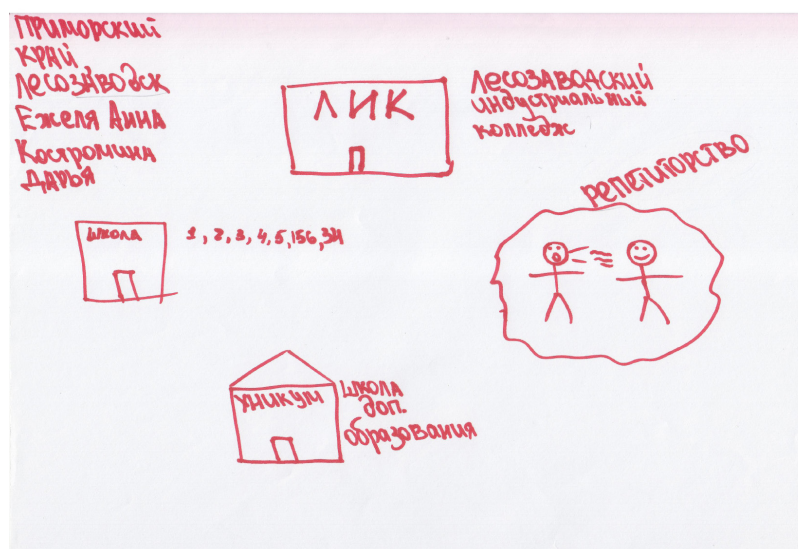

Рис. 1. Образовательные ресурсы г. Лесозаводска
Figure 1. Educational resources in the Lesozavodsk town

В Нижнем Тагиле складывается несколько иная ситуация: ресурсов здесь явно больше просто по причине большей численности населения (356 280 чел.), поэтому в городе есть даже институты, но их мало. Низкая оценка образовательных ресурсов города проживания связана с близостью регионального центра – г. Екатеринбурга, где есть УрФУ (см. рис. 2). Логика сопоставления ресурсов двух городов: «мало возможностей – много возможностей».

Рис. 2. Образовательные ресурсы г. Нижний Тагил
Figure 2. Educational resources in the city of Nizhny Tagil

Неравенство личностных ресурсов

Неравенство семейного и индивидуально-личностного ресурсов при вхождении в образовательный процесс приводит к дифференциации образовательных потоков – дети с хорошим стартовым образовательным потенциалом ориентированы на престижные учебные заведения (гимназии, лицеи, школы с углублённым изучением предметов), в т. ч. частные образовательные учреждения. Здесь сказываются образовательные и экономические ресурсы семьи.

Учителя – участники исследования – также говорили о семье как источнике неравенства самого процесса обучения, отмечая «низкий культурный потенциал семьи» (учитель ИЗО и технологий, г. Чита, Забайкальский край), «низкий уровень родительской заинтересованности» (учитель математики, г. Иркутск, Иркутская область).

Педагог из сельской школы иллюстрирует процессы расширения образовательного неравенства: *У наших учеников нет стимула, потому что в селе дети в основном из малоимущих или неблагополучных семей. Эта «масса» действует на тех учеников, которые хотели бы учиться, и они быстро в эту массу «вливаются»* (учитель технологии, п. Ретиховка, Приморский край).

Подобное «выпадение» из образовательного процесса может возникнуть в любой школе, и связано оно, на наш взгляд, с «дисциплинарным климатом» образовательного учреждения. Итальянский исследователь Р. Фини, изучая результаты PISA 15-летних итальянцев, отмечает, что «дисциплинарный климат положительно коррелирует с уровнем грамотности чтения, а также с уровнем достижений в математике и естественных науках» [Fini 2007: 173].

Р. Фини рассматривает образовательное неравенство на примере трёх типов учебных учреждений (Vocational school, Technical school, Academic high school). Как отмечает автор, разница в достижениях учащихся этих трёх видов образовательных организаций гипотетически может быть нейтрализована, если удастся «добиться равенства возможностей» для детей с разным образовательным уровнем семьи, профессиональным статусом, а также поведенческой ориентацией по отношению к детям [Fini 2007: 174].

В России проблема разделения образовательных потоков была формально снята федеральным законом «Об образовании», который перевёл элитные школы, как и массовые, на подушевое финансирование¹. Однако на практике деление школ на условно элитные и неэлитные сохраняется и поддерживается в первую очередь самими родителями, ориентированными на престижность школ, которая в современных условиях определяется результатами ЕГЭ и поступлением выпускников в статусные вузы. К такому заключению пришел Д. Л. Константиновский в мониторинго-

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изменениями 2017–16 гг.) // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (Дата посещения: 12.09.2018).

вом исследовании доступности качественного общего полного среднего образования в школах и учреждениях начального профессионального образования¹ [Константиновский 2010].

Существует даже рейтинг российских школ по репутационному статусу, основанному на успешности выпускников². Школьники – участники нашего исследования – говорили о престижности школ, входящих в разные топы – топ-50, топ-100; мечтали об изменении статуса собственной школы («станет лицеем», «войдёт в топ-100»).

Деление учеников на успешных и неуспешных

Ещё один уровень проявления неравенства образовательного процесса – уровень отдельного класса. Здесь происходит деление учеников на успешных и неуспешных, стигматизация последних. Исследование белорусских учёных показало, что учащимся навешивают ярлыки типа «хулиган», «проститутка», «наркоман» и т. п. 33,2% преподавателей и 32,4% других взрослых [Липай 2004: 141].

Студентка ДВФУ привела пример подобной ситуации на уроках математики в собственной школе: *У неё [учительницы математики] и наш класс, и все другие делились на две составляющие – либо ты хорошо понимаешь, либо ты не понимаешь вообще, и она работала только с теми, кто понимает, а остальным было сказано так: тебе и «3» сойдёт. И вот лично я боролась просто до победного, чтобы у меня была «четвёрка»* (Анжела, 21 г., Благовещенск, Амурская область).

Стигма неуспешности может привести к «выпадению» ученика из образовательного процесса, вплоть до прогулов уроков, неаттестации по предмету и т. п.

Заключение

Определяя образовательное неравенство, учителя – участники исследования – обращали внимание главным образом на возможности получения образования детьми, распространяя действие последствий этого неравенства на их будущую профессиональную жизнь: «*неравенство жизненных шансов и возможностей удовлетворения потребностей в образовании*» (учитель математики, г. Иркутск, Иркутская область); «*отсутствие ресурсов для достижения желаемого статуса, намеченного жизненного стандарта, занятий любимой профессиональной деятельностью*» (учитель обществознания, г. Иркутск, Иркутская область); «*дискриминация доступности образования по социальным группам*» (учитель биологии, г. Иркутск, Иркутская область); «*различия в реальных возможностях выходцев из элиты и из низов*» (учитель

¹ Исследование проведено в 2004–6 гг. в ИС РАН.

² Рейтинг школ 2018 // Официальный сайт рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»). URL: <https://raexpert.ru/rankings/school/2018/#school> URL: <https://ioe.hse.ru/lepa/> (Дата посещения: 25.07.2018).

физики, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край), «дифференциация групп населения по уровню доступности образовательных услуг» (учитель английского языка, г. Черемхово, Иркутская область).

В этих интерпретациях можно заметить смещение фокуса из плоскости пространственных различий образовательных возможностей в плоскость различия социальных (семейных) ресурсов. Эффекты образовательного неравенства, переходящего в эффекты неравенства социального, и наоборот, начинают проявляться на всё более ранних ступенях обучения.

Собранный в рамках настоящего исследования эмпирический материал демонстрирует интерпретацию образовательного неравенства преимущественно как неравенства образовательного процесса, составляющими которого обозначены различия материально-технической базы и профессионального уровня учителей школ. Прослеживается влияние на образовательный процесс пяти групп факторов – индивидуальных, семейных, школьных, территориально-поселенческих и региональных.

Гипотеза об усилении действия территориального фактора в воспроизводстве образовательного неравенства нашла частичное подтверждение через неравенство региональных (в большей степени городских/районных/сельских) сред. Сельская среда по причине её обеднённости не в состоянии компенсировать школьные эффекты образовательного неравенства.

Реформа образовательной системы, начавшаяся с принятия нового закона, направлена на преодоление/сглаживание эффектов образовательного неравенства. Однако пока можно наблюдать диспропорции образовательных возможностей школ разных типов, находящихся в разных населённых пунктах, а также шире – диспропорцию образовательных возможностей региональных сред, выражающуюся в разном количестве, разной доступности и разных профессиональных уровнях учреждений дополнительного образования, среднего профессионального и высшего профессионального образования.

Рекомендации по сглаживанию факторов образовательного неравенства, как и выявленные факторы, касаются трёх уровней – регионального, локального и школьного. Но если не преодолеть дефицит кадровых и материально-технических ресурсов (возможно, через привлечение технологий дистанционного образования, целевые финансовые вложения, например, для привлечения молодых учителей), то ситуацию стигматизации неуспешных учеников не решить с помощью лишь нормативных актов. Здесь необходимо работать с общественным мнением, в т. ч. через участие в различных интернет-форумах, работу родительских комитетов и ученических советов школ.

Библиографический список

Высоцкая А. В. 2018. Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1 (44). С. 30–38. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/30-37

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2008. Национальный проект «Образование»: оценки экспертов и позиция населения. М.: ЦСП. 464 с.

Доступность высшего образования в регионах России / Под. ред. А. Д. Громова, Д. П. Платонова, Д. С. Семенова, Т. Л. Пырова. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.

Капуза А. В., Керша Ю. Д., Захаров А. Б., Хавенсон Т. Е. 2017. Образовательные результаты и социальное неравенство в России: динамика и связь с образовательной политикой // Вопросы образования. № 4. С. 10–35.

Константиновский Д. Л. 1999. Динамика неравенства: Российская молодежь в меняющемся обществе: Ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС. 344 с.

Константиновский Д. Л. 2008. Неравенство и образование: Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП. 552 с.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Михайлова Я. М. 2016. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения // Вопросы образования. № 2. С. 186–201.

Константиновский Д. Л. 2010. Неравенство в сфере образования: Российская ситуация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (99). С. 40–65.

Косякова Ю. А., Ястребов Г. А., Янбарисова Д. М., Куракин Д. Ю. 2016. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 5. С. 76–97.

Кулич Н., Скопек Я., Тривенти М., Дэмрих Й., Блосфельд Х.-П. 2016. Слишком высокие ожидания? Результаты международного мультидисциплинарного исследования роли раннего воспитания и образования в социальном неравенстве // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 5 (88). С. 15–38.

Липай Т. П. 2004. О проявлении стигматизации в процессе образования // Социологические исследования. № 10. С. 140–141.

Оценка качества среднего образования: анализ динамики за 15 лет / Под. ред. Д. Л. Константиновского, Ф. Э. Шереги, М. Н. Михалева // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Выпуск 3. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 36 с.

Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Петренко К. В. 2007. Ресурсный потенциал семьи и образовательные траектории детей и взрослых // Вопросы образования. № 3. С. 240–257.

Прахов И. А. 2015. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. № 1. С. 88–117.

Собкин В. С. 1998. Этнос. Идентичность. Образование // Труды по социологии образования. Том IV. Выпуск VI. М: Институт социологии образования РАО. 268 с.

Собкин В. С. 2005. Труды по социологии образования: беседы, технологии, методы: монография. М: Центр социологии образования РАО. 222 с.

Собкин В. С. 2009а. Труды по социологии образования: монография. М: Институт социологии образования РАО. 292 с.

Собкин В. С. 2009б. Социология образования. Труды по социологии образования: сборник статей. М: Институт социологии образования РАО. 56 с.

Филипова А. Г. 2012. Социальная защита детства в современной России: монография. СПб.: Астерион. 247 с.

Филипова А. Г., Высоцкая А. В. 2017. Методика построения имитационной модели (на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах) // Вестник Института социологии. № 23. С. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.481>

Филипова А. Г., Высоцкая А. В. 2018. Исследование систем общего среднего образования в регионах России: метод «серого ящика» // Регионология. № 1 (102). Т. 26. С. 155–178. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.155-178

Хавенсон Т. Е., Керша Ю. Д. 2017. Сравнительный анализ результатов тестов PISA и TIMSS в России и странах Европы // М.: НИУ ВШЭ. 32 с.

Юдин Б. Г., Руткевич М. Н. и др. 2002. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения: монография. М.: Институт человека РАН. 265 с.

Amini C., Nivorozhkin E. 2015. The urban–rural divide in educational outcomes: Evidence from Russia // International Journal of Educational Development. Vol. 44. P. 118–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2015.07.006>

Carnoy M., Khavenson T., Ivanova A. 2015. Using TIMSS and PISA results to inform educational policy: a study of Russia and its neighbours // Compare: A Journal of Comparative and International Education. Vol. 45. Issue 2. P. 248–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057925.2013.855002>

Fini R. 2007. School Achievement in Italy. An Empirical View // International Studies in Educational Inequality. Vol. 2. P. 157–175.

Larina G. S., Markina V. M. 2017. Teachers' beliefs about student diversity: exclusive and inclusive models. Basic research program. Working papers series: education. WP BRP 43.EDU.28 p.

Статья поступила: 03.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610

Educational Inequality in Russian Schools: The Influence of Territorial Factor

Aleksandra G. Filipova

Vladivostok state university of economics and service, Vladivostok, Russia

E-mail: alexgen77@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-7475-1961

Alena V. Vysockaya**Komsomolsk-na-Amur state University, Komsomolsk-on-Amur, Russia**

E-mail: al-w-buaa@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-7048-028X

For citation: Filipova, A. G., Visotskaya, A. V. . Educational inequality in Russian schools: the influence of territorial factor. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 150–163. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610

Abstract. Educational inequality is constantly in the scope of foreign and Russian scientists alike, however there are differences in the way it is interpreted. If we were to consider education as a system, we could acknowledge the existence of inequality in initial educational opportunities (at the system’s gateway), as well as inequality in the education process itself (within the system), and inequality of education results (when transitioning from one stage to the next, or when exiting the system). The goal of this study was to determine the specifics of how territorial factor in a specific type of environment influences educational inequality among children. Part of the study was to verify the suggestion that this factor has been increasing its influence in Russia. Empirical data was collected using focus group and expert interview methods. Adult and adolescent participants of the study were asked questions about the interpretation of educational inequality (how it manifests in schooling), determining factors which affect the reproduction of educational inequality, including whether there is a territorial aspect to how it manifests. Study participants described local features in educational inequality, comparing city and village, large and small towns. The logic of comparing large and small settlements can be traced throughout the remarks of informants of all ages. Children spoke more of inequality within the education system, citing examples such as differences in how schools are equipped, varying level of skill among teachers, differences in the amount of cultural-leisure, educational and other facilities in their settlement. Experts also pointed out examples of educational inequality at the system’s “gateways” and “exits”, while speaking about socio-cultural and financial capital being possible sources for educational inequality, which from an organizational standpoint is considered by the study participants on the level of school – locale – region. The suggestion that territorial factor currently plays an increased role in reproducing educational inequality needs to be further researched utilizing regional statistical data.

Keywords: region, educational inequality, school, educational opportunities, family.**References**

Accessibility of higher education in the regions of Russia. Ed. by A.D. Gromov, D.P. Platónova, D.S. Semionov, T.L. Pyrova. Moscow, NRU HSE publ., 2016: 32 (In Russ.).

Amini C., Nivorozhkin E. The urban–rural divide in educational outcomes: Evidence from Russia. *International Journal of Educational Development*, 2015; 44: 118–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2015.07.006>

Assessment of the quality of secondary education: an analysis of the dynamics over 15 years. Ed. by D. L. Konstantinovskiy, F. E. Sheregi, M. N. Mihaleva. Moscow: Centr social’nogo prognozirovaniya i marketinga, 2018: 36 (In Russ.).

Carnoy M., Khavenson T., Ivanova A. Using TIMSS and PISA results to inform educational policy: a study of Russia and its neighbours. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 2015; vol. 45, 2: 248–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057925.2013.855002>

Filipova A. G. The Social Protection of Childhood in Modern Russia. Saint-Petersburg: Asterion, 2012: 247 (In Russ.).

Filipova A. G., Vysotskaya A. V. Studying General Secondary Education Systems in the Regions of Russia: the «Gray Box’». *Method. Regionologiya = Regionology*, 2018; 26; 1 (102): 155–178. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.155-178 (In Russ.).

Filipova A. G., Vysotskaya A. V. The Method of building a simulation model (on example of average use in the Russian regions). *Vestnik Instituta sotziologii = Bulletin of Institute of Sociology*, 2017; 23: 71–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.481> (In Russ.).

Fini R. School Achievement in Italy An Empirical View. *International Studies in Educational Inequality*, 2007; vol. 2: 157–175.

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. National project “Education”: expert estimates and the position of the population. Moscow, 2018: 464 (In Russ.).

Havenson T. E., Kersha Y. D. Comparative analysis of the results of the PISA and TIMSS tests in Russia and European countries. Moscow: NRU HSE publ., 2017: 32 (In Russ.).

Kapuza A.V., Kersha Y.D., Zakharov A.B., Khavenson T.E. Educational Attainment and Social Inequality in Russia: Dynamics and Correlations with Education Policies. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2017; 4: 10–35 (In Russ.).

Konstantinovskiy D. L. Dynamics of inequality: Russian youth in a changing society: Orientations and ways in education (from the 1960th to the 2000th). Moscow: Editorial URSS, 1999: 344 (In Russ.).

Konstantinovskiy D. L. Inequality and education. Experience of sociological researches of vital start of the Russian youth (1960th – beginning of 2000). Moscow: CSP, 2008: 552 (In Russ.).

Konstantinovskiy D. L. Inequality in education: situation in Russia. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social change, 2010; 5 (99): 40–65 (In Russ.).

Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Y., Mikhaylova Y. M. Accessibility of quality general education in Russia: opportunities and limitations. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2006; 2: 186–201 (In Russ.).

Kosyakova J. A., Yastrebov G. A., Yanbarisova D. M., Kurakin D. Y. The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2016; vol. 19, 5: 76–97 (In Russ.).

Kulich N., Skopek Y., Triventi M., Demrikh Y., Blossfeld Kh.-P. High Expectations? Lessons Learned from a Cross-National and Multidisciplinary Study on the Role of Childcare and Early Education in Social Inequality. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2016; 19; 5 (88): 15–38 (In Russ.).

Larina G. S., Markina V. M. Teachers' beliefs about student diversity: exclusive and inclusive models. Basic research program. Working papers series: education. WP BRP 43. EDU, 2017: 28.

Lipay T. P. The manifestation of stigma in education. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004; 10: 140–141 (In Russ.).

Petrenko E. S., Galitskaya E. G., Petrenko K. V. Family Resources and the Educational Trajectories of Children and Adults. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2007; 3: 240–257 (In Russ.).

Prakhov I. A. Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2015; 1: 88–117 (In Russ.).

Sobkin V. S. Ethnos. Identity. Education. Works on sociology of education. Volume IV. Issue VI. Moscow: ISE of RAE, 1998: 268 (In Russ.).

Sobkin V. S. Sociologiya obrazovaniya. Sociology of education. Works on sociology of education: collection of articles. Moscow: ISE of RAE, 2009: 56 (In Russ.).

Sobkin V. S. The writings on the sociology of education: monograph. Moscow: ISE of RAE, 2009: 292 (In Russ.).

Sobkin V. S. Works on sociology of education: conversations, technologies, methods. Moscow: ISE of RAE, 2005: 222 (In Russ.).

Vysotskaya A.V. The system of secondary general education in the Russian regions: the construction of a simulation model. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Oikumena. Regionalistic Studies*, 2018; 1 (44): 30–38. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/30-37 (In Russ.).

Yudin B. G., Rutkevich M. N. and oth. Human potential of Russia: intellectual, social, cultural dimensions: monograph. Moscow, IH of RAS, 2002: 265 (In Russ.).

The article was submitted on: June 03.2019

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ЦЕННОСТИ И ИХ ФОРМИРОВАНИЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи

Ссылка для цитирования: *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

For citation: Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

AuthorID РИНЦ: [74721](#)

Зубок Юлия Альбертовна

Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

uzubok@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [74722](#)

Чупров Владимир Ильич

Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

chuprov443@yandex.ru

Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи

Аннотация. Взросление молодежи сопровождается её включением в социокультурный контекст общества и одновременно формированием собственных культурных образцов и практик взаимодействия. В результате многоуровневых связей молодых людей с культурой в целом, элементы которой ими одновременно наследуются и изменяются, а также с образцами субкультур, возникающих в пространстве внутригрупповых взаимодействий, т. е. в молодежных сообществах, формируется культурное пространство молодежи. В диалектическом процессе наследования, отрицания и конструирования молодежь обретает собственные социально-групповые характеристики. Соответственно и её культурное пространство характеризуется особенностями, отличающими её жизнедеятельность от других социальных групп. В современном обществе культурное пространство молодежи во многом является саморегулирующейся сферой, в которой происходит формирование и конструирование наиболее значимых ценностей, становящихся основой смыслов жизнедеятельности. Существенную роль в процессе смыслообразования играет базовая культура, образцы которой, содержащиеся в коллективном бессознательном, непосредственно связаны с историческим опытом. Отражаясь в архетипических и ментальных структурах, исторический опыт влияет на содержание смысложизненных ценностей. А закрепляясь в габитусах, в процессе «опривычивания» (хабитуализации), он становится смысловой основой, определяющей направленность поведенческих предрасположенностей (диспозиций). Наряду с историческим опытом значимое влияние на смысложизненные ценности молодежи оказывают повседневные знания и опыт, накапливающиеся в результате её взаимодействий с другими, также образующими культурное пространство. Для обоснования саморегуляции смысложизненных ценностей молодежи как целостного процесса в статье анализируется связь представлений молодых людей о смысле жизни с разными типами культуры, с архетипами, с менталитетом, с габитусами. Этому способствовали представленные в статье результаты разработки типологии культурного пространства, выделения на основе анализа существующих подходов к исследованию бессознательного наиболее распространённых архетипов, ментальных и современных черт национального характера, габитуальных установок. Анализ их взаимосвязи позволил проследить влияние каждого из них на формирование смыслов жизнедеятельности молодежи в процессе саморегуляции. В статье обосновывается вывод, полученный в результате анализа связи смыслов жизни с типами культуры и с архетипами, о преемственности большинством молодежи традиционной культуры, что определяет общую направленность формирования смыслового содержания её жизнедеятельности. На основе анализа связи смысложизненных ценностей с ментальными и современными чертами национального характера раскрывается диалектика традиционного и современного в изменении смыслов жизнедеятельности молодежи. Анализ связи смысложизненных ценностей с габитусами позволяет рассмотреть видоизменение (гибридизацию) смыслов в процессе формирования поведенческих предрасположенностей молодежи в саморегуляции её жизнедеятельности. Таким образом, саморегуляция смысложизненных ценностей молодых людей представляется как динамичный процесс наполнения их жизнедеятельности новыми смыслами в изменяющемся культурном пространстве.

Ключевые слова: молодежь, ценности, саморегуляция, культура, жизнедеятельность, менталитет, габитус

Смыслообразование в культурном пространстве

Культурное пространство охватывает совокупность материальных и нематериальных условий жизни, а также смысловые основания социальных взаимодействий индивидов и групп друг с другом и обществом. Материальную основу культурного пространства составляют природа и культурные объекты, образующие социокультурную среду жизнедеятельности молодых людей. Её духовную часть образуют идеалы, представления, ценности как внеприродные условия. Под культурой в данном случае понимается некая программа, задающая вектор отношений ко всем явлениям общественной жизни, определяющая мировоззрение и жизненные позиции.

Составляющими культурного пространства являются исторически обусловленные особенности национальной культуры, сохраняющиеся в виде черт национального характера и в той или иной мере влияющие на формирование современных поколений молодёжи, и субкультура как наиболее значимая часть повседневного бытия современных молодых людей с множественными культурными формами и прозрачными границами.

Большое число взаимодействий, в которых проявляется связь молодого поколения с базовой (доминирующей) культурой и с различными видами субкультур, а также установившиеся формы социальных взаимодействий выступают смысловым основанием конструирования собственной реальности.

Смыслы с заложенными в них идеями и ценностями отражают содержание культуры. Смыслообразование, буквально понимаемое как формирование представлений о сущностях явлений и их функциях, выступает основным отражением воспроизводства и изменения культуры и её подвидов.

Ориентация на высшие ценности, раскрываемая в убеждениях, верованиях, нравственных чувствах и наивысших духовных ориентирах, нравственных основаниях социальной солидарности, определяет смысловое пространство как духовное наполнение человеческой жизни [Минюшев 2004: 191]. Сформированные исторически, эти ценности становятся первоосновой образов реальности, закреплённых не только в осознанных стремлениях, но и в коллективном бессознательном. Это придаёт им определённую устойчивость, закрепляя в механизме саморегуляции. Однако сохранённые в культурном пространстве образцы не только усваиваются, но перерабатываются и наделяются новым содержанием. Субъективный выбор смыслов и целей является частью саморегуляции, направленной на реализацию собственных социальных ожиданий.

В выборе способов саморегуляции проявляются качественно иные характеристики новых поколений молодёжи, изменяющиеся в связи с трансформацией реальности – как объективной действительности, так и субъективных представлений о ней. Возникающие на плечах традиций новые смыслы и инновации преобразуются в новые культурные образцы

(традиционализируются), становясь составной частью культурного наследия [Традиция и инновация... 2008: 19]. Постоянное переформатирование, интенсивность которого зависит от темпа общественных изменений и степени погружения в них разных групп, становится формой существования культурного пространства молодёжи. Чем динамичнее изменения, тем выше вероятность культурного микса, обусловленного увеличенной скоростью появления и интериоризации новых культурных образцов на фоне инерционного функционирования прежних.

Современное культурное пространство молодёжи аккумулирует во многом противоположные смысловые проекции, традиционно присущие разным «мировоззренческим матрицам», образуя симбиотическое слияние «культурных полюсов» Востока и Запада [Традиция и инновация... 2008: 97–101]. Их различие проявляется, прежде всего, в понимании экзистенциальных оснований жизнедеятельности человека, возводимых в ранг высших ценностей. Среди них – разное отношение к человеку как эталону или объекту преобразования (к его физическому и духовному предназначению, ценности земного существования и памяти о нём в грядущих поколениях, истине как продукту воли человека) или как к данности, к собственной познавательной и преобразовательной субъектности, к временной ориентации деятельности и нацеленности на прошлое–настоящее–будущее–вечность, к смыслам существования – потребительскому или духовно ориентированному бытию, собственному удовольствию или служению как высшему смыслу жизни и т. д. В этих смысловых проекциях содержится и противопоставление, и осмысленное сближение, образование множественных миксов и гибридов, столь характерных для российского культурного пространства в целом [Чупров и др. 2014; Тощенко 2011; Вишневецкий, Шапко 2006; Омельченко 2019]. Конструирующая роль формирующихся смысловых симбиозов выражается в их совокупном влиянии на потенциальные побудительные силы, мотивационные структуры, выражаемые в специфических формах повседневной жизнедеятельности молодых людей и способах её саморегуляции.

Смысловые основания саморегуляции

Как субъектная деятельность молодёжи по выбору целей жизнедеятельности и средств их достижения, саморегуляция может иметь активный или пассивный характер. В зависимости от степени рефлексии в ней могут преобладать стереотипные, стереотипно-личностные или активно-личностные формы. Направленность саморегуляции задаётся соотношением того, что личность берёт от общества и что вносит в его развитие, мерой проявления индивидуалистических и коллективистских установок, ориентаций на конкурентные или солидарные отношения и т. д. Образцы саморегуляции при этом определяются доминирующими способами организации жизнедеятельности, а многократно повторяющиеся способы саморегуляции, в свою очередь, становятся источниками

формирования культур определённого типа. Их культивирование, распространение и включение присущих им образцов в жизнь молодых людей, как и их взаимодействия, придают особенности саморегуляции.

Важнейшая роль, согласно А. Шюцу, в этом механизме принадлежит знаниям и опыту, исторически сложившимся и выступающему предметом интересубъективного взаимодействия [Шюц 1988]. Регулятивное воздействие опыта воплощается в его неосознанном, опосредованном архетипическими первообразами коллективного бессознательного влияния на жизнедеятельность. Перешедшие из прошлого опыта образцы взаимодействий дополняются аргументацией, обусловленной новым опытом, полученным в ходе совместного освоения реальности. Основываясь на широко распространённых представлениях, подкреплённых личным опытом, они конвертируются в убеждения, оседают в коллективном бессознательном, определяя своеобразие коллективной жизни [Сикевич и др. 2005].

Поскольку бессознательное восприятие реальности выводит её за пределы осмысления, интернализация реальности переживается как эмоциональное сближение с ней, то идентификации выстраиваются на основе чувств. Выбор способов жизнедеятельности регулируется при этом неосознанными установками. По мере отождествления себя с объектом реальности характеристики этого объекта и неосознанные регуляторы деятельности (ценности, нормы, установки и стереотипы) приобретают осознанные формы [Чупров и др. 2014: 205–215]. Переход от неосознанных форм саморегуляции к осознанным запускается посредством рефлексии – способности адекватно реагировать на изменения реальности, определяя в соответствии с ними цели деятельности. Рефлексивное поведение обеспечивает осознанное саморегулирование вследствие осмысления и осознания ценностей, установок и стереотипов с последующим включением их в диспозиции.

В повседневной жизни осознанные и неосознаваемые установки сплетаются в общий механизм социокультурной саморегуляции. Единство бессознательного и осознанного обеспечивается взаимодействием разных элементов этого механизма – архетипических, ментальных, габитуальных.

Архетипы, по К. Г. Юнгу, «архаические остатки» – «специфические бессознательные реакции на постоянно возобновляющиеся на протяжении жизни рода феномены внешнего и внутреннего миров» [Юнг 2013: 142; Юнг 1991], участвующие в формировании образов реальности.

Обобщая существующие подходы к исследованию бессознательного и выделяя в них наиболее существенные стороны, Н. М. Морозов подчёркивает: «Регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психогенетическом уровне определённых форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов» [Морозов 2014: 202–203]. Закрепляясь в структурных компонентах психики, архетипические образы реальности придают

смыслу жизни внутренне обоснованный, аргументированный и устойчивый характер: «Так мы обнаруживаем систему установок и типичных реакций, которые незаметно определяют жизнь индивида... Под влиянием универсальных образцов находятся ... также наше восприятие, мышление, воображение» [Юнг 1991]. Отражая многосложный опыт поколений, они больше влияют на эмоциональное восприятие смыслов, определяя меру, до которой в ценностно-нормативной системе присутствует традиционная культурная составляющая.

В предисловии к изданию работы Юнга «Архетип и символ» А. М. Руткевич пишет: «Если архетипы понимать как бессознательно воспроизводимые схемы, проявляющиеся в мифах, сказках и произведениях искусства, то в таком их понимании нет ничего мистического. Человеческая психика – не «чистая доска», и в задачи психолога вполне может входить изучение априорных предпосылок опыта. В каком соотношении находятся унаследованные генетические образцы поведения, восприятия, воображения и наследуемые посредством культурно-исторической памяти – это вопрос, к которому с различных сторон подходят этнологи, лингвисты, психологи, этнографы, историки» [Руткевич 1991: 21]. С социологической же точки зрения важным представляется выявление связи унаследованных в культуре образов с актуальными смысложизненными ценностями нового поколения молодёжи, обусловленности современных смыслов базовыми компонентами культуры.

Был выделен ряд архетипов, присущих национальному фольклору, в частности, обнаруженных в русских пословицах и поговорках [Чупров и др. 2014]. Отсутствие самих этих поговорок в повседневном молодёжном языке и обиходе, как оказалось, не стало препятствием для молодого поколения к распознаванию заложенных в них смыслов. Исследовательская задача по определению близости содержания архетипов внутренним установкам респондентов уже была реализована в более ранних наших работах, где впервые было проанализировано место каждого из элементов социокультурного механизма (архетипов, менталитета, габитусов и стереотипов) в формировании образов реальности (другого, семьи, образования, труда, власти) [Чупров и др. 2014; Чупров, Зубок 2013; Зубок и др. 2019]. Для анализа использованы архетипы и соответствующие им смысловые референты, наиболее точно отражённые и узнаваемые в российской культуре.

Архетип судьбы: «Чему быть – того не миновать» – признание предопределённости и сокращение зоны ответственности за собственную жизнь, бессубъектное упование на участь и долю: «Судьба как власть, с одной стороны, и человек, подчинённый этой власти, с другой – такова стереотипная ситуация, характеризующая феномен судьбы в русской народной культуре» [Никитина 1994: 143]. Жизнь в такой концепции представляет собой свыше уготованный план, по которому проживает человек. Меж тем, «каждый, всякий, любой одновременно неповторим и индивидуален, поэтому общий для всех обязательный путь проходит по-своему, исполняя общечеловеческую судьбу и одновременно ту,

которая выделена специально и только для него» [Цивьян 1994: 123]. Сочетание предназначения и вариативности открывает пространство для счастливого или рокового случая, порождая и ощущение беспомощности, и надежду, что «пронесёт»: «Русские фольклорные тексты причудливо соединили в себе языческие представления о доле-участи, прирождённой и не имеющей отношения к справедливости, и христианские идеи Божьего суда, воплощающего высшую правду и высшую справедливость» [Никитина 1994: 143]. В повседневной жизни этот концепт становится основой перекладывания ответственности за свою жизнь на других, проявление внешнего локуса контроля.

Архетип добра: «Добро не умрёт, а зло пропадёт» выступает как отражение веры во всепобеждающую силу света в борьбе с тьмой. В основе концепта – базовые этические и нравственные категории добра и зла как обобщённое выражение представлений о нравственном и безнравственном, отвечающем или, наоборот, противопоставляющем себя морали¹. При этом значение архетипа выходит за пределы содержательного толкования самих понятий, которые в разных ментальных структурах будут иметь свои отличия [Орлова, Никулина 2016]. Главное содержится в представлениях об исходе их противостояния, убеждённости в неизбежной победе одних высших сил над другими. Эта вера во многом становится источником надежды и исторического долготерпения народа.

Архетип совести отражает эмоционально-ценностные представления и суждения по поводу мотивов действий личности и обеспечивает способность различать постыдные поступки, испытывать за них неловкость. Это и рациональное осознание нравственного значения поступков, и эмоциональное переживание собственного несоответствия интериоризированным критериям². Самооценивание и самоконтроль, основанные на интернальных нравственных критериях, напрямую связаны с концептом совести. При этом на практике это может реализоваться не столько в виде высокоморального поведения, сколько в последующих мучительных переживаниях за его нарушения. В русской культуре утвердилась контроверза чистой совести и достатка, отражённая поговоркой «Хоть мощна пуста, да совесть чиста».

Архетип вины восходит к осмыслению собственных деяний – действий или бездействий на основе внутреннего нравственного закона совести. В христианстве совесть трактуется как показатель нравственной обязанности³, соответственно, вина возникает в связи с её нарушением и осознанием греха. В русской культуре вина связывается с отходом от добродетели послушания и покорности, что выражается пословицей «Послушание – добродетель, непослушание – грех».

¹ Словарь по этике. 2010. URL: <http://moralphilosophy.ru/pg/dobro.htm>. (Дата посещения: 11.11.2019).

² Свенцицкий А. Л. 2008. Краткий психологический словарь. М.: Проспект. С. 404, а также [Александрова 2012].

³ Новая философская энциклопедия. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194de7040398e2c5f864994> (Дата посещения: 01.11. 2019).

Архетип правоты власти, передаваемый пословицей «Где царь – тут и правда», отражает признание априорной мудрости власти и патернализма на фоне собственной вечной незрелости. Регулятивная роль этого архетипического образца состоит в возможном влиянии на способы восприятия власти и самих себя во взаимодействии с её институтами. В нём содержится отсылка к базовому способу легитимации подчинения, смысловых параметров взаимодействия между подчиняющим и подчинённым.

Архетип славы рассматривается как символ вечности в деяниях человечества; дел, совершённых единицами, но никак не тщеславие индивида, а как вера в тесную взаимосвязь и непрерывность эпох и стремление оставить след в истории, готовность к самопожертвованию во имя последующих поколений. Самопожертвование героя во имя идеала, во имя чести, доблести, славы, веры или любви несомненно есть сознательная жертва временному, изменчивому ради вечного; индивид жертвует своей жизнью (биологической) во имя вечной жизни (имагинативно-реальной), даже без иной побочной цели [Голосовкер 2010]. Его довольно точным отражением и эмпирическим референтом выступает изречение «Бессмертен тот, кто славу добрую при жизни обретёт».

Архетип спасителя как отражение универсального мифа о герое всегда относится к человеку-богатырю или богочеловеку, побеждающему зло в виде драконов, змей, монстров, демонов и освобождающего свой народ от смерти и разрушения [Юнг 1991]. Образ из легенд и сказок, перекочевавший в современную культуру, в виртуальные игры. Отважный и благородный рыцарь, герой-освободитель, сокрушитель угнетающих сил, добрый царь-батюшка, непобедимый отец-полководец (индивидуальный или коллективный) – отражение незащищённости, обид, надежд и чаяний. В одном ряду стоят спаситель, мессия, революционер и герой-солдат: «Погибающий ... за идею революции или свободы, лучшего общественного устройства, когда он в борьбе за родную землю своим телом заслоняет амбразуру в блиндаже, из которого бьёт пулемёт; или когда два героя-монаха, Пересвет и Ослябя, первыми завязывают битву с татарами, зная, что они погибнут, но зато битва будет выиграна. Если здесь и действует сила внушения, то ведь действует она прежде всего на воображение, на тот его высший инстинкт, который сильнее инстинкта самосохранения» [Голосовкер 2010]. Референтом этого архетипа в исследовании стала пословица «Сколько нечисть ни тешится, а придёт добрый молодец и сокрушит нечестивца». В этом архетипе, с одной стороны, в значительной мере заложено упование на высшую всепобеждающую и освобождающую силу, предполагающую терпеливое ожидание и веру в спасение, а с другой – скрытое побуждение к принятию на себя этой роли.

Архетип идеализации прошлого обусловлен углублённостью в прошлое, восприятием прошлого как некоего образца, имеющего самоценное значение. В византийской психокультурной модели настоящее и будущее должны быть подобны прошлому. Уровень совершенства закона или ритуала часто определяется не актуальностью, а лишь давностью

использования. Так исторически сложилось и в российской практике. Когда нововведение требует оправдания и обоснования, начинаются поиски аналогов в истории. Если их не находят, инновации не поддерживаются. Однако прошлое может и не быть однозначным критерием оценки настоящего, но оно сакрально и не должно подлежать тотальному разрушению. С одной стороны, это повышает устойчивость общества, позволяя сохранять объединяющие культурные основания, с другой – препятствует извлечению уроков и преодолению деструктивных образцов. В разрешении этого противоречия содержится мера «онтологической безопасности» как состояния уверенности людей в преемственности и постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они живут и действуют. Это состояние отражает собственное бытие человека в феноменологическом его значении, «но скорее эмоциональное, чем когнитивное, уходящее корнями в бессознательное» [Giddens 1991: 92]. Референтом архетипа выступает согласие с пословицей «Почитая старое, обретаешь новое».

В смысловом значении каждого из архетипов скрыты разные побудительные мотивы, усиливающие или ослабляющие волю, увеличивающие или снижающие зависимость от внешних обстоятельств, внутренний или внешний локус-контроль, характер устремлений к высшим идеалам.

Архетипы отражаются в менталитете, широко понимаемом как социокультурная система, передающая своеобразие коллективной жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре; как способ восприятия и оценки людьми окружающего мира; как мышления и чувствования, имеющие надситуативный характер, проявляющийся в их своеобразной поведенческой активности [Таршис 2012]. В обобщённом понимании – это «видение мира», которое проявляется «умонастроением» и «мыслительными установками», «воображением» и «складом ума» [Гуревич 1993: 60]; иерархически упорядоченная система сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющаяся благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых людьми в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности [Морозов 2014]. Ментальные структуры объединяют в себе рефлекслируемые и нерелфлекслируемые образцы, проявляющиеся не только в мировоззрении, но и в конкретных способах реагирования человека или группы в ситуации ценностного выбора. Воспроизводство и распространение таких способов в социокультурной среде конвертируется в свойство личности, группы, общества [Споры о главном... 1993; Таршис 2012; Ментальные программы... 2016]. Поэтому менталитет часто рассматривается как синоним национального характера.

К ментальным чертам национального характера были отнесены следующие компоненты: *любовь к своему отечеству; милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим; честь, достоинство; любовь к ближнему; подозрительность в отношении к иностранцам.* В совре-

менных условиях перечисленные качества нередко наполняются новым смыслом. Условно назовём их современными ориентациями. Это – *отношение к стране как к месту проживания; жалостливость, выражающаяся в сочувствии нуждающимся в помощи; равнодушное отношение к правам человека; рационализм; открытость, восприимчивость ко всему иностранному* [Чупров и др. 2014].

Смысложизненные ценности, сформировавшиеся в архетипических и ментальных структурах, преобразуются в поведенческие установки, закрепляясь в социальных практиках посредством *габитусов*. Результат габитуализации – превращение форм жизнедеятельности, обусловленных определённым смыслом, в привычку от многократного повторения. «При всей своей стремительности и активности, – отмечает Я. Голосовкер, – иной человек как бы полуспит, настолько выработавшиеся в нём механизмы активности действуют помимо его воли. Он решает, предписывает, утверждает, отвергает, жертвует собой и другими – автоматически. В нём даже находчивость возникает по рефлексу, и это узнаётся по тому, что она носит характер типический: перед нами типажи находчивости» [Голосовкер 2010]. Апробированные смыслы становятся значимой частью «габитуальной установки», определяя содержательную направленность поведенческих предрасположенностей (диспозиций) [Олпорт 2002]. При этом установки отражают переживание индивидом ценности, значения, смысла [Шихирев 1973]. Возникающие смысловые диспозиции рассматриваются «в контексте способности личности сохранять следы смыслового опыта в виде зафиксированного латентного инактивированного устойчивого отношения субъекта к объектам и явлениям действительности, инвариантно значимым в различных контекстах индивидуальной жизнедеятельности и проявляющихся в специфических эффектах смыслового регулирования деятельности» [Абакумова, Савченко 2008: 28; Леонтьев 2003; Саморегуляция и прогнозирование... 1979].

Благодаря диспозициям осуществляется трансформация смыслов от бессознательных форм, содержащихся в архетипических и ментальных структурах, к осознанным, проявляющимся в жизнедеятельности. Габитуальные образцы влияют на практическую жизнь людей и на структуру смысложизненных установок, что обнаруживается в формировании жизненной позиции (*активной / пассивной*); социальной солидарности (*убеждённый коллективист / убеждённый индивидуалист*); эмпатии, способности сочувствовать, сопереживать в отношениях с другими (*чувственности / расчётливости*); жизненной стратегии (*постоянства / изменения*); предпочитаемых моделей поведения (*уверенность и предсказуемость / экстрим и риск*).

Каждый из рассмотренных элементов особым образом участвует в формировании культурного пространства молодёжи, казалось бы, безнадежно оторванной от тех пластов культуры, на которых формировались предыдущие поколения. Рассмотрим, как проявляются эти элементы в саморегуляции смысложизненных ценностей.

Архетипы в саморегуляции смысложизненных ценностей

Проделанный ранее анализ показал иерархию смысложизненных ценностей молодёжи и их связь с типологией её культурного пространства [Зубок, Чупров 2018; Чупров 2018]. Во-первых, на основе методологии П. А. Сорокина [Сорокин 2000] были выявлены доминирующие смысловые векторы жизнедеятельности современной российской молодёжи и их связь с типами культуры, характерными для русского общества в целом; во-вторых – доминантные смысловые образцы, обретающие форму повседневных культурных практик в молодёжных сообществах. В данном случае речь идёт не о классических субкультурах, переставших быть твёрдыми формированиями [Омельченко 2019], а о смысловых векторах, задающих направленность повседневной жизнедеятельности молодёжи. Тот факт, что определённые смысловые основания обнаруживаются в целом ряде групп, делает их общими для образа жизни и ценностных ориентаций разных групп молодёжи.

Как было установлено, доминирующими в среде российской молодёжи являются преимущественно три смысловых культурных типа – инновационный, гедонистический и тип физического развития [Зубок, Чупров 2018]. А в пространстве повседневного взаимодействия доминируют конкурирующие друг с другом и одновременно типичные для молодёжи стремление к объединению со сверстниками и стремление быть непохожим на других, самовыражение своих личностных качеств. В них отражаются диалектическое единство и борьба индивидуального и социального, интериоризации и экстериоризации культурного опыта, в одинаковой мере необходимые для полноценного становления социальной субъектности молодёжи.

В каждом обозначенном типе культуры проявляются особая направленность сознания и специфические формы жизнедеятельности молодых людей. Так, инновационная культура в обычной жизни может не быть связана с целенаправленным и методичным выстраиванием инновационных стратегий жизнедеятельности, зато может реализовываться в стремлении к постоянной новизне, чувствительности ко всему нестандартному, начиная с внешней атрибутики и заканчивая социальными практиками. Открытость новому опыту и переживаниям в индивидуальном плане может восприниматься как признак динамизма и символическое выражение бегства от монотонности и архаичности. Перманентное изменение является гарантией реализации современных культурных требований открытости к быстро меняющейся социальной реальности, а поскольку вся современная культура устремлена вперёд, то и залогом интеграции в неё становится способность изменяться вместе с ней. А в общественном плане инновационный тип культуры – это ни что иное, как реализация функции обновления в общественном воспроизводстве. Инновации при этом могут выражаться в классической, мертоновской формуле – приверженности общественно значимым образцам и поиске новых способов их реализации. Причём сами ценности как

предмет стремления индивидов часто находятся в секторе традиционных, а способы их реализации – в области современных представлений. Наиболее ярким примером являются традиционные ценности семьи, которые разделяются подавляющим большинством россиян, но воплощаются ими большей частью в современных формах организации ролевых взаимодействий (симметричность обязанностей, эгалитаризм), ином характере межпоколенческих взаимодействий (демократизация и либерализация отношений) и т. д. Инновационная культура тесно граничит с культурой риска – постоянной готовностью к вероятностным изменениям, открытостью к различным действиям и событиям, позитивным и негативным [Giddens 1994: 28].

Культура физического развития, являющаяся второй по значимости доминантой в культурном пространстве молодёжи, отражает как проявления модного стремления к здоровому образу жизни, так и поддержание определённых стандартов красоты и телесности. Причём эта ориентация лишь до определённой степени является феноменом молодёжным, а в действительности не чужда и среднему поколению, ещё более активно и настойчиво участвующему в гонке за молодостью.

Гедонистическая культура как третья значимая составляющая культурного пространства традиционно связывается с установкой на удовольствия, но в современных условиях она наполняется новыми проявлениями; например, удовольствием через впечатления или стремлением к спокойной безбедной жизни как залогом доступа к удовольствиям и наслаждениям более высокого порядка, связанным не только с бесконечным потреблением, но и с самореализацией. Здесь уже самореализация выступает посредником гедонистических устремлений. Подобно этому и получение удовольствия от потребления культуры – театра, музыки, кино, собственного творчества и т. д. (гедонистическая функция культуры).

Три других типа культуры, охватывающие меньшее число молодёжи, но при этом заметно влияющие на формирование и отбор смысложизненных ценностей – это адаптационная, духовная и культура моральной аномии.

Адаптационный тип культуры предполагает принятие средовых условий и господствующих в них социокультурных форм. Субъектность в таком случае проявляется преимущественно в освоении готовых культурных образцов и конформных способов принятия реальности. В адаптационных стратегиях на индивидуальном и групповом уровнях проявляется сбережение минимума на фоне высокого риска потерь. Этот тип культуры формируется в противоположность культуре риска как имманентной открытости любым изменениям.

Духовная культура, ориентирующая молодого человека на высшие смыслы истины, добра, красоты, достоинства, выступает основанием духовного преобразования себя и критерием отбора соответствующих смысложизненных ценностей. Она является антиподом моральной аномии по сути, форме и степени распространения в среде молодёжи.

Культура моральной аномии как смысловая доминанта культурного пространства молодёжи представляет собой не столько конкретную ситуацию безнормности, сколько общую атмосферу нормативного релятивизма как следствия деструкции нормативности и демонтажа устойчивых норм, отказа от жёстких обязательств в пользу гибких конвенциональностей «текучего» типа, меняющихся по мере возникновения новых потребностей.

Проследим, насколько связаны в молодёжном сознании перечисленные типы культуры с архетипами в её коллективном бессознательном. (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Связь типов культуры с архетипами, %
The link between types of culture and archetypes, %

Типы культуры	Архетипы								Средние значения
	Судьбы	Добра	Совести	Правоты власти	Вины	Славы	Спасителя	Идеализации прошлого	
Духовная	67,2	61,8	62,9	28,5	51,6	66,1	59,7	76,9	59,2
Инновационная	72,9	60,3	60,0	28,6	42,5	57,5	52,9	74,8	56,2
Физического развития	71,1	64,0	59,7	29,5	47,7	61,0	60,7	77,3	58,9
Гедонистическая	72,0	59,5	53,2	28,9	44,1	57,9	50,7	73,4	54,6
Адаптационная	75,4	60,5	67,7	35,3	53,9	56,3	47,9	72,5	58,7
Моральной аномии	67,4	57,6	58,1	26,2	41,3	54,7	46,5	68,6	52,5
Средние значения	71,0	60,6	60,3	29,5	46,8	58,9	53,1	73,9	

Данные таблицы 1 подтверждают наличие связи смысложизненных ценностей с архетипами как одним из базовых элементов механизма социокультурной саморегуляции. Об этом говорят достаточно высокие средние значения связи типов культуры со всеми анализируемыми архетипами. Они распределяются в порядке убывания следующим образом: с духовной культурой (59,2%), с культурой физического развития (58,9%), с адаптационной культурой (58,7%), с инновационной (56,2%), гедонистической (54,6%), с культурой моральной аномии (52,5%). Причём наибольший уровень связи всех анализируемых типов культуры отмечается с архетипами идеализации прошлого (73,9%), судьбы (71%), добра (69,6%), совести (60,3%), славы (58,9%). В меньшей степени прослеживается связь с архетипами спасителя (53,1%), вины (46,8%), правоты власти (29,5%). Это указывает на преобладание большинством молодёжи традиционной культуры. А также существенно расширяет смысловое содержание разделяемых молодёжью типов культуры, что особенно важно для понимания не только природы смысложизненных ценностей, но и их регулятивной роли. Проанализируем для этого их связь с архетипами (см. таблицу 2).

Таблица 2 (Table 2)

Связь смысложизненных ценностей молодёжи с архетипами, %
The link between young people's life purpose values and archetypes, %

Смыслы жизни	Архетипы							
	Судьбы	Добра	Совести	Правоты власти	Вины	Славы	Спасителя	Идеализации прошлого
Стремление к истине	65,2	65,1	77,5	33,1	55,3	68,9	62,1	84,3
Любовь	74,0	73,1	76,7	32,7	54,8	69,0	71,0	86,2
Борьба за справедливость	68,1	68,3	75,2	30,0	51,1	65,1	66,9	78,8
Спокойная безбедная жизнь	74,7	65,9	75,6	35,6	52,9	71,1	66,3	82,8
Политическая борьба (за власть)	71,9	62,1	73,1	46,7	62,1	56,7	70,0	89,7
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	71,6	66,9	73,6	31,3	45,4	65,4	65,4	83,8
Продолжение себя в будущих поколениях	79,4	76,1	77,3	35,7	59,4	72,2	69,6	87,3
Средние значения	72,1	68,2	75,6	35,0	54,4	66,9	67,3	84,7

В таблице 2 полностью повторяются зависимости, выявленные в предыдущем анализе, с более высокими значениями связи смыслов жизни и архетипов. Это означает, что в механизме саморегуляции смысловых ориентиров молодёжи влияние архетипов проявляется не только благодаря связи с типами культуры, но и в результате унаследованных образов коллективного бессознательного.

Менталитет в саморегуляции смысложизненных ценностей

Рассмотрим, как влияет *менталитет* на саморегуляцию смысложизненных ценностей молодёжи, используя понятие «национальный характер» (Э. Фромм), которое, хотя и не во всём, но отражает существенные черты менталитета. Оценка связи проводилась на основе распределения ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные качества отражают национальный характер россиян?» по семибалльной шкале оценок выше средних значений (5+6+7) (см. таблицу 3).

В таблице 3 отмечается высокий уровень связи анализируемых смыслов жизни молодёжи с ментальными чертами национального характера россиян: с любовью к Отечеству (среднее значение 78,1%); с честью, достоинством (73,4%), любовью к ближним (71,9%); милосердием (61,3%), подозрительностью в отношении к лицам другой культуры, в т. ч. к иностранцам (42,4%). Это означает, что смысложизненные ценности, зарождающиеся в архетипах коллективного бессознательного россиян, воспроизводятся молодым поколением, закрепляясь в ментальных чертах его национального характера.

Таблица 3 (Table 3)

Связь смысложизненных ценностей с ментальными и современными чертами социального облика молодёжи, %

The link between life purpose values and mental and modern traits of young people's social facade, %

Смыслы жизни	Ментальные черты национального характера					Современные черты				
	Любовь к своему Отечеству	Милосердие	Честь, достоинство	Любовь к ближнему	Подозрительность в отношении к лицам другой культуры	Отношение к стране как месту проживания	Жалостливость	Неравнодушное отношение к правам человека	Рационализм	Открытость ко всему иностранному
Стремление к истине	82,0	66,7	72,1	74,3	40,5	52,7	56,3	64,4	45,1	48,7
Любовь	79,4	63,6	74,1	71,7	40,7	52,5	59,5	58,1	44,2	50,0
Борьба за справедливость	74,0	66,3	71,0	77,0	43,8	56,8	55,0	61,6	49,2	46,7
Спокойная безбедная жизнь	75,5	59,9	72,0	64,7	42,4	50,1	57,5	54,8	40,4	50,2
Политическая борьба (за власть)	78,1	50,4	78,1	78,1	34,4	49,9	46,8	68,1	50,1	37,5
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	77,5	58,8	71,8	65,1	46,7	45,6	53,4	56,7	42,3	49,3
Продолжение себя в будущих поколениях	80,6	63,7	75,1	72,3	48,6	50,3	59,3	59,7	43,5	51,8
Средние значения	78,1	61,3	73,4	71,9	42,4	52,2	55,4	60,4	44,9	47,7

Как следует из таблицы, современное понимание смыслов связано со следующими чертами молодёжи: равнодушным отношением к правам человека (60,4%); с жалостливостью, проявляющейся в сочувствии нуждающимся в помощи (55,4%); с отношением к стране как месту проживания (52,2%); толерантным отношением к другим культурам, открытостью ко всему иностранному (47,7%); рационализмом (44,9%). Хотя по уровню связи со смысложизненными ценностями современные черты молодёжи заметно уступают ментальным чертам национального характера россиян, они оказывают существенное влияние на расширение смыслового пространства её жизнедеятельности.

Учитывая, что в культурном пространстве происходит взаимное влияние и переплетение различных черт национального характера, не следует противопоставлять ментальные и современные черты, прису-

щие различным группам молодёжи. Более продуктивным представляется целостный подход, при котором в качестве фактора жизнедеятельности молодёжи выступает определённый тип культурного пространства.

Весьма примечательной, в свете обострившихся в странах Евросоюза проблем мультикультурализма, выглядит позиция российской молодёжи. Она проявилась в относительно невысоком значении связи со смысложизненными ценностями как ментальной черты национального характера – подозрительного отношения к лицам другой культуры, в т. ч. к иностранцам (42,4%), так и современной черты – толерантного отношения к другим культурам, открытости ко всему иностранному (47,7%). Иными словами, в современных условиях провозглашения мультикультурализма подозрительность к иностранцам как ментальная черта национального характера российской молодёжи снижает своё влияние на смыслы её жизнедеятельности по сравнению с другими ментальными чертами, такими как любовь к своему Отечеству и ближним, как честь и достоинство, милосердие. Вместе с тем, сталкиваясь в повседневной жизни с проявлениями разного рода межэтнических конфликтов, молодые люди, разделяющие современные черты толерантного отношения к другим культурам, не проявляют однозначной готовности принять принципы культурного плюрализма в качестве смысла своей жизни. Это свидетельствует о том, что влияние менталитета представляет собой не простую детерминацию социальных процессов, независимую от жизни и воли конкретных людей, а сопровождается осмыслением ими социальных реалий (рефлексией) на основе жизненного опыта. Тем самым подтверждаются выводы, обоснованные нами ранее, что и архетипы, и менталитет не являются неизменной монадой, а трансформируются в изменяющейся реальности при переходе от бессознательных форм к осознанным, т. е. отрефлектированным в массовом, групповом и индивидуальном сознании [Чупров и др. 2014: 63].

Габитусы в саморегуляции смысложизненных ценностей

Оценка степени связи смыслов жизни с габитусами производилась на основе распределения ответов по семибалльной шкале между рассмотренными альтернативами, где оценки выше средних значений (5+6+7 баллов) принимались за значимую степень связи со следующими диспозициями: с активной жизненной позицией; признанием себя убеждённым коллективистом; чувственностью (способностью к сопереживанию) в отношениях с другими; со стремлением к постоянству; с предпочтением уверенности и предсказуемости в моделях поведения. А оценки ниже средних значений (1+2+3 балла) принимались за значимую степень связи с пассивной жизненной позицией – с признанием себя убеждённым индивидуалистом, с расчётливостью в отношениях с другими, со стремлением к изменению, с предпочтением экстрима и риска (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Связь смыслов жизни молодёжи с габитусами, %*
The link between young people's life purposes and habitus, %

Смыслы жизни	Габитусы									
	Активная/ пассивная жизненная позиция		Убежденный коллективист/ убежденный индивидуалист		Чувственность/ расчётливость		Постоянство/ изменение		Предсказуемость/ экстрим и риск	
	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3
Любовь	83,7	5,6	50,4	22,3	65,1	12,2	67,1	18,1	66,1	15,6
Спокойная безбедная жизнь	76,4	7,6	43,7	25,9	50,8	26,3	67,8	29,4	66,7	13,8
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	79,9	5,4	43,7	32,2	52,0	21,1	60,8	24,2	56,1	25,2
Продолжение себя в будущих поколениях	81,4	4,8	50,9	21,7	59,7	18,1	70,4	15,8	63,7	15,4
Стремление к истине	80,6	3,6	49,6	28,0	59,4	16,3	63,5	23,5	58,1	18,5
Борьба за справедливость	79,8	6,0	56,8	23,1	65,2	17,7	63,2	21,4	66,5	20,2
Политическая борьба (за власть)	90,7	6,2	68,8	12,4	58,5	28,0	50,0	40,6	59,4	25,0
Средние значения	81,8	5,6	52,0	23,8	58,7	19,9	63,2	24,7	62,4	19,1

*Меньше 100%, т. к. не учитывались средние значения (4 балла).

Анализ данных, представленных в таблице 4, позволяет сделать однозначный вывод о наличии устойчивой связи смысложизненных ценностей молодёжи с рассматриваемыми габитусами. Причём по всем анализируемым смыслам жизни доминируют оценки связи с диспозициями выше средних значений. Это означает, что определение молодым человеком смысла собственной жизни сопровождается формированием поведенческой предрасположенности (диспозиции), в которой преобладающую роль играют активность его жизненной позиции (среднее значение 81,8%); стремление к постоянству в определении жизненной стратегии (63,2%); уверенность и предсказуемость в выборе моделей поведения (62,4%); чувственность в отношениях с другими (эмпатия) (58,7%); коллективизм (52%). То есть, в совокупной структуре габитуса, «порождающего и организующего практики и представления, объективно приспособленные для достижения определённых результатов» (П. Бурдьё), в нашем случае – для реализации смыслов жизни, чётко прослеживается доминанта традиционных ценностей.

Наибольшую роль в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи играет связь смыслов жизни со следующими диспозициями: *политической борьбы (за власть)* – с активной жизненной позицией (90,7%)

и с коллективизмом (68,8%); *любви как смысложизненной ценности* – с активной жизненной позицией (83,7%), со стремлением к постоянству в определении жизненной стратегии (67,1%), с уверенностью и предсказуемостью в выборе моделей поведения (66,1%) и с чувственностью (способностью к сопереживанию) в отношениях с другими (65,1%); *продолжения себя в будущих поколениях* – с активной жизненной позицией (81,4%) и со стремлением к постоянству (70,4%); *спокойной, безбедной жизни* – с активной жизненной позицией (76,4%), со стремлением к постоянству (67,8%) и с предсказуемостью в выборе моделей поведения (66,7%); *стремления к истине* – с активной жизненной позицией (80,6%); *проявления своей индивидуальности* – с активной жизненной позицией (79,9%); *борьбы за справедливость* – с активной жизненной позицией (79,8%). Как видно, в анализируемой связи смысложизненных ценностей с габитусами определяющая роль в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи принадлежит активной жизненной позиции.

Альтернативные диспозиции заметно уступают по уровню связи со смысложизненными ценностями. Каждый четвёртый респондент связывает смысл своей жизни с постоянным изменением (24,7%), и с индивидуализмом (23,8%), а каждый пятый – с расчётливостью в отношениях с другими (19,8%), а также с экстримом и риском в моделях поведения (19,1%). Однако игнорировать роль этих диспозиций в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи не следует. Базирующиеся на современных ценностях, они оказывают значимое влияние на формирование новых форм жизнедеятельности молодёжи, определяя тем самым современную направленность её развития.

Заключение

Саморегуляция смысложизненных ценностей как неотъемлемой части культурного пространства молодёжи представляет собой бесконечный процесс переформатирования. При этом, что в них преобладают закреплённые в процессе социализации базовые традиционные смыслы, под влиянием изменяющейся реальности активно формируются новые, современные. Ориентируясь на традиционные и/или современные смыслы, молодёжь приспособливает меняющуюся реальность под свои потребности. В современных условиях роль этих смыслов прагматизируется, подвергаясь общей тенденции рационализации. А гибридизация смыслов, с одной стороны, делает культурное пространство эклектичным, а с другой – связывает различные смыслы, дефрагментируя его.

В механизме отбора смысложизненных ценностей, их саморегуляции существенную роль играют базовые основания культуры, не только рационально осмысливаемые, но и воспроизводимые бессознательно. Роль бессознательного в социокультурном механизме саморегуляции смысложизненных ценностей имеет большое значение для понимания объективного характера смысложизненных ориентиров как оснований для формирования социальных ожиданий молодёжи, адресуемых ею

разным объектам реальности, с которыми она взаимодействует в процессе интеграции в общество. Ставшие результатом влияния глубинных социокультурных оснований, жизненные смыслы разных групп молодёжи являются данностью, с которой нельзя не считаться в реализации государственной молодёжной политики.

Библиографический список

Абакумова И. В., Савченко Н. А. 2008. Профессиональные диспозиции как компонент личностного становления // Российский психологический журнал. Том 5. № 1. С. 23–32.

Александрова Г. Г. 2012. К проблеме психологического содержания понятий «совесть» и «совестливость» // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 154. Кн. 6. С. 200–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-probleme-psihologicheskogo-soderzhaniya-ponyatiy-sovest-i-sovestlivost>. (Дата посещения: 01.11.2019).

Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. 2006. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. № 6. С. 26–37.

Голосовкер Я. Э. 2010. Избранное. Логика мифа. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa> (Дата посещения: 01.11.2019).

Гуревич А. Я. 1993. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик. 328 с.

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. 2019. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодёжи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики / Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. Сер. «Демография. Социология. Экономика». М: Экон-информ. С. 15–35.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. 2018. Смысложизненные ценности в культурном пространстве молодёжи // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3 // URL: <http://research-result.ru/journal/annotation/1492/> (Дата посещения: 01.11.2019).

Леонтьев Д. А. 2003. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд. М.: Смысл. 487 с.

Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / [А. В. Лубский, Ш. М. Атоян, А. А. Беспалова и др.]; отв. ред. А. В. Лубский; Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения. Р.-н-Д.: Фонд науки и образования, 2016. 391 с.

Минюшев Ф. И. 2004. Социология культуры. М: Академический проект. 272 с.

Морозов Н. М. 2014. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии. Кемерово: Практика. 401 с.

Никитина С. Е. 1994. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука. 1 полугодие. 320 с.

Олпорт Г. 2002. Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. 464 с.

Омельченко Е. Л. 2019. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 3–27. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/611> (Дата посещения: 02.11.2019).

Орлова Т. Г., Никулина Е. Ф. 2016. Выражение добра и зла в английских и русских пословицах как отражение менталитета английского и русского народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-dobra-i-zla-v-angliyskih-i-russkih-poslovitsah-kak-otrazhenie-mentaliteta-angliyskogo-i-russkogo-narodov> (Дата посещения: 09.09.2019).

Руткевич М. Н. 1991. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. СП ИВО-Сид. С. 5–22.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979. 264 с.

Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. 2005. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб.: Питер. 267 с.

Сорокин П. А. 2000. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ. 1056 с.

Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. 270 с.

Таршис Е. Я. 2012. Ментальность человека: подходы к концепциям и постановка задач исследования. М.: Либроком. 88 с.

Тощенко Ж. Т. 2011. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализ). М.: Новый Хронограф. 552 с.

Традиция и инновация в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия. 2008. 541 с.

Цивьян Т. В. 1994. Человек и его судьба – приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука. С. 122–129.

Чупров В. И. 2018. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. Том 7. № 4. С. 13–25.

Чупров В. И., Зубок Ю. А. 2013. Социокультурный механизм формирования отношения к образованию // Социологические исследования. № 1. С. 78–90.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. 2014. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма. 352 с.

Шихирев П. И. 1973. Исследования социальной установки в США // Вопросы философии. № 4. С. 47–53.

Шюц А. 1988. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. № 2. С. 129–137.

Юнг К. Г. 1991. Архетип и символ. М.: Ренессанс. СП ИВО-СиД // URL: https://www.phantastike.com/archetype/arhetip_i_simvol/zip/ (Дата посещения: 17.09.2019).

Юнг К. Г. 2013. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: Канон+, Реабилитация. 320 с.

Giddens A. 1991. *Modernity and self-Identity. Self and society in the late modern age.* Oxford: Polity. 37 p.

Giddens A. 1994. *The Consequences of Modernity.* Cambridge: Polity Press. 186 p.

Статья поступила: 03.11.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space

Yulia A. Zubok

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: uzubok@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3108-2614

Vladimir I. Chuprov

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: chuprov443@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7881-9388

For citation: Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Abstract. Young people's transitioning into adulthood is accompanied by their inclusion into society's socio-cultural context, together with the development of their own cultural models and interaction practices. Youth cultural space develops as a result of layered connections between young people and culture in general – elements of which are simultaneously inherited and altered by them – as well as subculture models, which emerge in the realm of intra-group interactions, i.e. within youth communities. During the dialectical process of inheritance, denial and construction, young people obtain their own social-group characteristics. In turn their cultural space is distinguished by features which differentiate their activities from other social groups. In modern society youth cultural space is very much a self-regulating realm, within which occurs the development and construction of the most important values which then become the foundation for purpose in life. Base culture plays an essential role in shaping purpose, with its models – contained within the collective unconscious – being directly linked to historic memory. Historic memory, reflected in archetypal and mental structures, influences the content of life purpose values. Engraving itself into

habitus during the habitualization process, it becomes the basis for purpose which defines the direction for behavioral predispositions. Together with historic memory, youth life purpose values are significantly influenced by everyday knowledge and experience, which accumulate as a result of young people interacting with others participating in the development of cultural space. In order to confirm self-regulation of youth life purpose values as a holistic process, this article analyzes the connection between young people's concepts on the meaning of life and various types of culture, archetypes, mentality, habitus. This was facilitated by the fact that the article presents results of developing a cultural space typology, of highlighting – based on analyzing existing approaches towards studying the unconscious – the most common archetypes, mental and modern features of national character, habitual attitudes. Analyzing their relationship allowed for tracing the influence of each on the development of young people's purposes in life during the self-regulation process. The article substantiates the conclusion – drawn as a result of analyzing how life purposes are connected with types of culture and archetypes – that young people for the most part accept traditional culture, which defines the general direction for the development of meaning in their lives. Based on analyzing the connection between life purpose values and mental, modern features of national character, the study reveals the dialectics of “traditional” and “contemporary” in the altering of meanings in young people's lives. Analyzing the connection between life purpose values and habitus allows us to consider the modification (hybridization) of meanings in the process of developing behavioral inclinations among young people in terms of self-regulating their living activity. Therefore self-regulation of young people's life purpose values appears to be a dynamic process which fills their lives with new meanings in an evolving cultural space.

Keywords: sociology, Russia, youth, culture, values, the meaning of life, understanding, behavior, development.

References

Abakumova I.V., Savchenko N.A. Профессиональные диспозиции как компонент личностного становления. *Rossijskiy psihologicheskiy zhurnal = Russian Psychologies Journal*, 2008; 5; 1: 23–32 (In Russ.).

Aleksandrova G. G. К проблеме психологического содержания понятий «совесть» и «совестливость». *Uchionye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. = Humanitarian sciences*, 2012; 154; 6: 200–210 (In Russ.).

Chuprov V.I. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма. *Gumanitarniy Yuga Rossii = South Russia Humanities*, 2018; 7; 4: 13–25 (In Russ.).

Chuprov V.I., Zubok J.A. Социокультурный механизм формирования отношения к образованию. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2013; 1: 78–90 (In Russ.).

Chuprov V.I., Zubok J.A., Romanovich N.A. Attitude to social reality in Russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Norma, 2014: 352 (In Russ.).

Civ'yan T. V. Human being and its fate – reprimand in the model of peace. In: *Ponyatie sud'by v context raznykh cul'tur*. Moscow: Nauka, 1994: 122–129 (In Russ.).

Giddens A. *Modernity and self-Identity. Self and society in the late modern age*. Oxford: Polity, 1991: 37.

Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: PolityPress, 1994: 186.

Golosovker Y.E. *Favourites. Logic of the myth*. Moscow, Saint-Petersburg: CHI publ., 2010 (In Russ.).

Gurevich A.Y. *Historical Synthesis and Annals School*. Moscow: Indrik, 1993: 328 (In Russ.).

Leontiev D.A. *Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Sense Reality*. Moscow: Smysl, 2003: 487 (In Russ.).

Mental programs and models of social behavior in Russian society. Lubskiy A.V. et al. Rostov-on-Don: Foundation of education and science, 2016: 391 (In Russ.).

Minyushev F.I. *Sociology of Culture*. Moscow: Akademicheskyy proekt, 2004: 272 (In Russ.).

Morozov N.M. Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the XX-XXI centuries in Russian historiography. Kemerovo: Praktika, 2014: 401 (In Russ.).

Nikitina S. E. The concept of fate in the Russian national consciousness (on the material of oral texts). Moscow: Nauka, 1994: 320 (In Russ.).

Olport G. *Personality Formation: Selected Works*. Moscow: Smysl, 2002 (In Russ.).

Omelchenko E.L. Is Russia 's Case of Transformation of Youth Cultural Practices Unique? Monitoring obshchestvennogo mneniya: *Economicheskies i social'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social change*, 2019; 1: 3–27 (In Russ.).

Orlova T.G., Nikulina E.F. Выражение добра и зла в английских и русских пословицах как отражение менталитета английского и русского народов. 2016. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. // Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-dobra-i-zla-v-angliyskih-i-russkih-poslovitsah-kak-otrazhenie-mentaliteta-angliyskogo-i-russkogo-narodov> (accessed: 09.09.2019). (In Russ.).

Rutkevich M.N. Life and views of K. G. Jung. In: Young K.G. Arhetip i simvol. Moscow: Renessans, 1991: 304 (In Russ.).

Shihirev P.I. Research of social attitudes in the USA. Voprosy filosofii = Philosophical Studies, 1973; 4: 47–53 (In Russ.).

Shutz A. Structure of daily thinking. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 1988; 2: 129–137 (In Russ.).

Sikevich Z.V., Krokinskaya O.K., Possel' Y.A. Social unconscious: sociological and socio-psychological aspects. Saint-Petersburg: Piter, 2005: 267 (In Russ.).

Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: research of changes in big systems of art, truth, ethics, law and social relations. Saint-Petersburg: RHGI, 2000: 1056 (In Russ.).

Tarshis E. Y. Human Mentality: Approaches to Concepts and Setting Research Objectives. Moscow: Librokom, 2012: 88 (In Russ.).

Toshchenko Zh.T. Kentavr-problem. Moscow: Novy Khronograf, 2011: 552 (In Russ.).

Vishnevsky Y.R., Shapko V.T. Paradoxical young person. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2006; 6: 26–37 (In Russ.).

Young K.G. Archetype and symbol. Moscow: Renessans, 1991: 304 (In Russ.).

Young K.G. Psychology of unconscious. Moscow: Kanon+, Reabilitaciya, 2013: 320 (In Russ.).

Zubok J.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S. Self-organization in the mechanism of youth self-regulation. In: Molodiozh' i molodiozhnaya politika: novye smysly i praktiki. Ed. by S.V. Riazantsev, T.K. Rostovskaja. Moscow: Econ-inform, 2019: 15–35 (In Russ.).

Zubok J.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S. Life values in the cultural space of young people. Nauchny rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie, 2018; 4; 3. (In Russ.).

Self-regulation and prediction of individual social behaviour. Ed. by V.A. Yadov. Leningrad: Nauka, 1979: 264 (In Russ.).

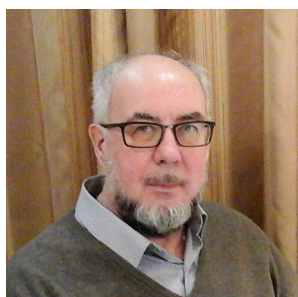
The article was submitted on: November 03.2019

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ЦЕННОСТИ И ИХ ФОРМИРОВАНИЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.615

Конкуренция как ценность работающей молодёжи Тюменской области

Ссылка для цитирования: *Немировский В. Г., Мальцева А. В.* Конкуренция как ценность работающей молодёжи (на материалах социологических исследований в Тюменской области) // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.615
For citation: Nemirovskiy, V. G., Maltseva, A. V. Competition as a value of working youth in the Tyumen region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.615

Немировский Валентин Геннадьевич

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

valnemirov@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [394256](#)

Мальцева Анна Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

annamaltseva@rambler.ru

AuthorID РИНЦ: [376273](#)

Конкуренция как ценность работающей молодёжи Тюменской области

Аннотация. Целью настоящей статьи¹ является анализ отношения работающей молодёжи к конкуренции как одной из наиболее значимых ценностей современного российского общества. Ценностные ориентации работающей молодёжи сформировались уже в условиях преобладания в российском обществе рыночной экономики, в функционировании которой конкуренция играет важнейшую роль. Тем не менее отношение молодёжи к ней в последние годы практически не изучалось. Теоретико-методологической основой статьи выступает социально-конструктивистский подход. Эмпирическая основа исследования – анкетный опрос работающей молодёжи Тюменской области (N = 956), занятой в 20-ти организациях городов Тюмень, Тобольск, Ишим. В статье рассматривается оценка молодёжью понятия «конкуренция» методом семантического дифференциала с помощью специально разработанных десяти антиномичных шкал, а также её конкурентоспособность, выявляемая методом самооценки. На вербальном уровне у респондентов доминирует отношение к конкуренции как значимой, но безнравственной, дискомфортной и неприятной. Выявлено противоречие между вербальными оценками понятия «конкуренция» и результатами, полученными с помощью факторного анализа. Установлено, что более значимый фактор характеризует полную интернализацию респондентами конкуренции как одной из важнейших ценностей современной жизни, одобрение её как механизма достижения жизненного успеха. Существенно менее значимый фактор выражает переменную, которая описывает позитивное отношение работающей молодёжи к конкуренции, в первую очередь, как к полезной, необходимой и эффективной. Также использованы методы кластерного и корреляционного анализа. В частности, в статье показаны корреляции оценок отдельных шкал семантического дифференциала с самооценкой конкурентоспособности респондентов. Установлено, что эффективнее участвуют в конкуренции те работающие юноши и девушки, которые не рассматривают её в контексте принципов морали, кого не волнует честность конкурентной борьбы. Представляется целесообразным в дальнейших исследованиях проанализировать её место в общей структуре базовых ценностей современной работающей молодёжи.

Ключевые слова: конкуренция как ценность, работающая молодёжь, общество травмы, «семантический дифференциал»

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Код проекта 28.2941.2017/4.6.

Конкуренция выступает одной из основополагающих ценностей в обществе, основанном на экономике рыночного типа. Уже почти три десятилетия официально осуществляется транзит нашей страны в данном направлении. Произошедшие в результате этого перемены в экономической, социальной, политической и идеологической сферах актуализируют изучение современного состояния ценностной системы российского общества. Совершился достаточно болезненный для большинства населения страны процесс трансформации ценностных приоритетов, по сути означающий переход от общества коллективистского типа (которым, хотя и с определёнными натяжками, можно было назвать Советский Союз), к индивидуалистическому, что подтверждают многочисленные социологические исследования (М. К. Горшков, И. М. Кузнецов, Н. И. Лапин, В. С. Магун, М. Г. Руднев, Н. Е. Тихонова и др.).

Одними из наиболее показательных в этой ситуации являются метаморфозы, произошедшие с ценностью «конкуренция». В государстве, которое было принято называть «социалистическим», официально роль конкурентной борьбы играло «социалистическое соревнование», хотя по своим формам и результатам оно не могло даже отдалённо сравниться с механизмами и последствиями капиталистической конкуренции в современных российских реалиях.

Впрочем, капиталистическим в традиционном понимании современное российское общество тоже назвать достаточно сложно. На наш взгляд, весьма исчерпывающе характеризует его Ж. Т. Тощенко как «общество травмы» [Тощенко 2018: 10–31]. К его особенностям, препятствующим реализации ценности «конкуренция», можно отнести отсутствие достаточного количества эффективных социальных лифтов, активное использование социальными акторами разного рода «теневых» конкурентных ресурсов и др. Распространение в обществе индивидуалистической, потребительской идеологии также влияет на формирование отношения к конкуренции у россиян. В результате возникает весьма своеобразная конкурентная среда. Со стороны некоторой части населения, прежде всего – представителей старших возрастных групп, чья ценностная система сложилась ещё в условиях «социализма» и не всегда полностью адаптировалась к современным условиям, – подобная ситуация может вызывать определённое недовольство. На всё это «накладывается» специфика поколенческих различий, связанных с особенностями миллениалов («Y») и центениалов («Z»).

При этом в последнее десятилетие «конкурентоспособность» молодежи и её формирование выдвигаются в число наиболее важных государственных задач образовательной и молодёжной политики. На наш взгляд, именно работающая молодёжь, сформировавшаяся в новых общественных реалиях, является ярким носителем новой системы ценностей, что делает изучение её отношения к конкуренции как ценности особенно актуальным. Целью настоящей статьи является анализ отношения работающей молодёжи к конкуренции как одной из наиболее значимых ценностей современного российского общества. Соответственно, *проблему*

исследования мы видим в противоречии между официально декларируемой социальной значимостью воспитания у современной молодежи позитивного отношения к конкуренции, нацеленностью на это системы общего и профессионального образования и отсутствием достоверной информации об отношении молодежи к конкуренции как ценности.

Обзор литературы

В современной отечественной социологии существует значительное число исследований, посвященных конкурентоспособности различных категорий молодежи [Радаев 2008; Резник и др. 2018; Шафранов-Куцев, Ефимова 2018] и др. Этого нельзя сказать об анализе отношения молодых людей к конкуренции как ценности.

Одно из представительных исследований показало, что понятие «конкуренция» вызывает у многих респондентов неоднозначные чувства и эмоциональные оценки. Доля ответивших, что понятие «конкуренция» вызывает у них «скорее положительные» чувства, составила 44%. При этом «кластерный анализ ответов на вопрос об отношении молодежи к предложенным понятиям позволил выделить ценности, близкие друг другу по эмоциональному восприятию – с одной стороны, это традиционные ценности (Родина, Россия, традиция и т. п.), с другой – либеральные (бизнес, предприниматель, рынок, конкуренция и др.)» [Социальная активность... 2008: 7–8]. Как видим, в массовом сознании молодежи ценность «конкуренция» прочно ассоциируется с либерально-рыночным устройством общества.

М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги на основании всероссийских исследований делают вывод, что «у современной молодежи в значительно большей степени, по сравнению со старшим поколением, развиты достигательные мотивации, что соответствует типу личности, готовой к индивидуальному риску в условиях конкурентной среды» [Горшков, Шереги 2010: 182].

Региональные исследования среди молодежи демонстрировали в целом похожую картину. В частности, ею «не особенно поддерживаются элементы конкуренции. Лишь 20,7% полагают, что трудовая состязательность, борьба способностей важнее взаимопомощи и поддержки в труде. Можно предполагать, что в реальной трудовой деятельности молодежь мало озабочена конкуренцией, вне зависимости от того, где она работает: на частных или государственных предприятиях» [Петров 2008: 85].

Тем самым, десятилетие назад отечественная молодежь ещё не рассматривала «конкуренцию» как одну из своих основополагающих ценностей, отдавая предпочтение ценностям нерыночного, антилиберального характера. Безусловно, основными причинами этого является целый ряд социокультурных факторов: «И сегодня в российском обществе (экономике, науке, социальной жизни) успех, а, соответственно, доходы, соци-

альное положение, влияние и авторитет не определяются образованием, личной компетенцией, квалификацией. Иными словами, «достоинства» определяются чиновниками или иерархией (чтобы заслужить их поддержку, надо приспособливаться), а не более сложными системами квалификации и стимулирования – открытым рынком, профессиональным сообществом, обществом в широком смысле слова, его разветвлёнными и многократно опосредованными связями. Отсутствие реальной конкуренции и соперничества за общественное признание компенсируется соперничеством за признание власти (в лице начальника или чиновника), пустым (не порождающим новых смыслов) самоутверждением, коррупцией и снижением продуктивности работы в любых областях занятости. Иначе говоря, работает механизм приспособления, понижающей адаптации, а не развития и повышения качества труда, достижения высоких целей, инновационности» [Гудков и др. 2011: 15].

Данная ситуация в известной мере связана с ослаблением роли ценностей, присущих традиционной российской культуре, опирающихся на коллективизм, за счёт усиления прагматических ценностей индивидуализма, среди которых важную роль играет конкуренция. В конечном итоге это одно из проявлений состояния аномии в российском обществе.

Ситуация в современной зарубежной научной литературе во многом аналогична отечественной: публикации, посвящённые эмпирическому анализу отношения респондентов к «конкуренции» как ценности, достаточно редки. Между тем довольно широко распространены исследования «конкурентоспособности», причём, как правило, с позиций экономической науки.

Во многом по причине своей взаимосвязи с эффективностью работы различных организаций ещё в 1980–90-е гг. термин «конкурентоспособность» стал одним из наиболее «модных» концептов в социоэкономических исследованиях. Авторы приходят к выводу: вместо того, чтобы верить в конкуренцию или критиковать её как продукт неолиберальной идеологии, нам следует более подробно изучить долгосрочную институционализацию современных форм конкуренции в различных областях общества [Bhawsar et al. 2015]. Неслучайно контент-анализ определений конкурентоспособности показал, что это понятие тесно связано с уровнем развития экономики как на уровне отдельной организации, так и страны в целом [Olczyk 2016].

Известный международный научный журнал посвятил специальный выпуск проблеме социологии конкуренции [Journal of Social... 2015]. Примечательно также, что Т. Веррон, опираясь на социологическую теорию Г. Зиммеля, предлагает базовое понимание конкуренции и на основании её анализа приходит к выводу, согласно которому на смену веры в конкуренцию или её критики как продукта неолиберальной идеологии, должна прийти необходимость более подробного изучения долгосрочной институционализации её современных форм в различных социальных сферах [Werron 2015].

Тем более важной выступает работа, согласно выводам которой «...ценности и взгляды людей на конкуренцию сильно различаются: от убеждения в том, что она лежит в основе общественного порядка, до убеждения, что она разъедает позитивные социальные связи» [Hayward et al. 2007: 364]. Используя данные из World Values Survey, её авторы раскрывают структурные и культурные корни отношения к конкуренции в разных обществах и делают прогнозы, опирающиеся на ряд социальных теорий (марксизм, системное обоснование, протестантская этика, постматериализм и индивидуализм). В частности, «результаты показывают, что положительное отношение к конкуренции, выраженное в соответствующих ценностях, напрямую связано с протестантизмом, как на уровне индивидуальной принадлежности, так и культурной истории религии» [Hayward et al. 2007: 385–386]. М. Дойч различает «деструктивную» и «конструктивную» конкуренцию, когда в последнем случае проигравшие не осознают, что находятся в лучшем положении, или, по крайней мере, не хуже, чем они были перед соревнованиями [Deutsch 2006].

Учитывая наш ракурс рассмотрения данной темы, несомненный интерес представляет изучение конкурентоспособности сотрудников в единстве её двух аспектов: «отношения к конкурентному поведению и самого поведения, представляющего конкуренцию» [Wang et al. 2018].

Авторы предлагают «динамическую модель с двумя отдельными компонентами: «конкурентное отношение и конкурентное поведение». Проведённые ими исследования «подтверждают двухкомпонентную динамическую модель, сочетающую конкурентное отношение и поведение, которая помогает понять динамику конкуренции и её последствия на индивидуальном уровне». На наш взгляд, компоненты «конкурентное отношение» и «конкурентное поведение» в известной мере соответствуют дихотомии «конкурентоориентированность и конкурентоспособность», анализу которых, как отмечалось выше, посвящено значительное число публикаций в отечественной социологии.

Используя методику Ш. Шварца, Яворек исследует две системы ценностей сотрудников организации: индивидуальные и организационные, с акцентом на их различия. Автор делает акцент на анализе таких ценностей, как сотрудничество и конкуренция. Отмечается, что у сотрудников организации «конкуренция между собой приводит к нечестности, неискренности и неискренности к другим» [Jaworek 2014: 212].

Согласно полученным результатам, «... конкуренция воспринимается как ценность, необходимая в организации, но в индивидуальной системе ценностей она оценивается очень низко (ниже только такая ценность, как «жертва»). Возникают две проблемы. Во-первых, существует разрыв между организационным и индивидуальным уровнями в отношении конкуренции. С другой стороны, конкуренция на обоих уровнях связана, среди прочего, с властью, социальной властью и, прежде всего, – на организационном уровне отрицательно с честностью» (! – В. Н., А. М.) [Jaworek 2014: 217].

Немалое место в зарубежных исследованиях аттитудов респондентов к конкуренции занимают гендерные аспекты [Buser et al. 2014; De Paola et al. 2015; Gneezy et al. 2003].

Как видим, в ряде современных международных публикаций установлено неоднозначное отношение различных категорий работающих респондентов к ценности «конкуренция»; в значительной мере она, как и её последствия, воспринимается негативно. Учитывая тот факт, что современное российское общество по своей социально-экономической сути весьма близко к тем странам с рыночной экономикой, где проводились цитированные исследования, логично предположить, что во многом схожее отношение к ней присутствует и у российского населения, в данном случае – у работающей молодёжи, которая выросла в условиях доминирования в нашей стране рыночных отношений.

Теоретические подходы

В отечественной социологической литературе практически отсутствуют публикации, посвящённые исследованиям отношения молодёжи к конкуренции как ценности, проведённым в последние годы. Нам представляется очевидным, что для социологического анализа отношения к ценности конкуренции определённой общественной группы (в данном случае – работающей молодёжи) более близкими к социологическому дискурсу являются социально-психологический и психологический подходы, которые позволяют выявить мотивацию и иные личностные структуры, способствующие успешной конкуренции и высокой конкурентоспособности социальных акторов. См., например, содержательные работы Ключевой [Klyueva 2016]; Шмелева [Шмелев 2014а, 2014б] и др.

В соответствии с предметом нашего исследования мы рассматриваем *конкуренцию* с позиций социологии как соперничество социальных акторов (индивидов или общественных групп) в различных сферах общественной жизни за обладание статусом, ресурсами, благами и проч.

Под *конкурентоспособностью* мы понимаем «...интегральный показатель, выражающий способность социального актора эффективно реализовать свои цели в обществе по сравнению с другими социальными акторами» [Немировский, Немировская 2018: 138].

Изучение ценностей в массовом сознании респондентов имеет давнюю традицию как среди социологов, так и представителей смежных дисциплин (прежде всего, психологии и социальной психологии), однако её анализ не входит в нашу задачу. Среди родоначальников конструктивистского подхода, на который мы опираемся в изучении отношения респондентов к ценности «конкуренция», в социологии и социальной психологии широко известны Дж. Келли и Дж. Раскин.

Согласно ёмкой характеристике Ж. Т. Тощенко, суть «социологического конструктивизма» состоит в том, что он анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь во всём её многооб-

разии. При конструктивистском подходе существенными оказываются модусы времени – прошлое, связанное с категорией «значение»; настоящее, представленное в ценности; будущее, выраженное в цели. Такой подход реализует единство и взаимосвязь объективного и субъективного, макро-, мезо- и микроанализ социальной реальности, объективно-предметный и субъективно-ценностный подходы» [Тощенко 2016: 31].

С позиций социального конструктивизма ценность «конкуренция» выступает как конструкт, который может быть эффективно исследован с помощью системы биполярных шкал, построенных на основе анализа массового сознания респондентов. Данный конструкт во многом обусловлен социально-экономической ситуацией в обществе, его спецификой как «общества травмы» и проч. Можно выдвинуть следующую **исследовательскую гипотезу**: в массовом сознании работающей молодёжи Тюменской области позитивное отношение к конкуренции как ценности сочетается с её неприятием.

Методика исследования¹

Анкетный опрос, лежащий в основе данного исследования, проводился весной 2017 г. сотрудниками учебно-научной социологической лаборатории ТюмГУ. Была использована целевая квотная стратифицированная выборка. Репрезентативность определялась на основе следующих признаков: пол, возраст, форма собственности предприятия, среднемесячная заработная плата. Опрашивались молодые сотрудники 20-ти организаций (по месту работы респондентов), которые относятся к основным отраслям экономики Тюменской области и находятся в крупном, среднем или малом городе (Тюмень, Тобольск, Ишим), а также сельской местности. N = 956 чел. Структура выборки по полу: 57% мужчин и 43% женщин, средний возраст составлял 26,8 года. По стажу работы: общий стаж – 6,1 года, в данной профессии – 4,5 года, в конкретной организации – 3,4 года. По уровню образования: неполное среднее – 1,5%, среднее общее – 4,5%, начальное профессиональное – 2,5%, среднее профессиональное – 16,5%, незаконченное высшее – 8,3%, высшее (специалист, бакалавр, магистр) – 63,6%, послевузовское (второе высшее, аспирантура) – 3,1%. Обработка данных выполнена в пакете SPSS IBM Statistics 20.

Для анализа отношения работающей молодёжи к конкуренции как ценности использовался метод семантического дифференциала (СД). В процессе разработки инструментария были проведены интервью с представителями работающей молодёжи с целью выявления в их массовом сознании преобладающих оценок конкурентоспособности, которые легли в основу десяти антиномичных шкал «Семантического дифференциала».

Было предложено: «Пожалуйста, оцените понятие «конкуренция» по следующим шкалам. Выберите одно значение в каждой строке» (см. таблицу 1).

¹ В разработке инструментария исследования принимали участие сотрудники настоящего проекта.

Таблица 1 (Table 1)

Набор шкал СД, использованных для оценки понятия «конкуренция»
A set of SD scales used to evaluate the concept of "competition"

Полезна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Вредна
Честна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Нечестна
Прибыльна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Неприбыльна
Эффективна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Неэффективна
Нужна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Не нужна
Приятна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Неприятна
Моральна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Аморальна
Комфортна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Некомфортна
Справедлива	3	2	1	0	-1	-2	-3	Несправедлива
Явна	3	2	1	0	-1	-2	-3	Скрыта

Конкурентоспособность респондентов анализировалась методом оценки по десятибалльной антиномичной шкале, один из полюсов которой выражает формулировка: «Как правило, я всегда успешно побеждаю всех своих конкурентов», а другой – «Мне очень редко удаётся выходить победителем в конкуренции».

Отношение молодёжи к конкуренции

При общей слабоположительной средней оценке по всем шкалам, составляющей 0,9508, отчётливо выявились две группы шкал: с высокими оценками и низкими. Наиболее высокие оценки были получены по шкалам: полезность (2,0012), нужность (1,9300), эффективность (1,6505), прибыльность (1,0224), явность (0,9821). Минимальные: комфортность (0,2002); приятность (0,2777); справедливость (0,3740), честность (0,4805), моральность (0,5892). Первая группа шкал с наиболее высокими оценками демонстрирует нам существующее в массовом сознании респондентов рациональное отношение к профессиональной конкуренции как в целом целесообразной, вторая – с низкими оценками – группирует эмоционально-нравственные аспекты этого отношения. Следовательно, конкуренция для многих молодых работающих жителей Тюменской области на вербальном уровне выступает **социально значимой ценностью**, которая при этом характеризуется как **безнравственная, дискомфортная и неприятная**.

На уровне массового бессознательного респондентов была установлена во многом иная картина. Использование факторного анализа (метод вращения Варимакс) обнаружило две латентные переменные в структуре отношения респондентов к понятию «конкуренция».

Первый фактор, имея коммуналитет 44,8%, описывает позитивное эмоционально-нравственное восприятие респондентами конкуренции как феномена комфортного, соответствующего нормам морали, справедливого, приятного, честного, открытого и при этом отчасти прибыльного.

Второй фактор характеризует довольно слабую переменную (14,32%), которая описывает отношение работающей молодёжи к конкуренции как, в первую очередь, полезной и необходимой, а также эффективной.

Как видим, оба фактора показывают позитивное отношение современной работающей молодёжи к конкуренции. При этом между ними имеются некоторые различия. Если первый, существенно более значимый фактор, на наш взгляд, свидетельствует о полной интернализации респондентами конкуренции как одной из важнейших ценностей современной жизни, одобрении её как механизма достижения жизненного успеха, вызывающего положительные эмоции и соответствующего их представлениям о честности и справедливости, то второй раскрывает отношение современной работающей молодёжи к конкуренции просто как к логичному и удобному способу достижения своих целей.

Для уточнения структуры установок/понятий, свидетельствующих о содержательной стороне характеристик конкурентоспособности в сознании работающей молодёжи использован метод иерархического кластерного анализа. Такой подход позволяет получать максимально корректный результат по итоговому числу кластеров.

Было выделено два базовых кластера. Один из них сформирован объединением шкал «полезна/вредна» и «нужна/не нужна» (т. е. респонденты, которые отвечали «полезен» также отвечали и «нужна», а респонденты, которые отвечали «вредна» отвечали «не нужна»; т. к. шкалы объединились в кластер, значит, что респонденты одинаково практически близко ставили метки по этим двум шкалам). К этому кластеру также примыкают в порядке увеличения расстояния переменные «эффективна/неэффективна» и «прибыльна/неприбыльна». Этот кластер, на наш взгляд, в сознании респондентов в наибольшей степени аналогичен понятию целесообразности.

Второй кластер, в свою очередь, состоит из трёх кластеров более низкого уровня. К первому подкластеру отнесены сначала шкалы «моральна/аморальна» и «комфортна/некомфортна». Затем к нему добавилась переменная «приятна/неприятна». Второй подкластер представляет собой консолидацию шкал «честна/нечестна» и «справедлива/несправедлива». Третий подкластер представлен переменной «явна/скрыта».

Во втором кластере отразились эмоциональные оценки понятия конкуренция. Модальность этих оценок более разнородна. В первую очередь объединились наиболее близкие шкалы 1 и 5, далее к ним присоединилась шкала 4, на 3-й итерации в один кластер объединились шкалы 7 и 8 и пр.

Выявлены значимые коэффициенты корреляции между самооценкой молодыми людьми конкурентоспособности и их оценкой понятия «конкуренция» практически по всем шкалам блока СД. При этом установлено, что более высокую самооценку конкурентоспособности демонстрируют те респонденты, которые относятся к «конкуренции» как эффективной 0,152^{**1}, полезной 0,118^{**}, нужной 0,141^{**}, справедли-

¹ Знак ** показывает статистическую значимость на уровне 0,01.

вой 0,132**. Иными словами, рассматривают её как разумную и целесообразную в современных условиях, соответствующую нормам социальной справедливости. У тех, кто рассматривает данный феномен через призму биполярных оценок «моральный-аморальный» (0,111**), «комфортный-некомфортный» (0,105**), «честный-нечестный» (0,095**), «приятный-неприятный» (0,091**), самооценка конкурентоспособности нередко оказывается заметно ниже. Как видим, существует тенденция, в соответствии с которой более конкурентоспособны те молодые люди, которые реализуют в своей профессиональной практике рационально обоснованные конкурентные стратегии. Очевидно, представители работающей молодежи, подходящие к оценке феномена «конкуренции» с позиций морали, для которых важно соответствие конкурентных действий нравственным нормам (мораль, честность), нередко испытывают в процессе её реализации дискомфорт.

Выводы

Таким образом, в современном российском обществе у работающей молодежи сформировано двойственное отношение к «конкуренции» как ценности. На вербальном уровне у респондентов доминирует отношение к ней как значимой, но безнравственной, дискомфортной и неприятной. На уровне массового бессознательного отношение в целом положительное, преобладает латентная переменная, выражающая позитивное эмоционально-нравственное восприятие конкуренции; другая переменная, более слабая, характеризует её рациональную необходимость.

Помимо того установлено, что более эффективно участвуют в конкуренции те работающие юноши и девушки, которые не рассматривают её в контексте принципов морали, кого не волнует честность или же нечестность конкурентной борьбы. Как видим, опора на моральные принципы и честность в современной конкуренции подчас могут привести молодых людей к «поражению».

Итак, выдвинутая нами гипотеза в целом подтвердилась. Можно сделать вывод об эвристичности анализа отношения молодежи к ценности «конкуренция» с позиций социального конструктивизма.

Представляется целесообразным в дальнейших исследованиях реализовать два перспективных направления: проанализировать взаимосвязь индивидуального и организационного уровней конкурентоспособности как ценности в организациях, относящихся к различным формам собственности и отраслям народного хозяйства, а также её место в общей структуре базовых ценностей современной работающей молодежи.

Библиографический список

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010. Молодёжь России: социологический портрет. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: ЦСПиМ. 502 с.

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. 2011. Молодёжь России. М.: Московская школа политических исследований. 96 с.

Немировский В. Г., Немировская А. В. 2018. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодежи и взрослых // Социологический журнал. Том 24. № 2. С. 135–149. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5848>

Петров А. В. 2008. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. № 2. С. 83–90.

Радаев В. В. 2008. Конкуренция как социально укорененный процесс // Конкуренция и конкурентная политика / Отв. ред. С. Б. Авдашева. М.: ГУ-ВШЭ, Экономическая школа. С. 59–80.

Резник С., Коновалова Е., Сочилова А. 2018. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность студенческой молодежи России. Опыт, проблемы, перспективы. Монография. М.: ИНФРА-М. 292 с.

Социальная активность российской молодежи. Аналитический обзор результатов проведенных социологических исследований. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). 2008. 69 с. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a3/081117.pdf> (Дата посещения: 6.10.2019). DOI: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a3/081117.pdf>

Тощенко Ж. Т. 2016. Парадигмы как методологические стратегии в социологии // Гуманитарий Юга России. Том. 17. № 1. С. 19–36.

Тощенко Ж. Т. 2018. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука. 350 с.

Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З. 2018. Конкурентоспособность работающей молодежи на основе самооценок (по данным исследования в Тюменской области) // Социологические исследования. № 8. С. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250000765-4>

Шмелев А. Г. 2014а. Конкуренция как метакатегория современной психологии. Сообщение 1 // Вестник ЮУрГУ. Т. 7. № 3. С. 105–116.

Шмелев А. Г. 2014б. Конкуренция как метакатегория современной психологии. Сообщение 2 // Вестник ЮУрГУ. Т. 7. № 4. С. 97–106.

Bhawsar P., Chattopadhyay U. 2015. Competitiveness: Review, Reflections and Directions // Global Business Review. № 16 (4). P. 665–679. DOI: <https://doi.org/10.1177/0972150915581115>

Buser, T., Niederle, M., Oosterbeek, H. 2014. Gender, Competitiveness and Career Choices // Quarterly Journal of Economics. № 129 (3). P. 1409–1447. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qju009>

De Paola M., Ponzio M., Scoppa V. 2015. Gender Differences in Attitudes Towards Competition: Evidence from the Italian Scientific Qualification. CSEF–Centre for Studies // Economics and Finance. Department of economics – University of Naples. Working paper № 391. February. 28 p.

Deutsch M. 2006. Cooperatin and competition // M. Deutsch, PT Coleman, EC Marcus (eds.). *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and practise*. SanFrancisco: Jossey-Bass. P. 23–42.

Gneezy U., Niederle M., Rustichini A. 2003. Performance in competitive environments: gender differences // *Quarterly Journal of Economics*. № 118. P. 1049–1074. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360698496>

Hayward R. D., Kimmelmeier M. 2007. How competition is viewed across cultures: a test of four theories // *Cross Cult. Res.* № 41. P. 364–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/1069397107306529>

Jaworek M. 2014. Cooperation and competition as elements of individual and organizational value system among middle top managers – pilot study // P. Jedynak (Ed.). *Competition and Cooperation in the Management Theory and Practice*. Jagiellonian University Press. P. 211–220.

Journal of Social Theory. A sociology of competition. 2015. Volume 16. Issue 2.

Klyueva O. 2016 Social psychology Competitiveness of personality as a psychological phenomenon: The content of the construct and its typology // *Psychology in Russia: State of the Art*. Volume 9. Issue 2. Lomonosov Moscow State University, Russian Psychological Society. P. 151–166. DOI: 10.11621/pir.2016.0212

Olczyk M. A. 2016. Systematic Retrieval of International Competitiveness Literature: a Bibliometric Study // *Eurasian Economic Review*. Vol. 6. Issue 3: 429–457. DOI: 10.1007/s40822-016-0054-9

Wang H., Wang L., Liu C. 2018. Employee Competitive Attitude and Competitive Behaviour Promote Job-Crafting and Performance: A Two-Component Dynamic Model // *Frontiers in Psychology*. № 9. P. 2223 // URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.02223/full> (Дата посещения: 6.10.2019). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02223>

Werron T. 2015. Why do we believe in competition? A historical-sociological view of competition as an institutionalized modern imaginary // *Distinction: Journal of Social Theory*. V. 16. Issue 2. A sociology of competition. DOI: <https://doi.org/10.1080/1600910X.2015.1049190>

Статья поступила: 15.10.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.615

Competition As a Value of Working Youth in the Tyumen Region

Valentin G. Nemirovskiy

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: valnemirov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4076-465X

Anna V. Maltseva

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: annamaltseva@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-1322-6255

For citation: Nemirovskiy, V. G., Maltseva, A. V. Competition as a value of working youth in the Tyumen region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.615

Abstract. The purpose of this article is to analyze working youth's attitudes towards competition as one of the most essential merits in modern Russian society. Working youth's value orientations had developed during a time when market economy was already prevalent in Russian society, with competition playing a vital role in its operation. However, in recent years, youth attitudes towards competition have hardly even been studied. A social constructivist approach was used as the theoretical-methodological foundation for this article. The empirical base for this study consists of a questionnaire survey of Tyumen province's working youth (N = 956), employed at 20 organizations in the cities of Tyumen, Tobolsk and Ishim. This article considers how young people evaluate the concept of "competition" using the semantic differential method aided by ten specially constructed antinomic scales, as well as their competitive ability, determined by means of self-assessment. On a verbal level, respondents predominantly regard competition as something important, but immoral, uncomfortable and unpleasant. A contradiction became apparent between verbal evaluations of the concept of "competition" and the results attained by means of factor analysis. It was determined that a more important factor describes the complete internalization of competition on behalf of respondents as one of the most important merits in modern life, as its approval as a mechanism for achieving success in life. A significantly less important factor expressed a variable which describes a positive attitude among working youth towards competition, primarily as something beneficial, essential and effective. Also used were methods such as cluster and correlation analysis. In particular, the article demonstrates correlations between evaluations on varying scales of semantic differentiation and the self-assessments of competitive respondents. It was determined those partaking most effectively in competition were those young men and women who do not view competition in terms of moral principles, and who are not preoccupied with honesty when it comes to competing. When conducting further research, it would seem reasonable to analyze the place which competition occupies in the general structure of the basic values of modern working youth.

Keywords: competition as a value, working youth, society of trauma, «semantic differential».

References

Bhawsar P., Chattopadhyay U. Competitiveness: Review, Reflections and Directions. *Global Business Review*, 2015;16 (4): 665–679. DOI: <https://doi.org/10.1177/0972150915581115>

Buser T., Niederle M., Oosterbeek H. Gender, Competitiveness and Career Choices. *Quarterly Journal of Economics*, 2014; 129 (3): 1409–1447. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qju009>

De Paola M., Ponzio M., Scoppa V. Gender Differences in Attitudes Towards Competition: Evidence from the Italian Scientific Qualification. CSEF – Centre for Studies in Economics and Finance. Department of economics – University of Naples, 2015; Working paper 391: 28.

Deutsch M. Cooperation and competition. In: *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and practice*. Ed. by M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus. San-Francisco: Jossey-Bass, 2006: 23–42.

Gneezy U., Niederle M., Rustichini A. Performance in competitive environments: gender differences. *Quarterly Journal of Economics*, 2003; 118: 1049–1074. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360698496>

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: sociological portrait. Moscow: CSFM publ., 2010: 502 (In Russ.).

Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. Youth of Russia. Moscow: Moscow school of political studies, 2011: 96 (In Russ.).

Hayward R. D., Kimmelmeier M. How competition is viewed across cultures: a test of four theories. *Cross-Cultural Research*, 2007; 41: 364–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/1069397107306529>

Jaworek M. Cooperation and competition as elements of individual and organizational value system among middle top managers – pilot study. In: *Competition and Cooperation in the Management Theory and Practice*. Ed. by P. Jedynek. Warsaw: Jagiellonian University Press, 2014: 211–220.

Klyueva O. Competitiveness of personality as a psychological phenomenon: The content of the construct and its typology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016; vol. 9, 2: 151–166. (In Russ.).

Nemirovskiy V.G., Nemirovskaya A.V. Social Competitiveness: Chances for Success among Youth and Adults. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 2018; vol. 24 (2): 135–149. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5848> (In Russ.).

Olczyk M.A. Systematic Retrieval of International Competitiveness Literature: a Bibliometric Study. *Eurasian Economic Review*, 2016; vol. 6, 3: 429–457. (In Russ.).

Petrov A.V. Value preferences of the young: diagnosis and trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2008; 2: 83–90 (In Russ.).

Radaev V.V. Competition as a socially embedded process. In: *Competition and competition policies*. Ed. by S.B. Avdasheva. Moscow: SU HSE publ., 2008: 59–80 (In Russ.).

Reznik S., Konovalova E., Sochilova A. Competitive orientation and competitiveness of student youth of Russia. Experience, problems, prospects. Moscow: INFRA-M, 2018: 292 (In Russ.).

Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z. Competitiveness of the working youth on the basis of self-assessment (according to survey in the Tyumen Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018; 8: 102–107. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250000765-4> (In Russ.).

Shmeliyov A.G. Competition as a Metacategory of modern Psychology. Part 1. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, 2014; 7; 3: 105–116 (In Russ.).

Shmeliyov A.G. Competition as a Metacategory of modern Psychology. Part 2. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, 2014; 7; 4: 97–106 (In Russ.).

Social activity of Russian youth. Analytical review of results of conducted sociological researches, 2008. Zircon Research group Official website. Available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a3/081117.pdf> (accessed 23.09.19) <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a3/081117.pdf> (In Russ.).

Toschenko Zh. T. Paradigms as the methodological strategies in sociology. *Gumanitariy Youga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2016; 17; 1: 19–36 (In Russ.).

Toshchenko Zh.T. Precariat: from Protoclass to a New Class. Moscow: Nauka, 2018: 350 (In Russ.).

Wang H., Wang L. and Liu C. Employee Competitive Attitude and Competitive Behavior Promote Job-Crafting and Performance: A Two-Component Dynamic Model. *Frontiers in Psychology*, 2018; 9: 2223. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02223>

Werron T. Why do we believe in competition? A historical-sociological view of competition as an institutionalized modern imaginary. *Distinction: Journal of Social Theory. A sociology of competition*, 2015; vol. 16, 2: 186–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/1600910X.2015.1049190>

The article was submitted on: October 15.2019

МОТИВЫ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.616

Экономическое поведение жильцов многоквартирных домов

Ссылка для цитирования: *Киселев И. Ю., Овчинникова Н. В., Смирнова А. Г. Экономическое поведение жильцов многоквартирных домов // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 202–219. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.616*

For citation: Kiselev, I. Yu., Ovchinnikova, N. V., Smirnova, A. G. The economic behavior of people living in apartment buildings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 202–219. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.616

Киселев Игорь Юрьевич

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

igkisselev@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [147241](#)

Овчинникова Наталья Владимировна

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

nv.lyusina@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [745512](#)

Смирнова Анна Геннадьевна

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

agsmirnova2001@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [251727](#)

Экономическое поведение жильцов многоквартирных домов

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение выбора жильцами многоквартирных домов стратегий экономического поведения в ситуации сбора средств на капитальный ремонт. Согласно Федеральному закону РФ № 271-ФЗ, в проведении капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах должны принимать участие собственники жилья на условиях государственного софинансирования. Как следствие, граждане вовлечены в создание коллективного блага в виде капитального ремонта жилых домов. В подобной ситуации они могут предпочесть как просоциальные стратегии, основанные на перечислении ежемесячных взносов на капитальный ремонт, так и эгоистические, которые предполагают отказ от обязательных выплат. Анализ экономического поведения жильцов многоквартирных домов в русле теории рационального выбора Дж. Коулмана позволил выделить три группы факторов, определяющих выбор просоциальных и эгоистических стратегий. Первая группа факторов действует на индивидуальном уровне и задаёт соотношение выигрышей и потерь, которые учитывает индивид, принимая решение о перечислении взносов на капитальный ремонт. К их числу принадлежат субъективная оценка технического состояния дома и материальное положение. Вторая группа факторов связана с ожиданиями относительно действий других жильцов по поводу сбора средств на капитальный ремонт. Третья группа факторов находит проявление в условиях взаимодействия собственников квартир с корпоративными акторами, реализующими программу капитального ремонта. Решающее значение приобретает доверие этим акторам. Влияние отмеченных факторов на выбор стратегий экономического поведения в связи со сбором средств на капитальный ремонт изучено в ходе социологического исследования, проведённого в Ярославле методом анкетирования в 2015 и 2018 гг. В каждом исследовании было опрошено 600 респондентов. Установлено, что экономическое поведение собственников жилья в многоквартирных домах подчинено следующим стратегиям: просоциальным («кооперативная», «конформная») и эгоистическим («максиминная», «конкурентная», «агрессивная»). Сравнение результатов обоих исследований указывает на увеличение сторонников просоциальных стратегий. Отмеченная тенденция соответствует повышению собираемости средств на капитальный ремонт. При этом просоциальные стратегии предпочитают жильцы со средним и высоким материальным положением, оценивающие качество проведённого капитального ремонта как высокое. Они убеждены, что другие жильцы полностью перечисляют ежемесячные взносы, доверяют государственным институтам, реализующим программу капитального ремонта.

Ключевые слова: ЖКХ, капитальный ремонт, проблема неплательщика, экономическое поведение, просоциальные стратегии, эгоистические стратегии, доверие, материальное положение

Проблема износа жилищного фонда страны в настоящее время является актуальной, поскольку на территории Российской Федерации более 50% многоквартирных домов требуют капитального ремонта [Пыткин, Зарипова 2014: 72]. Одна из мер, принятая для изменения сложившейся ситуации, связана с принятием в декабре 2012 г. Федерального закона РФ № 271-ФЗ¹, согласно которому в проведении капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах должны принимать участие собственники жилья на условиях государственного софинансирования. Таким образом граждане вовлечены в создание общественного блага в виде ремонта жилых домов.

Анализ статистических данных, отражающих исполнение закона о капитальном ремонте, позволяет отметить две тенденции, которые характеризуют экономическое поведение жильцов многоквартирных домов в области производства и потребления общественного блага.

Первая тенденция состоит в том, что, несмотря на действие регуляторов, направленных на повышение собираемости взносов на капитальный ремонт, существует проблема неплательщиков. Так, в 2014 г. доля собираемости взносов на капитальный ремонт по России составила 65%; в 2015 г. – 68; в 2016 – 86%. В настоящий момент собираемость средств составляет 95%². Вместе с тем для целого ряда регионов проблема неплательщика сохраняет актуальность. По данным на декабрь 2018 г., собираемость взносов на капитальный ремонт в Ярославской области составила 83%, Нижегородской – 90; Иркутской – 79; Калининградской области – 86%³. Представленные данные позволяют сделать вывод, что некоторые жильцы многоквартирных домов не перечисляют взносы и не принимают участия в создании общественного блага.

Вторая тенденция связана с выбором способа формирования фондов капитального ремонта. Наиболее распространённые два из них: перечисление взносов на счёт регионального оператора и на специальный счёт конкретного дома (ТСЖ, ЖК, ЖСК). Статистические данные об исполнении закона отражают доминирование первой формы – перечисление взносов на счёт регионального оператора (78,5% в 2015 г.; 89,3 – в 2017; 86,9 – 2018) на фоне небольшого увеличения доли тех, кто предпочитают перечислять средства на специальный счёт (2,8% в 2015 г.; 4 – в 2017; 4,5 – 2018).

Приведённые данные отражают разнонаправленные тенденции в экономическом поведении жителей многоквартирных домов. С одной стороны, доминирующий способ формирования фондов капи-

¹ О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации: 25.12.2012 № 271-ФЗ // Веб-сайт «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139776/ (Дата посещения: 11.10.2019).

² Реформа ЖКХ. 2018 // Веб-сайт «Государственная корпорация Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» URL: <https://www.reformagkh.ru/analytics#overhaul-section> (Дата посещения: 11.10.2019).

³ Там же.

тального ремонта посредством аккумулирования всех собранных средств у регионального оператора, то есть в «общем котле», означает существование установки на создание коллективного блага. С другой стороны, проблема неплательщиков указывает на стремление избежать взносов для создания коллективного блага, но получить его за счёт вклада других жильцов. Кроме того, переход на специальные счета также означает установку на выбор моделей экономического поведения, которые позволяют обеспечить индивидуальное, нежели коллективное благо.

Таким образом, экономическое поведение жильцов многоквартирных домов предполагает выбор между удовлетворением индивидуальных и коллективных интересов. В связи с этим важно установить, какие факторы определяют сделанный выбор в ситуации сбора средств. Теоретический фундамент для решения поставленной задачи создают идеи Дж. Коулмана о рациональном действии индивида в условиях асимметричного общества [Coleman 1986].

Взносы на капитальный ремонт: рациональное действие в условиях асимметричного общества

Принятие жильцами многоквартирных домов решения о внесении ежемесячных взносов на капитальный ремонт и выбор способа накопления собранных средств разворачивается одновременно на трёх уровнях социального взаимодействия. Во-первых, решение принимает индивид, перечисляющий взнос, исходя из имеющихся ресурсов, которые направлены на реализацию собственных интересов. Во-вторых, принятие решения осуществляется с учётом стратегий экономического поведения, выбранных другими жильцами многоквартирных домов. В-третьих, принимая во внимание, что большинство россиян (86,9%) передают право на аккумулирование средств, поиск подрядных организаций и контроль за проведением ремонта специально созданным государственным институтам, принятие решения о перечислении взносов на капитальный ремонт осуществляется в условиях взаимодействия с корпоративными государственными структурами.

Следовательно, на каждом из перечисленных уровней социального взаимодействия принятие решения о выборе стратегии экономического поведения осуществляется под влиянием разных факторов. Их содержание может быть раскрыто в теории Дж. Коулмана о рациональном выборе в условиях асимметричного общества.

Теория строится на основе положения, согласно которому социальные явления можно понять только посредством изучения индивидуального действия актора. С точки зрения учёного, эти действия имеют целенаправленный характер, а их содержание определяется предвидением последствий, которые наступят в результате реализации действия [Coleman 1986: 1312]. В связи с этим можно предположить, что инди-

видуальные действия жильцов многоквартирных домов в отношении сбора средств на капитальный ремонт общего имущества подчиняются логике получения результата, максимизирующего полезность: за небольшие взносы (или отсутствие таковых) получить проведение дорогостоящего ремонта. В результате на уровне *индивидуального действия* значимыми окажутся факторы, которые определяют соотношение выигрышей и потерь, получаемых каждым отдельным собственником квартиры.

К числу факторов, мотивирующих отчисление средств на капитальный ремонт, принадлежит потребность в проведении ремонтных работ. Однако сдерживающим фактором выступает *материальное положение* субъекта, перечисляющего взносы на капитальный ремонт. В связи с этим можем выдвинуть предположение (*гипотеза 1*), что на индивидуальном уровне выбор стратегии экономического поведения обусловлен субъективной оценкой технического состояния дома, а также материальным положением жильцов. Перечисленные факторы определяют соотношение выигрышей и потерь, которые учитывает индивид, принимая решение о перечислении взносов на капитальный ремонт.

Результаты опроса, проведённого ФОМ, позволяют выявить ещё одну важную тенденцию. Несмотря на то, что почти половина (43%) респондентов убеждены в неправильности принятого решения собирать деньги на капитальный ремонт со всех жителей многоквартирных домов, а треть считает размер взноса существенным, тем не менее 50% совершают ежемесячные отчисления. В связи с этим можно говорить о влиянии факторов, предполагающих взаимодействие с остальными жильцами и государственными институтами. Рассмотрим их.

Так, Р. Швери, анализируя социологическую концепцию Дж. Коулмана, отмечает необходимость выделения в структуре рационального социального действия событий, имеющих последствия для многих. Подобные действия направлены на реализацию собственных интересов, однако своими последствиями оказывают воздействие на других участников социального взаимодействия [Швери 1996].

Индивидуальное действие субъекта, связанное с перечислением ежемесячных взносов на капитальный ремонт (или отказом от таковых), имеет последствия для других жителей многоквартирных домов. В частности, индивидуальное действие служит основанием для принятия решений о перечислении взносов другими жильцами. С одной стороны, ожидая, что другие жильцы будут перечислять ежемесячные взносы на капитальный ремонт, соседи также посчитают необходимым делать аналогичные отчисления. С другой стороны, подобные ожидания могут послужить основанием и для выбора стратегии, предполагающей отказ от ежемесячных взносов в попытке получить коллективное благо за счёт других.

Как доказывает М. Олсон, выбор подобной стратегии предсказуем в силу самой сущности коллективного блага, примером которого выступает формирование фонда на капитальный ремонт. В частности, согласно определению учёного, коллективное или общественное

благо определяется «как любой товар или услуга, которые удовлетворяют следующим требованиям: если их потребляет любой индивид X_i из группы $X_1, \dots, X_i, \dots, X_n$, то их могут потреблять и все остальные члены группы» [Олсон 1995: 12]. Как следствие, к потреблению общественного блага допускаются и те, кто не принимал участия в его создании. В результате в качестве рациональной рассматривается стратегия экономического поведения, позволяющая получить благо за счёт других.

Таким образом, в ситуации сбора средств на капитальный ремонт могут быть реализованы как просоциальные, так и эгоистические стратегии экономического поведения. Их выбор обусловлен факторами, действующими на уровне социального взаимодействия жильцов многоквартирных домов: социальная идентичность участников взаимодействия [Samuelson, Warton-Rodriguez 2010; Simpson 2006], наличие или отсутствие коммуникации [Dawes 1980; Ostrom 2010], внутригрупповое доверие [Экономика и социология... 2004], размер группы [Олсон 1995; Balliet 2010], нормы внутригруппового взаимодействия [Dijk et al. 2010], социальная неопределённость [Барбашин 2014; Глухова 2014; Муздыбаев 2007].

Природа перечисленных факторов такова, что все они определяют социальные ожидания участников взаимодействия относительно готовности друг друга совершать действия, направленные на создание коллективного блага. Так, Э. Остром утверждает, что в небольшой однородной группе, члены которой имеют возможность общаться друг с другом «лицом к лицу» и строят взаимодействие на основе установленных норм поведения, вероятность того, что субъекты сдержат свои обещания, высока. И, наоборот, в большой гетерогенной группе, в которой невозможно организовать общение «лицом к лицу» и использовать информацию об опыте взаимодействия в прошлом, субъекты склонны к реализации краткосрочных материальных интересов и отказу от вклада в создание коллективного блага в долгосрочной перспективе [Ostrom 2010: 163].

В ситуации создания коллективного блага в форме сбора средств на капитальный ремонт большинство перечисленных факторов располагает к выбору эгоистических стратегий экономического поведения в силу поддержания высокого уровня социальной неопределённости, обусловленной отсутствием надёжной информации о том, как поведут себя многочисленные не связанные между собой акторы, вовлечённые в процесс. Исключение составляет ситуация, когда жители перечисляют средства на специальный счёт дома. В данном случае условия социального взаимодействия могут способствовать выбору просоциальных стратегий экономического поведения в условиях снижения социальной неопределённости за счёт более тесной коммуникации, разделяемой идентичности («жильцы дома №...»), действия норм, в установлении которых принимали участие сами жильцы.

В связи с этим можно сформулировать предположение, согласно которому склонность к выбору стратегии экономического поведения отличается в зависимости от способа формирования фондов капиталь-

ного ремонта (*гипотеза 2*). Перечисление взносов на счёт регионального оператора (в «общий котёл») предрасполагает к выбору эгоистических стратегий, на специальный счёт конкретного дома – просоциальных.

Вместе с тем и в условиях большой слабо объединённой группы возможен выбор просоциальных стратегий экономического поведения, направленных на создание коллективного блага. Так, согласно теории общественного выбора, заставить платить за создание блага всех «потребителей» способны государственные институты, которые применяют принуждение для выработки просоциального поведения [Нуреев 2005: 73].

Однако отношения между собственниками квартир и государственными институтами обусловлены факторами, которые увеличивают вероятность выбора эгоистических стратегий экономического поведения. Данная ситуация объясняется тем, что, согласно Дж. Коулману, отношения между жильцами многоквартирных домов и государственными институтами, развиваются в условиях «разъединённой власти». Последняя предполагает, что индивиды передают свои права корпоративным акторам, которые не гарантируют, что будут соблюдать их интересы. Более того, в условиях разъединённой власти корпоративные акторы сами передают права на принятие решений и действия другим субъектам. В результате жильцы лишаются возможности в полной мере отслеживать «судьбу» собранных средств, устанавливать сроки проведения ремонтных работ и контролировать их качество. В подобной ситуации жильцы сталкиваются с *рисками*. Заблаговременно перечисляя взносы на капитальный ремонт, они рискуют не получить от корпоративных акторов услугу надлежащего качества, и эгоистические стратегии экономического поведения субъективно оказываются более предпочтительными. Как отмечает Р. Швери, в этих обстоятельствах снижение рисков, распределение их между акторами, происходит в условиях отношений доверия [Швери 1996]. Решение задачи по созданию коллективного блага в виде проведённого капитального ремонта возможно, если жители многоквартирного дома и государственные институты доверяют друг другу.

Таким образом, ещё одно предположение относительно факторов выбора стратегии экономического поведения в ситуации сбора средств на капитальный ремонт (*гипотеза 3*) состоит в следующем. Респонденты, которые доверяют государственным институтам, реализующим программу капитального ремонта, отдают предпочтение просоциальным стратегиям экономического поведения. В свою очередь, выбор эгоистических стратегий осуществляется на фоне низкого уровня доверия.

Методология исследования

С целью изучения факторов, обуславливающих выбор жильцами многоквартирных домов стратегий экономического поведения в ситуации сбора средств на капитальный ремонт, в Ярославле в период с 1 мая по 1 июля 2018 г. проведено социологическое исследование методом анкетирования. Объём выборки исследования составил 600 человек.

Полученные результаты были подвергнуты сравнению с данными социологического исследования «Уплата взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме как разрешение социальной дилеммы общественного блага» (N=600), проведённого также методом анкетирования в период с 1 марта по 1 июля 2015 г., спустя год после вступления в силу упомянутого выше закона № 271.

В обоих исследованиях использовалась кластерная выборка, сформированная по единому принципу. Из общего списка домов Ярославля, включённых в региональную программу капитального ремонта общего имущества на сайте Регионального фонда содействия капитальному ремонту по Ярославской области, отобраны многоквартирные дома по очерёдности (первую и вторую)¹ включения их на капитальный ремонт. Затем из списка домов первой очереди с шагом 107 отобраны многоквартирные дома, которые вошли в выборочную совокупность. Для них из списка домов второй очереди подобраны дома, расположенные в том же районе, на той же улице, с близкими техническими характеристиками (этажность, наличие лифтов и т. п.). В выбранных домах респонденты отбирались простым сплошным методом.

Была разработана анкета, содержащая восемь смысловых блоков. Вопросы первого блока позволили выяснить удовлетворённость респондентов состоянием дома, в котором они живут, а также работой управляющей компании (ТСЖ/ЖСК). Вопросы второго блока направлены на определение информированности респондентов относительно упомянутого закона. Третий блок направлен на выявление отношения к реформе ЖКХ². Вопросы четвёртого блока позволили выяснить фактическое выполнение обязательств по уплате взносов на капитальный ремонт и готовность собственников квартир делать ежемесячные взносы в дальнейшем. Заинтересованность проблематикой капитального ремонта (куда отчисляются средства, участвовали ли в собрании и др.) выявлял пятый блок вопросов. Оценку качества проведённого ремонта, представления и страхи относительно действия реформы определял шестой блок. Седьмой блок анкеты содержал вопросы, ответы на которые определили уровень протестных настроений, связанных с реализацией закона о капитальном ремонте. Восьмой блок вопросов позволил выявить социально-демографические характеристики респондентов, материальное положение участников опроса.

Математико-статистическая обработка данных опроса проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics посредством составления таблиц сопряжённости с применением критериев непараметрической статистики (хи-квадрат Пирсона).

¹ К первой очереди относились дома, которые ожидали ремонта в 2015–23 гг., ко второй очереди – дома, которые будут отремонтированы после 2024–33 гг.

² Реформа ЖКХ. 2018 // Веб-сайт «Государственная корпорация Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» URL: <https://www.reformagkh.ru/analytics#overhaul-section> (Дата посещения: 21.02.2019).

Основные стратегии экономического поведения в ситуации сбора средств на капитальный ремонт

Полученные результаты позволили составить классификацию стратегий экономического поведения в ситуации сбора средств на капитальный ремонт. В её основе лежат три основания: во-первых, отношение респондентов к закону Ярославской области № 32-з «Об отдельных вопросах организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Ярославской области»; во-вторых, фактическое выполнение обязательств по уплате взносов; в-третьих, готовность и впредь перечислять взносы по установленному тарифу. Ответы респондентов по перечисленным основаниям сопоставлены посредством метода логического куба [Толстова 2007: 103]. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

«Логический куб» для определения основных стратегий экономического поведения респондентов в ситуации сбора средств на капитальный ремонт, %

“Logical cube” for determining the main strategies of respondents’ economic behavior when collecting funds for manor renovations, %

Стратегия	Отношение к закону*	Уплата взносов на капитальный ремонт**	Готовность платить***	2018 г.	2015 г.
«Кооперативная»	+	+	+	24,2	12,7
«Конформная»	-	+	0	11,6	15,7
«Максиминная» («осторожная»)	-	+/-	-	9,0	24,4
«Конкурентная»	+	+/-	-	6,3	10,5
«Агрессивная»	-	-	-	3,4	1,3

*Положительное, скорее положительное (+) / отрицательное, скорее отрицательное (-).

**Да (+) / нет (-) / частично оплачивают (+/-).

***Больше (+) / столько, сколько сейчас (0) / меньше или не платить совсем (-).

Согласно результатам социологического исследования 2018 г., «кооперативную» стратегию разделяют 24,2% опрошенных и демонстрируют положительное отношение к закону о капитальном ремонте, перечисляют ежемесячные взносы, считая их размер приемлемым (69,3%)¹, и намерены делать это в будущем, даже если они возрастут.

«Конформной» стратегии следуют 11,6% респондентов. Они отрицательно относятся к закону о капитальном ремонте, но перечисляют ежемесячные взносы и намерены это делать впредь, даже по более высокому тарифу. Вместе с тем 37,9% респондентов, реализующих «конформную» стратегию, не согласны с установленным размером взносов, считая его слишком высоким.

¹ На момент опроса составлял 6 руб. 37 коп за кв. м.

«Максиминной» или «осторожной» стратегии следуют субъекты (9%), которые отрицательно относятся к закону и отмечают неготовность платить установленный взнос, но отчисления на капитальный ремонт производят. Больше половины опрошенных (56%) не согласны с размером взноса, считая его высоким. При этом отмечают, что они откажутся от уплаты взносов при росте тарифов. Вместе с тем сторонники максиминной стратегии готовы продолжить перечислять взносы, если тариф снизится. Например, 30% респондентов готовы отчислять 100–149 рублей в месяц¹. Таким образом, субъекты, выбравшие отмеченную стратегию, не признают выгоду, которую способно принести создание общего фонда на капитальный ремонт, и стремятся минимизировать индивидуальный вклад. Иначе говоря, выбрав максиминную стратегию, субъекты пытаются извлечь максимальную полезность из неблагоприятного исхода.

«Агрессивную» стратегию выбирают опрошенные (3,4%), которые отрицательно относятся к закону, не платят установленный взнос и не хотят платить в дальнейшем.

«Конкурентную» стратегию экономического поведения реализуют 6,3% опрошенных, которые положительно относятся к закону, понимают его преимущества, однако не всегда перечисляют ежемесячные взносы и в будущем готовы платить, но по более низкому тарифу. В целом установки выбравших «конкурентную» стратегию схожи с теми, которые разделяют сторонники «кооперативной» стратегии. Однако есть важное отличие: в то время как последние считают установленный тариф приемлемым, выбравшие «конкурентную» стратегию чаще выражают несогласие с размером ежемесячных взносов (22,2%). Таким образом, «конкурентная» стратегия свойственна респондентам, которые стремятся минимизировать свой вклад в создание коллективного блага, но хотели бы получить это благо за счёт других субъектов.

Наряду с описанными выше основными стратегиями экономического поведения в ситуации сбора средств на капитальный ремонт можно выделить ещё «нейтральную просоциальную» (12,7%) и «нейтральную эгоистическую» (4,6%). Эти неосновные стратегии характеризуются тем, что их последователи относятся к закону «нейтрально» или используют категорию «затрудняюсь ответить», за исключением отношения к закону о капитальном ремонте. В частности, «нейтральная просоциальная» стратегия схожа по своим проявлениям с «кооперативной», в то время как «нейтральная эгоистическая» – с «максиминной». Кроме того, 28,2% респондентов можно охарактеризовать как «неопределившихся». Они применяют комбинированные стратегии.

Все перечисленные стратегии могут быть объединены в две группы. Первую образуют просоциальные стратегии экономического поведения: «кооперативная», «конформная» и «нейтральная просоциальная». Следование перечисленным стратегиям обеспечивает создание

¹ Для сравнения: средний взнос на капитальный ремонт по Ярославлю составляет 280 руб.

коллективного блага в виде общего фонда на проведение капитального ремонта в многоквартирных домах. В общей сложности подобных стратегий придерживаются 48,7% (в 2015 – 35,5%) респондентов. Вторую группу составляют *эгоистические* стратегии: «максиминная» («осторожная»), «конкурентная», «агрессивная» и «нейтральная эгоистическая». Они затрудняют создание коллективного блага. Эгоистических стратегий придерживаются 23,3% (в 2015 – 45,8%) опрошенных.

Анализируя соотношение стратегий экономического поведения, реализуемых респондентами в 2015 г. (т. е. через год после введения сбора на капитальный ремонт) и в 2018 г., можем сделать вывод, что за этот период возросло количество собственников квартир, которые разделяют просоциальные стратегии. При этом почти в два раза увеличилось число выбравших «кооперативную стратегию» и более чем в два раза сократилось количество сторонников «максиминной» (осторожной) стратегии. Отмеченная тенденция соответствует повышению собираемости средств на капитальный ремонт¹.

Вместе с тем за этот период возросло количество неспособных однозначно определить отношение к закону о капитальном ремонте. Так, количество «неопределившихся» респондентов за эти годы увеличилось с 18,7 до 28,2%. Сами опрошенные связывают подобное отношение с тем, что им неясны последствия применения данного закона. Как следствие, несмотря на то, что 77,5% респондентов, выбравших отмеченную стратегию, перечисляют ежемесячные взносы на капитальный ремонт, лишь 29,4% готовы это делать в будущем. Более того, отвечая на вопрос о том, планируют ли они перечислять взносы, если тариф возрастёт, 76% выбрали вариант «затрудняюсь ответить».

Таким образом, на фоне существующей ориентации на просоциальное поведение в области сбора средств на капитальный ремонт «неопределившиеся» респонденты представляют «группу риска», которая может отдать предпочтение эгоистическим стратегиям экономического поведения. В связи с этим необходимо выяснить, чем определяется выбор соответствующих стратегий. Рассмотрим результаты проверки выдвинутых гипотез на основе данных социологического исследования 2018 г.

Факторы выбора стратегий экономического поведения

Согласно *гипотезе 1*, первая группа факторов (см. раздел «Взносы на капитальный ремонт...») действует на индивидуальном уровне и определяет соотношение выигрышей и потерь, которые учитывает индивид, перечисляющий взносы на капитальный ремонт. Среди таких факторов выделяются субъективная оценка технического состояния дома и материальное положение жильцов.

¹ Реформа ЖКХ. 2018 // Веб-сайт «Государственная корпорация Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» URL: <https://www.reformagkh.ru/analytics#overhaul-section> (Дата посещения: 11.10.2019).

Построение таблиц сопряжённости для переменных «материальное положение» и «стратегия экономического поведения» позволяет заметить, что 72,2% респондентов оценили своё материальное положение как *среднее* («на одежду хватает, на бытовую технику – нет» или «на бытовую технику хватает, на автомобиль – нет»). Таким образом, выбор стратегии в целом не связан с материальным положением. Вместе с тем данная группа респондентов чаще всего реализует *просоциальные* стратегии: «кооперативную» (24,9%), «нейтральную просоциальную» (14,8%), «конформную» (11,8%). Среди них 12,3% – «неопределившиеся позитивные» респонденты.

Аналогичный набор стратегий, за исключением «конформной», предпочитают респонденты, оценившие своё материальное положение как *высокое* («на автомобиль хватает, на квартиру – нет; материальных затруднений не испытываем»). При этом «кооперативной» стратегии следуют 36,4% респондентов.

Респонденты, определившие своё материальное положение как *низкое* («денег не хватает на питание», «на питание хватает, на одежду – нет»), среди основных стратегий чаще всего выбирают «максиминную (осторожную)» (22,4%). Низкое материальное положение свойственно 23,9% «неопределившихся позитивных» респондентов.

Таким образом, выбор просоциальных стратегий экономического поведения свойственен респондентам, которые субъективно оценивают своё материальное положение как среднее и высокое. В свою очередь, снижение материального положения способствует появлению стремления получить коллективное благо за счёт других жильцов ($\chi^2 = 56,192$; $df = 18$; $p < 0,001$; критерий Монте-Карло $< 0,001$).

Выбор стратегии экономического поведения не связан с тем, включён дом в первую или вторую очередь на капитальный ремонт ($\chi^2 = 9,832$; $df = 9$; $p = 0,364$). Вместе с тем выбор стратегии обусловлен субъективной оценкой качества проведённого ремонта¹ ($\chi^2 = 38,575$; $df = 16$; $p = 0,001$; критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости: $0,001 < p = 0,002 < 0,003$). *Положительную* оценку капитальному ремонту дают респонденты, выбравшие преимущественно просоциальные стратегии (75,4%). Так, 46,8% респондентов, отметивших, что ремонт был проведён качественно, реализуют «кооперативную» стратегию экономического поведения. Исключение составляют 11,7% опрошенных, придерживающихся «конкурентной» стратегии.

Респонденты, которые убеждены в том, что ремонт проведён *некачественно*, предпочитают «конформную» (15,7%) и «нейтральную просоциальную» (13,7%) стратегии. Подобные оценки качества ремонтных работ дают также «неопределившиеся позитивные» (13,7%) и «неопределившиеся негативные» (13,7%) респонденты. Доминирование перечисленных стратегий означает, что, несмотря на субъективно оцениваемое низкое качество проведённого ремонта, большинство опрошенных респондентов продолжают перечислять ежемесячные взносы на фоне отсутствия поддержки положений закона о капитальном ремонте.

¹ На вопрос отвечали те респонденты, в домах которых уже был произведён капитальный ремонт.

Результаты, полученные в рамках проверки *гипотезы 1*, позволяют сделать вывод, что респонденты, выбравшие просоциальные стратегии на фоне положительных оценок проведённого ремонта, конструируют индивидуальную матрицу результатов решения, в которой выигрыши преобладают над затратами. Так, жители с высоким и средним материальным положением, оценивающие проведённый ремонт как качественный, отдают предпочтение «кооперативной» стратегии экономического поведения. Сказанное справедливо и для жильцов, реализующих «конкурентную» стратегию, которые в целом демонстрируют положительное отношение к закону и понимают преимущества участия всех жильцов в создании коллективного блага в форме капитального ремонта. Однако в отличие от «кооперативной» стратегии её предпочитают респонденты, которые оценивают материальное положение как низкое. В свою очередь, если соотношение выигрышей и потерь складывается в пользу последних, жильцы выбирают эгоистические стратегии. Например, респонденты с низким материальным положением и неудовлетворённые качеством ремонта отдают предпочтение «максиминной» стратегии.

Таким образом, выбор стратегии экономического поведения обусловлен факторами, задающими иерархию *индивидуальных* потребностей, которые стремятся реализовать субъекты в ситуации сбора средств на капитальный ремонт.

Вместе с тем выбор стратегии связан и с действием *социальных* факторов, представленных ожиданиями субъекта относительно действий *других* жильцов. В частности, респонденты, которые убеждены, что «много людей полностью перечисляют взносы», чаще, чем респонденты, убеждённые в обратном, отдают предпочтение просоциальным стратегиям экономического поведения: «кооперативной» (41,3 и 18,9% соответственно) и «конформной» (16 и 5,8%). В свою очередь, участники опроса, убеждённые в том, что «мало людей полностью перечисляют взносы», чаще следуют эгоистическим стратегиям: «максиминной» (13,7 и 4,4% соответственно), «конкурентной» (7,9 и 7,3%), «агрессивной» (5,3 и 1%). Различия статистически значимы: $\chi^2=56,765$; $df=9$; $p<0,001$.

В рамках проведённого исследования возможность собственников квартир сформировать ожидания относительно поведения друг друга в ситуации сбора средств на капитальный ремонт была проанализирована посредством указания способа накопления перечисленных взносов в «общем котле» или на специальном счёте. Согласно *гипотезе 2*, проверялось предположение, что перечисление взносов на счёт регионального оператора (в «общий котёл») предрасполагает к выбору эгоистических стратегий, на специальный счёт конкретного дома – просоциальных. Однако оно не подтвердилось: выбор стратегии не зависит от способа накопления средств ($\chi^2=7,757$; $df=9$; $p<0,559$). Независимо от способа аккумуляции средств респонденты предпочитают «кооперативную» (28 и 29,8% соответственно) стратегию экономического поведения.

Возможно, полученный результат связан с действием другого фактора, а именно: *информированности* респондентов о деталях реализации закона. Лишь треть опрошенных (34,8%) знают о выбранном

способе накопления средств на капитальный ремонт. При этом наиболее информированными выступают жильцы, выбравшие «кооперативную» стратегию. Большинство из них (40,5%) принимали участие в общем собрании собственников для выбора способа хранения денежных средств на капитальный ремонт. По сравнению с другими опрошенными, они лучше знают, как проверить начисления по дому (26,5%). Таким образом, хотя респонденты оценивают свою информированность относительно закона как высокую (50,2%), они не располагают знаниями о деталях его реализации, в том числе о том, куда поступают их средства. Исключение составляют «кооперативные» респонденты, которые чаще других давали содержательный ответ на поставленный вопрос.

Для проверки *гипотезы 3* о том, что выбор стратегий экономического поведения зависит от уровня доверия институтам, осуществляющим программу капитального ремонта, проанализированы ответы респондентов относительно их *опасений*, связанных с необходимостью заблаговременно перечислять средства на работы, которые будут проведены в будущем. В частности, респонденты оценивали возможность того, что «собранные средства будут истрачены не по назначению». Согласно полученным результатам, подобное опасение разделяет подавляющее большинство опрошенных (73,3%). Как следствие, можно утверждать, что данный фактор не является определяющим при выборе стратегии экономического поведения. Вместе с тем респонденты, которые не разделяют подобное опасение, чаще предпочитают просоциальные стратегии экономического поведения: «кооперативную» (38,3%), «конформную» (16%), «нейтральную просоциальную» (9,6%).

Выбор стратегии экономического поведения связан с удовлетворённостью деятельностью управляющей компании (ТСЖ, ЖСК). Так, респонденты, выбравшие «кооперативную» и «конкурентную» стратегии, чаще удовлетворены, чем не удовлетворены деятельностью управляющей компании (71 и 75% соответственно). В свою очередь, жильцы, реализующие «агрессивную», «конформную» и «максиминную» стратегии, чаще высказывают неудовлетворённость деятельностью управляющей компании (73,7; 62,1 и 60% соответственно). Выбор остальных стратегий осуществляется на фоне почти равномерного распределения ответов об удовлетворённости.

Отмеченное распределение стратегий не позволяет сделать вывод о подтверждении *гипотезы 3* в её изначальной формулировке: доверие и удовлетворённость работой институтов, осуществляющих реализацию программы капитального ремонта, демонстрируют сторонники как просоциальных, так и эгоистических стратегий экономического поведения. Вместе с тем положительные оценки деятельности управляющей компании чаще демонстрируют жильцы, положительно относящиеся к закону о капитальном ремонте, видящие его полезность (например, сторонники «конкурентной» стратегии). В свою очередь, неудовлетворённость деятельностью институтов жилищного самоуправления способствует выработке негативных установок по отношению к новым инициативам в сфере ЖКХ, в том числе и в сфере капитального ремонта.

Выводы

Обобщая полученные результаты, можем сделать вывод, что выбор стратегии экономического поведения преимущественно обусловлен факторами, задающими иерархию *индивидуальных* потребностей жильцов многоквартирных домов в ситуации сбора средств на капитальный ремонт. Среди них: материальное положение и удовлетворённость результатами проведённых ремонтных работ. При этом выбор стратегии экономического поведения осуществляется в связи с восприятием наличия устойчивых *рисков*, связанных с деятельностью институтов, которые реализуют программу капитального ремонта, и *социальной неопределённости* относительно поведения других жильцов, принимающих участие в создании и потреблении коллективного блага. Действие перечисленных факторов создаёт условия для формирования установок на выбор эгоистических стратегий экономического поведения и отказ от участия в создании коллективного блага. Можно ожидать, что подобные установки усилятся в связи с предпринятым в ряде регионов повышением размеров ежемесячных взносов на капитальный ремонт.

На этом фоне выделяются жильцы многоквартирных домов, которые реализуют «кооперативную» стратегию поведения. Они не только разделяют положительные установки относительно закона о капитальном ремонте и его реализации, но и выступают носителями культуры участия в жилищном самоуправлении.

Несмотря на то, что субъекты, выбравшие «кооперативную» стратегию, убеждены в необходимости разделить ответственность за проведение капитального ремонта с государством (45,2%), они осознают важность своего участия. Утверждение «Отчисляя деньги на капитальный ремонт, я делаю вклад в благополучие будущих поколений» поддерживают 67,9%. При этом большинство из них (52,2%) не поддерживают мнение, что «Ремонт всё равно проведут, даже если я не перечислю деньги»¹.

Респонденты, реализующие данную стратегию (67,4%), не приняли бы участия в акциях протеста против закона о капитальном ремонте, а если бы и протестовали против закона, то посредством собрания жильцов (25%), т. е. опираясь на инструменты участия в жилищном самоуправлении. Для сравнения: респонденты, выбравшие эгоистические стратегии («максиминная», «агрессивная»), предпочли бы опираться на сбор подписей, т. е. обращались бы за решением проблемы к государственным институтам. Установку на реализацию «кооперативной» стратегии разделяют респонденты-женщины (62,8%), старше 35 лет (66,4%), имеющие детей (71,3%). Большинство (70,6%) не планируют менять место жительства. Отмеченные социально-демографические характеристики определяют дополнительные мотивы участия в жилищном самоуправлении в целом и реализации программы капитального

¹ Респондентов просили высказать согласие или несогласие с данными утверждениями.

ремонта в частности. Наличие детей и отсутствие планов поменять место жительства повышают значимость долгосрочных выигрышей, связанных с возможностью в будущем оплатить капитальный ремонт из собранных средств. В свою очередь, участие в жилищном самоуправлении позволяет снизить нагрузку на государственные институты в сфере ответственности за жилищный фонд и даёт возможность жителям самим принимать решения в отношении своей собственности.

Библиографический список

Барбашин М. Ю. 2014. Дилеммы выбора в условиях неопределённости и институциональные стратегии социальных агентов в теории игр (на примере марьяжа) // Гуманитарный ежегодник. № 13. С. 221–233.

Глухова М. Ф. 2014. Управление социозащитными ресурсами в условиях неопределённости // Вестник ПАГС. Т. 45. № 6. С. 4–9.

Муздыбаев К. 2007. Социальные дилеммы и способы их разрешения // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 10. № 2. С. 99–122.

Нуреев Р. М. 2005. Теория общественного выбора: курс лекций. М.: ГУ ВШЭ. 531 с.

Олсон М. 1995. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ. 174 с.

Пыткин А. Н., Зарипова Г. М. 2014. Современные аспекты реформирования ЖКХ // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: экономика. № 1. С. 71–74.

Толстова Ю. Н. 2007. Измерение в социологии: учебное пособие. М.: КДУ. 288 с.

Швери Р. 1996. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. № 1–2. С. 62–81.

Экономика и социология доверия. 2004 / Под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социол. общ-во им. М. М. Ковалевского. 192 с.

Balliet D. 2010. Communication and Cooperation in Social Dilemmas: A Meta-Analytic Review // Journal of Conflict Resolution. Vol. 54. № 1. P. 39–57.

Coleman J. S. 1986. Social Theory, Social Research and a Theory of Action // The American Journal of Sociology. Vol. 91. № 6. P. 1309–1335.

Dawes R. M. 1980. Social dilemmas // Annual Review of Psychology. № 31. P. 169–193.

Dijk E. V., Wit A. P., Wilke H. A. M., Kwaadsteniet de E. W. 2010. On the Importance of Equality in Social Dilemmas // Social Decision-Making: Social Dilemmas, Social Values and Ethical Judgments / Ed. by Kramer R. M., Tenbrunsel A. E., Bazerman M. NY, London: Routledge. P. 47–69.

Ostrom E. 2010. Analyzing collective action // International Association of Agricultural Economists. Vol. 41. № 1. P. 155–166.

Samuelsen Ch. D., Warton-Rodriguez K. M. 2010. Group Discussion and Cooperation in Social Dilemmas: Does the Medium Matter // Social Decision Making: Social Dilemmas, Social Values and Ethical Judgments / Ed. by Kramer R. M., Tenbrunsel A. E., Bazerman M. N.Y., London: Routledge. P. 13–46.

Simpson B. 2006. Social identity and cooperation in social dilemmas // Rationality and society. Vol. 18. № 4. P. 443–470.

Статья поступила: 16.09.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.616

The Economic Behavior of People Living in Apartment Buildings

Igor Yu. Kiselev

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

E-mail: igkisselev@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1152-4558

Natalia V. Ovchinnikova

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

E-mail: nv.lyusina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7771-2397

Anna G. Smirnova

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

E-mail: agsmirnova2001@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5614-4228

For citation: Kiselev, I. Yu., Ovchinnikova, N. V., Smirnova, A. G. The economic behavior of people living in apartment buildings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 202–219. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.616

Abstract. This article presents the results of a sociological study aimed at examining the strategies that people living in apartment complexes choose in terms of economic behavior in a situation when funds are being collected for major renovation. Under Russian federal law № 271-FZ, home owners must participate in major renovations of community property in apartment complexes on conditions of state co-financing. As a result, citizens are involved in producing a common good in the form of major housing renovation. Given such a situation, people could opt for both pro-social, based on monthly payments for major renovations, and egotistical strategies, which involve refusal to make mandatory payments. Analyzing the economic behavior of people living in apartment complexes in the vein of J. Coleman's rational choice theory allowed for establishing three groups of factors which define the choice of either pro-social or egotistical strategies. The first group of factors acts on an individual level and defines the proportion of those gains and losses considered by an individual when deciding on whether to transfer funds for major renovations. These include subjective evaluation of the building's technical state and financial status. The second group of factors is linked to expectations regarding the actions of other residents in terms of collecting funds for major renovations. The third group of factors manifests itself during interactions between apartment owners and the corporate actors implementing the major renovation program. Trust towards these actors becomes a crucial factor. The influence of the highlighted factors on choosing economic behavior strategies when it comes to collecting funds for major renovations was researched during a sociological study conducted in Yaroslavl using questionnaire method in 2015 and 2018. 600 respondents were surveyed in each of these studies. It was determined that the economic behavior of home owners in apartment complexes is subject to the following strategies: pro-social ("cooperation", "conformal") and egotistical ("maximin", "competitive", "aggressive"). When comparing the results of both studies, an increase in the amount of proponents of pro-social strategies is apparent. The highlighted tendency corresponds to an increase

in the amount of funds collected for major renovations. Pro-social strategies are preferred by residents with average or high financial status, who consider the quality of completed major renovations to be good. These people are convinced that other residents transfer monthly payments in full, and they trust the governmental institutions implementing the major renovation program.

Keywords: housing and communal services, capital repair, the problem of defaulter, economic behavior, prosocial strategy, egoistic strategies, belief, financial position.

References

Balliet D. Communication and Cooperation in Social Dilemmas: A Meta-Analytic Review. *Journal of Conflict Resolution*, 2010; 54; 1: 39–57.

Barbashin M. Y. 2014. Dilemmas of Choice in Uncertainty and Institutional Strategies in the Game Theory (Marriage Problem). *Gumanitarny ezhegodnik = Yearbook of Humanities*, 2014; 13: 221–233 (In Russ.).

Coleman J.S. Social Theory, Social Research and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*, 1986; vol. 91, 6: 1309–1335.

Dawes R.M. Social dilemmas. *Annual Review of Psychology*, 1980; 31: 169–193.

Dijk E.V., Wit A.P., Wilke H.A.M., Kwaadsteniet de E.W. On the Importance of Equality in Social Dilemmas. In: *Social Decision-Making: Social Dilemmas, Social Values and Ethical Judgments*. Ed. by R.M. Kramer, A.E. Tenbrunsel, M. Bazerman. New York, London: Routledge, 2010: 47–69.

Economics and Sociology of Trust. Ed. by Y.V. Veselov. Saint-Petersburg: M. Kovalevsky Soc. Society, 2004: 192 (In Russ.).

Glukhova M.F. Management of Social Resources in Conditions of Uncertainty. *Vestnik PAGS*, 2014; vol. 45, 6: 4–9.

Housing and Communal Service Reform. FSRZhKH Official website. Available at: <https://www.reformagkh.ru/analytics#overhaul-section> [accessed: 21.02.2019].

Muzdybaev K. Social Dilemmas and Ways of their Solution. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2007; 10; 2: 99–122 (In Russ.).

Nureev R.M. Public Choice Theory. Moscow: SU HSE publ., 2005: 531 (In Russ.).

Olson M. The Logic of Collective Actions. *Public Goods and Group Theory*. Moscow: FEI, 1995:174 (In Russ.).

Ostrom E. Analyzing collective action. *International Association of Agricultural Economists*, 2010; vol. 41, 1: 155–166.

Pytkin A.N., Zaripova G.M. Modern aspects of housing and communal services reform. *Vestnik UGUES. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Serija: ekonomika = USUES Bulletin. Ser. Economics*, 2014; 1: 71–74 (In Russ.).

Samuelsen Ch. D., Warton-Rodriguez K.M. Group Discussion and Cooperation in Social Dilemmas: Does the Medium Matter. In: *Social Decision-Making: Social Dilemmas, Social Values and Ethical Judgments*. Ed. by R.M. Kramer, A.E. Tenbrunsel, M. Bazerman. New York, London: Routledge, 2010: 13–46.

Shveri R. Theoretical Sociology of James Coleman: Analytical Survey. *Sociologicheskyy zhurnal = Sociological Journal*, 1996; 1–2: 62–81 (In Russ.).

Simpson B. Social identity and cooperation in social dilemmas. *Rationality and society*, 2006; 18; 4: 443–470.

Tolstova Y.N. Measurement in Sociology. Moscow: KDU, 2007: 288 (In Russ.).

The article was submitted on: September 16.2019

МОТИВЫ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.617

Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия

Ссылка для цитирования: Бутуева З. А. Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 220–230. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.617

For citation: Butueva, Z. A. Volunteer activity among the elderly: features and participation motives. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 220–230. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.617

**Бутуева
Зинаида Арсентьевна**

Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ, Россия

butueva_z@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [283230](#)

Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия

Аннотация. 2018 г., объявленный Годом добровольца (волонтёра) в России, способствовал появлению такого феномена, как «серебряное» волонтерство. В статье представлен анализ добровольческой деятельности людей старших возрастов, особенности и мотивы их участия. Добровольчество обусловлено потенциалом растущего социально активного образа жизни людей старшего возраста, готовых заниматься социальными практиками на благо общества. В последнее время принятые нормативно-правовые документы в области добровольчества в Российской Федерации направлены на активное долголетие. В литературе и средствах массовой информации всё чаще упоминается термин «серебряное» волонтерство. Автор взяла на себя задачу сформулировать его определение. «Серебряное» волонтерство понимается как вид социально активной и нравственной жизнедеятельности старшего поколения, осуществляемой безвозмездно на благо других людей, помогающей ощутить причастность к жизни общества, поделиться жизненным и профессиональным опытом, ставшей одним из условий укрепления чувства собственного достоинства, улучшения социального самочувствия, состояния здоровья и независимости. Проведённое социологическое исследование добровольческих практик людей старшего возраста констатировало, что степень их участия в деятельности волонтерских организаций варьируется в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья, дохода, уровня образования и социально-профессионального статуса. Основными мотивами участия этих людей в добровольческой деятельности выступают: желание почувствовать себя компетентным, несмотря на возраст; поддержка контактов с людьми; использование свободного времени и избавление от чувства одиночества. Для большинства людей старшего возраста участие в добровольческих практиках обусловлено как удовлетворением личной, индивидуальной потребности человека быть полезным другому человеку, так и стремлением решить свои собственные проблемы как материального, так и психологического характера. По результатам исследования был составлен социальный портрет «серебряного» волонтера. Это в основном женщины в возрасте 60–69 лет, имеющие высшее образование, детей, проживающие одиноко. Большая часть респондентов относится к среднеобеспеченным слоям населения. Сделан вывод, что развитие добровольческой деятельности людей старшего возраста создаёт новые возможности для выражения творческого потенциала и социальной активности личности на позднем этапе жизни.

Ключевые слова: добровольчество, «серебряное» волонтерство, старшее поколение, пожилые люди, мотивация, благотворительность, гражданское общество

Изучение добровольческой деятельности, несмотря на большое число публикаций, на наш взгляд, остаётся актуальным. До сих пор недостаточно теоретико-социологического осмысления волонтерства как формы самоорганизации общества в условиях перемен.

Государственное законодательство в сфере развития волонтерской деятельности в России формируется с 1990-х гг. В 1995 г. принят Закон РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В 5-ой статье даётся определение: «добровольцы – это граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда»¹. В 2009 г. принята «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества». Результатом реализации концепции явилось повышение доверия граждан к благотворительным и иным некоммерческим организациям, расширение участия граждан и организаций в благотворительной и добровольческой деятельности, увеличение финансирования, развитие инфраструктуры, добровольческих программ и повышение качества жизни населения².

Правовое регулирование добровольческой деятельности изменилось с принятием Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»³.

В Год добровольца и волонтера (2018) вступил в силу Федеральный закон от 5 февраля № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)», проект которого был разработан в 2013 г. Закон предусматривает формирование единого подхода к регулированию отношений в сфере добровольчества⁴. В Законе уравниваются понятия «волонтерство» и «добровольчество», что позволило устранить противоречия между рядом нормативных правовых актов в этой сфере. Определён статус добровольцев, добровольческих организаций и центров поддержки добровольчества. Положениями закона устанавливаются правовые условия осуществления добровольцами своей деятельности (права, обязанности, страхование жизни и медицинская помощь), а также определяются полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере поддержки добровольчества.

Принятые документы в области социальной политики в Российской Федерации, направленные на активное долголетие, создали новые возможности для участия старшего поколения в жизни общества.

¹ Федеральный закон от 11.08.95 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (Дата посещения: 21.10.2018).

² Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р. URL: <http://base.garant.ru/6726429/> (Дата посещения: 21.09.2018).

³ Федеральный закон от 23.10.2010 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108335/ (Дата посещения: 28.09.2018).

⁴ Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. N 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/56800> (Дата посещения: 28.09.2018).

Наряду с этим существует недостаточная проработанность нормативно-правовой базы, налоговых преференций волонтерским организациям, неразвитость инфраструктуры благотворительной деятельности. Российское общество характеризуется невысоким уровнем доверия к агентам добровольческой деятельности, недостатком информации о целях, задачах, деятельности общественных организаций и добровольцев, их мотивации и реальных результатах.

«Серебряные» волонтеры – кто они?

В последнее время всё чаще употребляется термин «серебряное» волонтерство. Изучение теоретико-методологических концепций позволяет по-новому осмыслить поздний период жизни человека, сформулировать оптимистические теории старения, предложить новые смыслы и ценности человеческой жизни в старости. Добровольческая (волонтерская) деятельность старшего поколения нами рассматривается как вид социально активной и нравственной жизнедеятельности, осуществляемой безвозмездно на благо других людей, помогающей ощутить причастность к жизни общества, поделиться жизненным и профессиональным опытом, и является одним из условий укрепления состояния здоровья, чувства собственного достоинства, улучшения социального самочувствия, сохранение ощущения независимости.

В 2017 г. в стране насчитывалось более 5 млн добровольцев. Доля волонтеров среди населения составила 5 против 2% в 2012–15 гг. [Доклад о состоянии... 2017: 51]. Трудно определить, сколько людей старшего возраста участвуют в волонтерской деятельности, практически не ведётся статистический учёт в этой возрастной группе. Можно судить лишь по частным исследованиям и опросам. Только 4,4% некоммерческих организаций привлекают в свою деятельность людей старшего возраста. На самом деле социальная активность этих людей высока: «... треть респондентов старше 56 лет включены в социальные практики, четверть – старше 64 лет, каждый десятый – от 72 до 80 лет [Исследователи: ... 2015]. Согласно данным комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат), в нашей стране в 2016 г. 8% граждан старшего трудоспособного возраста вели активный образ жизни.¹ По данным опроса «Готовность к переменам», организованного НИУ ВШЭ в том же году, каждый второй в возрасте 50 лет и старше принимал участие в выборах как избиратель, каждый третий участвовал в субботниках, собраниях жильцов дома или подъезда» [Старение... 2017]. Как правило, социально активные люди старшего возраста становятся ресурсом добровольческой деятельности и «серебряными» волонтерами.

В научных исследованиях добровольчество акцентирует внимание на таких категориях, как «время», «труд» и «деятельность» [Мерсиянова 2011: 39], и представляется как активность, осуществляемая людьми добровольно на безвозмездной основе и направлена на

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (Дата посещения: 28.10.2018).

достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества [Кудринская 2006: 15] как тип социально одобряемой и социально признаваемой деятельности, как разновидность бескорыстного общественного поведения, которое характеризуется нравственным и созидающим уровнем социальной активности, выраженной в любых общественно полезных мероприятиях с целью изменения окружающего мира, и является одним из условий интеллектуального, личностного и деятельного развития личности, определяя её жизненную позицию как гуманистическую [Азарова, Яницкий 2008: 120], как общественно полезную деятельность, осуществляемую людьми добровольно, на безвозмездной основе и в интересах организаций, групп и лиц, не являющихся членами их семей или их близкими родственниками [Мерсиянова 2011: 40]. По мнению О. Н. Яницкого, «добровольчество (этимологически происходящее от соединения слов «добрая воля») – это категория прежде всего нравственная. Поэтому главное вознаграждение за неё – это моральное удовлетворение, чувство исполненного долга и общественное признание» [Яницкий 2016].

Эмпирическое исследование среди активных людей старшего возраста проводилось в 2016–18 гг. в Улан-Удэ (N=154). В качестве объекта исследования выступили пожилые люди – члены региональной общественной организации «Союз пенсионеров России». Анкетирование проводилось во время обучения в общественном университете «Знание». Был задан ряд вопросов, касающихся удовлетворённости жизнью, материальным положением, организацией свободного времени; исследователи интересовались образом жизни, ценностными ориентациями респондентов, их участием в социальных практиках.

По результатам опроса был составлен социальный портрет «серебряного» волонтера. Это в основном женщины (83,7%), в возрасте 60–69 лет (72,4%), имеющие высшее образование (60,7%), детей (92%), проживающие одиноко (37,2%), с супругом (32,6%) или совместно с супругом и детьми (14%). Большая часть респондентов отнесли себя к среднеобеспеченным слоям населения (49,5%). Отмечено, что в благотворительных практиках чаще других принимают участие высокоресурсные группы респондентов, с высоким образовательным и профессиональным статусом, высоким уровнем дохода.

Исследования детерминант активного поведения позволяют утверждать, что структурные ресурсы (например, пол, возраст, уровень образования и дохода, семейное положение, наличие и возраст детей, социальные связи, одиночество) заметно влияют на участие людей старшего возраста в активной жизни и добровольческой работе [Мерсиянова 2011; Синецкий 2001; Певная 2016; Козырева, Смирнов 2017; Воронин и др. 2018].

Высокий и средний индекс жизненной удовлетворённости характерен для 47,3% людей старшего возраста. Эти значения отражают их высокую адаптированность к жизни, способность находить новые стимулы, придающие смысл их жизни. Напротив, низкие значения индекса жизненной удовлетворённости свидетельствуют о высоком уровне тре-

возможности, психологическом дискомфорте и недовольстве сложившейся ситуацией и своей ролью в ней. Это характерно для 45,6% людей старшего возраста.

Оценка исследуемого периода жизни людей выражена (по мере упоминания) в следующих характеристиках: интересный, активный (36,4% и 30,7% соответственно); опытный (27,3%); независимый, свободный (26,1%); мудрый (25%); работоспособный (21,6%); счастливый (21,7%); спокойный, такой же, как и другие периоды (18,2%); время самореализации, переосмысления (17 и 15,9%). Эти характеристики в основном носят положительный или нейтральный характер. Отметим, что отрицательные характеристики в ответах встречались редко. Из негативных следует отметить следующие: зависимый (9,1%); проблемный, трудный, противоречивый, кризисный, бедный (5,7%); непредсказуемый, одинокий (4,5%); несправедливый (4,9%)¹.

Из ответов респондентов установлено, что значимыми ценностями для пожилых людей выступают здоровье (74,7%), дом, семья (67,8%), материальная обеспеченность (50,6%), уверенность в будущем (41,4,4%), надёжные друзья (23%), уверенность в себе и чувство собственного достоинства (19,5%), образованность, духовность, высокая культура и чувство безопасности (12,6%).

Мотивы волонтерства людей старшего возраста

Факторы и мотивы, влияющие на уровень и степень включённости представителей старшего поколения в добровольческую деятельность, коррелируют с социально-демографическими показателями, индивидуальными особенностями, материальным положением, личностным статусом и зависят от ценностных ориентаций.

Зарубежными авторами выделяются следующие мотивы участия в добровольческой деятельности. По данным десятилетнего наблюдения (1981–1990 гг.) и исследования, проведённого Д. Дж. Бейкером (Великобритания) в нескольких странах Европы и Северной Америке, среди основных причин участия в волонтерской деятельности примерно половиной населения указывалось чувство долга или моральной обязанности, желание внести свой вклад в жизнь родного города или местности, возможность приобретения новых навыков или полезного опыта, а также потребность делать что-либо полезное в свободное время. Айсли (Isley) исследовал различие мотиваций новых и опытных добровольцев. Он определил девять категорий мотивов: приятное проведение времени и перемена ритма жизни, гуманитарные мотивы, идеалистические и духовные мотивы, другие идейные мотивы, личностные мотивы, финансовые мотивы, мотивы личностного развития, социальные мотивы и мотивы выхода из негативных состояний. (Цит. по: [Бодренкова 2013: 21]).

¹ Данные характеристики были выявлены в интервью с людьми старшего возраста. В ходе работы было собрано порядка 43 прилагательных, которые были структурированы как модель двухфакторного анализа с полюсами «высокая удовлетворенность» – «низкая удовлетворенность» жизнью и полюсами «социально активные» – «социально пассивные».

По результатам проведенного исследования, основными мотивами участия в добровольческой деятельности людей старшего возраста выступают: желание почувствовать себя компетентным, несмотря на возраст (62,4%), поддержка контактов с людьми (29,4%), использование свободного времени (8,2%), чувство одиночества (5,9%).

Важным мотивом участия в добровольческой деятельности является наличие свободного времени у пожилых людей. В ходе исследования выявлено, что они предпочитают проводить его в общении с друзьями (51,7%), заниматься домашним хозяйством (49,4%), внуками (49,4%), быть в кругу семьи (42,5%), читать, смотреть телевизор (40,2%), заниматься своим здоровьем, лечением (29,9%).

Большая часть респондентов (51,1%) удовлетворены проведением своего свободного времени; 18,2% его практически не имеют и 20,5% не удовлетворены своим времяпрепровождением. К числу причин, по которым люди старшего возраста не занимаются организацией свободного времени, респонденты отнесли недостаток денежных средств (39,1%), домашние и семейные заботы (24,1%), плохое здоровье (12,6%), другое (11,1%).

Отметим, что волонтерство в российских условиях рассматривается как приобретение новых навыков, хорошее времяпрепровождение, интересный досуг и, реже, как долг перед обществом и моральная обязанность человека.

Е. С. Азарова и М. С. Яницкий выделяют три типа детерминант волонтерской деятельности: *личностные* (система мотивов, потребность в заботе о ком-то, эмпатия, ценностно-смысловая система, эмоциональные особенности, направленность, свойства личности, самооценка), *коммуникативно-деятельные* (успешность деятельности, стиль общения, содержание и процесс обучения, стратегическое планирование и руководство), *социально-психологические* (система поощрения, влияние общественного внимания и признания, содержание добровольческой деятельности, социально-психологический климат организации) [Азарова, Яницкий 2008: 120].

Влияние на развитие волонтерского движения оказывает также социально-экономическая и политическая ситуация в стране и регионе. В настоящее время активизировалась государственная поддержка добровольческого движения. Внедряется «дорожная карта» развития «серебряного» волонтерства. Ассоциация волонтерских центров и фонд «Память поколений» реализуют федеральную программу «Молоды душой», направленную на тиражирование лучших практик и обучение лидеров и волонтеров старшего возраста. Наблюдается рост зарегистрированных добровольцев. Так, на информационной платформе «Добровольцы России» прошли регистрацию более 900 тыс. волонтеров и 20556 общественных организаций (в 2018 г. было зарегистрировано около 100 тыс. волонтеров и 4463 организаций). От Республики Бурятия на этом портале представлены уже 98 организаций (АНО «Добровольческий корпус Байкала», «Байкальский фонд местного сообщества», «Солидарность поколений», волонтерская группа «Цунами», волонтеры-медики РБ, волонтеры Победы, Здоровое поколение и др.) и 1645 добровольцев.

Как видим, направленность деятельности некоммерческих организаций носит, как правило, традиционный характер и поддерживает уязвимые слои населения (ветеранов войны и труда, пенсионеров, инвалидов, одиноких матерей, многодетные семьи, молодёжь, детей-сирот и т. д.). В последнее время актуальными становятся событийная, культурная, военно-патриотическая, экологическая направленность общественных организаций.

В республике создаются «серебряные» волонтерские организации¹. Образовательные учреждения активно включаются в добровольческий процесс. Так, в Бурятском государственном университете создана общественная организация – центр «Солидарность поколений», целью которой является объединение усилий старшего и молодого поколений по созданию «обучающегося сообщества» и привлечению внимания общества к потребностям и интересам старшего поколения в получении образования и изменении общественного мнения об образовательных установках людей старшего возраста. Задачами центра являются разработка учебных программ, адаптированных для старшего поколения; оказание образовательных и консультационных услуг в сфере своей компетенции; проведение социально-психологических исследований в области геронтосоциологии и геронтообразования; разработка и внедрение системы регулярного объективного информирования пожилого населения; формирование культуры добровольческой деятельности в формате межпоколенческого диалога и совместной деятельности. Волонтерское движение «Солидарность поколений» объединяет преподавателей и студентов университета.

Для большинства людей старшего возраста участие в добровольческих практиках обусловлено как удовлетворением личной, индивидуальной потребности человека быть полезным другим, так и стремлением решить свои собственные проблемы материального и психологического характера (преодолеть социальную эксклюзию, быть кому-то нужным, найти опору для себя и избавиться от ощущения одиночества и неполноценности жизни). Жизненный опыт, продолжение профессиональной деятельности в добровольчестве, а также доверие общества к людям старшего возраста являются важными мотивами формирования в их среде добровольческого движения.

Заключение

Развитие добровольческого движения имеет свои особенности. Волонтерская деятельность прошла большой путь от простой до профессиональной помощи различным группам населения. Показателем социально ориентированного государства является развитое гражданское общество с большой сетью негосударственного и некоммерческого сектора, вовлечённостью граждан в общественную деятельность и признание полезности

¹ В Бурятии создаются «серебряные» волонтерские организации // Официальный портал Республики Бурятия. URL: <http://egov-buryatia.ru/minsoc/> (Дата посещения: 28.09.2018).

труда волонтеров. Добровольческая деятельность людей старшего возраста как один из маркеров состояния гражданского общества способствует росту их гражданской активности и разрешению усложняющихся противоречий социальных проблем. Развитие гражданского общества невозможно без гражданской инициативы. Но для этого необходимы механизмы их реализации.

Развитый институт добровольчества является характерным признаком устойчивой социальной структуры общества. Как и любой институт, он нуждается в постоянной поддержке со стороны государства и общества. Некоммерческие организации выступают связующим звеном между государством и сферой частной жизни человека. Активная жизненная позиция гражданина вызывает позитивные изменения, способствует развитию нравственных качеств личности, создаёт новые возможности для выражения творческого потенциала, независимости в старшем возрасте.

Библиографический список

Азарова Е. С., Яницкий М. С. 2008. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. № 306. С. 120–124.

Бодренкова Г. П. 2013. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике / учебно-методическое пособие. М.: АНО «СПО СОТИС». 320 с.

Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. 2018. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. Том. 24. № 3. С. 32–55. doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. 100 с.

Исследователи: более трети россиян «серебряного возраста» вовлечены в волонтерство. 2015 // Агентство социальной информации URL:<https://www.asi.org.ru/news/2015/10/02/issledovateli-bolee-treti-rossiyan-serebryanogo-vozrasta-vovlecheny-v-volonterstvo/> (Дата посещения: 28.09.2018)

Козырева П. М., Смирнов А. И. 2017. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. № 1 (393). С. 64–73.

Кудринская Л. А. 2006. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 5. С. 15–22.

Мерсиянова И. В. 2011. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Гражданское общество в России и за рубежом. № 2. С. 39–45.

Певная М. В. 2016. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. № 12. С. 69–77.

Синецкий С. Б. 2017. Волонтерские объединения граждан как социально-педагогическая система // Вестник Челябинского государственного университета. № 6. С. 152–157.

Старение как социально-экономический феномен: экспертно-аналитический отчет 2017 / О. В. Синявская. М.: КГИ // URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3639/> (Дата посещения: 28.09.2018).

Яницкий О. Н. 2016. Добровольцы, волонтеры, благотворители – не пора ли в этом разобраться? // Официальный сайт Института социологии РАН. Блог Яницкого. URL: http://www.isras.ru/blog_yan_94.html (Дата посещения: 28.09.2018).

Статья поступила: 24.04.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.617

Volunteer Activity Among the Elderly: Features and Participation Motives

Zinaida A. Butueva

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

E-mail: butueva_z@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2240-4826

For citation: Butueva, Z. A. Volunteer activity among the elderly: features and participation motives. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 220–230. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.617

Abstract. The year 2018, which was declared the year of the volunteer in Russia, aided in the emergence of such a phenomenon as “silver” volunteerism. This article presents an analysis of the volunteer activity of elderly folk, its features and their participation motives. Volunteerism is conditioned by the potential of an increasingly socially active lifestyle among the elderly, who are prepared to partake in social practices for the benefit of society. Russia’s recently accepted legal documents which regulate volunteerism are aimed at active longevity. Literature and mass-media are mentioning the term “silver” volunteerism more frequently. The author of this article has undertaken the task of defining its meaning. “Silver” volunteerism is considered to be a type of active and ethical life activity for the elderly, which is performed at no cost and for the good of other people, aids in the elderly feeling a connection to community life, as well as sharing their life and professional experience, and which has become one of the conditions for enhancing their sense of dignity, for improving their social well-being, health and independence. The conducted sociological study of volunteer practices among the elderly states that the degree to which they participate in the activities of volunteer organizations varies depending on gender, age, health condition, income, education level and social-professional status. Their primary motives for participating in volunteer activity are as follows: the desire to feel competent, regardless of age; staying in touch with other people; putting their free time to use and escaping a sense of loneliness. For most elderly people, participating in volunteer practices is conditioned by a person’s need to satisfy their personal, individual need to be useful to someone else, as well as their intention to solve their own problems of material and psychological nature. The social portrait of a “silver” volunteer was compiled based on the results of this study. These are mostly women ages 60 to 69, who have a college education, children, and who live by themselves. Most of the respondents are of average material status. A conclusion is drawn that developing volunteer activity among the elderly creates new opportunity for expressing one’s creative potential and social activeness in later stages of life.

Keywords: volunteering, “silver” volunteering, the older generation, the elderly, motivation, charity, civil society.

References

Azarova E. S., Yanitsky M.S. Psychological determinants of volunteering. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = TSU Bulletin, 2008; vol. 306: 120–124 (In Russ.).

Kozyreva P.M. Smirnov A.I. Russian pensioners in crisis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017; 1: 64–73 (In Russ.).

Kudrinskaya L.A. Volunteer work: essence, functions, specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006; 5: 15–22.

Mersiyanova I. V. Factors of Russian involvement in volunteering. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil Society in Russia and Abroad*, 2011; 2: 39–45 (In Russ.).

Onishchenko E. V. Prospects for the development of volunteer movement in Russia. *Vestnik MGOU = MSOU Bulletin*, 2011; 6: 183–187 (In Russ.).

Pevnaya M. V. Managing Russian Volunteering: Essence and Contradictions. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2016; 12: 69–77 (In Russ.).

Report on the state of civil society in the Russian Federation in 2017 year. Moscow: PC RF, 2017: 100 (In Russ.).

Sinekiy S. B. Volunteer associations of citizens as a socio-pedagogical system. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = ChelSU.Bulletin*, 2017; 6: 152–157 (In Russ.).

Sinyavskaya O. V. Aging as a socio-economic phenomenon: expert-analytical report. Moscow: KGI, 2017. Available at: <https://komitetgi.ru/analytics/3639/> [accessed: 28.09.2018] (In Russ.).

Voronin G. L., Zaharov V. Y., Kozyreva P. M. Lonely elderly: live or live? *Sociologicheskyy zhurnal = Sociological Journal*, 2018; 24, 3: 32–55. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5992 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Personal blog, 2016. FCTAS RAS Official website. Available at: http://www.isras.ru/blog_yan_94.html [accessed: 28.09.2018] (In Russ.).

The article was submitted on: April 24.2019

МОТИВЫ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618

Метаописание женских сценариев вовлечения в бизнес

Ссылка для цитирования: *Воронкова А. И.* Метаописание женских сценариев вовлечения в бизнес // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 231–248. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618

For citation: Voronkova, A. I. Meta description of female business engagement scenarios. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 231–248. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618

Воронкова Анастасия Игоревна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

avoronkova@hse.ru

AuthorID РИНЦ: [897108](#)

Метаописание женских сценариев вовлечения в бизнес

Аннотация. В данной статье проводится метаанализ репрезентации основных моделей рекрутирования женщин в профессиональную бизнес-сферу в европейской англоязычной, дальневосточной и отечественной периодике. Целью работы является систематизация теоретико-концептуальной и практической специфики воспроизведения определённых схем рекрутирования в экономическую элиту, а также ограничений, с которыми женщины сталкиваются при выборе профессиональных траекторий развития. Метаописание карьерного пути женщин, состоявших в сфере предпринимательства, позволяет реконструировать женские сценарии выбора и развития бизнес-карьеры, а также построить типологию нарративных стратегий, влияющих на выбор женщинами профессиональных траекторий развития в страновых контекстах. За эмпирическую основу данной работы взяты полнотекстовые статьи периодических и серийных изданий ведущих зарубежных и отечественных академических журналов. Использование критического дискурс-анализа статей и открытых данных позволяет реконструировать значение гендерных аспектов при выборе бизнес-карьеры и проследить влияние контекста развития женского предпринимательства на механизмы рекрутирования в разных странах. По результатам эмпирического исследования репрезентация механизмов рекрутирования женщин в профессиональную сферу дифференцируется в англоязычной и отечественной периодике по-разному. Страновые особенности являются одним из факторов, влияющих на формирование специфических для регионов бизнес-траекторий. В Европе преобладает дискурс системы образования как наиболее приемлемого способа закрепления в экономической сфере. В странах Восточной Азии акцент сделан на процессе иммиграции. В России присутствуют гендерно маркированные стратегии на лидерских позициях. Способ подачи механизмов рекрутирования тоже различен: если статьи европейского сектора фокусируются на позитивных тенденциях и репрезентации дискурса успешных бизнес кейсов, то отечественная периодика концентрируется на барьерах и ограничениях, с которыми сталкиваются женщины при выборе дальнейшей карьеры. Нарративы, используемые для реконструирования механизмов рекрутирования женщин в бизнес среду, и выбранная авторами статей терминология подтверждают позитивную репрезентацию женского предпринимательства в европейском секторе, двойственный характер бизнес сферы в странах Дальнего Востока и некоторое отставание российского сегмента.

Ключевые слова: метаописание, женское предпринимательство, женщины в бизнесе, механизмы вовлечения, профессиональные траектории

В современном обществе распространение малого и среднего бизнеса является не только одним из ключевых показателей экономического развития, но и индикатором уровня сегрегации в профессиональной сфере. Ещё в 2015 г. международная организация «Grand Thornton» и Всемирный экономический форум «Global Gender Gap Report» прогнозировали, что процессы глобализации и интеграции должны способствовать процентному увеличению представительства женщин как в системе образования и здравоохранения, так и в бизнес-среде [Schwab et al. 2015: 44]. Однако по данным за 2017–18 гг. «бизнес сделал один шаг вперёд, но два шага назад», так как доля руководящих ролей, занимаемых женщинами, снизилась [Lagerberg 2018: 7]. В России движение в сторону финансовой стабильности женского предпринимательства, доступных механизмов вовлечения в экономическую элиту и распространения специального образования также остаётся нелинейным и амбивалентным. По данным статистических сборников РОССТАТ за 2016–17 гг., количество женщин – специалистов высшего уровня квалификации в области бизнеса и администрирования – выросло с 10884 в 2016 г. до 11104 человек в 2017. Но их количество на руководящих постах, наоборот, сократилось с 2139 до 2028 человек¹. В данной дискурсивной рамке вопросы, связанные с дискриминацией при выборе профессиональной карьеры, со способами вовлечения в экономическую элиту, а также с барьерами и ограничениями на пути развития женского предпринимательства, приобретают актуальность. Репрезентация нарративов администрирования бизнеса в средствах массовой информации позволяет реконструировать развитие ситуации гендерного равенства на лидерских позициях и выявить противоречивые тенденции исследования женской экономической активности.

Метаописание

Систематизированные обзоры и метаописания предназначены для объединения и последующего осмысления результатов разных исследований в целях кумулятивного эффекта. Метаописание особенно важно в сфере социальной политики при объединении большого количества фактов социальной статистики и социальных обследований, но прикладные социальные исследования могут быть связаны со спецификой конкретной области исследований. В этой связи метаописание может столкнуться с рядом особых проблем: определение границ рассматриваемой области (например, страновая специфика) и целевые вопросы исследования, на которых сфокусировано метаописание; выбор критериев сравнимости, когда описываемые исследования, различающиеся по дизайну исследования и критериям оценки полученных результатов,

¹ Занятое население по полу и группам занятий на основной работе // Федеральная служба государственной статистики. Обращение 07.01.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm (Дата посещения: 15.10.2019).

сравниваются между собой; непоследовательность и неполнота эмпирических отчётов; неоднородность в связи с наличием нескольких авторов [Davis et al. 2014: 511].

Систематизированные обзоры используются как способ систематизации всей доступной информации об объекте. Первоначально метаописание и метаанализ были разработаны для использования в социальных науках [Glass 1976], далее распространились на естественнонаучную сферу и сегодня представляют собой отдельную методологическую область [Borenstein et al. 2009; Enders 2010; Harden, Thomas 2005; Koricheva et al. 2013; Lipsey, Wilson 2001; Littell et al. 2008; Schulze 2007]. Метаописание в варианте метаанализа уже относится к статистическим методам, используемым для объединения информации, чтобы выстроить общую оценку знаний об объекте. В совокупности систематизированные обзоры и метаописания могут помочь прояснить наличное состояние области исследований, определить обнаруженные тенденции и выяснить, какие ещё будущие исследования необходимы. Метаописания также важны в глобальном аспекте с целью выяснить, различаются ли исследования, проводимые в одном культурном контексте или стране, от результатов исследований, проведённых в иных культурных контекстах.

Целью данной статьи является метаописание¹ карьерного пути женщин, состоявших в сфере предпринимательства, с целью реконструкции женского сценария бизнес-карьеры. За эмпирическую основу данной работы взяты полнотекстовые статьи периодических и серийных изданий ведущих зарубежных журналов: *Annual Review of Sociology*, *Annual Review of Political Science and Economy*, *Journal of Economic Literature*, JSTOR, Science Direct и др., а также онлайн-архивы отечественной периодики Elibrary и EastView. Общий пул состоит из 210 статей, по 70 статей на каждый из трёх секторов – европейский, дальневосточный и российский. Временные рамки публикации – 2000–2019 гг. Направления – социология, социальная психология, экономика, социальная политика. В процессе отбора были отсеяны статьи, имеющие недостаточно сведений о траекториях вовлечения женщин в бизнес-среду, малое количество источников и слишком узкую направленность (например, медицинские статьи, косвенно попавшие в раздел «социология»). Ключевые слова, используемые при поиске исследований по теме, – *women entrepreneurship, business, pathways, trajectories, leadership*. Для русскоязычного сектора: женское предпринимательство, профессиональные траектории, лидерство, механизмы вовлечения женщин в бизнес. Статьи были отобраны по релевантности и количеству просмотров. Характеристики выбранных публикаций: релевантность и актуальность (по 70 наиболее релевантных на сектор); принадлежность к социологии или экономике; использование актуальной методологии (интервью, опрос, анкетирование, дискурс-анализ, кластерный анализ и др.); оперирование

¹ Метаописание – способ анализа на основе принятия точки зрения «над» и «между», который обобщает многочисленные описания одного и того же объекта анализа с разных сторон.

социологическими теориями и использование терминологии (gender gap, leadership theory etc.); наличие опоры в виде теоретической и эмпирической базы (результаты опросов, респонденты и др.); выявление страновых особенностей систем вовлечения (интерсекциональные исследования карьерных траекторий и страновых особенностей)¹. В исследовании проводится метаанализ данных публикаций авторитетных изданий, обзор теоретико-концептуального базиса изучения профессиональных траекторий развития женского предпринимательства на предмет наиболее распространённых концептуальных оснований, свидетельствующих о теоретическом консенсусе в изучении женского карьерного пути в бизнесе, и дискурс-анализ нарративов, используемых при репрезентации способов карьерного успеха. Работа с открытыми данными и цифровой формат статей позволяют оперировать фактологическим материалом, а также реконструировать типологию факторов влияния при выборе профессиональной карьеры в различных странах.

Исследование контекста развития женского предпринимательства в разных странах

Механизмы построения женских карьерных путей в сфере бизнеса дифференцируются в зависимости от странового контекста. Специфические модели вовлечения, сформированные в регионах, взаимосвязаны с социальными практиками, присущими определённым странам, и требуют интерсекционального анализа. Сравнение статей, посвящённых построению профессиональных траекторий развития женского предпринимательства в дальневосточном, европейском и российском секторе, позволяет реконструировать особенности факторов влияния, а также заложить концептуальные основания для будущих исследований.

По данным лонгитюдного исследования Our World in Data, изменение демографической и экономической ситуаций последнего столетия привели к резкому увеличению доли женщин трудоспособного возраста на рынке профессий раннеиндустриальных стран. В Канаде процент работающих женщин увеличился с 15,8% в 1911 г. до 61,28 в 2016 [Our World in Data...]. Активное вовлечение женщин на рынок труда и быстрый рост сегмента малого семейного бизнеса привели к появлению исследований, связанных с гендерными аспектами трудовой сегрегации. Анализ контекстуальных факторов влияния на выбор женщинами профессиональных траекторий развития, дискриминацию на рабочем месте, разницу в условиях труда и возможностях совмещения карьеры и семьи можно встретить в исследованиях XX в.

Историческое влияние социального пола на разрыв в заработной плате при выборе карьеры рассматривается в статье М. Моуни «Sex Differences in Earnings in The United States» [Mooney 1989]. Автор

¹ Общий пул статей с нарративами можно увидеть в «Приложении 1».

фокусируется на влиянии социальных связей, уровне профессиональной квалификации, а также на различиях в отношении к работе женщин и мужчин. Связь между уровнем полученного образования и дальнейшей профессиональной траекторией подчёркивается Дж. Якобсом в публикации «Gender Inequality and Higher Education» [Jacobs 1996]. Он уточняет, что гендерное неравенство обнаруживает себя уже на стадии доступа к сфере высшего образования, однако проявляется в полной мере в сфере выбора специальности. Влияние поло-ролевого воспитания на воспроизводство социальной стратификации и чёткой дифференциации в профессиональных траекториях развития исследуется в работе «Sex Roles: The Division of Labor at Home and in the Workplace» [Mille, Garrison 1982]. Дж. Миллер акцентирует внимание на участии женщин в неоплачиваемом домашнем труде и сложностях совмещения карьерного роста с хозяйственными делами. Вопросы, связанные с совмещением профессиональной траектории развития и семейными обязанностями, также изучаются в публикации «The family responsive workplace» [Glass, Estesn 1997]. Дж. Гласс обращает внимание на то, что массовый выход женщин на рынок труда усугубил несовместимость интересов работодателя с интересами семьи. Автор предлагает выработать эффективную политику организации условий труда, учитывающую интересы семейного функционирования. Гендерные аспекты индустриализации в странах дальневосточного сектора анализируются в статье «The Gender and Labor Politics of Postmodernity» [Ong 1991]. Автор рассматривает трудности и ограничения, с которыми сталкиваются женщины, работающие в субконтрактных фирмах.

Отдельно следует отметить и более узконаправленные исследования, посвящённые поведению женщин на лидерских позициях или тактикам администрирования крупных предприятий. Статья М. Амброуз «Asymmetric Perceptions of Ethical Frameworks of Men and Women in Business and Nonbusiness Settings» [Ambrose, Schminke 1997] сфокусирована на выявлении асимметрии в подходах и методах решения этических вопросов в деловых ситуациях. Автор подчёркивает, что модели поведения женщин и мужчин на лидерских позициях значительно различаются, что приводит к усилению сегрегации на рабочем месте. Образ идеальной бизнес-модели в контексте изменения женской деловой идентичности анализируется в статье П. Кимл «A Grounded Theory Model of the Ideal Business Image for Women» [Kimle, Damhorst 1997], где приводятся 24 неструктурированных интервью для выявления общих моделей поведения и профессиональных траекторий респонденток. Автор концентрируется на важности контекстуальных факторов и влиянии консервативного воспитания. Нарративы успешного женского предпринимательства на примере кейсов азиатских бизнес-леди представлены в работе И. Хардилл «Diasporic Connections: Case Studies of Asian Women in Business» [Hardill, Raghuram 1998]. Поддержка профессионального развития женщин внутри крупных азиатских диаспор в европейских странах рассматривается авторами как специфическая модель вовлечения в сферу экономических элит.

Реконструкция основных моделей вовлечения в профессиональную сферу

Несмотря на то, что вопросы, связанные с положением женщин на рынке труда, развитием профессиональных траекторий и моделей вовлечения в сферу предпринимательства, активно исследовались уже в XX в., в последние несколько десятилетий количество работ, посвящённых данной тематике, резко возросло [De Massis, Kotlar 2014]. Анализ данных зарубежных периодических и серийных изданий позволяет реконструировать наиболее приемлемые механизмы вовлечения женщин в сферу экономических элит и обозначить основные барьеры и ограничения, с которыми они сталкиваются в разных странах. Контекст развития женского предпринимательства взаимосвязан с особенностями социальной и экономической политики регионов, поэтому требуется перекрёстный анализ влияния страновых особенностей на модели вовлечения женщин в бизнес-сферу.

Проанализировав текстовую информацию, предоставленную в 70-ти отсортированных по релевантности статьях европейского сектора American Economic Association, JSTOR, Annual Reviews и Science Direct за 2000–2019 гг., можно чётко выделить наиболее актуальные механизмы вовлечения женщин в сферу профессионального бизнеса. Из всего объёма публикаций 20 сфокусированы на изучении корреляции между *доступом к высшему образованию, специальными учебными программами и администрированием собственного предприятия*. В статьях акцентируется внимание на повторяющемся нарративе образовательного эффекта. Специальные программы бизнес-обучения репрезентируются в качестве основной движущей силы, влияющей на повышение уровня женской занятости и расширение прав и свобод в экономической сфере. Авторы исследования «Getting what we wish for: the realities of business education for a global economy» подчёркивают, что процессы глобализации и экономической интеграции приводят к росту бизнес-школ по всему миру и привлечению большего количества студенток к участию в эффективно развивающихся направлениях исследований [Rijke, Plucker 2011]. Нарратив успешного внедрения новых педагогических подходов и инновационных моделей женского предпринимательства прослеживается и в работе «Education for Sustainable Development: Business modelling for flourishing» [Hoveskog et al. 2018]. Авторы описывают экспериментальные семинары и лекционные курсы, направленные на создание инклюзивных кооперативных бизнес-моделей, учитывающих социальные запросы. Публикация «International Masters' student perspectives of team business simulations» апеллирует к развитию международных программ образования, включающих как различные гендерные, так и расовые категории учащихся [Brown et al. 2018]. В целом образование как траектория профессионального развития и вступления в сферу экономической элиты репрезентируется с помощью позитивных нарративов успеха, инклюзивной программы обучения и расширения прав женщин в странах европейского сектора.

Другим механизмом попадания в профессиональную предпринимательскую среду, описанным в 16 из 70 публикаций, является *семейный бизнес и наследование* фирм со стороны родственников мужского пола. В статьях подчёркивается, что изменение восприятия гендерных аспектов в вопросе преемственности означает, что пол перестаёт иметь решающее значение при выборе наследника. Инклюзия женщин-администраторов на высшие уровни организации семейного предприятия приобретает экономические основания, так как гендерное разнообразие и смешанные модели лидерского поведения положительно влияют на развитие малого бизнеса. Однако преемницы семейных фирм сталкиваются с большим количеством барьеров и ограничений на пути профессионального роста. Авторы исследования «Gender issues related to choosing the successor in the family business», основанного на 60-ти глубинных интервью, приходят к выводу, что влияние традиционного воспитания и гендерных стереотипов приводит к политической и экономической индифферентности женщин, сознательно даже не рассматривающих себя возможными наследницами семейного предприятия [Idigoraz, Vicente-Molina 2017]. Несмотря на это, нарратив успешного администрирования семейного предприятия и самостоятельного позиционирования женщин в качестве компетентного руководителя прослеживается в большом количестве публикаций, например, в работе «Daughters' self-positioning in family business succession: A narrative inquiry» [Mussolino et al. 2019]. Четыре успешных кейса иллюстрируют различные адаптивные техники и способы укрепления гендерных отношений в сфере профессионального женского предпринимательства.

Кроме образовательных программ и возможной системы наследования малого бизнеса, в дискурсе европейского сектора важную роль играет посыл *государственной и институциональной помощи* женскому предпринимательству. Вопросы финансирования малого и среднего бизнеса, юридической защиты, улучшения условий на рабочем месте, создания гибкого и удобного графика для совмещения карьеры и хозяйственных дел, улучшения системы здравоохранения и повышения уровня жизни, присутствуют в 18 публикациях. Авторы исследования «The Contemporary Career: A Work-Home Perspective» [Greenhouse, Kossek 2014] рассматривают взаимозависимость экономических, организационных и кадровых изменений и гендерных норм, принятых в социуме. Они приходят к выводу, что гибкий график, удобное расположение места работы и возможности дистанционного построения карьеры напрямую влияют на количество женщин, достигших успеха в сфере бизнеса. Однако авторы также подчёркивают, что повышение конкурентного давления на сферу малого и среднего предпринимательства на рынке труда приводит к уменьшению вертикальной мобильности женщин. Нарратив совмещения карьерного роста и семейных обязанностей, а также связанной с этими аспектами альтернативной политики вовлечения женщин в сферу профессионального бизнеса прослеживается в работе «Work-life balance and firms: A matter of women?» [Adame et al. 2016]. Авторы

фокусируются на позитивной репрезентации взаимосвязи работающих на предприятии женщин и разработке инклюзивной политической и экономической программы.

Отдельно следует упомянуть тренд, появившийся в публикациях 2014–19 гг. Из 70 работ 5 рассматривают *влияние дискурса в средствах массовой информации на восприятие образа женщин-предпринимательниц*, их экономической активности и нарратива успеха. Статья «Gender differences in evaluation of new business opportunity: a stereotype threat perspective» [Gupta et al. 2014] посвящена аспектам влияния предоставленной стереотипной информации о гендерно-маркированных стратегиях ведения бизнеса на деловые возможности мужчин и женщин. Авторы приходят к выводу, что гендерно-нейтральная репрезентация лидерских позиций позитивно влияет на выбор женщинами профессиональных траекторий развития.

Статьи, посвящённые дальневосточному сектору, имеют несколько иной тип репрезентации выбора профессиональных траекторий развития. Наиболее распространённым механизмом также является получение высшего образования. Дискурс о роли специальных программ делового администрирования, корпоративного распределения человеческих ресурсов, альтернативных форм развития инклюзивного образования встречается в 17 из 70 наиболее релевантных публикаций. В работе «The Effectiveness of Training Model for Women Entrepreneurship Program» [Idrus et al. 2014] проводится анализ эффективности программы женского предпринимательства «Women Entrepreneurship Program», нацеленной на выработку профессиональных навыков для успешного администрирования собственного дела. Результаты данного эмпирического исследования служат основой для выработки основных рекомендаций начинающим профессиональную карьеру женщинам.

Косвенным импульсом к бизнес-активности в сфере малого бизнеса может быть представлен процесс *миграции* в европейские страны, юридическая и экономическая помощь внутри диаспоры. На мотивирующих экономических факторах, роли социальной атмосферы, стремлении к улучшению уровня жизни как основных причинах миграции фокусируются 14 статей, в них также анализируются нарративы успеха и трудностей, с которыми азиатские женщины сталкиваются в процессе построения профессиональной карьеры в других странах. Работа «Narratives of mothers in diaspora: motherhood reconstruction in Chinese transnational families» [Liu 2019] сконцентрирована на изменении ролевой модели китаянок в транснациональных семьях. Автор подчёркивает важность построения нового комплексного социального поля, деконструирующего унитарную концепцию материнства и женственности на глобальном уровне, что приводит к положительной экономической и социальной динамике в обществах азиатских мигрантов. В исследовании «The gendered desire to become cosmopolitan: south Korean women's motivations for migration to the UK» [Kim 2010] рассматриваются причины миграции молодых женщин в Великобританию. Нарративы их биографий сводятся

к социальному давлению, невыгодному разделению труда в странах дальневосточного сектора, а также реалистичных потребностях в построении успешных карьерных траекторий.

Важным косвенным фактором, влияющим на процесс вовлечения в экономическую сферу, является улучшение системы здравоохранения и общего уровня удовлетворённости условиями на рабочем месте. Также 14 публикаций из 70 напрямую затрагивают тему эмоционального состояния, доступа к качественному медицинскому обслуживанию, уровню тревожных и депрессивных расстройств и связи гендерной политики государства с состоянием здоровья женщин. В работах подчёркивается, что проблемы психического равновесия становятся всё более очевидными в азиатских странах. Первостепенное значение имеет потребность в получении квалифицированной психиатрической помощи и улучшении социально-экономического статуса работающих женщин. В исследовании «Socioeconomic status and depression across Japan, Korea, and China: exploring the impact of labor market structures» [Nishimura 2011] внимание акцентируется на различиях в структурах рынка труда Японии, Кореи и Китая и дифференциации взаимосвязи трудовых договоров этих стран с уровнем депрессивных расстройств у женщин. Автор приходит к выводу, что негативное культурное отношение к психическим расстройствам, а также закрытый и враждебный для женщин экономический сектор в Японии оказывает серьёзное влияние на распространение ментальных заболеваний, в свою очередь гибкий рынок труда стимулирует снижение уровня тревожности у женщин, выбирающих профессиональную карьеру. В исследовании «Perceived gender discrimination, belief in a just world, self-esteem, and depression in Korean working women: a moderated mediation model» [Kim, Park 2018] также подчёркивается, что гендерная дискриминация на рабочем месте напрямую коррелирует с развитием серьёзных психических заболеваний у женщин.

В отличие от европейского англоязычного сектора, всего по две из 70 статей приходятся на такие способы рекрутирования, как семейный бизнес, система наследования фирм, роль средств массовой информации в формировании позитивного и негативного дискурса работающих женщин и финансирование женского предпринимательства со стороны государства.

Оставшиеся 17 статей представляют собой полуструктурированные интервью с женщинами-предпринимательницами и репрезентацию отдельно взятых кейсов успешного построения профессиональных траекторий развития.

Следует отметить, что количество статей, посвящённых российским механизмам вовлечения женщин в бизнес, как в англоязычной, так и в отечественной периодике, значительно меньше. Способ репрезентации механизмов вовлечения, ограничений и барьеров на пути карьерного развития в российской периодике также отличается и от европейского, и от дальневосточного секторов. Однако одним из приемлемых механизмов всё ещё представляются высшее образование и специальные программы обу-

чения, направленные на вовлечение женщин в систему администрирования крупных предприятий. 11 из 70 статей рассматривают образование как основополагающий фактор для дальнейшего выбора профессиональной карьеры. В работе «Investment in Higher Professional Education in Russia: value-based Approach» [Ankudinov et al. 2014] уточняется, что число студентов, получающих специальное образование, резко возросло за 2000–2010 гг. Однако различные факторы, влияющие на оценку экономической привлекательности высшего образования в России, такие как финансовая эффективность и доступность рабочих мест, требуют дальнейшего изучения.

Наиболее крупный сегмент статей отечественной и англоязычной периодики воспроизводит специфический лейтмотив «особых стратегий женского лидерства» или «женских стилей управления предприятиями» в России, которые рассматриваются как один из механизмов вовлечения в сферу профессионального малого бизнеса. Так, 16 из 70 статей посвящены исследованиям взаимозависимости персональных характеристик, мировоззрения российских женщин и успешного формирования лидерской модели, способствующей развитию женского предпринимательства. Алла Чирикова в монографии «Женщина во главе фирмы» делает акцент на эмпирических закономерностях в женском лидерстве, подчёркивая, что женщины реже пользуются привилегиями своего положения, предпочитают включаться в общую работу с другими сотрудниками и поощряют индивидуальность работников [Чирикова 1998]. Однако автор уточняет, что способы вовлечения в сферу профессионального бизнеса остаются стихийными и нелинейными. В работе «Особенности мужского и женского лидерства» [Григорьева 2010] рассматривается формирование специальных бизнес-планов и эффективных стилей администрирования предприятий, разработанных женщинами, занимающими высокие позиции в малом бизнесе. Акцент сделан на отличительных чертах коммуникации и способах мотивации сотрудников.

На роли средств массовой информации в формировании самооценки женщин при выборе профессиональных траекторий развития фокусируются 6 статей из 70-ти. Три из 70 посвящены балансу карьеры и семьи, а также возможным способам улучшения условий труда для работающих матерей. Четыре статьи анализируют государственные программы помощи малому и семейному бизнесу. Однако оставшиеся 30 статей¹, что характерно в таком масштабе только для репрезентации нарративов женского предпринимательства в России, посвящены высокому уровню гендерной дискриминации в экономической сфере. Авторы подчёркивают, что роль и статус женщин в России являются амбивалентными и комплексными. Политическая, социальная и экономическая динамика приводят к усилению гендерного неравенства в юридической сфере. Автор исследования «Gender inequality in Russia: the perspective of participatory gender budgeting» [Zakirova 2014] объясняет, что в России отсутствует совместное системное планирование финансирования жен-

¹ Распределение статей по темам расписано в Приложении после текста.

ских проектов, а национальные стратегии не рассматривают гендерные аспекты сегрегации на рынке труда. В исследовании «One step forward, two steps back: women in the post-communist states» [LaFont 2001] также утверждается, что снижение политической представленности женщин и дискриминация в условиях труда приводят к росту женской безработицы и бедности. Несмотря на это, автор уточняет, что постепенное внедрение инклюзивных программ образования и появление женских организаций предоставляют более оптимистичные прогнозы для выбора женщинами профессиональных траекторий развития.

Заключение

Таким образом можно сделать вывод, что репрезентация механизмов вовлечения женщин в профессиональную сферу дифференцируется в европейской англоязычной, дальневосточной и отечественной периодике по-разному. Страновые особенности являются одним из факторов, влияющих на формирование специфических для регионов бизнес-траекторий. В Европе преобладает дискурс системы образования как наиболее приемлемого способа закрепления в экономической сфере и наследования семейного предприятия. В странах Восточной Азии акцент сделан не только на специальных программах обучения, но и на процессе иммиграции, а также психическом здоровье работающих женщин. В России присутствуют гендерно-маркированные стратегии на лидерских позициях. Способ подачи механизмов вовлечения тоже различен – если англоязычные статьи фокусируются на позитивных тенденциях и репрезентации дискурса успешных бизнес-кейсов, то отечественная периодика – на барьерах и ограничениях, с которыми сталкиваются женщины при выборе карьеры. Нарративы, используемые для реконструирования механизмов вовлечения женщин в бизнес-среду, и выбранная авторами статей терминология подтверждают позитивную репрезентацию женского предпринимательства в англоязычной периодике, двойственный характер бизнес-сферы в азиатских странах и некоторое отставание российского сегмента. Однако развитие концептуальных изменений женской карьеры в предпринимательстве и отражение изменений в дискурсе исследований данной сферы представляют интерес для дальнейшего изучения.

Библиографический список

Григорьева Е. 2010. Особенности мужского и женского лидерства // Современные страховые технологии. Т. 3. С. 5–17.

Чирикова А. Е. 1998. Женщина во главе фирмы. М.: Изд-во Института социологии РАН. 358 с.

Adame S., Capliure E., Miquel M. 2016. Work-life balance and firms: A matter of women? // Journal of Business Research. V. 69/4. P. 1379–1383.

Ambrose M., Schminke M. 1997. Asymmetric Perceptions of Ethical Frameworks of Men and Women in Business and Nonbusiness Settings // *Journal of Business Ethics*. V. 16/7. P. 719–729.

Ankudinov A., Biktemirova M., Khairullina E. 2014. Investment in Higher Professional Education in Russia: Value-based Approach // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. V. 152. P. 1154–1159.

Borenstein M, Hedges LV, Higgins JPT, Rothstein H. 2009. *Introduction to Meta-Analysis*. Chichester: John Wiley & Sons. 415 p.

Brown D., Robson A., Charity I. 2018. International Masters' student perspectives of team business simulations // *The International Journal of Management Education*. Available Online. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:2055/science/article/pii/S1472811717304299> (Дата посещения: 15.10.2019).

Davis J., Mengersen K., Bennett S., Mazerolle L. 2014. Viewing systematic reviews and meta-analysis in social research through different lenses // *Springerplus*. № 3. Article 511. Doi:[10.1186/2193-1801-3-511](https://doi.org/10.1186/2193-1801-3-511) URL: https://www.researchgate.net/publication/266401365_Viewing_systematic_reviews_and_meta-analysis_in_social_research_through_different_lenses (Дата посещения: 15.10.2019).

De Massis A., Kotlar J. 2014. The case study method in family business research: Guidelines for qualitative scholarship // *Journal of Family Business Strategy*. V 30. P. 15–29.

Enders C. K. 2010. *Applied Missing Data Analysis*. New York: Guilford Press. 377 p.

Glass J., Estes S. 1997. The family Responsive Workplace // *Annual review of Sociology*. V. 23. P. 289–313.

Glass G. V. 1976. Primary, Secondary, and Meta-Analysis of Research // *Educational Researcher*. № 5. P. 3–8.

Greenhouse J., Kossek E. 2014. The Contemporary Career: A Work-Home Perspective // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. № 1. P. 361–388.

Gupta V., Goktan B., Gunay G. 2014. Gender differences in evaluation of new business opportunity: A stereotype threat perspective // *Journal of Business Venturing*. V. 29/2. P. 273–288.

Harden A., Thomas J. 2005. Methodological issues in combining diverse study types in systematic reviews // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 8. P. 257–271.

Hardill I., Raghuram P. 1998. Diasporic Connections: Case Studies of Asian Women in Business // *Area*. Vol. 30/3. P. 255–261.

Hoveskog M., Halila F., Mattsson M., Upward A., Karlsson N. 2018. Education for Sustainable Development: Business modelling for flourishing // *Journal of Cleaner Production*. № 172. P. 4383–4396.

Idigoraz I., Vicente-Molina M. 2017. Gender issues related to choosing the successor in the family business // *European Journal of Family Business*. Vol. 7/1. P. 54–64.

Idrus S., Pauzi N., Munir Z. 2014. The Effectiveness of Training Model for Women Entrepreneurship Program // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 129. P. 82–89.

Jacobs J. 1996. Gender Inequality and Higher Education // *Annual Review of Sociology*. Vol. 22. P. 153–185.

Kim E., Park H. 2018. Perceived gender discrimination, belief in a just world, self-esteem, and depression in Korean working women: A moderated mediation model // *Women's Studies International Forum*. Vol. 69. P. 143–150.

Kim J. 2010. The gendered desire to become cosmopolitan: South Korean women's motivations for migration to the UK // *Women's Studies International Forum*. Vol. 33/5. P. 433–442.

Kimle A., Damhorst M. 1997. A Grounded Theory Model of the Ideal Business Image for Women // *Symbolic Interaction*. Vol. 20/1. P. 45–68.

Koricheva J., Gurevitch J., Mengersen K. 2013. *Handbook of Meta-Analysis in Ecology and Evolution*. 520 p.

LaFont S. 2001. One step forward, two steps back: women in the post-communist states // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 34/2. P. 203–220.

Lagerberg F. et al. 2018. *Women in business: beyond policy to progress*. London.: Grant Thornton International. 24 p.

Lipsey M. W., Wilson D. B. 2001. *Practical Meta-Analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage. 258 p.

Littell J. H., Corcoran J., Pillai V. 2008. *Systematic Reviews and Meta-Analysis*. Oxford, UK: Oxford University Press. 216 p.

Liu X. 2019. Narratives of mothers in diaspora: Motherhood reconstruction in Chinese transnational families // *Women's Studies International Forum*. Vol. 73. P.: 16–23.

Miller J., Garrison H. 1982. Sex Roles: The Division of Labor at Home and in the Workplace // *Annual Review of Sociology*. Vol. 8. P. 237–262.

Mooney M. 1989. Sex Differences in Earnings in The United States // *Annual Review of Sociology*. Vol. 15. P. 343–380.

Mussolino D., Cicellin M., Iacono M., Consiglio S., Martinez M. 2019. Daughters' self-positioning in family business succession: A narrative inquiry // *Journal of Family Business Strategy*. Available Online. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:2055/science/article/pii/S1877858517300542> (Дата посещения: 15.10.2019).

Nishimura J. 2011. Socioeconomic status and depression across Japan, Korea, and China: Exploring the impact of labor market structures // *Social Science and Medicine*. Vol. 73/4. P. 604–614.

Ong A. 1991. The Gender and Labor Politics of Postmodernity // *Annual Review on Anthropology*. Vol. 20. P. 279–309.

Our World in Data. Working women: Key facts and trends in female labor force participation. October 16, 2017. URL: <https://ourworldindata.org/female-labor-force-participation-key-facts> (Дата посещения: 15.10.2019).

Rijke P., Plucker J. 2011. Getting what we wish for: the realities of business education for a global economy // *Buziness Horizons*. Vol. 54/4. P. 375–382.

Schulze R. 2007. Current methods for meta-analysis: Approaches, issues, and developments // *Zeitschrift fur Psychologie*. № 215. P. 90–103.

Schwab K. et al. 2015. The Global gender gap report 2015. Switzerland: World Economic Forum. 378 p.

Zakirova V. 2014. Gender inequality in Russia: the perspective of participatory gender budgeting // *Reproductive Health Matters*. V. 22/44. P. 202–212.

Приложение 1

Количественная характеристика пула (210 статей)

Источник		Количество статей
Российский сектор (всего статей: 70)	eLibrary	38
	ScienceDirect	23
	EastView	9
	Из них: повторяющиеся нарративы в статьях	
	«Гендерная дискриминация в бизнесе»	30
	«Женское лидерство»	16
	«Образование»	11
	«Дискурс СМИ»	6
	«Программы помощи»	4
	«Баланс работы – семьи»	3
Дальневосточный сектор (всего статей: 70)	ScienceDirect	37
	JSTORE	24
	Annual Reviews	9
	Из них: Кейсы (успех/неуспех, материнство и бизнес, государственные программы)	
	Из них: повторяющиеся нарративы в статьях	
	«Образование»	17
	«Миграция»	14
	«Ментальное здоровье и система здравоохранения»	14
	«Наследование и семейный бизнес»	4
	«Дискурс СМИ»	2
«Государственное финансирование»	2	

Продолжение Приложения 1

Источник		Количество статей
Европейский сектор (всего статей: 70)	Science Direct	45
	Annual Reviews	16
	JSTORE	9
	Из них: Кейсы (баланс труда и отдыха, юридические и финансовые аспекты)	11
	Из них: повторяющиеся нарративы в статьях	
	«Образование»	20
	«Государственная и институциональная помощь»	18
	«Наследование и семейный бизнес»	16
	«Дискурс СМИ»	5

Статья поступила: 03.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618

A Meta-Description of Women’s Scenarios for Engaging in Business

Anastasia I. Voronkova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: avoronkova@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-1341-0351

For citation: Voronkova, A. I. Meta description of female business engagement scenarios. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 231–248. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.618

Abstract. This article contains a meta-analysis of representations of the main models of recruiting women into the field of professional business in European, English language and Russian periodical press. The aim of this study is to systemize the theoretical-conceptual and practical aspects of reproducing certain means of recruitment into the economic elite, as well as the restrictions which women face when choosing a professional development trajectory. A meta-description of the career paths of those women who established themselves in the entrepreneurial field allows for reconstructing women’s scenarios of choosing and forwarding their career in business, as well as for constructing a typology of narrative strategies which affect women’s choices in professional development trajectories in the context of different countries. The empirical basis for this study consists of full-text articles from periodical and serial publications in leading foreign and domestic academic journals. Using critical discourse analysis of articles and open data allows for reconstructing the significance of gender aspects when it comes to choosing a career in business, as well as for tracing the influence of the context of developing female entrepreneurship on recruitment mechanisms in various countries. The results of the empirical study show that the representation of mechanisms for recruiting women into the professional environment is differentiated in different ways in English language and Russian periodic press. Peculiarities inherent to different countries are one of the factors which affect the development of business trajectories specific to certain regions. In Europe a discourse-system education prevails as the most adequate means for establishing oneself in the economic field. Eastern Asian countries mostly focus on the immigration process. In Russia we see gender labeled strategies in leadership positions. The manner in which recruitment mechanisms are pitched also varies: European articles mostly focus on positive trends and representing the discourse of successful business cases, while Russian periodical press concentrates on the obstacles and restrictions women have to deal with when choosing a career path. The narratives used for reconstructing the mechanisms for recruiting women into the realm of business, together with the terminology chosen by the authors of this article, confirm a positive representation of female entrepreneurship in Europe, an ambiguous nature of the business environment in countries of the Far East, and a certain degree of underdevelopment in Russia’s segment.

Keywords: meta-description, female entrepreneurship, women in business, mechanisms of involvement, professional trajectories.

References

- Adame S., Capliure E., Miquel M. Work-life balance and firms: A matter of women? *Journal of Business Research*, 2016; 69; 4: 1379–1383.
- Ambrose M., Schminke M. Asymmetric Perceptions of Ethical Frameworks of Men and Women in Business and Nonbusiness Settings. *Journal of Business Ethics*, 1997; 16/7: 719–729.
- Ankudinov A., Biktemirova M., Khairullina E. Investment in Higher Professional Education in Russia: Value-based Approach. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014; 152: 1154–1159.
- Borenstein M., Hedges L.V., Higgins J.T., Rothstein H. *Introduction to Meta-Analysis*. Chichester: John Wiley & Sons, 2009: 415.
- Brown D., Robson A., Charity I. International Masters' student perspectives of team business simulations. *The International Journal of Management Education*, 2018; 1.
- Chirikova A.E. *Woman in charge of the firm*. Moscow: IS RAS publ., 1998: 358 (In Russ.).
- Davis J., Mengersen K., Bennett S., Mazerolle L. Viewing systematic reviews and meta-analysis in social research through different lenses. *Springerplus*, 2014; 3: article 511.
- De Massis A., Kotlar J. The case study method in family business research: Guidelines for qualitative scholarshi: *Journal of Family Business Strategy*, 2014; 30: 15–29.
- Enders C. K. *Applied Missing Data Analysis*. New York: Guilford Press, 2010: 377.
- Glass J., Estesn S. The family Responsive Workplace. *Annual Review of Sociology*, 1997; 23: 289–313.
- Glass G. V. Primary, Secondary, and Meta-Analysis of Research. *Educational Researcher*, 1976; 5: 3–8.
- Greenhause J., Kossek E. The Contemporary Career: A Work-Home Perspective. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2014; 1: 361–388.
- Grigorieva E. Features of Male and Female Leadership. *Sovremennye strakhovye tekhnologii = Contemporary Technologies of Insurance*, 2010; 3: 5–17 (In Russ.).
- Gupta V., Goktan B., Gunay G. Gender differences in evaluation of new business opportunity: A stereotype threat perspective. *Journal of Business Venturing*, 2014; 29/2: 273–288.
- Harden A., Thomas J. Methodological issues in combining diverse study types in systematic reviews. *International Journal of Social Research Methodology*, 2005; 8: 257–271.
- Hardill I., Raghuram. *Diasporic Connections: Case Studies of Asian Women in Business*. Area, 1998; 30/3: 255–261.
- Hoveskog M. and oth. Education for Sustainable Development: Business modelling for flourishing. *Journal of Cleaner Production*, 2018; 172: 4383–4396.
- Idigoraz I., Vicente-Molina M. Gender issues related to choosing the successor in the family business. *European Journal of Family Business*, 2017; 7/1: 54–64.
- Idrus S., Pauzi N., Munir Z. The Effectiveness of Training Model for Women Entrepreneurship Program. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014; 129: 82–89.
- Jacobs J. Gender Inequality and Higher Education. *Annual Review of Sociology*, 1996; 22: 153–185.
- Kim E., Park H. Perceived gender discrimination, belief in a just world, self-esteem, and depression in Korean working women: A moderated mediation model. *Women's Studies International Forum*, 2018; 69: 143–150.
- Kim J. The gendered desire to become cosmopolitan: South Korean women's motivations for migration to the UK. *Women's Studies International Forum*, 2010; 33/5: 433–442.
- Kimle A., Damhorst M. A Grounded Theory Model of the Ideal Business Image for Women. *Symbolic Interaction*, 1997; 20/1: 45–68.
- Koricheva J., Gurevitch J., Mengersen K. *Handbook of Meta-Analysis in Ecology and Evolution*. 2013: 520.
- La Font S. One step forward, two steps back: women in the post-communist states. *Communist and Post-Communist Studies*, 2001; 34/2: 203–220.
- Lagerberg F. and oth. *Women in business: beyond policy to progress*. London: Grant Thornton International, 2018: 24.
- Lipsey M.W., Wilson D.B. *Practical Meta-Analysis*. Thousand Oaks (CA): Sage, 2001: 258.

Littell J. H., Corcoran J., Pillai V. *Systematic Reviews and Meta-Analysis*. Oxford (UK): Oxford University Press, 2008: 216.

Liu X. Narratives of mothers in diaspora: Motherhood reconstruction in Chinese transnational families. *Women's Studies International Forum*, 2019; 73: 16–23.

Miller J., Garrison H. Sex Roles: The Division of Labor at Home and in the Workplace. *Annual Review of Sociology*, 1982; 8: 237–262.

Mooney M. Sex Differences in Earnings in The United States. *Annual Review of Sociology*, 1989; 15: 343–380.

Mussolino D. et al. Daughters' self-positioning in family business succession: A narrative inquiry. *Recent Journal of Family Business Strategy*. 2019.

Nishimura J. Socioeconomic status and depression across Japan, Korea, and China: Exploring the impact of labor market structures. *Social Science and Medicine*, 2011; 73/4: 604–614.

Ong A. The Gender and Labor Politics of Postmodernity. *Annual Review on Anthropology*, 1991; 20: 279–309.

Rijke L., Plucker J. Getting what we wish for: the realities of business education for a global economy. *Buziness Horizons*, 2011; 54/4: 375–382.

Schulze R. Current methods for meta-analysis: Approaches, issues, and developments. *Zeitschrift fur Psychologie*, 2007; 215: 90–103.

Schwab K. and oth. The Global gender gap report 2015. Davos (Switzerland): WEF publ., 2015: 378.

Working women: Key facts and trends in female labor force participation. Our World in Data (The Web portal), release 16.10.17. Available at: <https://ourworldindata.org/female-labor-force-participation-key-facts> [accessed: 15.10.2019].

Zakirova V. Gender inequality in Russia: the perspective of participatory gender budgeting. *Reproductive Health Matters*, 2014; 22/44: 202–212.

The article was submitted on: June 03.2019

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619

Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции

Ссылка для цитирования: *Попова И. П. Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 249–267. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619*

For citation: *Popova, I. P. Autonomy in work: glance at long-term trends. Vestnik instituta sotziologii. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 249–267. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619*

**Попова
Ирина Петровна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

irina_popova@list.ru

AuthorID РИНЦ: [121917](#)

Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции самостоятельности в работе на основе данных мониторинга «Социальные различия в современном российском обществе» на протяжении более полутора десятков лет. Самостоятельность рассматривается в различных аспектах: как показатель профессиональной автономии и профессионального контроля, а также как форма занятости и организации профессиональной деятельности. Сделаны выводы о том, что степень и характер самостоятельности в работе зависят от внешних условий и по-разному проявляются в различные периоды, водоразделом которых является конец 1990-х гг.; показаны устоявшиеся тенденции в степени проявления различных видов самостоятельности в работе. Характерно зафиксированное противоречие между оценками своей самостоятельности и ограничивающих рамок её проявления: в 1999 г. работники оценивали её в сравнении с 2015 г. заметно выше, что можно объяснить необходимостью адаптации к меняющимся условиям в сфере труда и занятости. Организация рабочего места, по оценкам работников, не предоставляет больших возможностей проявлять самостоятельность, что фиксируется на протяжении всех лет опроса. Степень своей самостоятельности работники всё чаще считают незначительной. Подтвердилась взаимосвязь самостоятельности в трудовых отношениях с профессионально-должностным статусом: высоким уровнем власти, образования, благосостояния. При этом отмечается снижение самостоятельности у руководителей организаций и управленцев низшего звена. В тенденциях самостоятельности важны также условия работы: формы найма, контракта, оплаты труда. Определённую роль играют личностные качества, связанные с установками на изменения в своей жизни. Характеристики «возраст» и «гендер» не столь существенны. Отмечены тенденции в ситуации самостоятельной занятости: рост масштабов, профессионально-квалификационного соответствия. Это подтверждает предположение о том, что в отличие от 1990-х гг., вынужденность перестаёт быть определяющей характеристикой. В целом самостоятельность в работе в трудовых отношениях и занятости представляется характеристикой более привилегированного социального положения работников, а также формирующихся в сфере занятости новых социальных групп – самозанятых.

Ключевые слова: самостоятельность, занятость, профессиональная автономия, профессиональный контроль, самозанятость

Тенденции самостоятельности в работе в целом могут рассматриваться как показатели комплексных изменений современных социальных процессов в различных аспектах. Мы обратимся к анализу некоторых из этих тенденций, фиксируемых на протяжении 16 лет в рамках мониторинга «Социальные различия в современном российском обществе»¹. Самостоятельность, анализируемая на основе этих данных, проявляется в двух основных аспектах – степени *самостоятельности* в социально-трудовых отношениях, а также *самозанятости*, когда работник институционализирует свою самостоятельность, получая соответствующий статус занятости². Можно выделить несколько направлений рассмотрения самостоятельности в работе, которые могут быть показателями различных социальных процессов и с позиции которых могут быть интерпретированы полученные данные.

Проблематика самостоятельности в работе, рассматриваемой как показатель *профессиональной автономии/профессионального контроля*, сформировала широкий спектр исследовательских позиций. Центральным остаётся вопрос властных ресурсов, определяющих степень и характер самостоятельности, которые проявляются в многообразных видах и уровнях профессионального контроля и профессиональной автономии. Проблема *распределения власти (контроля) в трудовых отношениях* рассматривается с различных позиций, подходов, различающихся по методологии анализа их значения для общества. Можно выделить те из них, которые связаны с процессами стратификации и классовообразования, и те, которые сосредоточиваются на организации труда работников, но при этом принимается во внимание статус профессиональных групп.

Интерес к проблематике самостоятельности/автономии связан с развитием различных взглядов на факторы, тенденции и субъекты социальных изменений. Так, в развитии марксистских взглядов на процессы классовообразования в современных условиях и, соответственно, подходов к объяснению социальных изменений самостоятельность в выполнении трудовых функций играет особую роль. Она рассматривается как показатель контроля условий труда и своей непосредственной трудовой деятельности, т. е. отношений *распоряжения* – одного из критериев выделения конкретных классов в рамках классовой структуры капиталистических обществ наряду с отношениями реальной экономической собственности. Это позволило Э. Райту выделить людей, обладающих таким контролем, в особую группу «работников с противоречивыми классовыми позициями», т. е. тех, кому присущи характеристики обоих основных классов – буржуазии и рабочего класса. Работники с такой характеристикой

¹ Исследование проводилось в три этапа (1999, 2008 и 2015 гг.) по общероссийской репрезентативной выборке (1999 – N=2506; 2008 – N= 2014; 2015 – N=5335) в Институте социологии РАН под руководством М. Ф. Черныша.

² Существует немало определений понятия «самозанятость». Одно из них даётся Госкомстатом РФ: «Самозанятость – организация безработными гражданами или гражданами, ищущими работу, собственного дела с оформлением государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или созданием юридического лица» // Федеральная служба государственной статистики. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality/survey0/data/Results/Instructions_1_\(initial%20stage\).pdf](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality/survey0/data/Results/Instructions_1_(initial%20stage).pdf) (Дата посещения: 15.04.2019).

занятости приобретают особую значимость в исследовании специфики развития центральной социальной коллизии – классового конфликта пролетариата и буржуазии [Райт 2000]. Профессиональная автономия применительно к социальным классам и слоям рассматривалась как одна из характеристик труда так называемого служебного класса (service class). Это понятие Дж. Голдторп развивал для выделения широкого ряда различных социально-классовых групп, в числе критериев при этом было положение в системе власти и контроля процессов производства, в которое они были вовлечены, т. е. степень их автономии в выполнении своих трудовых обязанностей и ролей [Goldthorpe 1995]. В её регулировании использовались те виды трудовых контрактов, которые предоставляют профессионалам большую степень свободы в определении условий и результативности их труда вследствие высокого уровня его специализации и квалификации.

Самостоятельность в работе рассматривается также как *профессиональная автономия* – способ организации профессиональной деятельности. Как правило, она означает, что члены профессиональной группы (профессионального сообщества) принимают решения и действуют самостоятельно в рамках своего профессионального контекста и ответственны за эти действия. В социологии профессий профессиональная автономия стала важным элементом концепций профессионализма – определяющим каркасом подхода, который называют властным (power approach) [Abbot 1988; Freidson 1994]. Этот подход исходит из понимания профессий как способа регулирования работы, при котором профессия (понимаемая как занятие, occupation) в большей степени, чем индивидуальные потребители или посредничающие между ними агентства, выполняет контроль над работой [Freidson 1994]. Роль власти и влияния группы в установлении и поддержании такого контроля весьма значима – чем они выше, тем выше статус профессиональной группы. Так, процессы депрофессионализации чаще всего рассматриваются как сокращение или потеря профессиональной автономии, т. е. возможностей контроля и руководства организации труда профессионалов и статуса самой профессии. Профессиональная автономия – неоднородное и сложное явление. Исследователи выделяют различные её уровни и виды. Например, коллегиальный и индивидуальный. Э. Фрейдсон в качестве видов выделял экономическую, административную, техническую автономии. Он отмечал также важность исследования условий для поддержания профессионализма – как в индивидуальных, самозанятых, так и в организованных масштабных практиках, контролируемых самими профессионалами, государством или частными предприятиями [Freidson 1994].

Наконец, самостоятельность в работе рассматривается с точки зрения анализа *самостоятельной занятости*. Это явление стало весьма противоречиво развиваться в России начиная с 1990-х гг. Исследователи отмечали эту противоречивость как основную характеристику самозанятости, роль которой в социальных процессах оценивалась неоднозначно. С одной стороны, это альтернатива отчуждению труда, но с другой – расширяясь во время кризисов, самозанятость «вынужденно» обслуживала «деструктивные процессы», что определяло её неспособность «стать локо-

мотивом экономического роста» [Токсанбаева 1998]. При этом уровень и факторы самозанятости не могут быть однозначно проинтерпретированы с точки зрения качества социальных процессов не только в России, но и в других странах [Аистов 2005: 186].

В социальном плане она также играет противоречивую роль. Самостоятельную занятость часто рассматривают как способ смягчения проблемы безработицы, хотя и весьма противоречивый по своим характеристикам и результатам: рост масштабов самозанятости в период кризисов носит вынужденный характер [Вишневская 2013], её отличают неустойчивость и незащищённость, риск быть постоянным источником для пополнения прекариата [Тоценко 2018]. В социальном плане самозанятые – социальная группа, характеристики которой и её положение в обществе во все периоды советского/российского общества зависели от политики государства, соответствующего законодательства и социально-правовых рамок [Ильин, Ильина 1999]. Это усложняет определение её границ, тем более что самозанятость – часть неформальной экономики [Барсукова 2012]. В последнее время тема самозанятости и статуса самостоятельно занятых приобрела актуальность в связи с новым налоговым законодательством¹. Сегодняшнее состояние самозанятости по-прежнему весьма проблематично: она по-прежнему остаётся в тени, отсутствуют точные данные о самозанятых², актуальные данные не отражают истинной картины³.

Другие аспекты самостоятельности в трудовой сфере исследуются как отдельная тема (например, в рабочем классе, где самостоятельность на уровне рабочего места рассматривается в качестве установки, мотива, определяющего производственную ситуацию, или индикатора характеристики работников как субъектов труда [Бессокирная 2017; Темницкий 2011]). В нашем предыдущем исследовании самостоятельность в работе, проанализированная на данных первых двух волн указанного исследования, рассматривалась с учётом гибкости в занятости [Попова 2008].

Обратимся к данным мониторинга для обзора тенденций различных аспектов самостоятельности в работе, которая рассматривалась на индивидуальном уровне в двух аспектах: 1) самостоятельность в организации труда работников; 2) самостоятельность, рассматриваемая с позиций способа занятости (самозанятость). Анализировались ответы работников на вопросы о степени и характере самостоятельности в своей работе, т. е. самооценки, что предопределяет известную условность выводов.

¹ Госдума приняла закон о налоге для самозанятых // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/637958> (Дата посещения: 15.04.2019).

² Порочный круг самозанятости: остаться без налогов, соцзащиты и стабильности // Regnum. 24.11.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2349399.html> (Дата посещения: 15.04.2019).

³ Согласно данным ФНС, по состоянию на 1 октября 2017 г. было официально зарегистрировано 595 самозанятых граждан, в то время как через год их стало уже 2587 чел. / Число самозанятых россиян выросло за последний год в четыре раза // Известия. 25.10.2018. Известия iz. URL: <https://iz.ru/804414/2018-10-25/chislo-samozaniatykh-rossiiyan-vyroslo-za-poslednii-god-v-chetyre-raza> (Дата посещения: 15.04.2019).

Самостоятельность в трудовых отношениях

Самостоятельность/автономия в работе как характеристика труда наёмных работников исследовалась в трёх аспектах: 1) как общая характеристика работы – *возможность решать, как и что делать самостоятельно* (учитывались положительные ответы на вопрос: «Позволяет ли Вам работа самостоятельно решать, как и что делать, воплощать в жизнь свои идеи?»); 2) как *самостоятельность в содержании работы* – возможность определять характер продукта или услуги (в ответах на вопрос: «В какой степени Вы можете определить характер продукта или услуги, производимой Вами?» респондентами отмечалась одна из указанных позиций: «в очень значительной степени», «частично да, частично нет», «очень незначительно»); 3) как *самостоятельность в организации работы* – возможность определять, как работать, в каком темпе, в какое время (в ответах также отмечалась одна из трёх позиций).

Эти виды самостоятельности взаимосвязаны. Попытка выделить «идеальные», «чистые» их типы (высокая оценка самостоятельности одного вида при низкой оценке другого, без учёта промежуточного ответа «частично да, частично нет») показала, что они встречаются редко (см. рис. 1). Так, самая высокая степень самостоятельности по содержанию работы в 2015 г. касается лишь около 7% работников, а самостоятельности по организации работы – около 4%. Наиболее велика группа утверждающих, что проявляют высокую степень самостоятельности в работе как относительно содержания, так и её организации, – 47,4%. Иными словами, реально чаще всего работник, проявляющий самостоятельность в содержании работы, скорее всего самостоятелен и в её организации – такой «смешанный» тип является наиболее распространённым. Уверенные в том, что их самостоятельность и в содержании, и в организации работы минимальна, составляют лишь немногим меньшую группу (42%).

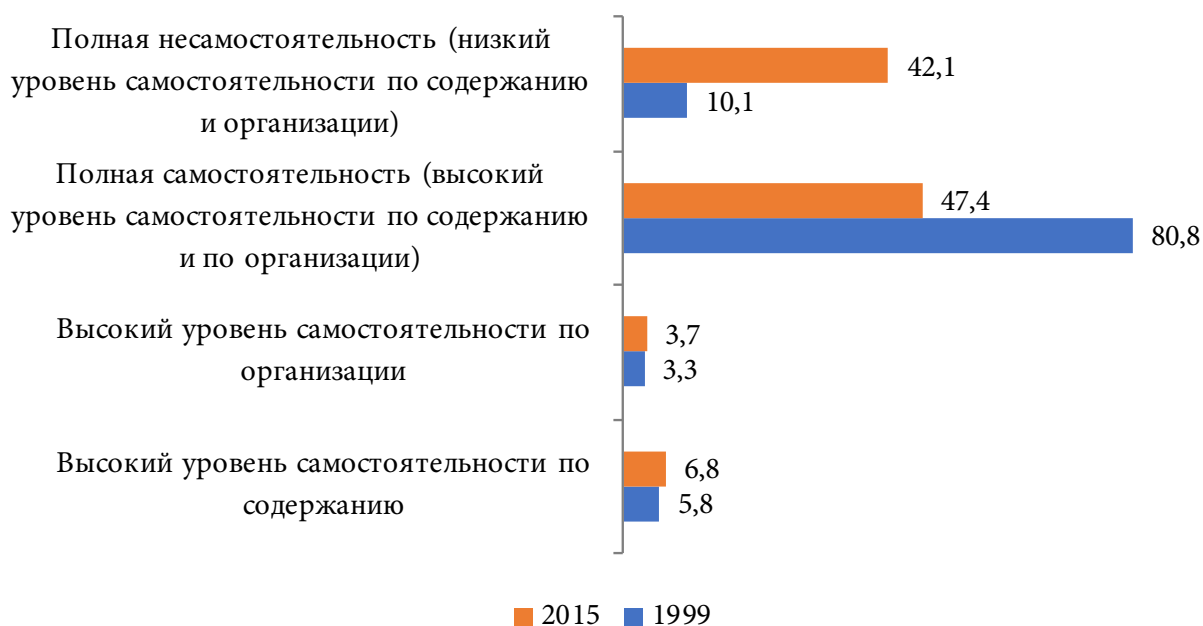

Рис. 1. «Идеальные типы» самостоятельности в работе в 1999 и 2015 гг., %
 Figure 1. “Ideal types” of independence in professional activity in 1999 and 2015, %

Если говорить о самостоятельности как об *общей характеристике работы*, то следует отметить, что она довольно распространена: почти половина опрошенных признают, что их работа позволяет им самостоятельно решать, как и что делать; примерно столько же считают, что у них нет такой возможности. В целом это близко к показателям предыдущих исследований. С этой точки зрения значительных изменений нет, хотя можно отметить тенденцию к росту первой группы (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Степень самостоятельности в принятии решений на работе, % по годам
Degree of independence when making decisions at work, % by year

Ответы на вопрос: «Позволяет ли работа самостоятельно решать, как и что делать?»	1999	2007	2015
Да	40,0	44,3	48,2
Нет	52,3	49,3	47,2
Затрудняюсь ответить	7,7	6,5	4,6

Если же говорить о *различных видах самостоятельности*, то ситуация с их распространённостью заметно менялась (см. таблицу 2). Особенно отличается период конца 1990-х: в это время максимальный уровень оценки самостоятельности, прежде всего по содержанию работы, особенно распространён, а минимальный – рекордно низок. Это может быть обусловлено общей неопределённой ситуацией в стране, в том числе в сфере трудовых отношений, необходимостью быстро приспосабливаться к изменениям. В последующие точки мониторинга ситуация изменяется и далее сохраняется, что может быть свидетельством определённой нормы, сбалансированности в структуре видов самостоятельности.

Таблица 2 (Table 2)

Виды самостоятельности по содержанию и организации работы, % по годам
Types of independence based on content and work organization, % by year

Виды самостоятельности	1999	2007	2015
По содержанию работы (В какой степени Вы можете определять характер продукта или услуги, производимой Вами?)			
В очень значительной степени	49,9	33,5	34,6
Частично да, частично нет	26,0	27,3	29,6
Очень незначительно	8,7	25,3	28,4
Затруднились ответить	15,4	13,9	7,4
По организации работы (В какой степени Вы можете определять, как работать, в каком темпе, в какое время?)			
В очень значительной степени	45,8	29,1	31,8
Частично да, частично нет	31,3	33,1	34,4
Очень незначительно	11,8	32,3	30,9
Затруднились ответить	11,0	5,6	3,0

Возможности принятия самостоятельных решений в сфере труда во многом зависят от статусных характеристик работников, связанных прежде всего с уровнем их образования и степенью власти (см. таблицу 3). Чем выше уровень образования, тем в большей степени респонденты признают возможность самостоятельно принимать решения на работе. Такие возможности в 2015 г. отмечают 47,5% работников с высшим образованием и немногим более 17,9% со средним специальным. Отметим, что этот разрыв в 2007 г. был существенно меньше: 37,7 против 23,1% соответственно.

Таблица 3 (Table 3)

Оценка общей самостоятельности, 1999–2015 гг., %
Evaluation of independence in general, 1999–2015, %

Положительные ответы на вопрос: «Позволяет ли работа самостоятельно решать, как и что делать?»	1999	2007	2015
Неполное среднее	4,5	2,1	2,0
Общее среднее	9,0	10,5	8,1
Среднее специальное	19,0	23,1	17,9
Среднее техническое	21,2	26,6	19,5
Высшее	42,3	37,7	47,5

Другая характеристика, определяющая степень самостоятельности, – профессионально-должностной статус. Сравнение данных 2007 и 2015 гг. показывает устойчивость тенденции высокого уровня самостоятельности среди специалистов. Позиции, связанные с руководящими функциями на предприятиях, более ограничены в этом смысле (см. таблицу 4). Следует отметить снижение самостоятельности, отмечаемой руководителями и управленцами низшего звена.

Таблица 4 (Table 4)

Оценка общей самостоятельности по профессионально-должностным группам,
% по строке
Evaluation of independence in general by professional/official group, % by row

Положительные ответы на вопрос: «Позволяет ли работа самостоятельно решать, как и что делать?»	2007	2015
Предприниматели	82,2	87,5
Руководители	67,9	53,8
Специалисты	100,0	100,0
Управленцы низшего звена	70,5	55,4
Квалифицированные рабочие	29,0	32,7
Неквалифицированные рабочие	25,5	25,5
Другие	21,4	12,9

Вообще наличие и степень *властных полномочий* наиболее существенно влияют на уровень самостоятельности в работе в различных её проявлениях, что наглядно показывают различия видов самостоятельности в зависимости от того, является ли руководство людьми официальной функциональной обязанностью работника (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Самостоятельность в работе в зависимости от наличия властных полномочий,
2015, %

Independence in professional activity depending on the possession of authority, 2015, %

Входит ли руководство другими людьми в официальные обязанности	Работа позволяет самостоятельно решать, как и что делать, воплощать в жизнь свои идеи		В какой степени работник может определять характер продукта или производимой услуги			В какой степени работник может определять, как работать, в каком темпе, в какое время		
	Да	Нет	Очень незначительно	Частично да, частично нет	В очень значительной степени	Очень незначительно	Частично да, частично нет	В очень значительной степени
Да	68,3	27,9	14,0	32,4	48,7	14,6	36,9	47,2
Нет	37,6	57,3	35,3	30,5	25,5	39,1	35,3	21,9

Степень самостоятельности, как общей, так и относительно содержания и организации работы, выстраивается в порядке убывания в полном соответствии с объёмом власти работников. Подобная тенденция характеризует взаимосвязь самостоятельности в работе и уровня благосостояния: чем выше самостоятельность, тем выше и группа по уровню благосостояния, к которой отнёс себя респондент, а также тем чаще оценки улучшения материального положения за последние 5 лет (с 2010 г.).

Выявилась и значимая связь между самостоятельностью в работе и отраслью экономики. Доля работников, позитивно оценивших возможность работать самостоятельно (более 50% в группе), устойчиво отличается сферы образования, культуры и досуга, финансов, государственного и муниципального управления, а также компьютерные и интернет-технологии (в 2015 г.). Можно отметить отраслевые изменения: уровень положительных оценок этого показателя стал заметно выше в 2015 г. по сравнению с 1999 г. соответственно на транспорте (25,5 и 46,6%) и в строительстве (35 и 48%).

Различия в степени самостоятельности в работе связаны также с её условиями и характером. Среди них – способ оформления трудовых отношений. Исследование показало, что формы трудовых контрактов, не относящиеся к обычным способам оформления трудовых отношений (на постоянной основе; по контракту; на основании устной договорённости; по договору подряда), отличают тех работников, у которых высока степень общей самостоятельности в труде (рис. 2). При этом позицию «ко мне не относится» в отношении трудовых контрактов выбирали в основном предприниматели (78%), а также руководители, специалисты и квалифицированные работники. Это обстоятельство сближает положение этих групп работников с самозанятыми (подробнее в отношении последних речь пойдёт ниже).

Способ оплаты также тесно связан с самостоятельностью в работе. Это прежде всего оплата, связанная с прибылью предприятия (64%), а также с объёмом сделанной работы.

Рис. 2. Способ оформления трудовых отношений, 2015 г., % по строке
 Figure 2. Type of employment registration, 2015, % by row

С уровнем самостоятельности работника при выполнении задания вполне ожидаемо связан творческий характер работы. У отметивших высокую степень востребованности на рабочем месте новых идей и нестандартных решений степень самостоятельности довольно высока – 78% (против 22% у признавших низкую степень инновационного характера своего труда). Эта же тенденция относится к обоим видам самостоятельности – по содержанию и по организации труда.

Полнота *профессиональной реализации* – также сопутствующая характеристика самостоятельности, проявляемой в работе, включая различные её виды. Те, кто считают, что их работа наиболее полно позволяет использовать квалификацию и знания, самостоятельны в большей степени (63 против 20% среди тех, кто счёл степень использования квалификации и знаний низкой). Оценка улучшения ситуации с использованием *квалификации и знаний* также напрямую связана с оценкой самостоятельности в работе. Среди отметивших положительную динамику две трети признали, что они самостоятельны в своей работе; в то же время отрицательная динамика или её отсутствие характеризуют тех, кто считают, что самостоятельность в их работе отсутствует. Взаимосвязь с наличием самостоятельности напрямую связана и с тенденцией в изменении оплаты труда, отношениями между работниками и работодателями, возможностями карьерного роста, техническим обеспечением труда.

Что касается других сторон связи ситуации на работе с проявлением самостоятельности, то можно отметить, что не обнаружилось выраженного влияния *стабильности в работе* (т. е. отсутствия опыта безработицы и пережитого увольнения), а также перемены профессии за последние 10 лет. В то же время наличие дополнительной работы сопровождается бóльшую степенью самостоятельности.

В оценке самостоятельности определённым образом отразились личностные характеристики работников. Это касается роли индивидуальных установок в отношении возможности изменения своей судьбы, наличие воли для этого (по собственной оценке), т. е. определённой степени уверенности в себе, чтобы радикально изменить свою жизнь в случае необходимости. Чем выше эта степень, тем выше оценка возможности проявить самостоятельность в различных её видах. Ответы на вопрос «Достаточно ли у вас воли, чтобы радикально изменить свою жизнь в случае необходимости» представлены на рис. 3. Отметим также, что возраст и пол оказались незначимыми для того или иного проявления самостоятельности в работе.

Рис. 3. Взаимосвязь личностных установок и самостоятельности в работе, 2015 г., %

Figure 3. The link between personal attitudes and independence in professional activity, 2015, %

Таким образом, тенденции самостоятельности в трудовых отношениях проявляются главным образом во взаимовлиянии характеристик профессионально-должностного статуса и рабочего места. Это

уровень образования и должностная позиция, связанная прежде всего с властными функциями, возможностями профессиональной реализации. Следует подчеркнуть, что самостоятельность в труде в наибольшей степени опирается на ресурс власти. Важны также условия работы: формы найма, контракта, оплаты труда. Самостоятельность в труде/ профессиональная автономия – косвенные характеристики положения, достаточно привилегированного. Они тесно связаны с трудовой активностью и статусом.

Самостоятельность как характеристика занятости

Группа самостоятельно занятых представляет собой случай индивидуальной профессиональной автономии, когда работник самостоятельно организует своё рабочее место. В исследовании она определялась с помощью ответа на вопрос «Работаете ли вы в организации или самостоятельно?» Это сравнительно небольшая группа работающего населения, которая постоянно росла: в конце 1990-х гг. она составляла в выборке занятого населения около 3%, в 2007 – 6%, а в 2015 г. уже почти десятую часть выборки (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Динамика уровня самостоятельной занятости, 1999–2015 гг., %
The dynamic of the scale of independent employment, 1999–2015, %

Работающие самостоятельно или в организации	1999	2007	2015
В организации	97,2	93,9	91,6
Самостоятельно	2,8	6,1	8,4
Итого	100	100	100

Работающие самостоятельно сосредоточены прежде всего в отраслях, производящих услуги. В 1999 г. сферы торговли и услуг были основными (51 и 16% соответственно), в 2015 г. занятость по отраслям стала более диверсифицированной – кроме торговли (28%) и сферы услуг (19%) достаточно широко представлены строительство (19%) и транспорт (15%).

Путь к самостоятельной занятости имеет ряд особенностей, связанных скорее со сложившимися обстоятельствами, хотя собственные усилия и установки в этом отношении весьма значимы. Основными причинами, по которым люди становились самозанятыми, в 2015 г. чаще всего были «внешние» – отсутствие других вариантов трудоустройства, стремление получать более высокий доход, возможность использовать свою квалификацию, знания; и лишь затем следовали причины, связанные с ценностью самостоятельности самой по себе (возможность самому выбирать, где работать и когда, возможность ни от кого не зависеть). Следует отметить, что в 2015 г. самозанятые несколько чаще имели опыт безработицы с 2008 г. (24 против 19% у остальных работников).

Трудоустройство на первое рабочее место имеет некоторые отличия по основным способам: в основном их структура совпадает у самозанятых и занятых в организациях, но доля тех, кто уже в этот период создал своё рабочее место самостоятельно, заметно выше у первых (в 2015 г. – 6% против 1% соответственно). К моменту своей нынешней занятости самостоятельное создание своего рабочего места отметили уже 68%, тогда как у всех остальных работающих лидирует «помощь друзей и родственников в трудоустройстве» (36%); определённую самостоятельность (прежде всего в предложении своих услуг предприятиям) проявил лишь каждый пятый из них.

В целом же самостоятельно занятые по многим характеристикам близки к работающим в организациях. Так, по уровню *образования* (своего и родителей) работники, выбравшие путь самозанятости, не отличаются от других (см. таблицу 7). Самым распространённым типом диплома, как и среди других работников, является диплом о высшем образовании – его сейчас имеют более трети самозанятых. В 1999 г. уровень их образования был несколько ниже (30%), но, как и в 2015 г., заметных различий в уровне образования с остальным работающим населением не было.

Таблица 7 (Table 7)

Уровень образования в группах занятых в организации и самостоятельно, %

*Education level among groups of people working
for organizations and self-employed individuals, %*

Уровень образования	1999		2007		2015	
	В орг.	Самост.	В орг.	Самост.	В орг.	Самост.
Неполное среднее	6,0	2,7	3,6	2,7	2,7	4,3
Общее среднее	16,8	13,5	15,2	8,2	11,0	13,6
Среднее специальное	26,3	29,7	27,3	27,4	20,2	21,8
Среднее техническое	21,4	24,3	27,2	39,7	23,2	16,7
Незаконченное высшее	2,8	–	3,2	0	4,7	4,3
Высшее	26,2	29,7	23,2	21,9	38,1	39,3

Социально-профессиональный состав этой группы мало отличается от структуры остального занятого населения. В 2015 г. его большинство определяют рабочие высшей и средней квалификации (низший слой «белых воротничков» – 23% и квалифицированных рабочих – 30%). Высший и средний слои наёмных работников составляют вместе около трети этой группы.

Социально-демографические признаки лишь частично и вариативно отличали самозанятых. Это касалось главным образом пола: доля мужчин среди самозанятых больше, чем женщин. Но здесь не обнаруживается строго выраженной тенденции. Если в 1999 г. мужчины составляли 62% среди них, то в 2007 г. это различие практически исчезло – доля снизилась до 55% среди самозанятых, что было близко к доле мужчин в выборке остальных работников. В 2015 г. соответствующая доля вновь увеличилась – она составила уже 70%. В то же время по воз-

расту значимых отличий между этими группами занятых нет. Место жительства оказывает некоторое влияние: самозанятость в большей степени становится заметным явлением в крупных российских городах (2007 г.) (в отличие от мегаполисов и малых городов). Возможно, эти данные свидетельствуют о том, что условия крупных городов в большей степени способствуют такому типу профессиональной автономии.

Относительно личностного типа можно сказать, что различия в установках на изменения в жизни хотя и отмечаются, но не столь разительно разделяют две группы занятых, чтобы говорить об особом характере работника этого типа занятости¹. Можно лишь отметить, что самозанятые несколько чаще выражают уверенность в наличии воли для серьёзного изменения своей жизни.

Значимые различия концентрируются в *условиях работы*, рабочего места. Самозанятых отличает прежде всего способ правового оформления трудовых отношений. В 2015 г. больше двух третей сочли, что обычные способы оформления трудовых отношений «не относятся» к их трудовой ситуации (69%); лишь 11% отметили, что работают на постоянной основе (в отличие от остальных работающих, среди которых этот способ оформления трудовых отношений основной – 80%). Каждый десятый работает на основании устной договорённости, у 3% заключены трудовые контракты, а 4% работают по договорам подряда (см. таблицу 8). Это позволяет соотнести их положение с характеристиками прекариата.

Таблица 8 (Table 8)

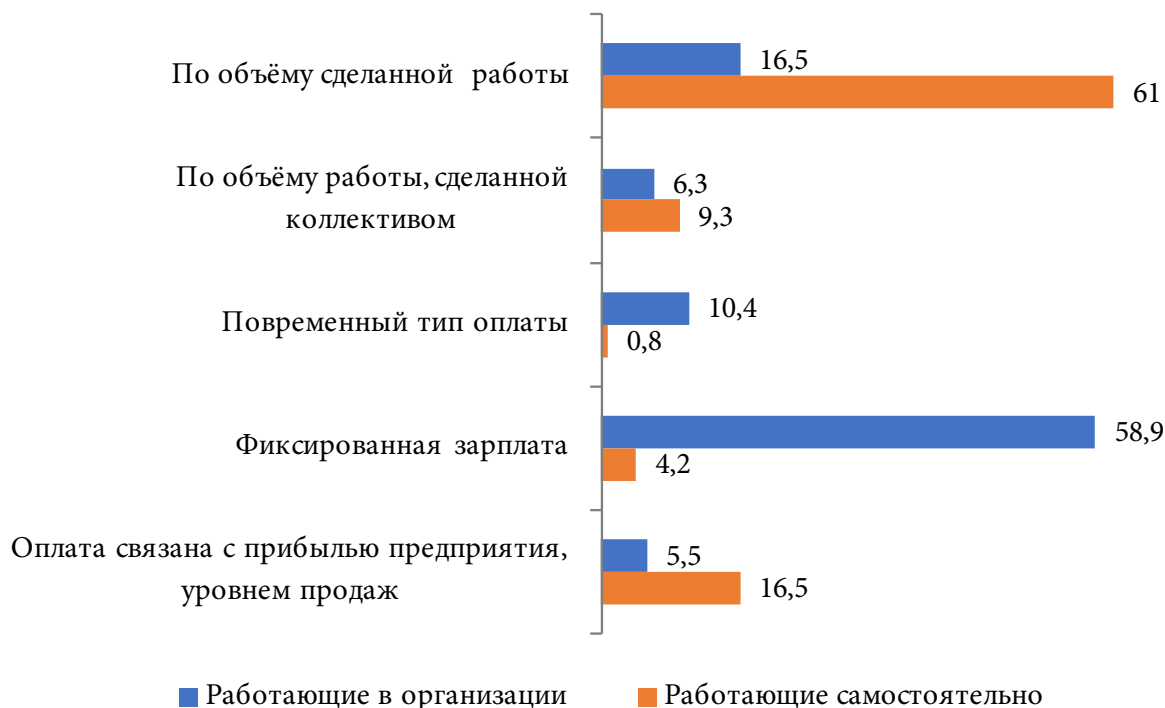
Способы оформления трудовых отношений с нанимателем
в различных группах занятого населения, % по группе
*Types of employment registration
for various groups of the working population, % by group*

Способ оформления трудовых отношений	1999*		2007		2015	
	Работающие в орг.	Работающие самост.	Работающие в орг.	Работающие самост.	Работающие в орг.	Работающие самост.
На постоянной основе	82,5	-	79,8	11,0	79,5	11,3
Работаю по контракту	10,4	-	11,0	2,7	8,8	3,1
На основании устной договорённости	3,9	-	4,1	13,7	5,6	10,1
Работаю по договору подряда	0,9	-	4,6	6,8	3,6	3,9
Ко мне не относится	2,2	-	0,3	63,0	1,8	68,9

*В 1999 г. вопрос об оформлении трудовых отношений самостоятельно занятым не задавался.

Трудовые отношения в рассматриваемых группах отличаются и принципы оплаты труда: для работающих в организациях обычной её формой является фиксированная оплата, а среди самозанятых распространён принцип оплаты по объёму сделанной работы (рис. 4*).

¹ Речь идёт об ответах на вопрос: «По вашему мнению, у вас достаточно воли, чтобы, если того потребует ситуация, радикально изменить свою жизнь?».

*Ответы на вопрос о том, как оплачивается труд респондента по основному месту работы.

Рис. 4. Принципы оплаты труда работающих в организациях и самостоятельно, 2015 г., % по группе
Figure 4. Salary guidelines for people working at organizations and self-employed individuals, 2015, % by group

Можно отметить ряд преимуществ, которые даёт самозанятость в профессиональной деятельности. Этот вид занятости действительно позволяет чувствовать высокий уровень контроля в своей сфере деятельности – почти 88% в 2015 г. (82% в 2007) ответили, что работа позволяет самостоятельно решать, как и что делать, и это в два раза выше, чем у остальных работников. В одинаковой мере самозанятые чувствуют большую степень свободы в определении содержания работы (характера товара и услуги) и её организации (темпа работы) – около двух третей ответов в обоих случаях в 2015 г., что практически совпадает с показателями 2007 г. Высокие оценки этим характеристикам давали лишь около четверти в группе остальных занятых в 2015 г. (что также близко к значениям 2007 г.). Примерно такое же соотношение среди обеих групп занятых обнаружилось в оценке возможностей планировать свою работу: высоко оценивают такие возможности самозанятые (78%), ответить так же смогли лишь 30% работающих в организациях.

Самостоятельная занятость даёт заметные преимущества и в *профессиональной самореализации*. В конце 1990-х гг. работники, занятые самостоятельно, не отличались от других в уровне сохранения квалификации на своём рабочем месте (немногим менее двух третей); среди них меньше тех, кто сохранили прежнюю квалификацию (18 и 8% соответственно). Ситуация в сфере занятости была достаточно неопределённой, и в этой группе чаще затруднялись ответить и соотнести с ней вопрос о стабильности использования собственной квалификации.

Однако в 2015 г. самозанятые гораздо выше оценили возможности использования квалификации и знаний на рабочем месте (65 против 49% у остальных работников). В то же время различия в соответствии полученной специальности и работы не столь велики – высокие оценки соответствия близки, хотя работники организаций чаще оценивают это соответствие как незначительное (38 и 29% соответственно).

Самооценки напряжённости и нагрузок (усталости, умственного и физического напряжения, авральности) близки в обеих группах, что характерно для ситуации как в 2007 г., так и в 2015 г. Несмотря на самостоятельную занятость, каждый десятый в этой группе имеет дополнительную работу, что близко к практике занятых в организациях.

Надо отметить, что самозанятость радикально не влияет на сохранение или изменение профессии. Среди самозанятых на вопрос о смене профессии в последние 10 лет в 2015 г. положительно ответили 36%, что примерно совпадает с ответами остальных занятых.

Таким образом, профессиональная автономия на индивидуальном уровне, институционализированная в самостоятельной занятости, на протяжении почти двадцатилетия постепенно развивается и приобретает устойчивые характеристики. Её границы не столь широки – после постепенного роста доля таких занятых достигла лишь около 10% в целом от работающих. На протяжении последних 15 лет можно говорить о том, что этот вид занятости развивается главным образом в сфере услуг (при этом отрасли в ней диверсифицируются) и даёт большие возможности для профессиональной реализации и профессионального контроля.

Уровень образования (точнее, уровень дипломов) растёт вместе с ростом показателей образования в работающем населении (немного опережая его). Заметно, что за время после 1990-х гг. статус группы по этому показателю повысился, судя по снижению доли работников со средним специальным образованием в пользу доли имеющих высшее образование.

Выводы

Тенденции в самостоятельности в работе разнообразны, так же как многообразно и противоречиво само явление. Исследование показало прежде всего, что степень и характер самостоятельности в работе зависят от сложившихся внешних условий. Период 1990-х гг. представляется весьма специфическим по отношению к более позднему времени по масштабам и «расцвету» различных видов самостоятельности в работе в самооценках работников. Эти самооценки выглядят противоречивыми. Основное противоречие – между оценками своей самостоятельности и ограничивающих рамок её проявления. Работники оценивали свою самостоятельность в 1999 г. по отношению к 2015 г. значительно выше и по содержанию работы, и по её организации, что можно объяснить в общем необходимостью в большей степени адаптировать свою трудовую ситуацию к меняющимся условиям в сфере труда и занятости. И это при том, что сама организация работы (рабочего места) в оценках работников не даёт больших возможностей к проявлению их самостоятельности – это обстоятельство мало

меняется на протяжении всех лет мониторинга. Тенденции в степени проявления различных видов самостоятельности в работе (и по содержанию, и по организации), зафиксированные в последних двух точках опроса, представляются устоявшимися, поскольку близки по основным параметрам. Их отличает от предыдущего периода то, что работники заметно *чаще ощущают незначительность уровня своей самостоятельности*.

Другим значимым результатом исследования является эмпирическое подтверждение устойчивых взаимосвязей самостоятельности в трудовых отношениях с профессионально-должностным статусом: высокий уровень власти и образования – неизменно её главные ресурсы. Степень влияния этих ресурсов неравномерна. Если говорить о значимости ресурса власти, то особенно высок и стабилен уровень самостоятельности в работе у предпринимателей. При этом отмечается заметное снижение самостоятельности у руководителей организаций и управленцев низшего звена. Эта тенденция, по-видимому, обозначилась не так давно. Если же говорить об уровне образования, то стабильна тенденция высокой степени автономии у специалистов с высшим образованием. Ещё одной характеристикой социального положения работников с большей самостоятельностью в работе является более высокий уровень благосостояния. Немаловажными оказываются личностные характеристики – стремление работников к изменению своей ситуации, воли к этому в собственных оценках. Примечательно, что условия труда, оформления их положения на работе (типы трудовых контрактов) также отличаются от распространённых, что сближает работников организаций и самозанятых.

Самостоятельная занятость также заметно меняла свои параметры на протяжении этих лет: постепенно росли её масштабы, улучшались социально-профессиональные характеристики в сторону большего профессионально-квалификационного соответствия. Можно предположить, что формируется более устойчивая социальная группа работников, в положении которых, в отличие от 1990-х гг., вынужденность перестаёт быть значимой характеристикой.

Исследование выявило совпадения в социальном положении работников по показателю самостоятельности в работе в различных её ипостасях. Так, более высокая степень самостоятельности и её связь с властью и образованием характеризуют высокостатусные группы как предпринимателей на производстве, так и самозанятых, которые в большинстве являются предпринимателями. И те, и другие в большей степени используют свои профессионально-квалификационные ресурсы. Важен характер динамики инновационности, творческого характера работы – это также отличительная характеристика работников с растущей степенью самостоятельности.

Таким образом, самостоятельность тесно связана с социальными процессами, происходящими в российском обществе в последние десятилетия. Это характеристика более привилегированного социального положения работников в целом, а также формирующихся в сфере занятости социальных групп. Является ли она следствием такого положения или в большей степени фактором, влияющим на его достижение и формирование, – важный вопрос и может стать предметом более глубоких исследований.

Библиографический список

- Аистов А. А. 2005. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994–2002 годах // Экономический журнал ВШЭ. № 2. С. 185–215.
- Барсукова С. Ю. 2012. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. № 2. С. 31–39.
- Бессокирная Г. П. 2017. Изменились ли мотивы труда рабочих в постсоветской России? // Социологические исследования. № 1 (393). С. 94–105.
- Вишневецкая Н. 2013. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 58–67.
- Ильин В. И., Ильина М. А. 1999. Самозанятость как социальный феномен российского общества // Рубеж. № 13–14. С. 201–218.
- Попова И. П. 2008. Самостоятельность в работе: тенденции десятилетия // Мир России. № 4. С. 135–151.
- Райт Э. О. 2000. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. № 15. С. 36–85.
- Темницкий А. Л. 2011. Самостоятельность в работе как фактор формирования субъектности рабочих России // Социологические исследования. № 12(332). С. 35–42.
- Токсанбаева М. С. 1998. Самозанятость и её противоречия // Экономическая наука современной России. № 3. С. 32–45.
- Тощенко Ж. Т. 2018. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография: Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука. 350 с.
- Abbot A. 1988. *The System of Professions: an essay on the division of expert labour*. Chicago: University of Chicago Press. 452 p.
- Freidson E. 1994. *Professionalism reborn: Theory, prophecy and policy*. University of Chicago Press. 238 p.
- Goldthorpe J. H. 1995. *The service class revisited* // *Social change and the middle classes* / Ed. Butler T., Savage M. London: UCL Press. P. 313–329.

Статья поступила: 22.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619

Autonomy in Work: Glance at Long-Term Trends

Irina P. Popova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: irina_popova@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-6907-3094

For citation: : Popova, I. P. Autonomy in work: glance at long-term trends. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 249–267. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619

Abstract. This article considers the autonomy at work trends in Russia for more than 15 years on the basis of monitoring data “Social differences in modern Russian society”. A degree and characteristics of autonomy in work depend on external conditions and are manifested differently in different periods. The 1990s are a watershed of these periods. The established trends in the degree of manifestation of different types of autonomy in work are shown. There is a marked contradiction between the assessment of their autonomy and limiting framework of its manifestation: in comparison with 2015, in 1999, employees evaluated it significantly higher. This can be explained by adaptation to changing conditions of work and employment. At the same time, the organization of the workplace, according to the estimates of workers, does not give great opportunities to show their autonomy. This trend has been observed throughout the years of the survey. Meanwhile, workers are noticeably more likely to feel the insignificance of their level of autonomy. The study confirmed the relationship of autonomy in labour relations with professional status: a high level of power, education, well-being. There is a decrease in autonomy of the heads of organizations and managers of the lower level. Working conditions are also important: forms of employment, contract, remuneration. Personal characteristics associated with attitudes to change in their lives, play a role. The influence of age and sex is not so significant. Trends in the situation of self-employment are noted: the growth of the scale, professional and qualification compliance. This confirms the assumption that compulsion characterizes self-employment to a lesser extent than in the 1990. It is concluded that autonomy in work is a characteristic of a more privileged social position of workers, as well as emerging social groups of self-employed.

Keywords: autonomy, employment, professional autonomy, professional control, self-employment.

References

- Abbot A. *The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour*. Chicago: University of Chicago Press, 1988: 452.
- Aistov A. A. On the development of some forms of self-employment in Russia in 1994–2002. *Economicheskyy zhurnal VShE = Economics Journal of the HSE*, 2005; 2: 185–215 (In Russ.).
- Barsukova S.Y. Informal economy: concept, study history, research approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012; 2: 31–39 (In Russ.).
- Bessokirnaja G.P. Have the motives of workers ‘ labour changed in post-Soviet Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017; 1: 94–105 (In Russ.).
- Freidson E. *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy*. Chicago (Mi): University of Chicago Press, 1994: 238.
- Goldthorpe J.H. The service class revisited. In: *Social change and the middle classes*. Ed. by T. Butler, M. Savage. London: UCL Press, 1995: 313–329.
- Il’in V.I., Il’ina M.A. Self-employment as a social phenomenon of Russian society. *Rubezh = A Border*, 1999; 13–14: 201–218 (In Russ.).
- Popova I.P. Self-dependence at Work: Trends of the Decade. *Mir Rossii = Universe of Russia*, 2008; 4: 135–151 (In Russ.).
- Temnitzky A.L. Independence in work as a factor of formation of subjectivity of Russian workers. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2011; 12: 35–42 (In Russ.).
- Toksanbaeva M.S. Self-employment and its contradictions. *Economicheskaja nauka sovremennoy Rossii = Economics of the Modern Russia*, 1998; 3: 32–45 (In Russ.).
- Toshchenko Zh. T. *Precariat: from protoclass to new class*. Moscow: Nauka, 2018: 350 (In Russ.).
- Vishnevskaja N. Self-employment in transition economies. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*, 2013; 10: 58–67 (In Russ.).
- Wright E.O. Marxist concepts of class structure. *Rubezh = A Border*, 2000; 15: 36–85 (In Russ.).

The article was submitted on: June 22.2019

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>